

Хорхе Луис

SEATTLE PUBLIC LIBRARY



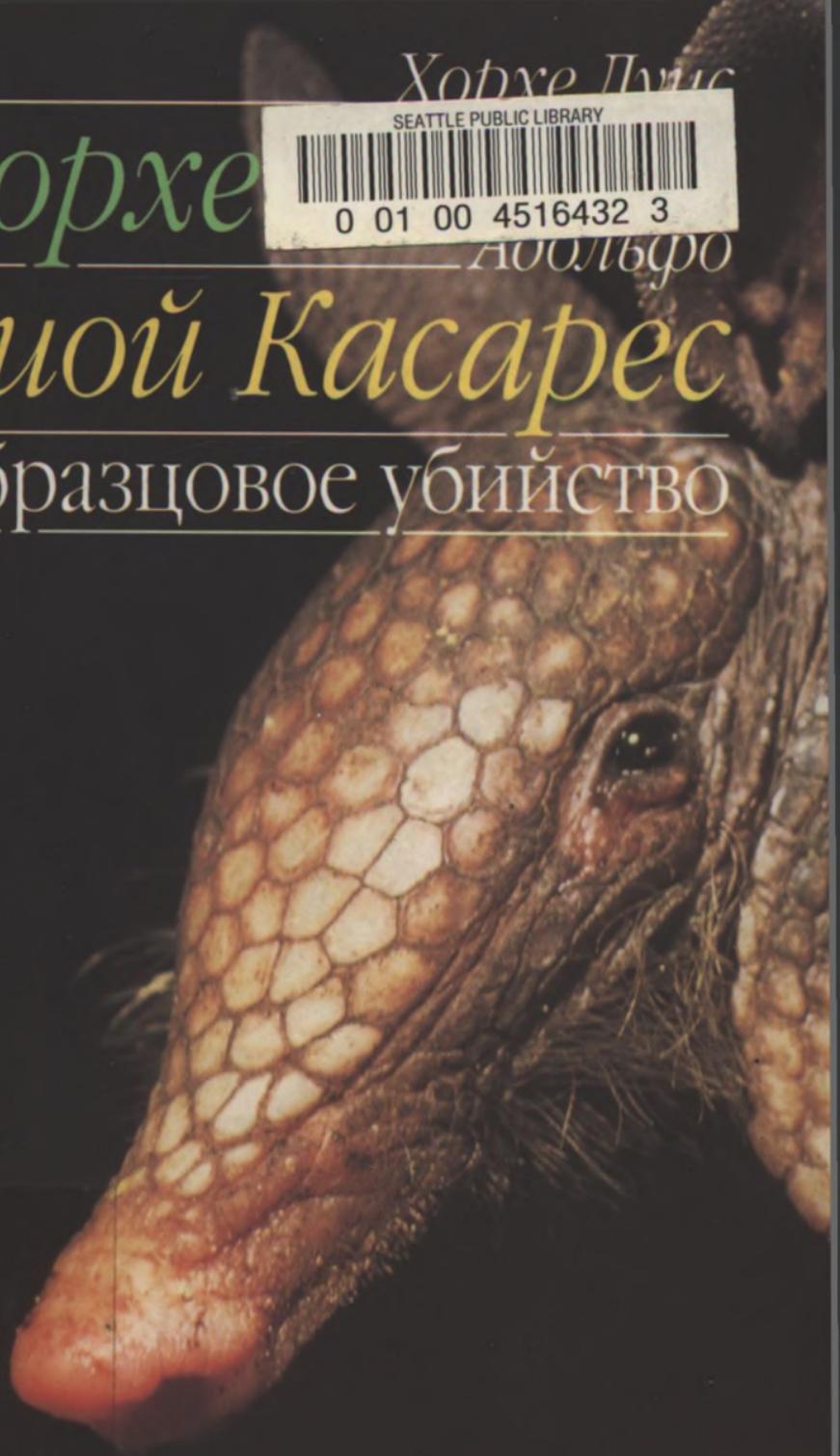
0 01 00 4516432 3

Борхе

Добльдо

Биой Касарес

Образцовое убийство



omnia

Хорхе Луис Борхес
Адо́льфо Био́й Каса́рес

Образцовое убийство

Издательство «Симпозиум»
Санкт-Петербург
2001

УДК 82/89
ББК 84.7 Ар.
Б 83
Б 63

Перевод с испанского

Составление и предисловие
Владимира Петрова

Комментарии
Виктора Андреева

Художник
Андрей Рыбаков

На обложке книги: см. стр. 573.

Всякое коммерческое использование текста, оформления книги — полностью или частично — возможно исключительно с письменного разрешения Издателя. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

- © Издательство «Симпозиум», 2001
- © В. Петров, составление, предисловие, 2001
- © В. Андреев, комментарии, аннотированный указатель имен, 2001
- © О. Акимова, В. Андреев, М. Давиденко, Н. Дёмкина, В. Капустина, С. Корзакова, К. Корконосенко, В. Литус, В. Петров, М. Петров, В. Правосудов, Г. Царев, перевод, 2001
- ISBN 5-89091-139-2 © А. Рыбаков, оформление, 2001

Бустос Домек и его ближайшее окружение

Кропотливые и усердные занятия многими литературными жанрами привели меня к мысли о том, что такие, как насмешка и издевательство, несомненно, заслуживают большего внимания.

Хорхе Луис Борхес. «Искусство оскорбления».

Декабрь 1941 года, во всех отношениях драматический, все же не до конца подтвердил известную истину насчет пушек и муз. В Аргентине, далекой от фронтов Второй мировой, произошло весьма значительное литературное событие — возможно, самое значительное в уходящем году: на свет появился Онорио Бустос Домек. Это был уже немолодой человек с солидной творческой биографией, хотя подробности ее начали выясняться лишь намного позднее. Через месяц с небольшим, в феврале 1942-го, имя Бустоса Домека впервые стало известно читающей публике Аргентины: журнал «Сур» («Юг») напечатал первый из шести рассказов, которые появлялись на его страницах в течение всего года, а затем составили книгу «Шесть задач для дона Исидро Пароди». Это были небольшие детективные повествования с явно пародийным оттенком. Однако «Шесть задач» так и остались единственным опытом Бустоса Домека в этом жанре. Буквально сразу же у него появился не лишенный таланта последователь — Бенито Суарес Линч. Бустос Домек великодушно уступил ему основных персонажей «Шести задач» для детективной повести «Образцовое убийство». Она была опубликована в 1946 году мизерным тиражом — всего 300 экземпляров. Сам же О. Б. Д. переключился на другую тематику, выпустив в том же году «Две памятные фантазии» — книгу из двух небольших рассказов, сюжет которых в чем-то заставлял вспомнить о «классической» фантастике XIX века, хотя в изложении

использовались новейшие литературные приемы. Дальнейшую литературную активность Бустоса Домека нельзя было назвать слишком бурной: он изредка выступал в периодике и опубликовал еще две книги: в 1967 году — «Хроники Бустоса Домека» — сборник жизнеописаний людей искусства, а в 1977-м — «Новые рассказы Бустоса Домека», ставшие своеобразным итогом его творческого пути. Впрочем, к тому времени не только вся Аргентина, но и весь мир уже давно знали, что речь идет об одной из самых грандиозных и умело подготовленных мистификаций в мировой литературе. Под именем Онорио Бустоса Домека скрывались два великих аргентинских прозаика — Хорхе Луис Борхес и Адольфо Биой Касарес.

Ко времени опубликования первого рассказа из цикла «Шесть задач» ни один, ни другой автор уже не были новичками в литературе, достигнув определенной известности — хотя и разными путями. Борхес на протяжении 1920-х годов находился в гуще аргентинских литературных баталий. «Я написал и опубликовал не менее семи книг, — вспоминал он сам. — Я также основал три журнала и сотрудничал довольно усердно почти в дюжине других периодических изданий»¹. И хотя всемирная слава пришла к нему позднее, в 1950-е годы, кое-кто из наиболее внимательных европейских литераторов уже тогда оценил подлинные размеры его таланта — как Пьер Дрие ла Рошель с его знаменитой фразой: «Борхес стоит того, чтобы посетить Буэнос-Айрес».

Адольфо Биой Касарес вошел в литературную жизнь Аргентины примерно на десять лет позже Борхеса, в самом конце 1920-х годов. В немалой степени это произошло стараниями его отца, неудавшегося литератора

¹ Борхес Х. Л. Автобиографические заметки // Соч.: В 3 т. Рига, 1994. С. 522.

(которому все же удалось опубликовать две книги воспоминаний, и одна из них пользовалась заметным успехом). Именно благодаря отцу Биой Касарес уже в четырнадцать лет увидел свои произведения напечатанными. А в 1931 году уже зрелый автор Хорхе Луис Борхес и совсем юный Адольфо Биой Касарес (разница в возрасте между ними составляла полтора десятка лет) оказались в числе сотрудников только что основанного журнала «Сур».

«Сур» с первых же номеров стал одним из самых заметных явлений в литературной жизни страны. Главный редактор его, Виктория Окампо, неизменно придерживалась цели, обозначенной ею позднее следующим образом: «создать будущую элиту» (речь шла, естественно, об элите культурной). И хотя ни Борхес, ни Биой Касарес не разделяли в полной мере эту ориентацию на «высоколобых», связанных с представителями аргентинского высшего света (и тех и других они беспощадно высмеют в «Шести задачах»), сотрудничество в «Суре» оказалось чрезвычайно важным и плодотворным для обоих. Собственно, благодаря журналу — в доме Виктории Окампо, в 1932 году, — и состоялась их первая встреча. С этого момента двух писателей связывала тесная дружба, прервавшаяся лишь со смертью Борхеса. Необходимо сказать и еще об одном знакомстве — Адольфо Биой Касареса с сестрой Виктории Окампо, Сильвиной. Оно произошло в 1934 году, а через шесть лет вылилось в счастливый брак. Счастливый не только в сугубо личном смысле: Сильвина Окампо, сама занимавшая достойное место в аргентинской литературе, стала соавтором Биой Касареса и Борхеса одновременно.

В 1930-е годы тот и другой приступают к созданию своих классических произведений: Борхес — новелл и эссе, вошедших в сборники «Всемирная история бесславья» и «История вечности», Биой Касарес —

своего знаменитого романа «Изобретение Мореля», появившегося в 1940 году (кстати говоря, с предисловием Борхеса). Взаимное общение дает толчок к целому ряду литературных игр — очень и очень разноплановых. Например, Биой Касарес стал персонажем двух рассказов Борхеса («Глён, Укбар, Orbis Tertius» и «Человек на пороге»). Можно вспомнить и об истории с составлением антологий — «Книги неба и ада» и «Антологии коротких и необычайных рассказов», куда наряду с реально существующими произведениями вошли тексты вымышленных авторов. Но самой длительной — и, пожалуй, самой любопытной — оказалась игра в Онорио Бустоса Домека.

Начало ей было положено в 1937 году, а точкой отсчета послужила ставшая уже почти легендарной брошюра с рекламой йогурта. Написана она была по заказу дяди Биой Касареса, Мигеля Касареса, владевшего фабрикой молочных продуктов. Биой так описывал настроение, охватившее обоих: «...это было настоящей каторгой, мы оба невероятно скучали и мечтали заняться другими вещами,— и тут Борхесу пришло в голову, что мы могли бы вместе писать рассказы». Именно тогда возникли и первые сюжеты произведений, причем детективных. Главным героем в них должен был стать немецкий доктор — директор школы, который посредством разнообразных удовольствий и развлечений (музыка, игры и так далее) причиняет детям мучения, нередко приводящие к смерти¹. Замысел не был воплощен в жизнь. Однако доктор-немец обнаружится позже в детективном романе Биоя и Сильвины Окампо «Ненависть любви», хотя в нем и не останется ничего от садиста. А ближайшим последствием тогдашних разговоров и обсуждений стали — через несколько лет — «Шесть задач для дона Исидро Пароди». В свою

¹ Adolfo Bioy Casares: Premio «Miguel de Cervantes», 1990 Barcelona, 1991. P. 132.

очередь, они, как уже говорилось, не остались без продолжения.

Что больше всего поражает при первом же беглом взгляде на плоды совместного творчества Борхеса и Биоля? Факт, который заключается всего в трех словах: *Бустос Домек существует*. Оба соавтора, кажется, прочно утвердились в сознании всех как «серьезные» писатели. При этом позицию Борхеса можно скорее назвать позицией спокойного наблюдателя, глубоко проникнутого сознанием собственного ничтожества (с точки зрения вечности) и не избежного несовершенства мира. Биоля Касарес, напротив, остро переживал трагедию человека в этом мире, и судьбе его персонажей, как правило, нельзя позавидовать. Разница еще и в том, что Борхес лишь изредка допускал в свои произведения тень иронии — в то время как биолякасаресовский юмор сделался в Аргентине понятием едва ли не нарицательным. Но в любом случае, эти имена в сознании читателя никак не связываются с произведениями насковзь сатирическими и пародийными. А все, подписанное именем О. Бустоса Домека (плюс его alter ego Б. Суареса Линча), можно определить именно этими двумя понятиями. Перед нами даже не «Биорхес» (слово, пущенное в оборот вдумчивым исследователем творчества обоих Э. Родригесом Монегалем), а именно третий, «особый» человек. Тот самый, который, по признанию Борхеса, «существует сам по себе».

Рассмотрим внимательнее главное творение этого «третьего» — «Шесть задач». Конечно, здесь ясно видна детективная первооснова. Во всех рассказах неизменно присутствует дон Исидро Пароди — заключенный камеры № 273 Национальной тюрьмы Аргентины, раскрывающий преступления. Все рассказы строятся по одной схеме, обозначенной в «Предупреждении» мифическим Гервасио Монтенегро: «...персонажи — в том случае, когда они не задержаны полицией,—

живописной толпой устремляются в уже ставшую легендарной камеру № 273. При первой встрече они излагают суть таинственного происшествия, в которое им довелось попасть; при второй они выслушивают объяснение». Хотя перед нами — сравнительно короткие рассказы, в них строго соблюдаются многие из знаменитых «Двадцати правил детективного романа» С. С. Ван Дайна, причем с особой тщательностью — правило № 7: «Детективного романа без трупа не существует. Прибавим даже, что чем этот труп мертвее, тем лучше»¹. Впрочем, Борхес в короткой заметке 1935 года «Лабиринты детектива и Честертон» зывел набор требований уже специально для коротких детективных рассказов. (Как легко заметить, в рассказах О. Б. Д. не выполняется лишь одно из них, но зато идущее первым по счету — «благоразумное ограничение числа действующих лиц шестью».) Некоторые миниатюры из «Шести задач» («Долгие поиски Тай Аня», «Замысел Санджакомо») поражают — безо всякой натяжки — изящно задуманным, эффектным сюжетом, о чем также говорится в «Предупреждении». В этом смысле О. Б. Д. действительно стал наследником могучей литературной традиции, признанным родоначальником которой считается Эдгар По.

Но все же мы имеем здесь дело с особым жанром, а именно — с пародией на детектив. Начало ему, как известно, положил все тот же Эдгар По своим рассказом «Ты еси муж, сотворивый сие». Однако разгадчик тайны Рэттлборо, в отличие от своего коллеги Огюста Дюпена, не обрел сколь-нибудь заметных литературных «родственников», и Бустос Домек взял на себя нелегкую миссию восполнить это упущение. Пародийное начало отражено уже в фамилии главного героя «Шести задач». Честь великого аргентинского изобретения — детектив, не выходящий из тюремной камеры, —

¹ Цит. по: Vanoncini A. Le roman policier. Paris, 1993. P. 121.

действительно полностью принадлежит О. Б. Д. Вообще говоря, дон Исидро Пароди, питающий отвращение к книгам, — потомок множества литературных персонажей. И герои детективов, как тот же Огюст Дюпен или слепой сыщик Макс Каррадос, — далеко не единственные среди них. Перечислять предшественников Исидро Пароди можно долго. Это «старые креолы» классических аргентинских произведений. Это также испанцы Санчо Панса и апокрифический философ Хуан де Майрена, с их простой и всепроникающей жизненной мудростью, весьма похожей на ту, которую исповедует дон Исидро. Это и вечный затворник Эдмон Тэст, избравший скучную жизнь и полное одиночество, чтобы не препятствовать работе своего интеллекта: он совсем не случайно упоминается в одном из рассказов. Так что Исидро Пароди не представляет из себя полностью комической фигуры. Но большинство постоянных героев «Шести задач», несомненно, относятся к таковым, причем некоторые из них позаимствованы «напрокат» у признанных мастеров детективных историй. Так, честертоновский отец Браун превращается у О. Б. Д. в главаря международной банды грабителей. А фамилия Бонфанти — одного из виднейших персонажей — уже проскальзывала в «Человеке, которого изрубили в куски» Эдгара По. Кстати говоря, произведения великого американца служили для автора, пожалуй, главным источником вдохновения при создании «Шести задач». Причем не только — и даже не столько — собственно детективные рассказы, сколько его сатирические картины североамериканской действительности и литературной жизни.

Дело в том, что главное в «Шести задачах» — не пародирование детективного жанра как такового. «Эта книга была заодно сатирой на Аргентину», — отмечал Борхес. Мишенью стали прежде всего литературные круги Буэнос-Айреса и светское общество аргентинской столицы. В первом случае главный «удар» принял

на себя Карлос Англада — собирательный и карикатурный образ поэта-модерниста, безоглядно следующего всем поворотам европейской (в основном французской) литературной жизни. Однако Борхес с Биом не пощадили и тех, кто противопоставлял модернизму псевдофольклорную, «гаучистскую» литературу, перегруженную архаизмами и реалиями местного быта. Таких литераторов они высмеяли в лице Марио Бонфанти. Со стороны Борхеса все это имело во многом вид автопародии, поскольку он в свое время не избегал как увлечения модернизмом, так и соблазна «припасть к истокам». Ирония была обращена и против некоторых учителей Борхеса, излишне подверженных европейским влияниям (Лугонес), и против его близких друзей и единомышленников. Что же касается аргентинского «светского льва», завсегдатая салонов, то он нашел свое воплощение в не менее карикатурном Гervasio Монтенегро. Пожалуй, именно Монтенегро, наряду с Пароди, стал самым запоминающимся из героев «Шести задач» — с его полуиспанской, полуфранцузской речью, сверхэлегантной одеждой от лучших портных столицы, женой — бывшей русской княгиней, ставшей содержательницей публичного дома (сам он, как можно понять, также не брезгует сводничеством). Заимствовав кое-что из личных черт и особенностей литературного стиля известного аргентинского писателя Энрике Ларреты — блестяще владевшего французским языком, — Монтенегро также оказался скорее обобщенным персонажем. Сверх того, О. Б. Д. позволял себе, хотя и осторожно, иронизировать над аргентинской политической действительностью. В первом рассказе недвусмысленно говорится о незаконном заключении Пароди в тюрьму с ведома властей; в третьем дон Исидро раскрашивает фото Иригойена — законного президента, свергнутого в 1930 году как раз теми силами, что правили Аргентиной вплоть до 1943-го...

Любопытно, что становление Бустоса Домека в качестве полноправного автора происходило постепенно. Можно провести довольно четкую грань между первыми двумя рассказами, созданными вместе Х. Л. Б. и А. Б. К. от его имени, — и остальными четырьмя, где О. Б. Д. уже начал навязывать, по словам Борхеса, «другой стиль, свои странности, чуть ли не свой собственный синтаксис». «Двенадцать знаков мироздания» и «Ночи Голядкина» — это все еще произведения, где детективный сюжет предстает как главная составляющая всего повествования. Это все еще пусть иронические, но детективы. Однако уже начиная с «Бога быков» центр тяжести переносится именно на пародирование всего аргентинского. Бустос Домек сам начинает возводить на себя нелепые обвинения в плагиате... Детективная первооснова постепенно размывается, теряется среди долгих и нарочито бессмысленных речей персонажей. А в «Жертве Тадео Лимардо» и почти совсем исчезает. Здесь вообще происходит как бы резкая смена регистра: из большого света мы переносимся в мир буэнос-айресских «куманьков», уличных задир, — пусть даже они и представлены только своими недостойными потомками, вроде Тулио Савастано.

Но особый интерес представляет последний рассказ. Интерес заключается прежде всего вот в чем: по какой причине он получил столь высокую оценку в «Предупреждении»? В конце концов, по оригинальности замысла «Ночи Голядкина» или «Замысел Санджакомо» ничуть не уступают ему. Вот возможный ответ: «Долгие поиски Тай Аня» — это также пародия, но не на литературу и не на действительность. Объектом пародии здесь выступает сам язык (а вовсе не произведения Эрнеста Брама на китайскую тему, послужившие лишь своеобразным трамплином). Доктор Шу Тун — «больше, чем персонаж: живое воплощение красноречия» — выдает до чрезвычайности изысканные и прихотливые фразы, непредставимые в нормаль-

ном языке, но именно тем радующие читателя. Некоторые доставляют неподдельное удовольствие. Например, такая: «Твердь Небесная завистливее человека, которому только что сообщили, что один его сосед приобрел костыль из сандалового дерева, а другой вставил себе мраморный глаз». Или вот эта: «Фан Ше, невозмутимый, как бесконечная последовательность одинаковых чайников...» Короче говоря, шестой рассказ сборника играет роль своеобразного мостика от Онорио Бустоса Домека к его литературному крестнику — Бенито Суаресу Линчу.

Существование последнего оказалось, к сожалению, довольно эфемерным — по сравнению с долгим жизненным и литературным путем О. Б. Д. Он приобрел известность как автор всего лишь одного произведения — повести «Образцовое убийство». Повесть примерно в два с половиной раза превосходит по размерам самый объемный рассказ из «Шести задач». Много напоминает, и очень отчетливо, рассказы Бустоса Домека: организующим центром, как и там, становится камера № 273, посетители излагают дону Исидро свои версии событий... Но изменений больше. Прежде всего это касается героев, хотя и перешедших «по наследству» от Бустоса Домека. Исидро Пароди низведен до роли простого статиста: преступление раскрывается с помощью приема, который, в общем-то, принято считать недостойным подлинно искусного мастера детективов. Речь Монтенегро и Бонфанти становится совсем уже невозможно-карикатурной. Кроме того, сцену заполняют новые фигуры, почетное место среди которых принадлежит индейцу Фрогману (награждаемому по ходу дела примерно полутора десятками прозвищ). Фрогман по всем параметрам — своего рода антипод Монтенегро. И здесь видна приверженность Суареса Линча законам симметрии, по примеру его литературных «отцов» — прежде всего Борхеса. В свою очередь,

дон Исидро располагεται — согласно тем же законам — ровно посередине.

Разумеется, «Образцовое убийство» — как и «Шесть задач» — берет истоки в аргентинской действительности тех лет: усиление националистических тенденций внутри страны и, как следствие, — рост числа псевдонародных произведений. Насмешки надо всем этим в изобилии рассыпаны по страницам повести. Но главное опять же в другом — в изощренных языковых играх, которыми заполнено «Образцовое убийство». В этом смысле рядом с ним можно, вероятно, поставить только лучшие тексты таких мэтров, как Джеймс Джойс и Раймон Кено. Суарес Линч не случайно принял эстафету от Бустоса Домека: приписывать эту повесть почтенному, уже перешедшему пятидесятилетний рубеж литератору было бы слишком нелепо. Вероятно, она могла появиться только в Аргентине, открытой как «почвенническим», так и новейшим европейским веяниям.

В «Убийстве» можно различить пять — как минимум — языковых пластов: а) обычный испанский язык; б) его аргентинский вариант; в) обороты, характерные для Буэнос-Айреса — причем в отдельных случаях для жителей того или иного конкретного района; г) буэнос-айресское просторечие, или лунфардо, и д) «личный» язык Борхеса и Биой Касареса. «Содержание его [«Образцового убийства»] настолько лично окрашено и полно наших особых шуток, что мы напечатали его только в одном издании, и то не для продажи», — признавался Борхес¹. В связи с этим любой перевод повести будет носить характер эксперимента — и нельзя не упомянуть об огромной удаче переводчика, выполнившего ее русскую версию для настоящего издания. Ему удалось уловить неповторимую интонацию «Образцового убийства» и воспроизвести по-русски способ выражения каждого из персонажей. Разумеется, многое пере-

¹ Борхес Х. Л. Указ. соч. С. 536.

дать почти невозможно. К примеру, неясно, что делать с италянизмами, буквально наводняющими повесть: население Аргентины всегда пополнялось во многом за счет итальянских иммигрантов, чей язык немало повлиял на складывание аргентинского просторечия. Помимо этого «Образцовое убийство» насыщено разнообразными аллюзиями, которые с огромным трудом поддаются — или не поддаются вовсе — расшифровке. Не исключено, что кому-нибудь придет в голову мысль об избыточности, чрезмерном «языковом буйстве» этой повести, где есть и сверхпротяженные тирады уже знакомых читателю Монтенегро и Бонфанти, и бессмысленные на первый взгляд — хотя и полные искрящего юмора — диалоги. Но вспомним Изидора Дюкасса: «Умеренность в великих людях ограничивает только их достоинства». «Образцовое убийство» — лучшее тому доказательство от противного. Это именно то произведение, где Борхес с Биом полностью раскрепостились, не обращая внимания ни на какие условности. Такое случается временами с очень сдержанными людьми; если же эти люди в придачу обладают выдающимся литературным талантом — тем лучше для читателя.

Одновременно с «Образцовым убийством» — в 1946 году — вышли «Две памятные фантазии» Бустоса Домека. Это вариации на классическую тему «видений», с незапамятных времен присутствующую в мировой литературе. Описания таких «видений» Борхес и Бийо Касарес охотно включали в составляемые ими антологии. В обоих рассказах заметно, что Бустос Домек, в свою очередь, не гнушался брать уроки у своего ученика Суареса Линча. «Я знаю, что нужно писать, а ты знаешь, как нужно писать», — говорит Рембо Верлену в фильме А. Холланд «Полное затмение». «Что» Бустоса Домека — стройный сюжет с эффектной и драматической концовкой — соединяется с «как» Суареса Линча, с его изысканиями в области языковых экспериментов. Получается великолепный сплав. Может

быть, это вообще наиболее выдержанные и зрелые произведения, созданные Борхесом и Биеом вместе. «Свидетель» напоминает появившийся чуть позже рассказ Борхеса «Алеф» — намного более знаменитый, но трудно сказать, намного ли более удачный (где, между прочим, в очередной раз мелькает фигура Бонфанти).

Отдельно следует сказать о рассказе «Праздник чуповища» — чрезвычайно политизированном и трагическом по своей сути. Он был написан в 1947 году, в самом начале десятилетнего правления — почти диктатуры — Хуана Доминго Перона. Это десятилетие (1946—1955) получило неоднозначные оценки у историков, но для творческих людей Аргентины оно стало одним из самых мрачных периодов в истории страны. Борхес, чьи взгляды, особенно на международные события, резко не совпадали с пероновскими, пострадал особенно сильно: после издевательского предложения занять должность «инспектора по торговле птицей и кроликами на городских рынках» он лишился работы в муниципальной библиотеке, а его мать и сестра подверглись преследованиям властей. Но, безусловно, толчком к написанию рассказа послужили не личные невзгоды Борхеса, а то, что творилось в стране. Пользуясь благосклонностью Перона, активно развернули свою деятельность националистические, а вместе с ними и полуфашистские организации — такие, как «Альянса Либертадора Насьоналиста». Выходки их членов — в частности, реально произошедшее убийство юноши-еврея — и послужили основой для рассказа. Во время пребывания Перона у власти рассказ распространялся в виде рукописей и лишь в 1955 году был опубликован в одной из уругвайских газет.

Два слова о киносценариях, включенных в сборник. Они были подписаны уже подлинными именами Борхеса и Бией Касареса. Пародийное начало здесь присутствует как бы в обратном варианте. Если

в «Образцовом убийстве» тот и другой стремились освободиться от всяческих условностей, приняв на вооружение лозунг «Будь самим собой!», то смысл сценариев как раз и заключается в строгом соблюдении законов смешанного жанра мелодрама/вестерн, по природе своей не предназначенного для «яйцеголовых». Но и здесь расставлены многочисленные ловушки. Оба произведения рассчитаны не на постановку, а, подобно пьесам Бернарда Шоу, скорее на чтение. Их и открывает «Пролог», обращенный именно к читателю. В начале «Рая Господня» упоминается апокрифический фильм «Долгие поиски Тай Аня» — судя по всему, не имеющий ничего общего с одноименным рассказом. «Тайный властелин преступного мира» Морган весь погружен в столь любимые Борхесом «Сказки 1001 ночи». Роверано — в состоянии крайнего возбуждения — тщательно подбирает слова, начинающиеся с одной буквы... И так далее.

Стоит отметить, что в совместных произведениях Борхеса и Биоя более или менее четко выполняется классицистическое правило единства места. События происходят в определенной географической точке: это Буэнос-Айрес, «звезда Юга». Причина, наверное, не только в том, что это естественная среда обитания авторов и их героев. Но еще и в том, что вне Аргентины Буэнос-Айрес виделся в те годы огромным однообразным пространством — таким он предстал, скажем, тому же Дрие ла Рошелю. Поэтому одна из задач и заключалась в том, чтобы дать читателю понятие о разнообразии аргентинской столицы, о различиях между зажиточным Севером и более демократическим Югом, восточными кварталами, тяготеющими к порту, и западными, почти соприкасающимися с пампой — символом бесконечности.

И наконец, о деталях — об «утомительном изобилии красочных подробностей», вызвавшем строгое осуждение Монтенегро. С этим категорическим высказы-

ванием трудно согласиться: именно детали — особенно «кочующие» из одного произведения в другое — станут для внимательного читателя подлинной наградой. Например, неизменный голубой кувшинчик для заваривания мате, принадлежащий Исидро Пароди, и столь же неизменная пачка сигарет «Сублимес». И коллекция тросточек Гервасио Монтенегро, которыми этот «король мушкетеров» виртуозно пользуется в самых разных обстоятельствах. И поддельные гаванские сигары, доставляемые в Аргентину из различных частей света. Кое-какие «приколы» Борхеса с Биом, к сожалению, останутся недоступными нашему читателю, о других же нужно говорить особо. Так, «Образцовое убийство» и «Две памятные фантазии» были опубликованы мифическим издательством «Опортет и Эресес» — оно иронически упоминается в «Свидетеле». Название издательства — не что иное, как слегка измененные марки известнейших вин: портвейна и хереса.

«Время сохраняет лишь то, что ему не принадлежит», — обмолвился уже на склоне лет Борхес. То, что было создано им вместе с Биой Касаресом, времени явно не подвластно. Эти тексты уже причислены к разряду классических и, в свою очередь, порождают новые тексты. Думается, что дону Исидро Пароди, Монтенегро и Фрогману суждено бессмертие — наряду с Шерлоком Холмсом и отцом Брауном. Во всяком случае, хочется в это верить.

И последнее. Известно, что «Дон Кихот» был задуман как произведение пародийное — а превратился едва ли не в трагическое. Борхес и Биой Касарес замыслили создать детективные рассказы «по всем правилам» — а пришли к безудержно ироническому «Образцовому убийству». Стоит ли видеть в этом признак расставания, пройденного литературой от испанского Золотого века до нашего двадцатого?

Владимир Петров

Шесть задач
для дона
Исидро Пароди

О. Бустос Домек

Воспроизводим текст школьной учительницы, сеньориты Адельмы Бадольо:

«Доктор Онорио Бустос Домек родился в местечке Пухато (провинция Санта-Фе), в 1893 году. В аргентинский Чикаго он — вместе с семьей — переехал уже после того, как были написаны первые и весьма любопытные произведения. В 1907 году эти первые пробы пера скромного служителя муз появились в росарийской периодике; возможно, никто и не подозревал о его юном возрасте. Назову произведения того времени: „Безделицы“, „Двигатели прогресса“, „Бело-лазурная родина“, „К Ней“, „Ноктюрны“. В 1915 году в Центре „Баллеар“ Бустос Домек публично прочел свою „Песнь «Строфам на смерть отца» Хорхе Манрике“, принесшую автору шумный, но кратковременный успех в обществе. В том же году опубликовал „Гражданина“ — произведение возвышенное, но, к сожалению, испорченное галлицизмами, что, впрочем, можно извинить как молодостью автора, так и данью вкусам той эпохи. В 1919 году к читателям пришла „Фата-моргана“ — мастерски отделанное стихотворение, последние строфы которого уже предвосхищают лучшие страницы прозы Бустоса Домека — „Поговорим начистоту“ (1932) и „Между книгой и рукописью“ (1934). Во время правления

Лабруны он был назначен сначала Инспектором школьного образования, а затем — Защитником бедных. Ему, воспитанному в лоне любящей семьи, соприкосновение с жестокой действительностью дало тот опыт, которому мы обязаны, возможно, самыми значительными произведениями его творческой деятельности. Из книг назовем здесь: „Евхаристический конгресс: рупор аргентинских миссионеров“, „Жизнь и смерть дона Чичо Гранде“, „Я умею читать“ (пособие, одобренное Инспекцией школьного образования города Росарио), „Вклад жителей Санта-Фе в Войну за независимость“, „Новые звезды литературы: Асорин, Габриэль Миро, Бонтемпелли“. Его детективные рассказы — несомненное открытие в уже столь хорошо разработанной и богатой литературной жиле: он бросает вызов холодной рассудочности сэра Конан Дойля, Оттоленги и др. „Рассказы из Пухато“, как их любовно называет сам автор, это не искусное изделие мастера, заточившего себя в башне из словенной кости; в них, в этих рассказах, — голос нашего современника, чутко прислушивающегося к чаяниям человеческим и стремительно открывающего родники своей истины».

Предуведомление

Good! It shall be! Revealm't of myself!
But listen, for we must co-operate;
I don't drink tea; permit me the cigar!

*Robert Browning*¹

Неизгладимая и любопытная черта *homme de lettres*²! Литературный Буэнос-Айрес, конечно, не забыл — и, смею утверждать, не забудет — мое твердое решение не писать больше предисловий, невзирая на многолетнюю дружбу с автором или бесспорные достоинства произведения. И все же согласимся, что этому похожему на Сократа «Страшилищу»³ отказать невозможно. Черт возьми, что за человек! С обезоруживающим хохотом он признает полную состоятельность моих доводов; с заразительным хохотом он снова и снова упорно убеждает меня в том, что его книга и наша старая дружба требуют от меня предисловия. Возражать просто бесполезно. *De guerre lassé*⁴, я смиренно сажусь за свой верный «Ремингтон», ставший молчаливым свидетелем стольких воспарений в лазурную высь...

Современные заботы, связанные с банками, биржей и скачками, не мешают мне, удобно устроив-

¹ Ну что же! Пусть! Откроюсь перед вами!

Но слушателем будьте мне прилежным;

Чай не по мне: зажгу-ка я сигару!

Роберт Браунинг (англ.).

² Литератора (франц.).

³ Ласковое прозвище О. Бустоса Домека в кругу близких друзей. (Примечание автора.)

⁴ Устав от сражений (франц.).

шись на диване пульмановского вагона или совершая одну из регулярных поездок на более или менее лечебные курорты — не очень-то веря в их пользу, — воздать должное неожиданным поворотам сюжета и сочному языку *gotan policier*¹. Осмелюсь признаться все же, что я не подвержен капризам литературной моды: ежевечерне, в глубокой тишине своей спальни, я откладываю в сторону похождения хитроумного Шерлока Холмса и отправляюсь в странствие вместе с бродягой Одиссеем, сыном Лаэрта, потомком Зевса... Но поклонник суровой средиземноморской эпопеи собирает мед со всех цветов: поощряемый г-ном Леккоком, я начал рыться в пыльных связках бумаг; в огромных отелях, созданных воображением, я настораживал уши, чтобы расслышать мягкие шаги *gentleman-cabrioleur*²; среди жутких пустырей Дартмура, под туманным британским небом, меня пожирала гигантская светящаяся собака. Однако продолжать было бы неуместно. Читатель знает, кто я таков: и мне доводилось бывать в Беотии...

Перед тем как приступить к обстоятельному анализу этого *гесейл*³, я прошу читателя разрешить мне выразить удовлетворение по поводу того, что среди разношерстных экспонатов музея Гревен мировой детективной беллетристики наконец-то появился персонаж-аргентинец, действующий в аргентинской обстановке. Что за необычное удовольствие — смаковать, между двумя пахучими облачками дыма, за рюмкой коньяка времен Первой империи, детективную историю, которая

¹ Детективного романа (франц.).

² Вора-джентльмена (франц.).

³ Сборника (франц.).

не подчиняется кошмарным требованиям иностранного — англосаксонского — литературного рынка и которую я, не колеблясь, сравниваю с произведениями лучших авторов, рекомендованными лондонским *amateurs*¹ непогрешимым *Crime Club*. Я хотел бы также донести до читателя мою радость — радость истинного буэнос-айресца — от того, что наш фельетонист, будучи провинциалом, тем не менее остался глухим к позывам узкого местного патриотизма и вставил свои сделанные с натуры офорты в достойную их раму: она зовется Буэнос-Айресом. Я не могу не поаплодировать смелости и прекрасному вкусу нашего «Страшилица», — он сумел удержаться от того, чтобы вывести на сцену сомнительного и нечистоплотного росарийского «кота». И все же в этой подлинно столичной панораме заметны два упущения — я надеюсь, они будут восполнены в последующих книгах: нет нашей великолепной и такой женственной улицы Флорида, с ее бесконечным движением толпы перед завистливыми глазами витрин; нет и меланхолического портового квартала, что подремывает рядом с доками, в то время как последняя из ночных харчевен закрывает свои металлические веки и невидимый во мраке аккордеон шлет приветствие уже бледнеющим созвездиям...

А теперь перейдем к тому, что отличает — как с первого взгляда, так и после углубленного прочтения — автора «Шести задач для дона Исидро Пароди». Я, конечно же, имею в виду присущую ему лаконичность, его искусство *brûler les étapes*².

¹ Любителям (франц.).

² Идти форсированным маршем (франц.).

О. Бустос Домек всегда остается внимательным и чутким по отношению к читателю. В его рассказах нет ни сцен, легко выпадающих из памяти, ни обилия цифр, которые можно перепутать между собой. Он умело ведет нас прямой дорогой к финалу. Недавний отпрыск семейства, чьи родоначальники — Эдгар По, возвышенно-аристократичный господин Шиль и баронесса Орчи, он останавливается лишь на главных эпизодах каждой истории: загадочное хитроspлетение начала и ослепительное откровение развязки. Простые марионетки, сотворенные на потребу нашему любопытству, персонажи — в том случае, когда они не задержаны полицией, — живописной толпой устремляются в уже ставшую легендарной камеру № 273. При первой встрече они излагают суть таинственного происшествия, участниками которого они стали; при второй они выслушивают объяснение, одинаково поражающее и детей, и стариков. Автор, с помощью выверенных и одновременно артистических приемов, упрощает тысячегранную действительность, вручая все лавры одному дону Пароди. Даже самый наивный читатель не сдержит улыбку: он видит, что автор тактично опускает скучные детали расследования и невольно опускает многие дальновидные наблюдения того, о чьей персоне, с моей стороны, было бы нескромно распространяться...

Изучим же книгу со всей тщательностью. Она состоит из шести рассказов. Не буду скрывать, что мои предпочтения склоняются в пользу «Жертвы Тадео Лимардо», где заметно влияние русских писателей: вызывающий дрожь сюжет сочетается с точными психологическими зарисовками в болезненном стиле Достоевского, и при этом учи-

тывается притягательность для нас мира *sui generis*¹, существующего вне европейского лоска и нашего утонченного эгоизма. Меня не оставляют равнодушным и «Долгие поиски Тай Аня», где оригинально решается классическая проблема спрятанного предмета. Начало положил Эдгар По своим «Похищенным письмом»; Линн Брок попыталась придать этой теме парижский колорит в романе «*The Two of Diamonds*»² — элегантной вещице, которую портит присутствие чучела собаки; Картер Диксон, не столь умелый, прибегает к помощи батареи центрального отопления... Было бы, разумеется, несправедливо пройти мимо «Замысла Санджакомо», чья мастерская развязка поставит в тупик, *parole de gentilhomme*³, самого искусственного читателя.

Пробным камнем для любого писательского таланта, без сомнения, является умение придать неповторимый облик каждому из героев. Искусный кукольник-неаполитанец, веселивший нас в детстве по воскресеньям, справлялся с этим благодаря вместительному деревянному ящику: у Полишинеля неизменно был горб, у Пьеро — широчайший воротник, у Коломбины — до невозможности шаловливая улыбка, у Арлекина... костюм арлекина. О. Бустос Домек поступает, *mutatis mutandis*⁴, совершенно таким же образом. В общем-то, он не чуждается грубой карикатурности, хотя под его вдохновенным пером неизбежные преувеличения, диктуемые избранным жанром, мало касаются

¹ Своеобразного (лат.).

² Два бриллианта (англ.).

³ Слово благородного человека (франц.).

⁴ С соответствующими изменениями (лат.).

внешнего вида персонажей,— но зато автор с безмерным увлечением прибегает к ним, когда дело доходит до манеры этих персонажей говорить. Несмотря на злоупотребления солеными креольскими словцами, творение искрометного сатирика — не что иное, как галерея портретов нашей эпохи: здесь есть почтенная дама-католичка, способная на тонкие чувства; бойкий репортер, выполняющий — ловко, но не слишком деликатно — самые разные поручения; избалованный, но симпатичный вертопрах, сын богатого отца, слегка лунатичный, узнаваемый по своим прилизанным волосам и всегдашним лошадям; угодливый и льстивый китаец, изображенный в лучших литературных традициях,— я вижу в нем больше, чем персонажа: живое воплощение красноречия; светский господин, чья жизнь — искусство и любовные страсти, охотник до празднеств как духа, так и тела, ценитель ученых фолиантов из библиотеки Жокей-клуба,— и наравне с этим девиц, обретающихся в том же заведении... А вот и подтверждение самых мрачных социологических прогнозов: на этой фреске — назову ее без колебаний современной Аргентиной — отсутствует конная фигура гаучо; его место занял еврей — скажем так, иудей, чтобы представить феномен во всей его отвратительной неприглядности... С развеселым аргентинским куманьком — та же *capitus diminutio*¹: мускулистый метис, знаменитый разжигавшими желание вензелями в танго, в подражание незабываемому Хансену, когда выхваченный нож отступал только перед нашим апперкотом,— он зовется сегодня Тулио Савастано

¹ Здесь: измельчание (лат.).

и растрачивает свои незаурядные способности на пустую болтовню... И только Мулат Саливасо, деятельный, хотя и второстепенный персонаж,— еще одно подтверждение стилистических дарований О. Бустоса,— выделяется на фоне всеобщего упадка.

Однако я не ограничусь одними лишь восхвалениями. Сидящий во мне аттический цензор безоговорочно осуждает утомительное изобилие красочных подробностей — радующих глаз, но зачастую излишних: сорный выюнок, искажающий строгие линии Парфенона...

Скальпель, заменяющий нашему сатирику перо, внезапно притупляется, когда начинает взрезать живую плоть дона Исидро Пароди. С дружеской усмешкой автор представляет нам самого выразительного из старых креолов, чей портрет отныне по праву занимает место рядом с теми, которые оставили нам дель Кампо, Эрнандес и прочие великие жрецы нашего фольклора,— среди них, бесспорно, нужно лишний раз выделить автора «Мартина Фьерро».

В запутанных анналах детективных расследований дону Исидро принадлежит честь быть первым детективом-заключенным. При всем том критик с острым нюхом сможет установить несколько не лишенных интереса соответствий. Действительно, шевалье Огюст Дюпен, не покидая уединенного кабинета в Сен-Жерменском предместье, ловит ужасную обезьяну, совершившую убийства на улице Морг; князь Залевский, закрывшись в своем отдаленном дворце, где легко спутать изысканную безделушку с музыкальной шкапулкой, амфору — с саркофагом, примитивного идола — с крылатым быком, решает загадки

Лондона; Макс Каррадоc — *not least!* — всегда заперт в переносной тюрьме своей слепоты... Эти расследования в условиях неподвижности, целый ряд забавных *voyageurs autour de la chambre*², предвосхищают — по крайней мере, частично — появление нашего Пароди. Возможно, что оно — неизбежный этап в развитии детективной литературы, но заслуга этого открытия, этой *trouvaille*³, принадлежит аргентинцу, и нелишне будет сказать, что такой смелый шаг был совершен во время президентства доктора Кастильо. Неподвижность Пароди поистине символична, она представляет собой наилучшее лекарство против беспорядочной и лихорадочной суеты в североамериканских романах; какой-нибудь безжалостный, но пронизывающий ум сравнит эту суету с бегом белки в колесе...

Но я, кажется, замечаю легкую тень нетерпения на лице читателя. В наши дни приключения берут верх над размышлениями. Пробил час прощания. До этого места мы шли рука об руку; теперь, читатель, ты остаешься наедине с книгой.

Гервасио Монтенегро,
член Аргентинской академии
языка и литературы
Буэнос-Айрес, 20 ноября 1942 года

¹ Не в последнюю очередь (англ.).

² Путешественников по своей комнате (франц.).

³ Находки (франц.).

Двенадцать знаков мирождения

Памяти Хосе С. Альвареса

1

«Козерог, Водолей, Рыбы, Овен, Телец», — думал Акилес Молилари, проваливаясь в сон. Секундная заминка, и перед его глазами поплыли Весы, Скорпион... Молилари понял, что сбился, и в страхе проснулся.

Солнце било прямо в глаза. На залитом светом столе, поверх «Бристольского альманаха» и нескольких номеров «События», стоял будильник «Тик-Так», стрелки показывали без двадцати десять. Все еще перечисляя знаки зодиака, Молилари поднялся с кровати. Выглянул в окно. На углу дома стоял все тот же незнакомец.

Молилари лукаво улыбнулся. Ушел в глубь комнаты, вернулся со станком, помазком, желтым обмылком и чашкой кипятка. Затем распахнул настежь окно и, с деланным высокомерием поглядывая на незнакомца, неспешно побрился, насвистывая при этом танго «Крапленая карта».

Десять минут спустя он вышел на улицу, облаченный в каштанового цвета костюм, за который должен был еще отдать пару ежемесячных взносов в «Большое Английское Ателье Рабуффи». Он дошел до угла — незнакомец вдруг уткнулся в таблицу розыгрыша лотереи. Молилари, уже привыкший к таким однообразным проявлениям конспирации, направился на улицу Умберто Первого,

где вскочил в быстро подошедший автобус. Чтобы облегчить работу своему преследователю, он занял одно из передних мест. Через пару кварталов обернулся: незнакомец, легко узнаваемый по темным очкам, читал газету. К центру автобус уже подъезжал битком набитым, и Молилари мог бы выйти незамеченным незнакомцем, но поступил по-другому. Выйдя из автобуса, он пешком дошел до пивоваренного завода «Палермо». Потом, не оборачиваясь, свернул на север, добрался до высокой стены исправительной тюрьмы и вошел в скверик; он считал, что действует хладнокровно, но, приблизившись к охраннику, выбросил только что закуренную сигарету. Перебросился парой ничего не значащих фраз со служащим, который стоял перед ним без кителя, в одной рубашке. Охранник проводил Молилари в камеру № 273.

Прошло четырнадцать лет с тех пор, как мясник Агустин Р. Бонорино — тот, что помог корсиканцу из Бельграно, выраженному будто коколиче, — получил смертельный удар бутылкой в висок. Все знали, что сразившая его бутылка содовой была брошена одним парнем из шайки Паты Санты. Но Пата Санта был незаменим, когда дело доходило до выборов, и полиция решила, что виновен во всем Исидро Пароди, которого кое-кто считал анархистом, имея в виду его увлечение спиритизмом. На самом же деле Исидро Пароди занимался совершенно другими вещами: владея парикмахерской на Юге, он имел неосторожность сдать внаем комнату одному писарю из восемнадцатого комиссариата, который к тому времени задолжал ему за целый год. Это неблагоприятное стечение обстоятельств и решило судьбу Пароди: показания свидетелей (все они принадлежали к шайке Паты

Санты) были единомышленны, и судья приговорил Пароди к двадцати одному году заключения. Малоподвижный образ жизни заметно повлиял на бывшего «убийцу» 1919 года: он превратился в тучного мужчину, склонного к нравоучениям, сорокалетнего, бритоголового, с необычайно умными глазами. И теперь эти глаза смотрели на молодого Молилари.

— Чем могу служить, друг мой?

Голос Пароди не особенно располагал к общению, но Молилари знал, что тот рад посетителям. Да и потом, не все ли равно, как тебя встречает Пароди, когда так необходим надежный советчик. Не спеша, со знанием дела, хозяин камеры заварил мате в голубом кувшинчике. Затем предложил мате Молилари. Тому не терпелось поскорее перейти к происшествию, которое перевернуло всю его жизнь, но он знал, что торопить Пароди не имеет смысла, и сам удивился тому спокойствию, с каким завел привычный разговор о скачках, где все — сплошное надувательство и никогда не знаешь, кто выиграет. Пропустив начало беседы мимо ушей, Дон Исидро сел на своего конька: эти итальянцы, они пролезли везде, не исключая и Национальной тюрьмы.

— Сейчас тюрьма полна иностранцев сомнительного вида, и никто не знает, откуда они берутся,— говорил он.

Молилари, в ком национализм с легкостью пустил корни, поддакнул: эти итальянцы и друзья надоели хуже горькой редьки, не говоря уже об английских капиталистах, которые прямо заполнили страну вагонами и холодильниками. Не далее как вчера зашел в Большую пиццерию «Лос-Инчас» и первое, что увидел,— итальянец.

— Так это из-за какого-то итальянца или итальянки вы здесь?

— Нет, не из-за итальянца или итальянки,— просто сказал Молилари.— Дон Исидро, я убил человека.

— Говорят, что я тоже кого-то убил, и тем не менее я неплохо себя чувствую. Не дергайтесь; что касается друзей, то дело это запутанное, но если вы не попались на глаза какому-нибудь писарю из восемнадцатого комиссариата, тогда есть еще шанс спасти свою шкуру.

Молилари удивленно посмотрел на Пароди. Не тут же вспомнил, что его имя мелькало в связи с тайной особняка Абенхалдуна на страницах одной бесцеремонной газетенки — которой, конечно же, далеко до предприимчивой газеты «Кордоне», где он вел репортажи о модных видах спорта и о футболе. Он припомнил, что Пароди поддерживает свой интеллект на должном уровне и благодаря живому интересу к происходящему вокруг, а также великодушному попустительству помощника комиссара Грондоны внимательно прочитывает вечерние газеты. Действительно, дон Исидро знал о недавней смерти Абенхалдуна, однако он попросил Молилари изложить факты и не тараторить так громко, потому что он уже наполовину оглох. Еле сдерживаясь, Молилари рассказал свою историю.

— Поверьте, я — современный человек, иду в ногу со временем; живу как живется, но также не прочь, когда надо, пораскинуть мозгами. Я понимаю, что мы уже прошли этап материализма; ритуалы причащения и толпы народа на Евхаристическом конгрессе оставили в моей душе неизгладимый след. Как вы говорили в прошлый раз — и поверьте, ваши слова не пропали даром,— нужно по-

стичь неизвестное. Посмотрите-ка, всякие там факиры и йоги со своими дыхательными упражнениями и прочими бреднями все же кое-что знают. Как добрый католик, я не могу посещать это спиритическое общество «Честь и Родина», но я также понял, что друзья зашли куда дальше и подошли ближе к тайне, чем многие, посещающие мессы по воскресным дням. До недавнего времени доктор Абенхалдун занимал находящийся в Вилья Мадзини великолепный особняк с огромной библиотекой. Я познакомился с ним на радио «Феникс» в канун Нового года. Он говорил очень цветисто, однако я понял, что ему понравилась одна из моих заметок, которую ему кто-то переслал. Он привел меня к себе, предоставил к моим услугам свою солидную библиотеку и пригласил на один из вечеров, которые дает в своем особняке; там, правда, нет женщин, — но зато, я вас уверяю, это подлинное пиршество духа. Поговаривают, что друзья — идолопоклонники, однако в зале священодействий стоит только один металлический бык размером с трамвай. По пятницам вокруг быка собираются акилы — так называют посвященных. Уже давно доктор Абенхалдун хотел, чтобы я тоже стал посвященным, и я не мог отказаться, ибо не в моих планах было портить отношения со стариком, ведь не хлебом единым жив человек. Друзья — народ очень скрытный, и не все считают, что западный человек достоин вступить в братство. Зачем далеко ходить: Абуль-Хасан, владелец множества фургонов для перевозки мяса, напомнил, что число избранных ограничено и что непозволительно заниматься дальнейшим посвящением; против выступил и казначей Изедин, но этот несчастный проводит все дни в писании бумаг, и доктор Абенхалдун

вечно смеется над ним и его книжонками. Тем не менее эти ретрограды, подвластные старомодным предрассудкам, все противились и противились, и я без колебаний утверждаю: в том, что случилось, косвенно виноваты они.

Одиннадцатого августа я получил от Абенхалдуна письмо, где он сообщал, что четырнадцатого числа меня подвергнут нетрудному испытанию, но все-таки мне следует подготовиться.

— Что значит — подготовиться? — спросил Пароди.

— Три дня сидеть на голом чае, изучая знаки зодиака в том порядке, в каком они располагаются в «Бристольском альманахе». Я позвонил в «Очистные сооружения», где работаю по утрам, и сказал, что приболел. Сначала меня удивило, что церемония будет в воскресенье, а не в пятницу, но в письме объяснялось, что для такого важного испытания лучше подходит именно этот торжественный день. Мне надлежало явиться в особняк перед полночью. Пятница и суббота прошли спокойно, но утром в воскресенье я занервничал. О, сейчас я убежден, дон Исидро, что уже тогда я предчувствовал ход событий. Но все равно я провел весь день с книгой в руках. Смешно, но каждые пять минут я смотрел на часы — не пора ли выпить очередной стакан чаю. Зачем смотрел — сам не знаю, ведь в любом случае приходилось пить: горло пересохло и требовало чего-то жидкого. Столько ждать этого испытания — и все равно не успеть вовремя на вокзал Ретиро! Пришлось сесть на следующий поезд, идущий в двадцать три восемнадцать.

Хотя я подготовился лучше не надо, но все же в поезде продолжал читать альманах. Меня донельзя утомили какие-то придурки, обсуждавшие побе-

ду «Миллионариос» в матче versus¹ «Чакарита Юниорс», при том что, поверьте, они ни черта не смыслили в футболе. Я сошел в Бельграно. От станции до особняка тринадцать кварталов, и я подумал, что прогулка пойдет мне на пользу, однако она меня смертельно утомила. Выполняя указания Абенхалдуна, я позвонил ему от магазина на улице Россетти.

Перед особняком выстроилась вереница автомобилей; дом был освещен ярче, чем при похоронных торжествах, и уже издали слышен людской гул. Абенхалдун ждал меня у ворот. Я заметил, что он выглядел постаревшим. Я не раз видел его прежде, но лишь этой ночью заметил, что он похож на Репетто — только разве что с бородой. Как говорится, ирония судьбы: в ночь, когда меня чуть не свело с ума испытание, я обращаю внимание на такую глупость. Мы прошли по кирпичной дорожке, обегая дом, и вошли внутрь. В канцелярии находился Изедин, он стоял около комнаты, где помещался архив.

— Я уже четырнадцать лет, как сдан в архив, — спокойно заметил дон Исидро, — однако об этом архиве ни разу не слышал. Опишите-ка мне его.

— О, нет ничего проще. Канцелярия находится на верхнем этаже, лестница от нее спускается прямо в зал священнодействий. Там вокруг металлического быка стояли друзья под покрывалами, в белых туниках, — человек сто пятьдесят. Архив — небольшое помещение: всего одна комнатка, прилегающая к канцелярии. Я постоянно твержу, что любая конура без мало-мальски приличного окна только вредит здоровью. Вы не согласны со мной?

¹ Против (лат.).

— О чем речь. С тех пор как я перебрался сюда, на Север, такие конуры меня изрядно утомили. Опишите мне канцелярию.

— Это большое помещение: там есть дубовый письменный стол с пишущей машинкой «Оливетти», несколько удобнейших кресел — проваливаешься по самый затылок, — полусгнившая турецкая трубка, стоящая целое состояние, люстра со стеклянными подвесками, этакий футуристический персидский ковер, бюст Наполеона, серьезная библиотека: «Всеобщая история» Чезаре Канту, «Чудеса вселенной и человека», «Всемирная библиотека известных произведений», ежегодник «Разум», «Просвещенный садовник» Пелуффо, «Сокровища юности», «Дама преступная» Ломброзо и много чего еще.

Изедин нервничал. Я сразу понял почему: он снова и снова пытался вернуться к своим книгам, огромная стопка которых лежала на столе. Доктор был занят моим испытанием и, желая избавиться от Изедина, сказал ему:

— Оставьте книги в покое. Я просмотрю их позже, сегодня ночью.

Не знаю, поверил ли ему Изедин, однако он надел тунику и спустился в зал священодействий, даже не взглянув на меня.

Когда мы остались одни, доктор Абенхалдун спросил:

— Выдержал ли ты пост и выучил ли двенадцать знаков мироздания?

Я уверил его, что с десяти часов четверга (в тот вечер я в компании «золотой молодежи» наворачул легонький супчик с потрохами и запеченную рыбку в Меркадо-де-Абасто) пил только чай.

Затем Абенхалдун попросил меня прочесть наизусть названия двенадцати знаков. Я повторил их без единой ошибки, но он заставил меня проделать это раз пять или шесть. А потом сказал:

— Вижу, ты выполнил указания. Но это не может тебе, если ты не упорен и не храбр. А я знаю, что ты именно таков, и потому решил не слушать тех, кто не верит в твои способности, — тебя подвергнут одному-единственному испытанию, самому сложному, и помогать тебе никто не будет. Тридцать лет назад в горах Ливана я успешно прошел подобное испытание, но перед этим мастера подвергли меня и другим, более легким: я отыскал монету на дне моря, сотканный из воздуха лес, чашу в земной тверди, заколдованный ятаган в глубинах ада. Тебе не нужно искать четыре магические предмета — ты отыщешь четырех мастеров, которые образуют спрятанный под покрывалом четырехугольник Божественности. Сейчас мастера, отдавшись благочестивым занятиям, вместе с братьями-акилами возносят свои мольбы возле металлического быка; их лица, как у всех, закрыты покрывалами, и ничем они не отличаются от остальных братьев, но сердце твое распознает их. Я прикажу тебе привести Юсуфа, и ты спустишься в зал священодействий, повторяя в нужном порядке небесные знаки, и, когда дойдешь до последнего — до Рыб, — вернешься к первому — Овну, — и так все время; ты трижды обойдешь вокруг акилов, и, если не изменишь порядок знаков, шаги твои приведут тебя к Юсуфу. И ты скажешь ему: «Абенхалдун зовет тебя» и приведешь его сюда. Затем я прикажу тебе привести второго мастера, за ним третьего и четвертого.

Хорошо, что от непрерывного чтения «Бристольского альманаха» эти двенадцать знаков прочно втемяшились мне в голову; впрочем, хватило бы лишь одной ошибки, чтобы все испортить. Нет, я не испугался, уверяю вас, но у меня возникло предчувствие. Абенхалдун пожал мне руку и сказал, что будет молиться за меня, и я спустился по лестнице в зал священнодействий. Я целиком сосредоточился на знаках, но в то же время эти белые спины, склоненные головы, нехитрые маски и этот священный бык, никогда прежде не виденный мною так близко, вселяли в меня беспокойство. Тем не менее я сделал три положенных круга и остановился возле одной из фигур под покрывалом, ничем не отличавшейся от остальных; но у меня не было времени на раздумья, так как в моем воображении беспрестанно рисовались знаки зодиака, и я сказал ему: «Абенхалдун зовет тебя». Человек последовал за мной, и я, не переставая рисовать знаки, поднялся вместе с ним по лестнице и вошел в канцелярию. Абенхалдун молился; он отвел Юсуфа в архив и почти тотчас вернулся и сказал мне: «А сейчас приведи Ибрагима». Я спустился в зал священнодействий, сделал три круга, остановился возле еще одного закрытого покрывалом друга и сказал ему: «Абенхалдун зовет тебя». С ним я вернулся в канцелярию.

— Погодите-ка, любезный, — сказал Пароди. — Точно ли никто не выходил из канцелярии, пока вы наворачивали круги?

— О, уверяю вас, нет. Конечно, важнее всего для меня были эти знаки и тому подобное, но я не такой уж и болван. Я глаз не спускал с двери. Будьте спокойны: никто не входил и не выходил.

Абенхалдун взял за руку Ибрагима и отвел его в архив, а после сказал мне: «А сейчас приведи Изедина». Странное дело, дон Исидро, в первых двух случаях я был уверен в себе, а на третий раз испугался. Я сошел вниз, трижды обошел вокруг друзей и вернулся с Изедином. Я чувствовал страшную усталость: на лестнице у меня помутилось в глазах, закололо в боку; все мне стало видаться нечетким, даже мой спутник. Абенхалдун уже не молился, а раскладывал пасьянс — настолько он был уверен во мне; отведя Изедина в архив, он по-отечески обратился ко мне:

— Хватит с тебя. Я сам отыщу четвертого посвященного, имя которого — Халил.

Усталость — враг внимания, но, как только Абенхалдун вышел, я принялся к перилам галереи и стал следить за ним. Он с достоинством сделал три круга, взял Халила за руку и повел его наверх. Я уже говорил, что в архив вела одна-единственная дверь из канцелярии. Через эту дверь они и вошли, и Абенхалдун сразу же вышел, а за ним — четверо друзей под покрывалами; Абенхалдун перекрестил меня, ведь эти люди очень набожны, потом сказал по-креольски, чтобы они сбросили покрывало, — вы не поверите, но передо мной стояли Изедин с отсутствующим лицом, Халил, помощник администратора в «Ла-Формаль», Юсуф, родственник гнусавого парня, и, наконец, бледный как смерть бородатый Ибрагим, компаньон Абенхалдуна. Сто пятьдесят абсолютно одинаковых друзей, а я выбрал четырех мастеров!

Доктор Абенхалдун обнял меня, но остальные, полные предрассудков и суеверий, противились очевидному: они были непреклонны и что-то раз-

драженно говорили Абенхалдуну на своем языке. Бедняга доктор пытался их убедить, но в конце концов вынужден был сдаться. Он объявил мне, что меня ждет еще одно испытание, самое сложное, и на кону теперь будут их жизни, а возможно, и судьба нашего мира.

— Мы завяжем тебе глаза и дадим длинную трость,— продолжил Абенхалдун.— Каждый из нас спрячется где-нибудь в доме или саду. Ты подождешь, пока часы пробьют двенадцать, а потом, руководствуясь знаками зодиака, одного за другим разыщешь всех нас. Знаки эти управляют миром, и на время испытания мы доверяем тебе ход созвездий: ты будешь властен над космосом. Если ты не изменишь порядок знаков, наши судьбы и судьба всего мира пойдут своим чередом, а если ошибешься и после Весов назовешь Льва, а не Скорпиона, то мастер, которого ты в этот момент ищешь, погибнет, и мир захлестнут стихии ветра, воды и огня.

Все подтвердили это, кроме Изедина, который за день так намаялся, что глаза у него уже закрывались сами собой, и, уходя, он по рассеянности даже пожал всем руки, чего раньше не делал никогда.

Мне вручили бамбуковую трость и завязали глаза, после чего все разошлись. Я остался один. Меня охватило беспокойство: рисовать в воображении знаки и не менять их порядок, ждать боя часов, которые никогда не били и вдруг пробьют, — и затем ходить по этому дому, который неожиданно показался мне таким бесконечным и таким незнакомым. Не желая того, я думал о лестнице и лестничных площадках, о мебели, которая, возможно, попадется мне на пути, о подвалах, о патио, о слуховых окнах и многом другом. Я стал при-

слушиваться ко всему: к шуму деревьев в саду, к шагам наверху, к разъезжавшимся из особняка друзьям, к треску мотора старенькой «изотты» Абдаль-Мелека — того самого, помните, что победил в лотерее, устроенной производителями масла «Раджо». В конце концов уехали все, и я остался один в этом домище, в котором Бог знает где попрятались акилы. Но вот часы пробили, и я вздрогнул от страха. Выставив перед собой трость, я — молодой человек, живущий полнокровной жизнью, — двинулся из канцелярии, ступая словно какой-то инвалид или, если вам будет угодно, как какой-то слепец. Я решил идти в левую сторону, потому что родственнику гнусавого не занимать *savoir faire*¹, и подумал, что застану его под столом; я все время четко видел Весы, Скорпиона, Стрельца и все остальное; позабыв о первой лестничной площадке, я направился совсем в другую сторону, в результате чего оказался в зимнем саду. Неожиданно я заблудился, не находя ни стен, ни дверей. К тому же следует признать: трехдневная чайная диета плохо действует на мозги. Однако ж я вышел из положения и оказался возле кухонного подъемника; я заподозрил, что кто-то спрятался в ящике для угля, но у этих друзей — пусть они все и умные — нет нашей аргентинской сноровки, и мне пришлось снова вернуться в зал. Я наткнулся на столик на трех ножках — его используют некоторые друзья, все еще практикующие спиритизм, как будто сейчас на дворе средневековье какое-то. Мне показалось, что с картин на стенах на меня смотрят сотни глаз (вы, возможно, будете смеяться, но моя сестричка всегда говорит, что во мне есть что-то от

¹ Здесь: сноровки, ловкости (франц.).

поэта и от сумасшедшего). Но меня этим не проймешь, я вытянул руку и через мгновение наткнулся на Абенхалдуна. Без особого труда мы добрались до лестницы, которая оказалась значительно ближе, чем я полагал, и поднялись в канцелярию. Пока шли, мы не обмолвились ни единым словом. Я весь был поглощен знаками. Оставив Абенхалдуна в канцелярии, я отправился на поиски следующего друга. И в этот момент я услышал что-то похожее на приглушенный смех. В первый раз у меня возникло сомнение: я подумал, что смеются надо мной. И тут раздался крик. Я мог бы поклясться, что не допустил ошибки в порядке следования знаков, но от неожиданно охватившего меня сначала гнева, а затем удивления, возможно, я и запутался. Я никогда не отрицаю очевидного. Я развернулся и, обстукивая дорогу тростью, вошел в канцелярию. Споткнулся обо что-то лежащее на полу. Нагнулся. Нащупал рукой волосы. Затем нос, глаза. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я сорвал с глаз повязку.

На ковре лежал Абенхалдун, из его рта стекала струйка крови вперемешку со слюной; я коснулся его — он был еще теплый, но это был уже труп. В комнате никого не было. Я увидел выпавшую из моих рук трость — ее кончик был испачкан кровью. И тогда я понял, что это я убил его. Конечно, когда я услышал смех, а затем крик, я на мгновение замешкался и перепутал порядок знаков — это замешательство стоило жизни человеку. А может быть, и всем четверем мастерам... Я высунулся на лестницу и позвал их. Никто не ответил. Испугавшись, я бросился вон из дома, шепча на ходу: Овен, Телец, Близнецы, — лишь бы только не рухнул весь

мир. В одну секунду я домчался до ограды, и это при том, что особняк с садом занимал пятьдесят гектаров; еще паралитик Ферраротти говаривал, что я могу сделать карьеру как бегун на средние дистанции. Однако в ту ночь мои достижения относились к прыжкам в высоту. С разбегу я перескочил через почти двухметровую стену, а когда поднялся из канавы и вытащил кучу впившихся в меня бутылочных осколков, то закашлялся от дыма. От особняка валил густой, словно матрасная вата, черный дым. Давненько я не тренировался, однако рванул с места как в свои лучшие годы, а добежав до улицы Россетти, обернулся: небо было освещено, как в день Двадцать пятого мая, — дом пылал. Вот что значит перепутать знаки! Стоит ли говорить, что я потерял дар речи. Я увидел полицейского на углу улицы и побежал назад, после чего оказался в каких-то грязных трущобах — стыдно, но они еще встречаются в столице, и уверяю вас, мне, аргентинцу, больно видеть такое. Меня бесили собаки, которых там столько, что стоило гавкнуть всего одной, как все остальные тут же оглушили меня своим лаем; в этих вонючих кварталах западных окраин прохожий не чувствует себя в безопасности — никто ему не окажет никакой помощи. Внезапно я успокоился, потому что оказался на улице Чарлоне, но вдруг какие-то парни у магазина ни с того ни с сего стали говорить: «Овен, Телец» и выкрикивать разные непристойности, однако я не обратил на них внимания и прошел мимо. Поверьте ли, но я только в тот миг осознал, что громко повторяю названия знаков. Я снова заблудился. Сами знаете, в этих пригородах и понятия не имеют об основах градостроительства, и улицы там

скручиваются в лабиринты. Мне и в голову не пришло сесть на какой-нибудь транспорт — домой я добрался в разбитых башмаках в тот час, когда мусорщики уже начинают свою работу. Я смертельно устал; думаю, у меня поднялась температура. Я рухнул на кровать, но заснуть не решился — все держал в голове знаки зодиака.

К двенадцати часам я сообщил в редакцию и в «Очистные сооружения», что заболел. В это время вошел мой сосед, коммивояжер из Бранкато, и настоял на том, чтобы я отправился к нему в комнату разделить с ним тарелку лапши. Признаться, я уже чувствовал себя немного лучше. Мой приятель откупорил бутылку муската, — он третий калач, и ему есть что порассказать. Но мне было не до приятных бесед, и, пользуясь тем, что соус плохо подействовал на мой желудок, я вернулся к себе в комнату, где провел весь оставшийся день. Но все же я попросил хозяйку принести мне «Последние известия»: ведь я не отшельник какой-нибудь, к тому же мне не давало покоя произошедшее накануне. Даже не взглянув на спортивную страничку, я углубился в полицейскую хронику и увидел фотографию с места происшествия: в ноль часов двадцать три минуты вспыхнул колоссальный пожар в особняке доктора Абенхалдуна, расположенном в Вилья Мадзини. Несмотря на отважное вмешательство пожарных, здание было охвачено пламенем, в котором погиб и владелец особняка, видный член сирийско-ливанской общины доктор Абенхалдун, один из величайших первопроходцев в импорте заменителей линолеума. Я ужаснулся. Баудищоне, всегда небрежно пишущий заметки, допустил несколько неточностей:

к примеру, он ни словом не обмолвился о религиозной церемонии, утверждая, что той ночью друзья собирались в особняке, только чтобы почитать «Книгу Памяти» да переизбрать руководство. Незадолго до пожара особняк покинули сеньоры Халил, Юсуф и Ибрагим. Они заявили, что до двадцати четырех часов в дружественной обстановке беседовали с покойным, который, как обычно, блистал своим *esprit*¹, и ничто не предвещало трагедии, положившей конец их собраниям и обратившей в пепел один из лучших особняков западной части города. Причины этого грандиозного пожара пока не установлены.

Меня не пугает работа, но с тех пор я не был ни в газете, ни в «Сооружениях» и пребываю в весьма плачевном состоянии. На второй день меня посетил очень обходительный сеньор, который расспросил насчет покупки швабр и тряпок для столовой в одной большой конторе на улице Букарелли; потом он перевел разговор на землячества иностранцев, особенно его интересовали сирийские и ливанские. Он пообещал, хотя и не очень уверенно, что снова зайдет. Однако я его больше не видел. Но зато на углу улицы появился незнакомец, который, прячась от меня, следует за мной повсюду. Я знаю, что вы не втянете в это дело ни полицию, ни кого-то еще. Помогите, дон Исидро, я в отчаянии!

— Я не провидец и не святой, чтобы отгадывать загадки. Но постараюсь помочь тебе. Постараюсь, но только с одним условием. Обещай, что будешь слушаться меня во всем.

¹ Остроумием (франц.).

— Как скажете, дон Исидро.

— Вот и отлично. Начнем прямо сейчас. Назови по порядку знаки из альманаха.

— Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.

— Отлично. А теперь повтори их, читая слоги в обратном порядке.

Молилари, побледнев, забормотал:

— Енов, Лецте...

— Когда выйдешь отсюда, так и называй их. И советую: меняй как вздумается порядок знаков.

— Как менять порядок? Вы не поняли, дон Исидро, это невозможно...

— Нет? Назови первый знак, последний, предпоследний.

Молилари, дрожа от страха, повиновался. Затем огляделся вокруг.

— Вот и хорошо. А теперь выбрось из головы эти глупости и иди работай. И не порти себе жизнь.

Потрясенный и освобожденный, Молилари молча вышел из тюрьмы. А на улице его поджидал тот, другой.

2

Через неделю Молилари понял, что второго посещения тюрьмы не избежать. Однако он чувствовал неловкость перед Пароди, который показал ему, до чего глупо быть таким легковерным и самонадеянным. Он, современный человек, дал себя облапошить этим фанатикам-иностранцам! Появления обходительного сеньора сделались все более частыми и более тревожными: он говорил не только о сиро-ливанцах, но и о ливанских друзьях, появились и новые темы, как, например: отмена пыток

в 1813 году, преимущества электрической дубинки, недавно завезенной из Бремена отделом исследований, и т. д.

Однажды в дождливое утро Молилари сел в автобус на углу улицы Умберто Первого. Он сошел в Палермо, а следом за ним сошел и незнакомец, сменивший темные очки на светлую бороду...

Пароди, как всегда, принял его довольно сухо; он тактично не упомянул о загадочных событиях в Вилья Мадзини, а перевел речь на привычную для себя тему: что может сделать человек, превосходно знающий, как выглядит каждая карта в колоде. Он припомнил Хитреца Риваролу, которому заехали стулом по голове в тот самый момент, когда он доставал из рукава второго туза пик. Чтобы сделать свой рассказ нагляднее, он достал из ящика засаленную колоду карт, попросив Молилари перетасовать ее и разложить карты на столе рубашкой вверх. После чего сказал:

— Дружище, вы — провидец, и потому дайте бедному старику четверку червей.

Молилари забормотал:

— Я никогда не считал себя провидцем, сеньор... Вам известно, что я порвал всякие отношения с этими фанатиками.

— Ты порвал, ты тасовал... Ладно, дай мне четверку червей. Не бойся, это будет первая карта, которую ты вытащишь.

Молилари дрожащей рукой взял наугад карту и отдал ее Пароди. Тот посмотрел на нее и продолжил:

— А ты парень не промах. А теперь ты дашь мне валета пик.

Молилари взял другую карту и передал ее Пароди.

— А теперь семерку крестей.

Молинали дал ему еще одну карту.

— Вижу, занятие это тебя утомило. Что ж, я сам вытащу за тебя последнюю карту, и это будет король червей.

Он небрежно взял карту и присоединил ее к трем остальным. Потом предложил Молинали перевернуть их. На столе лежали король червей, семерка крестей, валет пик и четверка червей.

— Не удивляйся,— сказал Пароди.— Среди этих карт есть одна крапленая. Это была первая карта, которую я попросил, но не первая, которую ты мне дал. Я попросил четверку червей, а ты мне дал валета пик; я попросил валета пик, ты мне дал семерку крестей; я попросил семерку крестей, и ты мне дал короля червей; тогда, сославшись на твою усталость, я сказал, что сам вытащу четвертую карту — короля червей. А вытащил четверку червей, на которой есть вот эти черные пятнышки.

Абенхалдун сделал то же самое. Он приказал тебе найти друга номер один, ты привел ему друга номер два; он попросил привести друга номер два, ты привел друга номер три; он захотел друга номер три, ты привел друга номер четыре; он сказал, что сам отыщет друга номер четыре, а привел номер первый. Номером первым был Ибрагим, его близкий друг. Абенхалдун мог узнать его среди тысячи других... Да, такое случается с теми, кто связывается с иностранцами. Ты сам сказал мне, что друзья — народ очень скрытный. Верно; однако самым скрытным был Абенхалдун, глава этого сообщества. Другие просто отказались бы принять к себе аргентинца; он же захотел посмеяться над тобой. Он велел тебе прийти в воскресенье, хотя

собрания у них — ты сам сказал — по пятницам, и, чтобы взвинтить твои нервы, посадил тебя на трехдневную чайную диету и «Бристольский альманах». К тому же тебе, следуя его указаниям, пришлось пройти пешком неизвестно сколько кварталов; он впихнул тебя в толпу друзей под покрывалами, а чтобы слегка припугнуть, наплел эту чушь про знаки из альманаха. Это была шутка. Абенхалдун еще не просмотрел (и никогда бы не просмотрел) бухгалтерские книги Изедина; когда ты вошел, они говорили именно об этих книгах, а не о романах и стихах, как ты думал. Кто знает, какими махинациями занимался казначей, но определенно, это он убил Абенхалдуна и поджег дом, чтобы уничтожить следы своих преступлений. Он попрощался, пожав всем руки (чего никогда не делал), чтобы дать понять, что уходит. А сам спрятался неподалеку, подождал, пока уйдут остальные, которым эта шутка порядком уже надоела; а когда ты с тростью вышел искать Абенхалдуна, он вернулся в канцелярию. После того как ты привел старика, они оба смеялись, видя, как ты, словно слепец, вышагивал по дому. Ты направился на поиски второго друга; Абенхалдун последовал было за тобой, чтобы ты снова нашел его и привел бы в канцелярию четыре раза одного и того же человека. Но казначей ударил его ножом в спину: ты услышал крик. Пока ты, спотыкаясь, возвращался назад, Изедин убежал и поджег бухгалтерские книги. Затем, чтобы скрыть их исчезновение, он поджег и весь дом.

Пухато, 27 декабря 1941 года

Ночи Голядкина

Памяти доброго разбойника

1

С усталым изяществом Гервасио Монтенегро — высокий, видный, слегка потрепанный господин весьма романтической наружности, с висячими напомаженными усами — сел в полицейский фургон и направился в Национальную тюрьму. Он оказался в весьма парадоксальной ситуации. Многочисленные читатели вечерних газет — жители всех четырнадцати провинций — возмущались тем, что такой знаменитый актер, как Гервасио Монтенегро, обвинен в воровстве и злодейском убийстве. Многочисленные читатели вечерних газет узнали, что Гервасио Монтенегро — актер знаменитый, ведь его обвиняют в воровстве и злодейском убийстве. Всея этой щекотливой ситуации не случилось бы, не существуй на белом свете Акилеса Молилари, до тошного журналиста, создавшего себе громадную славу раскрытием тайны Абенхалдуна. Именно Молилари сделал так, что Гервасио Монтенегро позволили навестить тюрьму, где в 273-й камере содержался Исидро Пароди, детектив-сиделец, которому Молилари громко и во всеуслышание (что никого не убеждало) приписывал все свои подвиги. Монтенегро был убежденным скептиком, а потому не верил в то, что детектив, сидящий в тюрьме, в одиночке, мог вчера владеть парикмахерской на улице Мехико; а с другой стороны, его душа,

чувствительная, словно скрипка Страдивариуса, дрожала от перспективы столь мрачного визита. И все же он решил не забивать себе голову и не ссориться с Акилесом Молилари, торжественно именовавшим себя «представителем четвертой власти».

При виде известного актера Пароди даже не подумал поднять глаза и не спеша продолжал заваривать мате в голубом кувшинчике. Монтенегро с удовольствием бы выпил мате, однако Пароди, похоже, стеснялся предложить чашечку; потому Монтенегро ободрительно похлопал его по плечу и, достав сигарету из лежащей тут же пачки «Сублимес», закурил.

— Вы пришли раньше срока, дон Монтенегро. Впрочем, неважно: я знаю, что вас привело сюда. История с бриллиантом.

— Что ж, насколько я понимаю, моя слава проникает даже за эти крепкие стены, — оглядевшись, заявил Монтенегро.

— Что в этом такого? Тюрьма вовсе не мешает быть в курсе того, что происходит в Республике, от воровства последнего дивизионного генерала до художественной литературы, безнадежно загубленной на радио.

— Разделяю вашу нелюбовь к радио. Как любила мне повторять Маргарита (Маргарита Ксиргу, вы ее, конечно, знаете): нам, артистам до мозга костей, нужна живая публика. Микрофон — нечто безжизненное, противное самой природе. Я перед этим невообразимым чудовищем ощущаю, как теряется контакт со зрителем.

— Оставьте мне и чудовищ и контакты. Я читал заметки Молилари. У юноши бойкое перо, но все эти статейки, эти бесконечные описания в конце

концов надоедают. Вы не могли бы мне все рассказать сами, без обиняков? Люблю, когда со мной говорят прямо.

— Договорились. Прямота — вот исключительный дар латиноамериканцев. Но вы ведь не будете против, если я оставлю под покровом тайны историю, которая может скомпрометировать одну даму из высшего общества Ла-Киаки (а там, как вы знаете, еще остались достойные люди)? *Laissez faire, laissez passer*¹. Лишь острая необходимость ни в коем случае не запятнать имя этой дамы, этой феи салонов — а для меня еще и ангела небесной красоты, — заставила меня прервать свое триумфальное турне по Латинской Америке. Как истинный портеньо, я не без ностальгии ждал возвращения и уж никак не мог вообразить, что сей светлый момент омрачат обстоятельства, страшно сказать, полицейского свойства. Но действительно: не успел я приехать в Ретиро, как был арестован; на сегодняшний день меня обвиняют в ограблении и двух убийствах. Венцом всего стало то, что шпики лишили меня фамильной драгоценности, приобретенной незадолго до этого, да еще и при весьма любопытных обстоятельствах: когда поезд шел по мосту через Рио-Терсеро. *Vref*², как природный ненавистник длиннот, я расскажу вам все *ab initio*³, разумеется, не без горькой иронии, которую внушает зрелище современного мира. Только позвольте мне кое-какие отступления, чтобы слегка украсить повествование.

¹ Здесь: оставим это (*франц.*).

² Короче говоря (*франц.*).

³ С самого начала (*лат.*).

Седьмого января, в четыре четырнадцать утра, одетый в немногочетный боливийский наряд, я сел в Мококо на Панамериканский экспресс, умело скрывшись (все дело в *savoir faire*, мой дорогой друг) от многочисленных и докучливых преследователей. Щедро раздавая свои фото с автографом, я сумел приглушить, и даже одолеть, подозрительность поездной обслуги. Купе мне пришлось делить с каким-то неизвестным вполне еврейского вида, проснувшимся при моем появлении. Как я потом выяснил, этого типа звали Голядкин, и занимался он торговлей бриллиантами. Кто бы мог сказать, что этот хмурый еврей, случайный попутчик, впутает меня в трагическую и необъяснимую историю?

На следующий день, за тарелкой устрашающего кушанья — плода трудов боливийского повара-индейца, — я благодушно оглядывал представителей рода человеческого, что обитали в узком мирке бегущего поезда. Мой придирчивый осмотр начался, *chez la femme*, с одной любопытной особы, которую пожирал бы глазами любой мужчина на улице Флорида в восемь вечера. В таких вещах мой взгляд безошибочен. Вскоре я выяснил, что это — баронесса Пуффендорф-Дювернуа, необычная, выдающаяся женщина: ни следа безвкусия, присущего институткам, стройное тело, сотворенное бесчисленными партиями в лаун-теннис, лицо, искусно подчеркнутое косметикой. Одним словом, женщина, чья стройность лишь подчеркивала ее высокое положение, а молчаливость добавляла элегантности. Все же у нее был *faible*¹, непростительный

¹ Слабость (франц.).

для настоящей Дювернуа, а именно — заигрывание с коммунизмом. Сперва она меня заинтересовала до чрезвычайности, однако вскоре я понял, что за привлекательным фасадом скрывается заурядный ум, и попросил несчастного господина Голядкина поменяться со мной местами. Она, как истинная женщина, притворилась, что это ей безразлично. Я, впрочем, уловил обрывок разговора баронессы с другим пассажиром (неким полковником Хэррапом из Техаса), где она употребила слово «идиот», несомненно имея в виду се раувге М. Goliadkin¹. Еще несколько слов о Голядкине: внешность этого русского, то есть еврея, оставила в моей памяти лишь слабый отпечаток. Блондин плотного телосложения, с удивленным взглядом; происхождение выдавало его, хотя бы потому, что он спешил открыть дверь, пропуская меня вперед. Напротив, при всем желании невозможно стереть из памяти бородастое, налитое кровью лицо полковника Хэррапа, в котором всецело воплотилась размашистая вульгарность страны, где приверженность к гигантизму оборачивается невниманием к тонкостям и оттенкам, не ускользающим от последнего мальчишки из неаполитанской траттории, — что и есть фирменное клеймо латинской расы.

— Не знаю, как там насчет Неаполя, но если кто-нибудь не уладит ваше дело, то, можно сказать, готовьтесь к извержению Везувия.

— Завидую вашему монашескому уединению, сеньор Пароди. А вот моя жизнь прошла в бесконечных странствиях. Я искал солнечный свет на Балеарских островах, яркость красок — в Бринди-

¹ Этого несчастного господина Голядкина (*франц.*).

зи, утонченных прегрешений — в Париже. Подобно Ренану, я возносил мольбы на Акрополе. Везде я старался испить сладкий сок жизни... Вернусь, впрочем, к сути своего повествования. В пульмановском вагоне, пока бедняга Голядкин (ни дать ни взять еврей, ждущий кары небесной) мученически терпел утомительные колкости баронессы, мы с Бибилони, юным поэтом из Катамарки, услаждали свой разум, как истинные афиняне, высокой беседой о поэзии и о провинции. Сейчас я готов признать, что смуглый, почти темный, цвет кожи этого молодого человека, увенчанного литературной премией благодаря издательству «Кузница Вулкана», поначалу настроил меня против него. Очки-велосипед, галстук-бабочка, кремового цвета перчатки создавали впечатление, будто передо мной — один из тех бесчисленных учителей, что расплодились благодаря Сармьенто (великий пророк, от которого не стоит требовать такого низменного качества, как трезвый расчет). И все-таки то удовольствие, с которым он внимал созвездиям триолетов, заносимых мной тут же, на бумагу, в вагоне поезда — пролагающего путь от технически совершенного сахарного завода в Харамí до гигантского памятника в честь Национального знамени работы Фиораванти, — заставило меня прийти к выводу, что этот юноша — одна из главных надежд нашей молодой литературы. Бибилони, впрочем, не был одним из тех несносных рифмоплетов, что готовы демонстрировать первому встречному-поперечному выкидыши своей музыки; напротив, это был прилежный и скромный молодой человек, замолкающий перед настоящим мастером. Я усладил его слух первой из моих од, посвященных Хосе

Марти; но когда дело дошло до одиннадцатой, то удовольствие от поэмы пришлось прервать: бесконечная скука, исходившая от баронессы в присутствии молодежавого Голядкина, заразила и нашего выходца из Катамарки: любопытный феномен *психологической симпатии*, часто отмечавшегося мной у других. Моя исключительная простота в обращении — *арапаге*¹ светского человека — толкнула меня на радикальную меру: я начал трясти Бибилона, пока он не открыл глаза. Разговор сам собой затух; чтобы его оживить, мне пришлось высказать свое мнение о достоинствах хорошего табака. Тема была выбрана верно, Бибилона весь обратился в слух. Порывшись в карманах своей куртки, он извлек оттуда лучшую из гаванских сигар, которые когда-либо делали в Гамбурге. Не решаясь прямо предложить ее мне, мой собеседник заявил, что собирается выкурить ее этим вечером у себя в купе. Я оценил эту нехитрую уловку, выхватил у него из рук сигару и поспешил ее закурить. Какое-то горькое воспоминание исказило лицо юноши-поэта. А потому, как неплохой физиогномист, я развалясь в кресле и вдыхая голубоватый сигарный дымок, я попросил его поведать мне о своих триумфах. Его загорелое лицо тут же осветилось, и мне пришлось выслушивать древнюю как мир историю о ранимой поэтической душе, которой приходится бороться с непониманием окружающих его буржуа и лелеять свои идеалы посреди безжалостного житейского моря. Семья Бибилона, сельские знахари, несколько лет колесила по всей Катамарке, пока не осела в Банкалари, где и родил-

¹ Здесь: привилегия (франц.).

ся наш поэт. Его первой наставницей была природа: овощи с отцовского огорода — но также и соседские курятники, которые мальчик не раз посещал безлунными ночами, вооружившись длинной удочкой... для ловли кур. После начальной школы, располагавшейся на двадцать четвертом километре, поэт вернулся к сельскому хозяйству. Он познал нелегкие и суровые радости сельского жителя, которые стоят намного больше, чем пустые овалы. После чего он удостоился хорошего отзыва и награды от «Кузницы Вулкана» за книгу «Женщины Катамарки (Воспоминания о провинции)». Полученная премия позволила ему в совершенстве изучить провинцию, которую он воспел с такой теплотой. И теперь, везя с собой множество романсов и песен в народном духе, он возвращался в родной Банкалари.

Мы перешли в вагон-ресторан. Бедняга Голядкин сидел рядом с баронессой, а на другом конце стола воссели мы с отцом Брауном. Внешность этого служителя церкви была более чем обыкновенной: каштановые волосы и невыразительное круглое лицо. И все же я смотрел на него с завистью. Для нас, потерявших, к несчастью, слепую веру нашего детства, холодный рассудок — не замена бальзаму, изливаемому церковью на свою паству. В конце концов, что прибавил наш век, пресыщенный и поседевший до срока ребенок, к глубочайшему скептицизму Анатоля Франса и Жулиу Данташа? Всем нам, уважаемый сеньор Пароди, не хватает изрядной доли простоты и невинности.

Могу припомнить лишь обрывки разговора, который мы вели в тот день. Баронесса, ссылаясь на невероятную жару, постоянно приспускала свой

корсаж и придвигалась поближе к Голядкину (все для того, чтобы позлить меня). Еврей, видно не приученный к подобным штучкам, безуспешно пытался отодвинуться от баронессы и, сознавая все неудобство своего положения, начинал лихорадочно говорить на никому не интересные темы: предстоящее падение цен на бриллианты, невозможность выдать настоящий бриллиант за поддельный и т. п. Отец Браун, видимо перестав различать вагон-ресторан люксового экспресса и аудиторию, заполненную трепетными верующими, принялся доносить до нашего сознания богословский парадокс: что-то о необходимости потерять душу, чтобы спасти ее, — плоды хитроумия теологов, замутивших чистоту Евангелия.

*Noblesse oblige*¹: не откликнуться на сладострастные намеки баронессы — значило бы выставить себя в смешном виде; той же ночью я на цыпочках добрался до ее купе и постучал в дверь, а затем, присев на корточки и приблизив пылающую голову к двери, заглянул в замочную скважину и тихонько запел «*Mon ami Pierrot*»². Из этого блаженного состояния, которое временами позволяют себе самые неутомимые борцы на бранном поле жизни, меня вывел первобытный пуританизм полковника Хэррапа. Этот бородатый реликт грабительской войны за Кубу поднял меня за плечи и поставил лицом к двери мужского туалета. Я мигом оценил обстановку, закрылся внутри и провел два утомительных часа, стараясь не слушать его угроз на скверном кастильском наречии. Когда мне

¹ Положение обязывает (*франц.*).

² «Мой друг Пьеро» (*франц.*).

наконец удалось выбраться, за дверью никого не оказалось. «Путь свободен!» — воскликнул я про себя и направился в свое купе. Фортуна определенно мне благоволила: баронесса, поджидавшая меня в купе, тут же кинулась ко мне на грудь. В глубине купе Голядкин надевал свою куртку. Баронесса, быстро и чисто по-женски оценив ситуацию, поняла, что присутствие Голядкина разрушает интимность сцены, и ушла, не сказав ему ни слова. Я знаю, до чего я вспыльчив: при первой же встрече с полковником состоялась бы дуэль. А в условиях железной дороги это не очень-то удобно. К тому же, как это ни горько признавать, эпоха дуэлей давно прошла. Так что я решил соснуть.

Что за рабелепные создания эти евреи! Мое вторжение в купе разрушило какие-то неясные помыслы Голядкина; но все же с этого момента он был со мной очень сердечен, предложил гаванскую сигару и оказал мне множество прочих услуг.

На следующий день все пребывали в плохом настроении. Я прекрасно чувствовал психологический климат, а потому пытался развлечь своих спутников рассказами о Роберто Пайро и едкими эпитафиями Маркоса Састре. Сеньора Пуффендорф-Дювернуа, огорченная вчерашним злоключением, была раздражена. Вне всякого сомнения, какие-то слухи об этой *mésaventure*¹ дошли до отца Брауна, поскольку в обращении с баронессой сей служитель церкви выказывал холодность, неподобающую духовному лицу. После завтрака я преподавал урок полковнику Хэррапу. Желая доказать ему, что его

¹ Злоключении (франц.).

faux pas¹ никоим образом не нарушил наших теплых взаимоотношений, я предложил ему одну из гаванских сигар Голядкина и даже помог прикурить. Пощечина, нанесенная рукой в белой перчатке!

В эту ночь, третью от начала нашего путешествия, юный Бибилони меня разочаровал. Я собрался поведать ему одно из своих галантных приключений — из тех, о которых не сообщают первому встречному, — но выяснил только, что его купе пусто. Я решил, что этот мулат из Катамарки мог отправиться к баронессе Пуффендорф. Иногда во мне обнаруживается сходство с Шерлоком Холмсом: я хитроумно обвел вокруг носа кондуктора, подкупив его интересным образчиком парагвайской нумизматики, и решил бесстрастно, подобно собаке Баскервелей, вынюхать, что же происходит. (Полковник отправился спать рано.) Тишина и темнота — вот все, что можно было заключить после исследования местности. Но ждать мне пришлось недолго. Каково же было мое удивление, когда я увидел: из купе отца Брауна выходит баронесса! В какой-то момент во мне разыгралась буйная кровь Монтенегро. Но потом я понял: баронесса ходила исповедоваться. У нее были растрепанные волосы, более чем скромный наряд (пеньюар карминного цвета, расшитый серебряными танцовщицами и золотыми клоунами) и ни грамма косметики. Чисто по-женски она скрылась от меня в своем купе, чтобы я не разглядел ее в столь домашнем виде. Я закурил одну из сигар Бибилони и философски отправился восвояси.

¹ Неверный шаг (франц.).

Там меня ждал еще один сюрприз: несмотря на столь поздний час, Голядкин еще не спал. Я улыбнулся. Не прошло и двух дней нашего железнодорожного путешествия, как этот неотесанный еврей стал изображать завсегдатая театров и клубов. Но ему было явно не по себе от ночной жизни. Он выглядел расстроенным и нервным. Не обращая внимания на то, что я клевал носом и зевал, Голядкин обрушил на меня все подробности своей никому не интересной биографии — возможно, вымышленные. По его словам, он был сначала конюхом, а потом любовником великой княгини Клавдии Федоровны. С цинизмом, напомнившим мне самые смелые пассажи «Жиль Бласа из Сантьяны», он поведал мне, что обманул доверие княгини и ее исповедника отца Абрамовича, украв огромный старинный бриллиант чистой воды, который лишь из-за небольшого дефекта не сделался самым дорогим в мире. Двадцать лет прошли с той ночи страсти, воровства и бегства. Красная волна вынесла за пределы царской империи ограбленную княгиню и ее бесчестного конюха. Уже на границе началась тройная одиссея: княгине пришлось зарабатывать на хлеб, Голядкин искал княгиню, чтобы вернуть ей бриллиант, международная банда воров искала украденный бриллиант с явным намерением лишить Голядкина жизни. На шахтах Южной Африки, в бразильских лабораториях, на боливийских базарах познал он все тяготы бродячей и нищей жизни, но тем не менее не желал продавать бриллиант — свой вечный упрек, свою единственную надежду. Со временем княгиня Клавдия стала для Голядкина олицетворением приветливой и щедрой России, раздавленной копытами красной

кавалерии и планами утопистов. С каждым днем ему все больше не хватало княгини; совсем недавно он узнал, что княгиня находится в Аргентине и, ничуть не утратив своего величия аристократки, владеет одним известным заведением в Авельянеде. Лишь в самую последнюю минуту он достал бриллиант из тайника; зная теперь о местопребывании княгини, он был готов скорее умереть, чем потерять его.

Конечно, эта длинная история, услышанная из уст человека, именовавшего себя конюхом и вором, меня насторожила. С присущей мне откровенностью я позволил себе усомниться в существовании драгоценности. Это задело Голядкина за живое. Из чемодана поддельной крокодиловой кожи он извлек два одинаковых футляра и открыл один из них. Все сомнения рассеялись: на бархате покоился брат-близнец знаменитого Кох-и-Нора. Ничто человеческое мне не чуждо. Мне стало жаль беднягу Голядкина, который некогда делил ложе с княгиней Федоровной, а сейчас в тряском вагоне изливал свою печаль аргентинцу, не скупившемуся на советы о том, как быстрее до нее добраться. Кроме того, я заявил, что преследование бандой воров ничто по сравнению с преследованиями полиции. Я дружески поведал ему — отчасти ее разукрасив — историю о том, как налет полиции на Salon Doré¹ связал мое имя (одно из древнейших в Республике) с Бог знает какими преступлениями.

Странная психология все-таки была у моего попутчика! Спустя двадцать лет после разлуки

¹ Золотой Салон (франц.).

с любимой, почти на пороге счастья, он все еще терзался страхами и тревогами.

Несмотря на мою не единожды подтвержденную славу человека богемы, у меня четкий распорядок дня. Было уже поздно, и я не мог долее бороться со сном. Я лег, но все прокручивал в уме историю бриллианта и княгини-грезы. Голядкин, воодушевленный благородной откровенностью моих слов, тоже не мог уснуть и всю ночь ворочался на верхней полке.

Наутро меня ждали две радости. Прежде всего, первые признаки еще далекой пампы уже наполняли благостью мою душу аргентинца и художника. Солнце озаряло поля. Под его благотворным ливнем телеграфные столбы, провода и придорожные сорняки будто плакали от счастья. Небо казалось бесконечным, свет как бы заполнял все вокруг. Телята словно разоделись к празднику. Вторая радость была психологического свойства. Перед завтраком отец Браун ясно дал понять нам, что крест и меч могут прекрасно уживаться. С авторитетностью и апломбом, которые дает духовное звание, он отчитал полковника Хэррапа, назвав его (по-моему, совершенно справедливо) ослом и грубияном. Отец Браун сказал, что хоть Хэррап и заносчив с разными безответными дурачками, но от людей с характером он держится на расстоянии. Хэррап в ответ молчал.

Вскоре выяснилась и причина такого поведения отца Брауна. Я неожиданно узнал, что Бибилони исчез той ночью. Юный поэт и был тем несчастным, на которого набросился солдафон.

— Позвольте уточнить, мой дорогой Монтенегро, — сказал Пароди. — Неужели ваш необычный поезд ни разу нигде не останавливался?

— Вы меня удивляете, друг Пароди. Неужели вам неизвестно, что Панамериканский экспресс идет без остановки от Боливии до Буэнос-Айреса? Впрочем, продолжу. Тем вечером светский разговор не клеился. Никто не мог говорить о чем-либо, кроме исчезновения Бибилони. К тому же, как заметил один пассажир, эта разрекламированная безопасность — гордость железнодорожных магнатов — после случая с Бибилони гроша ломаного не стоит. Я же заявил, что исчезновение Бибилони могло стать результатом свойственной ему поэтической отрешенности и что я сам, после встречи с музой, долго не могу спуститься на землю. Все эти разговоры, плоды многоцветного солнечного дня, канули в Лету, как только солнце зашло. К вечеру все погрузилось в меланхолию. Ночь принесла с собой уханье филина, напоминающее кашель чахоточного. В эти мгновения каждый перебирал свои воспоминания или чувствовал неясно-томительное предвестие беды. Даже колеса, казалось, отбивали в такт: *Би-би-ло-ни-у-бит, Би-би-ло-ни-у-бит, Би-би-ло-ни-у-бит.*

Той же ночью, после ужина, Голядкин (конечно, для того, чтобы развеять тревожную атмосферу, охватившую вагон-ресторан) как ни в чем не бывало вызвал меня на партию в покер. Так велико было его желание помериться именно со мной силами, что он с необъяснимым упорством отверг все предложения баронессы и полковника сыграть вчетвером. Разумеется, надеждам Голядкина был нанесен жестокий удар. Завсегдатай *Salon Dogé*, я не мог обмануть своих зрителей. Сперва мне отчаянно не везло, но потом, несмотря на мои отеческие предостережения, Голядкин проиграл все деньги: триста пятнадцать песо и сорок сентаво.

Полицейские потом отняли их у меня самым подлым образом. Я долго не забуду эту партию: плебей против светского человека, алчность против хладнокровия, иудей против арийца. Замечательная картина — иначе и не скажешь. Голядкин, решив сыграть ва-банк, выбежал из ресторана. Вернулся с чемоданом псевдокрокодиловой кожи и, достав один из футляров, положил его на стол. Он поставил бриллиант против трехсот проигранных им песо. Я дал ему этот последний шанс. Сдаю карты, у меня покер на тузах. Открываемся, и бриллиант княгини Клавдии — мой. Иудей, *navré*¹, отправляется восвояси. Что за минута!

*A tout seigneur, tout honneur*². Сцену увенчали горячие аплодисменты баронессы Пуффендорф. Она даже не скрывала удовлетворения от моей победы. Как всегда говорили в *Salon Dogé*, я ничего не делаю наполовину. Решение было принято: я позвал официанта и велел принести карту вин. После придирчивого осмотра я остановил выбор на бутылке шампанского «Эль Гайтеро». Мы с баронессой чокнулись.

Завсегдатай клубов всегда верен себе. После вчерашнего приключения другой на моем месте не сомкнул бы глаз всю ночь. Я же, презрев все удовольствия романтического *tête-à-tête*³, предпочел одиночество купе. А потому извинился и отправился восвояси. Усталость валила меня с ног. Помню, как, полусонный, я бродил по вагону. Не обращая никакого внимания на правила, придуман-

¹ Убитый горем (франц.).

² По месту и почет (франц.).

³ Здесь: свидания (франц.).

ные железнодорожными компаниями, чтобы ограничить свободу пассажира-аргентинца, я наконец забрался в какое-то купе и закрылся на задвижку, беспокоясь за сохранность своего бриллианта.

Скажу вам откровенно, уважаемый Пароди, этой ночью я спал одетым. Рухнул на полку и уснул без задних ног.

За умственные усилия всегда приходится расплачиваться. Той ночью меня душили кошмары. Постоянным рефреном звучал насмешливый голос Голядкина, повторявший: «Не скажу, где бриллиант!». Я вскочил на ноги. Моим первым движением было вытащить футляр из внутреннего кармана; поп рагеи¹ находился в целости и сохранности.

С облегчением я открыл окно.

Было ясно и свежо. Щebetали ранние птицы. По небу плыли облака, как и обычно в начале января. То было дремотное утро, одетое в саван из белесого тумана.

Из этой утренней поэтической сонливости меня вывел весьма прозаический стук в дверь. Я открыл. То был помощник комиссара Грондона. Он спросил меня, что я делаю в этом купе, и, не дожидаясь ответа, предложил пройти в мое. По способности находить дорогу я удивительно напоминаю ласточек. Невероятно, но мое купе оказалось соседним. Там царил полный беспорядок. Грондона посоветовал мне не строить из себя невинного младенца; от него я узнал то, о чем вы прочли в газетах. Голядкина выкинули с поезда. Кондуктор услышал его крик и включил сигнал тревоги. В Сан-Мартине в вагон зашли полицейские; все,

¹ Несравненный (франц.).

включая баронессу, в убийстве Голядкина обвинили меня. Поразительная деталь: посреди всей этой кутерьмы я заметил, что полковник сбрил бороду.

2

Через неделю Монтенегро опять появился в тюрьме. Еще в полицейском фургоне он вспомнил не меньше четырнадцати разных историй и семи акростихов Гарсиа Лорки, рассчитывая восполнить пробелы в образовании своего нового протеже — Исидро Пароди, *habitué*¹ камеры № 273. Однако упрямый парикмахер извлек засаленную колоду карт из своего тюремного колпака и предложил, а точнее, заставил Монтенегро сыграть в труко.

— Нет игры, в которой я не знал бы толк, — заявил Монтенегро. — В моем родовом гнезде, замке с зубчатыми башнями, что отражается в стремительных водах Параны, я с удовольствием проводил время в простом и бодрящем общении с гаучо. Моя коронная фраза — «бью и сдаю» — заставляла трепетать самых отъявленных шулеров во всей Дельте.

Вскоре Монтенегро, проигравший обе партии, признал, что труко, в силу его крайней простоты, не представляет интереса для виртуоза бриджа и *chemin de fer*².

Пароди произнес:

— Для того чтобы вознаградить вас за урок труко, преподанный бедному старику, неспособному играть даже с прирожденными идиотами, я вам

¹ Здесь: обитателя (франц.).

² «Железная дорога» (франц.) — название карточной игры.

расскажу одну историю. Она о человеке очень храбром и очень несчастном, человеке, которого я весьма уважаю.

— Понимаю вас, мой дорогой Пароди, — сказал Монтенegro, без стеснения закуривая одну из «Сублимес». — Эти слова делают вам честь.

— Нет, речь не о вас. Я говорю об одном усопшем. Я его не знал. В России он был и конюхом, и поклонником одной дамы, обладательницы драгоценного бриллианта. Эта дама в своей стране была княгиней. Но для любви законов не существует. Юноша, опьяненный подобным счастьем, испытал минутную слабость — а с кем не бывает? — и сбежал с бриллиантом. Когда он одумался, было уже поздно. Большевиcтская революция развела их по разным концам света. Сначала в Южной Африке, а потом в Бразилии банда воров хотела отнять у него сокровище. У них ничего не вышло: молодой человек умело его прятал. Сама драгоценность была ему не нужна, — он хотел с ее помощью вернуться к своей даме. Спустя многие годы, полные лишений, он выяснил, что дама его сердца находится в Буэнос-Айресе. Путешествие с бриллиантом было опасным, однако он не отступился. В поезде его настигла банда воров: один прикинулся священником, другой — военным, еще один — провинциалом, даме пришлось нанести на лицо обильную косметику. И вот к числу пассажиров присоединяется наш соотечественник, актер, горячая голова. Ему много чего приходилось видеть в жизни, а потому окружающие его совершенно не удивляют... Однако фарс налицо. Священник, выбравший себе имя из журнальчиков Ника Картера; уроженец Катамарки; дама, решив-

шая заделаться баронессой, так как в этой истории уже замешана одна княгиня; старик, за ночь расстающийся с бородой, способный поднять вас (при ваших-то восьмидесяти килограммах) и запереть в уборной. Все это были люди решительные. На все про все у них было четыре ночи. В первую ночь вы ввалились в купе к Голядкину и все расстроили. На следующую ночь вы опять, не желая того, его спасли: псевдобаронесса одурманивала его любовными речами, но после вашего прихода вынуждена была удалиться. На третью ночь, пока вы, как приклеенный, торчите у дверей баронессы, уроженец Катамарки нападает на Голядкина. Это для него кончается плохо: Голядкин сбрасывает его с поезда. Именно поэтому в ту ночь еврей сильно нервничал и ворочался на своей полке. Он думал о том, что уже случилось, и о том, что еще может случиться; об этом же он думал и в четвертую — самую опасную из всех, — в свою последнюю ночь. Он вспоминал фразу священника о том, что для спасения души необходимо ее потерять. Он решил прекратить борьбу и расстаться с бриллиантом, чтобы спасти его. Вы рассказали Голядкину о полицейской истории, в которую оказались замешаны; он понял, что если его убьют, то вы станете первым подозреваемым. В эту ночь он извлек два футляра для того, чтобы воры поверили в существование двух бриллиантов — настоящего и фальшивого. У всех на виду Голядкин проигрывает бриллиант в карты. Воры считают, что он хочет убедить их в том, что проиграл настоящий бриллиант, а потому усыпляют вас, подмешав что-то в шампанское. Затем они вламываются в купе Голядкина и требуют отдать им настоящий бриллиант.

Вы слышали сквозь сон, как Голядкин повторял, что не знает, где драгоценность. Более того, чтобы обмануть их, он заявил, что бриллиант у вас. План этого смельчака удался: на рассвете его убивают, но бриллиант у вас в полной сохранности. Разумеется, по прибытии в Буэнос-Айрес полиция отнимает у вас драгоценность и возвращает ее законной владелице.

Возможно, Голядкин считал, что жить больше незачем: двадцать лет отделяют его от княгини, которая сейчас заправляет одним заведением с сомнительной славой. К тому же, будь я на его месте, мне тоже было бы страшно.

Монтенегро достал еще одну папиросу из пачки «Сублимес» и закурил.

— История стара как мир, — сказал он. — Что же, неповоротливый ум подтвердил догадки превосходной интуиции художника. С самого начала я сомневался в баронессе Пуффендорф-Дювернуа, в Бибилони, в отце Брауне и более всего — в полковнике Хэррапе. Будьте спокойны, мой дорогой Пароди: я все немедленно расскажу властям.

Кекен, 5 февраля 1942 года

Бог быков

Памяти поэта Александра Поупа

1

С отличавшей его всегда мужественной откровенностью, поэт Хосе Форmento, не колеблясь, повторял дамам и мужчинам, заходившим в Дом искусств на углу улиц Флорида и Тукуман: «Для меня нет большего праздника, чем словесные поединки моего учителя Карлоса Англады с этим Монтенегро, словно рожденным в восемнадцатом веке. Маринетти против лорда Байрона, сорок лошадиных сил против аристократического тильбюри, пулемет против шпаги». Эти поединки приносили радость и самим участникам, которые в повседневной жизни относились друг к другу с огромным уважением. Узнав о похищении писем, Монтенегро (со времени женитьбы на княгине Федоровне он покинул театр и посвящал свой досуг написанию большого исторического романа, а также расследованию преступлений) предложил Карлосу Англаде воспользоваться его проницательностью и связями, но одновременно дал ему понять об уместности визита в камеру № 273, где в тот момент находился в заключении его коллега Исидро Пароди.

Тот, в противоположность читателю, ничего не знал о Карлосе Англаде: он не читал ни сонетов из «Старческих пагод» (1912), ни пантеистических од из сборника «Я — это другие» (1921), ни написанных

сплошь заглавными буквами текстов из книги «Как поглядишь, так напрудитишь» (1928), ни фольклорного романа «Дневник гаучо» (1931), ни хотя бы одного из «Гимнов миллионерам» (пятьсот нумерованных экземпляров плюс дешевое издание, напечатанное в миссионерской типографии Дома Боско, 1934), ни «Литургии хлебов и рыб» (1935), ни — какими бы скандальными они ни казались — ученых трудов, выпущенных издательством «Пробета» («Записки ныряльщика, изданные попечением Минотавра», 1939)¹. Нам горько сознаться, что за двадцать лет заключения Пароди не нашел времени изучить «Путь Карлоса Англады (веки жизни лирика)». В этом незаменимом труде Хосе Форmento, по совету самого учителя, проследил основные этапы его творчества: литературный дебют в качестве модерниста; переработку (иногда на грани переписывания) произведений Хоакина Бельда; пантеистский пыл 1921 года, когда поэт, желая полного слияния с природой, отвергал ношение обуви и расхаживал, хромя, с кровоточащими ступнями, между клумбами своего кокетливого шале в Висенте Лопесе; отрицание холодного интеллектуализма — те баснословные времена, когда Англада, в компании бонны и чилийского издания Лоуренса, бесстрашно отправлялся на берега озер Палермо, по-детски одетый в матросскую курточку, вооруженный обручем и самокатом; нищиеан-

¹ Полная библиография Карлоса Англады включает также: грубо натуралистический роман «Плоть салонов» (1914), добродушную палинодию «Дух салонов» (1914), уже устаревший манифест «Речь к Пегасу» (1917), путевые заметки «В начале был пульмановский вагон» (1923) и четыре пронумерованных выпуска журнала «Ноль» (1924—1927). (Примечание автора.)

ское пробуждение, вылившееся в «Гимны миллионерам», аристократическую по духу книгу (источником для нее послужила одна статья Асорина), о которой вскоре будет сожалеть новообращенный сторонник Евхаристического конгресса; наконец, период бескорыстной любви к человечеству и шатания по провинции, где учитель подставляет под скальпель критики новые ряды лишенных аудитории поэтов, снабжая их рупором в виде издательства «Пробета», которое имеет больше сотни подписчиков и несколько *plaquettes*¹ в стадии подготовки.

Карлос Англада выглядел не так беспокожно, как можно было подумать после знакомства с его портретом и списком произведений. Дон Исидро, заваривавший мате в голубом кувшинчике, поднял глаза и увидел его — полнокровного, высокого, плотного, преждевременно облысевшего, с хмурым и упрямым взглядом, с густыми подкрашенными усами. Он носил, как весело говорил Хосе Форменто, *костюм в клетку*. За ним следовал некий господин, который вблизи походил на Англаду, увиденного издали: лысина, глаза, усы, комплекция, костюм в клетку, — все повторялось, но в уменьшенном размере. Проницательный читатель уже догадался, что этим молодым человеком был Хосе Форменто, апостол, евангелист Англады. Скучать ему не приходилось. Изменчивость Англады, этого современного Фреголи духа, отвратила от себя многих его учеников, менее терпеливых и преданных, чем автор «Пипи-люльки» (1929), «Заметок заготовителя домашних птиц и яиц» (1932), «Оды к адми-

¹ Брошюр (франц.).

нистраторам» (1934) и «Воскресенья на небесах» (1936). Как известно каждому, Форmento преклонялся перед учителем; это дополнялось в нем сердечной снисходительностью, не исключавшей порой дружеского упрека. Форmento был не только учеником, но также и секретарем — своего рода *bonne à tout faire*¹, состоящей при каждом великом писателе, чтобы расставлять запятые и править орфографию в гениальных рукописях.

Англада сразу же перешел к делу:

— Простите меня, я буду говорить с прямою мотоцикла. Я пришел сюда по подсказке Гервасио Монтенегро. Сразу уточню: я не верю — и никогда не поверю, — что заключенный — подходящая фигура для раскрытия загадочных преступлений. Само по себе мое дело несложно. Живу я, как все знают, в Висенте Лопесе. Внутри моего кабинета — моей фабрики метафор, чтобы вам стало понятнее, — стоит железный сейф; этот куб, запертый на замок, содержит (лучше сказать, содержал) связку писем. Никакого секрета тут нет. Мою корреспондентку и поклонницу зовут Мариана Руис Вильяльба де Муньягорри, для близких друзей — Монча. Видите, я сразу выкладываю карты на стол. Несмотря на разные клеветнические слухи, между нами нет любовной связи. Мы вращаемся в более высоких сферах, обитаем в мире интеллекта и эмоций. Впрочем, аргентинец никогда не поймет этих тонкостей. Мариана — прекрасная душа, и больше того: прекрасная женщина. Щедро одаренная от природы, она обладает особой чувствительностью к современным веяниям. Мой первый сборник,

¹ Горничной на все руки (франц.).

«Старческие пагоды», вдохновил ее на сочинение сонетов. Мне пришлось исправлять эти десятистишья. Мелькавшие временами александрийские стихи выдавали прирожденную склонность к свободным формам. И действительно, сейчас она пробует свои силы в прозе. Ее перу уже принадлежат: «Дождливый день», «Мой пес Боб», «Первый день весны», «Сражение при Чакабуко», «Почему мне нравится Пикассо», «Почему мне нравятся сады» и так далее. Впрочем, я возвращаюсь к более доступному для вас сюжету: обстоятельствам преступления. Как известно, я люблю устраивать у себя многолюдные собрания. 14 августа я открыл ворота своего шале любопытной компании — авторам и подписчикам издательства «Пробета». Первые требовали публикации своих рукописей, вторые — возврата выброшенных на ветер денег. В такой обстановке я ощущаю себя счастливым, как подлодка в морских глубинах. Шумные посиделки продолжались до двух ночи. Я по натуре прежде всего боец и потому выстроил баррикаду из кресел и табуретов, благодаря чему спас изрядную часть посуды. Форменто, в котором больше от Одиссея, чем от Диомеда, попытался утихомирить спорщиков посредством деревянного подноса со сдобой и стаканами лимонада. Бедный Форменто! Он лишь усилил поток метательных снарядов, исходивший от моих недоброжелателей. Когда удалился последний из *rompiers*¹, Форменто, с незабываемой преданностью, вылил на мою голову ведро воды и тем вернул мне обычную просветленность сознания яркостью в три тысячи свечей. В ходе схватки я сочи-

¹ Здесь: обывателей (франц.).

нил виртуозное стихотворение. Его название — «Держаться на гребне!», а последняя строка звучит так: «И Смерть я застрелил тогда в упор». Было бы неосторожно потерять эту драгоценность, рожденную подсознанием. Я немедленно отпустил своего ученика. Тот потерял в разгаре словопрений свой бумажник. Без лишних слов он обратился ко мне за помощью, чтобы добраться до Сааведры. Ключ от неприкосновенного сейфа всегда надежно спрятан в моем кармане; я извлек его, повертел в руках, употребил по назначению. В ящике обнаружили искомые монеты, но не обнаружилось писем Мончи — простите, Марианы Руис Вильяльба де Муньягорри. Испытанное потрясение не умерило моей энергии. Мыслитель с головы до ног, я обшарил дом и окрестности, от газовой колонки до выгребной ямы. Результат поисков был отрицательным.

— Держу пари, что в шале писем нет, — слышался глухой голос Форmento. — Пятнадцатого утром я вернулся с выписками из «Кампано илюстрада», которые учитель затребовал для своих исследований. Я предложил поискать еще раз, но не нашел ничего. Хотя неправда. Я обнаружил нечто ценное для сеньора Англады и для Республики. Сокровище, из-за рассеянности поэта схороненное в подвале: четыреста девяносто семь экземпляров давно распроданного «Дневника гаучо».

— Извините моего ученика за его пылкую страсть к литературе, — тут же отозвался Карлос Англада. — Эти ученые находки не могут заинтересовать такого человека, как вы, склонного сразу погрузиться в стихию расследования. Вот факты: письма исчезли; в руках человека мало шепетильного эти

излияния незаурядной женщины, шквал мыслей и чувств, запечатленных на бумаге, могут стать причиной скандала. Речь идет о человеческих документах, где стиливые эффекты (прилежно скопированные с моих вещей) не могут скрыть хрупкого внутреннего мира светской женщины. Вгeф: отличная пожива для пиратских чилийских издательств.

2

Неделю спустя перед Национальной тюрьмой на улице Лас-Эрас остановился длинный «кадиллак». Дверь автомобиля открылась. Некий джентльмен — серое пальто, дивные брюки, светлые перчатки, трость с ручкой в виде собачьей головы — выбрался из него с элегантностью, слегка *surappée*¹, и твердым шагом проследовал через двор.

Грондона, помощник комиссара, оказал ему раболепный прием. Джентльмен согласился выкурить гаванскую сигару из Байи и был препровожден в камеру № 273. Дон Исидро, увидев его, спрятал пачку своих «Сублимес» под тюремный ночной колпак и мягко произнес:

— До чего же хорошо идет торговля живой плотью в Авельянеде. Это занятие истощило уже не одного; но вас оно, я вижу, округляет.

— *Touché*², мой дорогой Пароди, *touché*. Мой *embopoint*³ бросается в глаза. Княгиня передает вам привет, — ответил Монтенегро в промежутке между двумя голубыми облачками дыма. — Наш

¹ Старомодной (франц.).

² Задет (франц.).

³ Полнота, дородность (франц.).

общий друг Карлос Англада (блестящий ум, каких мало, но ему недостает латинской дисциплины) тоже часто вспоминает о вас. Даже слишком часто, *inter pos*¹. Не далее как вчера он ворвался в мой кабинет. Достаточно было двух громких хлопков дверью и учащенного дыхания, чтобы такой опытный физиогномист, как я, мигом усмотрел все признаки нервного возбуждения. Я все сразу же понял: автомобильные пробки и спокойствие духа несовместимы. Вы поступили разумнее и сделали правильный выбор: заключение, размеренная жизнь, никаких возбудителей. Ваш крохотный оазис в центре города кажется другим миром. Наш друг не так крепок: любая мелочь приводит его в расстройство. Сперва он воспринял потерю писем стоически, как подлинный *clubman*²; вчера я открыл, что его спокойствие было мнимым. Он по-настоящему глубоко ранен, *blessé*. У меня, за бутылкой мараскина тысяча девятьсот тридцать четвертого года, в успокаивающем дыму сигары, Англада сбросил маску. Мне понятна его тревога. Публикация писем Мончи станет тяжелым ударом для нашего общества. Женщина *hors concours*³, мой дорогой друг: красота, богатство, происхождение, талант, — современный дух в сосуде венецианского стекла. Карлос Англада, удрученный, настаивает, что публикация писем будет для него катастрофой и вызовет *besogne*⁴ — совершенно неблагоприятную — послать вызов этому вспыльчивому Муньягорри. Как

¹ Между нами (*лат.*).

² Здесь: завсегдатай клуба (*англ.*).

³ Несравненная (*франц.*).

⁴ Задачу (*франц.*).

бы то ни было, досточтимый Пароди, прошу вас не терять хладнокровия. Я уже сделал первый из необходимых шагов: пригласил Карлоса Англаду и Форmento провести несколько дней в имении Муньягорри «Ла-Монча». *Noblesse oblige*: нужно признать, что деятельность Муньягорри преобразила к лучшему всю местность вокруг Пилара. Вам было бы полезно увидеть это чудо вблизи. Поместье Муньягорри — одно из немногих, где бесценное наследие аргентинской нации сохраняется и преумножается. Если бы не присутствие самого хозяина, деспотичного на старинный манер, ничто не омрачало бы дружескую встречу. Мариана, как обычно, будет обворожительна с гостями. Должен сказать, что эта поездка — не причуда художника: наш семейный доктор Мухика рекомендует мне обратить серьезнейшее внимание на мой *sitemap*¹. Несмотря на сердечные просьбы и настояния Марианы, княгиня не сможет к нам присоединиться. Ее удерживает множество дел в Авельянеде. Я же, наоборот, продолжу свою *villégiature*² вплоть до весеннего равноденствия. Как вы заметили, я не остановился перед применением решительных средств. Что до расследования, то разгадку местонахождения писем я оставляю вам. Завтра же, в десять часов, веселый караван автомашин ринется от кенотафа в Ривадавии прямо к «Ла-Монче»: опьянение бескрайними горизонтами, свобода!

Точным движением руки Гервасио Монтенегро повернул к себе свой золотой «Вашерон э Константэн».

¹ Переутомление (франц.).

² Пребывание (франц.).

— Мое время — на вес золота, — объявил он. — Я обещал еще зайти к полковнику Хэррапу и преподающему Брауну, вашим *confrères*¹ по заключению. Только что я побывал на улице Сан-Хуан, у баронессы Пуффендорф-Дювернуа, *pée*² Пратолонго. Она, как и прежде, преисполнена достоинства, но ее абиссинский табак невыносим.

3

Вечером пятого сентября в камеру № 273 вошел посетитель в траурной повязке и с зонтиком. Он тут же начал говорить, и говорил с мрачной живостью; но дон Исидро отметил его озабоченность.

— Сейчас у меня настроение как у солнца в час захода. — Хосе Форmento неопределенно махнул рукой в сторону слухового окошка над умывальником. — Вы назовете меня Иудой, поглощенным общественной жизнью, в то время как учитель подвергается преследованию. Но мной двигают другие мотивы. Я пришел получить от вас помощь — точнее, просить вас о помощи, ведь вы приобрели такие обширные связи за много лет близких контактов с властями. Без любви милосердие невозможно. Как выразился Карлос Англада в своем призыве к «Юным земледельцам», «чтобы разобраться в тракторе, нужно полюбить трактор»; чтобы разобраться в Карлосе Англаде, нужно полюбить Карлоса Англаду. Вероятно, книг учителя недостаточно для успешного расследования; я принес вам экземпляр моего «Пути Карлоса Англады».

¹ Собратьям (*франц.*).

² Урожденной (*франц.*).

Здесь человек, сбивающий с толку критиков, интересующий полицию, предстает порывистым, почти как ребенок.

Он открыл книгу наугад и протянул ее Пароди. Тот действительно увидел фотографию Карлоса Англады, облысевшего и полного сил, одетого в матросскую курточку.

— Не спору, вы можете стать выдающимся фотографом; но мне надо услышать от вас, что произошло начиная с вечера двадцать девятого; мне также хотелось бы знать, как вел себя каждый. Я прочел статейки Молинали. В голове у него явно не мусор, но такое множество журналистских баек выведет из себя кого угодно. Не волнуйтесь, юноша, и расскажите все по порядку.

— Я изложу вам последовательность событий. Двадцать четвертого мы приехали в поместье. Необычайная сердечность и превосходная атмосфера. Сеньора Мариана (костюм для верховой езды от Редферна, пончо от Пату, ботинки от Гермеса, косметика *plein-air*¹ от Элизабет Арден) приняла нас с обычным радушием. Дуэт Англада—Монтенегро обсуждал солнечный закат до самой темноты. Англада нашел, что он уступает по яркости фарам автомобиля, пожирающего асфальт; Монтенегро — что сонеты мантуанца неизмеримо прекраснее. Наконец, оба спорщика утопили полемический задор в вермуте с биттером. Мануэль Муньягорри, обооруженный тактичностью Монтенегро, примирился с нашим визитом. Ровно в восемь гувернантка (блондинка, верьте мне, вульгарная до невозможности) ввела Пампу, единственный плод этого счаст-

¹ Для пребывания на свежем воздухе (франц.).

ливого союза. Сеньора Мариана, стоявшая на верхней ступеньке лестницы, протянула руки навстречу ребенку, и тот, в широких штанишках и с кинжальчиком на поясе, побежал, чтобы утонуть в материнских ласках. Незабываемая сцена потом разыгрывалась каждый вечер: она показала нам прочность семейных уз в этой светской и богемной обстановке. Гувернантка тут же увела Пампу обратно. Муньягорри объяснил, что вся педагогическая наука заключена в заповеди царя Соломона: если пожалеешь для ребенка палки, то испортишь его. Чтобы заставить его носить широкие штаны и кинжальчик, насколько мне известно, он применял на практике именно это правило.

Двадцать девятого вечером мы наблюдали с террасы за величественным шествием стада быков. Такая сельская сценка стала возможной благодаря сеньоре Мариане. Если бы муж не старался для нее, нам бы не досталось этого и других даровых впечатлений. Должен откровенно заметить, что сеньор Муньягорри (как животновод он, безусловно, знает свое дело) оказался неразговорчивым и неучтивым хозяином. Он почти не общался с нами, предпочитая беседовать со своими управляющими и пеонами. Будущая ярмарка в Палермо интересовала его куда больше, чем то чудесное общение Природы с Искусством, пампы с Карлосом Англадой, которое разворачивалось в его имении. Пока животные, черные на фоне заходящего диска, шагали перед домом, наверху, на террасе, разговор становился все более шумным и оживленным. Одна лишь фраза Монтенегро насчет царственного вида быков воспламенила Англаду. Учитель, ощутив себя в привычной стихии, симпровизировал одну

из тех красочных лирических тирад, что одинаково изумляют историка и филолога, холодный рассудок и щедрое сердце. Он сказал, что в прошлом быки были священными животными; еще раньше — священниками и царями; еще раньше — богами. А также, что вот это солнце, освещающее вереницу быков, некогда видело в критском лабиринте вереницы людей, приговоренных к смерти за оскорбление быка. Он говорил о людях, которых погружение в теплую бычью кровь сделало бессмертными. Монтенегро хотел что-то вставить насчет кровавой корриды со специальными насадками на рога быков, которую он наблюдал в Ниме, под палящим провансальским солнцем, но Муньягорри, неспособный к интеллектуальным разговорам, заявил, что в быках Англада понимает не больше, чем любой бакалейщик. Восседавая в необъятном соломенном кресле, он утверждал, разумеется, что провел детство среди быков и что они — животные, мирные до трусости, но большие сумасброды. Я заметил, что, намереваясь убедить Англаду, он пытался загипнотизировать его — потому что не спускал с него глаз. Мы оставили учителя и Муньягорри в разгаре спора; под предводительством такой несравненной хозяйки, как сеньора Мариана, Монтенегро и я рассмотрели в деталях электрогенератор. Ударили в гонг; мы сели обедать и уже заканчивали доедать жаркое, когда возвратились спорщики. Было очевидно, что учитель взял верх. Муньягорри, поверженный и насупленный, не проронил за обедом ни слова.

На следующий день он пригласил меня съездить в Пилар. Мы отправились вдвоем в его колыске. Как истинный аргентинец, я дышал полной

грудью во время поездки по настоящей пыльной пампе. Солнце по-отечески лило свой благодатный свет на наши головы. Но почтовая служба действует и на этих немощеных пространствах. Пока Муньягорри поглощал огненную влагу в местной лавке, я доверил почтовому ящику мой горячий привет издателю на оборотной стороне карточки, запечатлевшей меня в костюме гаучо. Дорога назад была подлинным кошмаром. К сильным толчкам на *via crucis*¹ теперь добавилась пьяная болтовня моего спутника. Признаюсь, что я сжалился над рабом алкоголя и простил ему этот отвратный спектакль. Он хлестал коня, будто собственного сына; коляска тряслась так, что я все время опасался за свою жизнь.

В имени льняные компрессы и чтение одного из старых манифестов Маринетти вернули мне душевный покой.

А сейчас, дон Исидро, мы подходим к тому вечеру, когда случилось преступление. Ему предшествовало досадное событие: Муньягорри, неизменный поклонник Соломона, приказал дать немалое число палок по мягким местам Пампы, который, совращенный лживыми приманками экзотики, отказался носить ножик и хлыстик. Мисс Билхем, гувернантка, не сумела удержаться на своем месте и еще немного продлила малоприятную сцену, горько жалуясь на Муньягорри. Смее утверждать без колебаний, что учительница проявила столько несдержанности, имея новую перспективу: Монтенегро, обладающий нюхом на прекрасные души, предложил ей Бог знает какое место в Авельянеде.

¹ Крестном пути (*лат.*).

Все разошлись в скверном настроении. Хозяйка, хозяин и я направились к австралийскому пруду; Монтенегро вернулся в дом вместе с гувернанткой. Муньягорри, озабоченный предстоящей ярмаркой и нечувствительный к природным красотам, решил еще раз полюбоваться на быков. Одиночество и работа — вот две опоры для настоящего литератора; я воспользовался поворотом дороги, чтобы покинуть моих друзей, и ушел в свою спальню, настоящее убежище без окон, куда не долетает ни малейшего звука из внешнего мира. Я зажег свет и углубился в работу над адаптированным переводом «*La soignée avec M. Teste*»¹. Но работать было невозможно. В соседней комнате разговаривали Монтенегро и мисс Билхем. Дверь я не закрыл — из боязни обидеть этим мисс Билхем и не желая задохнуться. Вторая дверь в моей комнате вела, как вы знаете, в полный запах кухонный дворик.

Послышался крик, но не из комнаты мисс Билхем; я вроде бы узнал неповторимый голос сеньоры Марианы. Пробежав через коридоры и лестницы, я добрался до террасы.

Там на фоне заката, со сдержанностью великой актрисы, что всегда в ней жила, сеньора Мариана указывала на жуткую картину, — к несчастью, мне никогда ее не забыть. Внизу, как и вчера, шествовали быки; наверху, как и вчера, хозяин наблюдал за их медленным шествием; но на этот раз они шествовали только для одного человека — и этот человек был мертв. В плетеной спинке сиденья я обнаружил кинжальчик.

¹ «Вечер с господином Тэстом» (франц.).

Поддерживаемый ручками высокого кресла, в нем восседал мертвец. Англада с ужасом заметил, что таинственный убийца воспользовался ножиком ребенка.

— Скажите, дон Форmento, как преступник получил этот ножик?

— Загадка. Мальчик, оскорбив отца, в припадке гнева забросил свой наряд гаучо за клумбу с гортензиями.

— Я так и думал. А как объяснить присутствие хлыстика в комнате Англады?

— Очень просто, но причины этого детективам не понять. Как показывает фотография — вы ее видели, — в бурной жизни Англады был период, заслуживающий названия «детский». И сегодня борец за авторские права, защитник принципа «искусство для искусства» все еще поддается неодолимому притяжению, которое оказывают игрушки на взрослых.

4

Девятого сентября в камеру № 273 вошли две дамы в трауре. Одна — блондинка, с мощными бедрами и полными губами; другая — одетая с большой скромностью, худенькая, с девичьей грудью и стройными короткими ногами.

Дон Исидро обратился к первой:

— Судя по всему, вы и есть вдова Муньягорри.

— Что за *gaffe*! — воскликнула другая тонким голосом. — Вы говорите невозможные вещи. Как вы могли спутать ее со мной? Она всего лишь меня

¹ Промашка, оплошность (франц.).

сопровождает. Это Fgäulein, мисс Билхем. Сеньора Муньягорри — это я.

Пароди предложил им два табурета, а сам уселся на койку. Мариана без стеснения приступила к разговору:

— До чего же милая комнатка, и так не похожа на дом моей свойственницы, где повсюду ширмы, сплошной ужас. Вы попали под влияние кубизма, сеньор Пароди, хотя он вышел из моды. На вашем месте я бы покрыла эту дверь белой краской. Обожаю железо, выкрашенное в белый цвет. Микки Монтенегро (вы не находите, что он просто гений?) посоветовал зайти к вам. Как удачно, что мы вас встретили. Я хочу с вами поговорить. Так надоело повторять эту историю комиссарам полиции, которые заваливают меня вопросами, и моим свойственницам, настоящим занудам.

Я расскажу вам, что случилось тридцатого числа, начиная с самого утра. В имении были Форменто, Монтенегро, Англада, я и мой муж, больше никого. Жаль, что княгиня не смогла прийти: в ней есть шарм былых времен, редкая вещь после появления коммунистов. Посмотрите, что делает женская и материнская интуиция. Когда Консуэло принесла мне сливовый сок, у меня голова просто разрывалась на куски. До чего же мужчины непонятливы! Сперва я отправилась в спальню Мануэля, но он не пожелал меня слушать: его больше волновала собственная головная боль, совсем пустяковая. Женщины, проходящие школу материнства, все-таки покрепче. Впрочем, он сам виноват: не надо было поздно ложиться. Накануне он засиделся чуть ли не до утра, обсуждая какую-то книгу вместе с Форменто. Зачем говорить о том, в чем совершенно не разбираешься? Я застала лишь окончание

спора, но сразу поняла, о чем речь. Пепе — то есть Форmento — хочет издать адаптированный перевод «*La soirée avec M. Teste*». Чтобы сделать его доступнее массам — в конце концов, задача именно в этом, — он придумал такое заглавие: «Вечеринка с господином Мозговитым». Мануэль, не желающий и слышать, что милосердие без любви невозможно, решил его отговорить. Он сказал, что Поль Валери советует другим мыслить, а сам не делает этого, и точно так же Форmento, у которого уже готов перевод, и я тоже, ведь я всегда повторяю в Доме искусств, что надо пригласить Валери для чтения лекций. День был какой-то странный: от северного ветра всем стало не по себе, особенно мне, чувствительной к капризам погоды. Даже Fräulein дошла до того, что поссорилась с Мануэлем из-за Пампы, который не любит костюм гаучо. Но зачем я рассказываю вам то, что было накануне? Тридцатого, после чая, Англада, который думает лишь о себе и не знает, что я ненавижу прогулки, едва не заставил меня показать ему австралийский пруд, хотя солнце так пекло, а мухи жуть как одолевали. К счастью, я увернулась от него, чтобы возвратиться к своему Жионо; только не говорите, что вам не нравится «*Accompagné de la flûte*¹». Это потрясающая книга: читаешь и забываешь о скуке поместья. Но до того я решила навестить Мануэля, который пошел на террасу: он ведь без ума от своих быков. И вот я застываю на месте: Боже, какая сцена! Я, в розовой блузке и шортах от Вионне, стою, опершись на перила, а в двух шагах от меня Мануэль, пригвожденный к креслу: кто-то воткнул ему в спину ножик Пам-

¹ «Под аккомпанемент флейты» (франц.).

пы. Хорошо, что невинный ребенок охотился на кошек и не видел жуткой картины. К вечеру он пришел домой с полудюжиной кошачьих хвостов.

Мисс Билхэм добавила:

— Пришлось их выкинуть, так они воняли.

Это было сказано почти сладострастным голосом.

5

Тем сентябрьским утром Англада находился в припадке вдохновения. Его ясный ум проникнул как прошедшее, так и грядущее: историю футуризма и сети, тайно сплетаемые за спиной Англады несколькими *hommes de lettres* с целью заставить его принять Нобелевскую премию. Когда Пароди подумал, что словесный поток иссякает, Англада вытащил из кармана письмо и снисходительно усмехнулся:

— Несчастный Форменто! Решительно, чилийские издатели-пираты знают свое дело. Прочтите письмо, мой друг Пароди. Они не желают выпускать этот забавный перевод Валери.

Дон Исидро покорно прочел:

«Уважаемый г-н Форменто,

Мы вынуждены повторить то, о чем уже писали в ответах на Ваши письма от 19, 26 и 30-го сего августа. Мы не в состоянии выделить средства на Вашу книгу, поскольку больших расходов потребовали подготовка клише, покупка прав у Диснея, а также выпуск рождественских открыток на иностранных языках. Это не позволяет нам осуществить издание, если только Вы не покроете расходы на бумагу и размещение экземпляров на мебельном складе».

Дон Исидро наконец смог начать свою речь:

— Это письмо будто с неба свалилось. Теперь я могу связать все концы. Вы только что позволили себе удовольствие говорить о книгах. Я тоже могу кое-что о них сказать. Последнее, что я прочел, — вот этот труд с прелестными фотографиями: вы на ходулях, вы в детской одежде, вы на велосипеде. Я от души посмеялся. Кто бы сказал, что дон Форmento, женоподобный, унылый тип, сможет так поиздеваться над глупцом вроде вас. Все его книга — сплошная насмешка: у вас выходят «Гимны миллионерам» — почтительный ученик выпускает «Оды к издателям», вы печатаете «Дневник гаучо», а он — «Заметки заготовителя домашних птиц и яиц». Выслушайте меня: я объясню вам все, что произошло, с самого начала.

Сперва ко мне пришел некий болван с рассказом о краже писем. Я отнесся к этому не слишком серьезно: если у человека что-то пропало, он не станет поручать поиски заключенному. Болван сообщил, что письма могут скомпрометировать одну даму; что между ним и дамой ничего не было, а переписка была дружеской. Он сказал так, чтобы я посчитал даму его возлюбленной. Через несколько дней является этот ангел во плоти, Монтенегро, и говорит, что болван заходил к нему, очень озабоченный. В тот раз вы действительно повели себя так, словно потеряли что-то. Вы пошли к человеку, находившемуся на свободе и знаменитому своими расследованиями. Потом все отправляются за город, Муньягорри погибает, дон Форmento и эта женщина с причудами по очереди надоедают мне, и я начинаю кое о чем догадываться.

Вы сказали мне, что у вас украли письма. И почти дали понять, что украл их Форmento. Вы хотели, чтобы о письмах начали говорить, чтобы люди подумали Бог знает что о вас и о госпоже Муньягорри. А потом ложь стала правдой: Форmento украл письма. Он сделал это, рассчитывая их опубликовать. Вы довели его до изнеможения: после двух часов монолога, который мне пришлось сегодня от вас претерпеть, я не осуждаю молодого человека. Его охватило такое бешенство, что он уже не мог выносить двусмысленности. И задумал опубликовать письма, чтобы покончить с этим раз и навсегда, чтобы вся Республика видела: между вами и Марианой нет ничего. Для Муньягорри все представлялось в другом свете. Он не желал видеть, как набитая всяческим вздором книжка выставляет его жену на посмешище. Двадцать девятого Муньягорри объяснился с Форmento. Об этом Форmento ничего мне не сказал; в разгар их спора вошла Мариана, но им удалось сделать вид, что речь идет о переводе Форmento с французского. Как будто сельскому жителю интересны книги людей вашего круга! На следующий день Муньягорри отвез Форmento в Пилар, чтобы тот отправил письмо издательству о приостановке выхода книги. Форmento понял, что дело пахнет табаком, и решил избавиться от Муньягорри. Такой исход дела не слишком его расстраивал: ведь он жил в страхе, что раскроется его роман с сеньорой Муньягорри. Эта глупышка не могла держать язык за зубами и повторяла все его слова — о любви и милосердии, об уволенной англичанке... Один раз она даже выдала себя, назвав его по имени.

Когда Форmento увидел, как мальчик сбросил свой костюмчик гаучо, он понял, что час настал. Он действовал наверняка. Ему удалось приобрести себе алиби: по словам Форmento, между его спальней и спальней англичанки дверь была открыта. Ни она, ни наш друг Монтенегро не опровергли этого, но для подобного времяпровождения дверь принято как раз закрывать. Форmento удачно выбрал орудие убийства. Кинжальчик Пампы ставил под удар сразу двух человек: полоумного Пампу и вас, дон Англада, — ведь вы строите из себя любовника сеньоры и несколько раз впадали в детство. Он оставил кинжальчик в вашей комнате, чтобы полиция нашла его там. Мне он принес книгу с фотографиями, чтобы у меня появилось сходное подозрение.

Без помехи Форmento прошел на террасу и заколол Муньягорри. Пеоны не заметили его, потому что были внизу заняты быками.

А теперь видите: Провидение все-таки есть. Все было сделано, чтобы книга с письмами этой глупышки и ее новогодними поздравлениями вышла. Достаточно посмотреть на эту даму, и любой тут же поймет, о чем могли быть письма. Неудивительно, что издательство ответило Форmento отказом.

Кекен, 22 февраля 1942 года

Замысел Санджакомо

Магомету

1

Обитатель камеры № 273 с очевидным смирением встретил сеньору Англада и ее супруга.

— Я буду прям и отброшу все метафоры,— торжественно пообещал Карлос Англада. Мой мозг — настоящий холодильник: обстоятельства смерти Хулии Руис Вильяльба (для людей ее круга — Пумиты) сохраняются в этом сером резервуаре нетронутыми. Я буду беспощадно придерживаться фактов и оценивать их с безразличием *deus ex machina*¹. Я предложу вам поперечный разрез событий. Предупреждаю, Пароди: вы должны превратиться в слуховой нерв.

Пароди не поднял глаз, продолжая раскрашивать фотографию Иригойена. Сообщение неистового поэта не стало для него новостью: еще несколько дней назад он прочел статейку Молинару о неожиданном исчезновении сеньориты де Руис Вильяльба, одной из самых веселых девушек нашего светского общества.

Англада откашлялся. Слово взяла Мариана, его жена:

— Карлос приволок меня сюда вместо того, чтобы я зевала во весь рот на выступлении Марио насчет Консепсьон Ареналь. Какое счастье для вас,

¹ Бога из машины (лат.).

сеньор Пароди, что вам не нужно бывать в Доме искусств: там полно зануд, а я еще уверяю каждого, что сеньор говорит очень возвышенно. Карлос, как обычно, сует везде свой нос, но, в конце концов, речь-то о моей сестре, и меня не для того вытащили сюда, чтобы я молчала как полная идиотка. А потом, мы, женщины, с нашей интуицией, лучше все понимаем, как сказал Марио, поздравляя меня с трауром (я выглядела как сумасшедшая, но к очень светлым волосам, например моим, идет черное). Вы увидите на фото в газетах, что бедняжка Пумита, моя сестра, неосторожно снялась вместе с Рикой Санджакомо — убийственное имя! Думайте что хотите, но это была прекрасная пара. Пумита, белокурая, настоящая Руис Вильяльба, с глазами Нормы Ширер, а сейчас, когда она ушла от нас, как говорит Марио, такие остались только у меня. Да, конечно, она была простая душа и не читала ничего, кроме «Vogue», и ей поэтому не хватало того шарма, который можно увидеть у одних лишь французских актеров, хотя Мадлен Озре — это верх безвкусицы. И это уж слишком — заявлять мне, что она совершила самоубийство, мне, безупречной католичке со времен Конгресса, и ведь в ней было столько *joie de vivre*¹ — не меньше, чем во мне, хотя я нисколько не лицемерка. Только не говорите, что вся эта история случилась по моему недосмотру, как будто мне недостаточно этого бедного Форменто, который воткнул ножик в Мануэля, помещанного на быках. Когда я думаю об этом, то говорю: беда не приходит одна.

¹ Радости жизни (франц.).

Рика пользуется славой отличного парня, но больше всего он хотел войти в приличную семью, потому что принадлежит к *ragueni*¹, хотя его отца я уважаю: тот приехал в Росарио без гроша в кармане. Пумита не вчера родилась, и мама всегда любила ее без памяти, швыряла деньги горстями, когда Пумита появилась в свете, и понятно, что она обручилась так рано. Кажется, они познакомились очень романтическим образом, в Лавальоле, как Эррол Флинн и Оливия де Хэвиленд в фильме «Поедем в Мехико», который в американском прокате называется «Сомбреро»: пони, запряженный в *topneau*² Пумиты, понес, когда она выехала на асфальт, а Рикардо ведь только и думает, что о своих лошадях для поло, и он решил сыграть Дугласа Фэрбенкса и остановил пони, что, в общем-то, не так уж удивительно. Он просто остолбенел, когда узнал, что это моя сестра, а бедная Пумита, все знают, страшно любила флиртовать, даже со слугами. Вот так я пригласила Рикардо в «Ла-Мончу», хотя до того в жизни его не видела. Командор — помните, отец Рики — очень постарался здесь, и Рика каждый день посылал Пумите орхидеи, так что я от них едва не слегла и в конце концов стала проводить время вдвоем с Бонфанти, но это уже другая история.

— Переведите дух, сеньора, — почтительно произнес Пароди. — А вы, дон Англада, пока не началось новое извержение, могли бы сделать для меня краткое изложение событий.

¹ Здесь: человек, добившийся известного положения благодаря богатству (*франц.*).

² Род двухколесной повозки (*франц.*).

— Я открываю огонь...

— Ну вот, опять понес всякую чушь, — откликнулась Мариана, подкрашивая презрительно надутые губки.

— Картина, нарисованная моей женой, совершенно точна. Однако остается извлечь из нее практические выводы. Я возьму на себя роль геометра и выполню математически строгий синтез.

В Пиларе, по соседству с «Ла-Мончей», есть парки, питомники, теплицы, обсерватория, сады, бассейн, клетки с животными, площадка для гольфа, подземный аквариум, хозяйственные постройки, спортивный зал — и приют командора Санджакомо. Этот цветущий старик, невысокого роста, полнокровный, с непреклонным взглядом и белоснежными усами, беззаботно пересеченными сигарой, — настоящий комок мускулов. Видели бы вы его на беговой дорожке, на брусьях или на трамплине! Теперь от фотографии перейду к кинохронике и расскажу вам, ни о чем не умалчивая, биографию этого короля удобрений. Дряхлеющий девятнадцатый век ворочался и стонал в кресле-качалке (время японских ширм и безрассудных велосипедистов), когда Росарио великодушно раскрыл свои объятия итальянскому эмигранту; впрочем, нет, — итальянскому мальчишке. Вы спросите: что это был за мальчишка? Отвечу: командор Санджакомо. Неграмотный, без крыши над головой, связанный с мафией и слепо верящий в будущее Родины: вот с каким багажом пустился он в плавание. Дипломатический чиновник (да, это был итальянский консул, граф Исидоро Фоско) увидев, в какую обстановку попал юноша, много раз одарял его бескорыстными советами.

В тысяча девятьсот втором году Санджакомо противостоял жизненным невздам, сидя на козлах ассенизационного обоза; в девятьсот третьем заведовал обширным парком городских поливалок; с девятьсот восьмого (после выхода из тюрьмы) окончательно связал свое имя с переработкой жировых веществ; в девятьсот десятом купил дубильный завод и занялся удобрениями; в девятьсот четырнадцатом своим прозорливым оком разглядел громадное будущее камеди, известной под именем ассафетида; но война рассеяла миражи; наш борец, оказавшись на краю пропасти, сделал крутой поворот и спас дела благодаря ревеню. Италия не замедлила бросить свою силу на чашу весов; Санджакомо, с другого берега Атлантики, прокричал: есть! — и отправил корабль с ревенем для обитателей траншей. Недовольство грубой солдатни не умерило пыла Санджакомо, и вскоре грузом с его судов были забиты арсеналы и магазины в Генуе, Салерно и Кастелламаре, так что для размещения всего этого людей выселяли целыми кварталами. Щедрость была вознаграждена: новоиспеченный миллионер украсил свою грудь крестом, а свое имя — титулом командора.

— Ты рассказываешь будто под гипнозом, — тусклым голосом заметила Мариана, приподнимая юбку. — Перед тем как его произвели в командиры, Санджакомо женился на двоюродной сестре, за которой специально послал в Италию, и еще ты совершенно забыл про детей.

— Согласен: ferry-boat¹ моей речи унес меня слишком далеко. Аргентинский Уэллс, я возвраща-

¹ Паром (англ.).

юсь вверх по течению времени. И перехожу к брачному ложу. У нашего борца появляется отпрыск. Рождается не кто иной, как Рикардо Санджакомо. Мать — персонаж едва различимый и второстепенный — умирает в тысяча девятьсот двадцать первом. Смерть (как и почтальон, она звонит дважды) оставила командора в том же году без покровителя, никогда не отказывавшего в помощи, графа Исидоро Фоско. Я говорю и могу повторить еще раз, без колебаний: командор находился на грани безумия. Печь крематория поглотила тело супруги командора; оставалось его творение, его потомство, его единственное дитя. Твердый как скала в отношении принципов, отец принялся воспитывать сына, окружив его обожанием. Посмотрите на этот контраст: командор, на своих фабриках суровый и неумолимый, как гидравлический пресс, становился *at home*¹ лучшей из игрушек своего ребенка.

Итак, я перехожу к наследнику: серая шляпа, глаза матери, висячие усы, жесты в подражание Хуану Ломуто, ноги аргентинского кентавра. Этот завсегдатая плавательных бассейнов и ипподромов — в то же время юрист и вполне современный человек. Соглашусь: в сборнике его стихов «Причесать ветер» метафоры не связываются между собой в стальную цепь, но все же там заметны широта взгляда и признаки новопозитизма. Однако наш поэт с наибольшим успехом проявил себя на поприще прозы. Предупреждаю: ни один въедливый критик не преминет заметить, что наш иконоборец, прежде чем разбить старые формы, воспро-

¹ Дома (англ.).

изводит их. Но необходимо признать, что копии фотографически точны. Рикардо — надежда Аргентины: в его очерке о графине Чинchon кропотливость археолога сочетается с пылкостью футуриста. Здесь требуется сличение многих томов сочинений Гандиа, Левене, Гроссо и Радаэли. К счастью, наш исследователь не одинок в своих трудах: Элисео Рекена, преданный молочный брат, помогает ему и направляет в нелегком плавании. В описании этого помощника я буду короток, как дверная ручка: искушенный романист заботится лишь о центральных персонажах своего повествования и оставляет второстепенных перьям меньшего масштаба. Рекена (бесспорно, незаурядный *factotum*¹) — один из сыновей командора, не лучше и не хуже других. Хотя нет: в нем есть кое-что особенное, а именно — безупречная преданность Рикардо. А сейчас перед моим взором возникает новый персонаж, который вращается в мире денег и биржевых сделок. Я срываю с него маску — и представляю вам управляющего поместьем командора, Джованни Кроче. Его враги пустили слух, будто он из Лариохи, а его настоящее имя — Хуан Крус. Все совершенно не так: его патриотизм известен всем; его преданность командору беспредельна; его акцент просто режет слух. Командор Санджакомо, Рикардо Санджакомо, Элисео Рекена, Джованни Кроче — вот четверка тех, кто окружал Пумиту в последние дни ее жизни. Я не упоминаю, как и следует, работников в имении: садовников, пеонов, кучеров, массажистов...

Мариана, не вытерпев, вмешалась:

¹ Здесь: помощник (*лат.*).

— Вот и видно, что ты злоязычный завистник, попробуй только возразить. Ты не сказал ни словечка о Марио, чья набитая книгами комната была рядом с нашей, он-то понимает, что такое светская женщина, и не тратит времени на рассылку писем, как полный идиот. К тому же он загнал тебя в угол, ты не мог сказать ни «а» ни «б». Поразительно, сколько всего он знает!

— Согласен: я, по привычке, слишком многое обхожу молчанием. Доктор Марио Бонфанти — испанист, проживающий в поместье командора. Он выпустил «Песнь о моем Сиде» в переложении для взрослых, а сейчас обдумывает план издания «Одиночеств» Гонгоры, переделанных в духе поэзии гаучо: он заполнит их пропойцами и загонами для скота, конской упряжью и водяными крысами.

— Дон Англада, я уже не в состоянии выслушивать разговоры про книги, — перебил его Пароди. — Если вы хотите, чтобы я помог вам, рассказывайте про несчастную сестру вашей жены. А что до остального — увольте.

— Вы, подобно критикам, не улавливаете ход моих мыслей. Великий волшебник кисти (поясняю: Пикассо) помещает на первый план фон картины, а центральную фигуру относит на линию горизонта. Мой замысел в точности таков же. Набросав статистов, теперь я окончательно перехожу к Пумите Руис Вильяльба, *corpus delicti*¹.

Художника не обманешь внешностью. Пумита, с повадками эфеба, со своей слегка беспорядочной прелестью, играла роль театрального задника: она

¹ Здесь: жертве преступления (лат.).

должна была оттенять пышную красоту моей жены. Пумита мертва; вспоминая о ней, можно сказать, что эта роль была, несомненно, патетической. Вот вам сцена из «Большого Гиньоля»: двадцать третьего июня вечером она смеялась за столом, разогретая жаром моей речи; двадцать четвертого она лежала отравленная в своей спальне. Судьба, лишенная благородных чувств, заставила именно мою жену обнаружить ее.

2

Вечером 23-го июня, накануне своей смерти, Пумита три раза наблюдала, как Эмиль Яннингс умирал в «Государственной измене», «Голубом ангеле» и «Последнем приказе». Мариана предложила совершить поход в клуб Пате-Бэби; на обратном пути она и Марио Бонфанти устроились на заднем сиденье «роллс-ройса». Пумита вместе с Рикардо оказались впереди и довели до конца примирение, начатое в ласковом полумраке кинозала. Бонфанти выразил сожаление по поводу отсутствия Англады, чей всеобъемлющий ум в тот день был занят «Научной историей кино» и предпочитал иметь опорой безошибочную память художника, не замутненную непосредственным восприятием фильма, всегда неверным и пристрастным.

Этим вечером на вилле Кастелламаре разговор за столом принял диалектический оборот.

— И снова я передаю слово моему старому другу, маэстро Корреасу, — сказал с ученым видом Бонфанти, облаченный в трикотажную куртку не крупной вязки, толстый свитер из Уракана, шотландский галстук, простую рубашку кирпичного

цвета; кроме этого при нем имелись: набор письменных принадлежностей из карандаша и авторучки гигантских размеров и судейский хронометр.— Мы возвратились не солоно хлебавши. Юнцы, которые всем заправляют в клубе Пате-Бэби,— это что-то невозможное: из картин с участием Яннингса они выбрали как раз те, где его талант проявляется меньше всего. Так что мы не увидели постановку батлеровской сатиры «*Ainsi va toute chair*» — «Все мы сделаны из плоти».

— Без разницы,— отозвалась Пумита.— Любой из фильмов с Яннингсом похож на «Все мы сделаны из плоти». Везде одно и то же: сначала ему везет, а потом начинаются неприятности, и все кончается плохо. Это так противно и так похоже на действительность. Уверена, что командор со мной согласен.

Командор заколебался. Мариана тут же вмешалась:

— Ты говоришь так потому, что это я предложила пойти посмотреть фильмы. И все равно ты ревела в три ручья, несмотря на твою тушь для ресниц.

— Точно,— сказал Рикардо.— Я видел, как ты плакала. Затем у тебя расшалились нервы, и, чтобы заснуть, ты приняла капли, которые держишь в комодке.

— И поступила очень глупо,— заметила Мариана.— Доктор ведь сказал тебе, что эта гадость вредит здоровью. Я — другое дело, потому что мне все время приходится воевать с прислугой.

— Если бы я не заснула, то начала бы думать неизвестно о чем. К тому же эта ночь — не последняя. Вы не считаете, командор, что жизнь некоторых людей точь-в-точь похожа на роли Яннингса?

Рикардо понял, что Пумита хотела свернуть беседу в сторону от темы бессонницы.

— Пумита права: никому не уйти от своей судьбы. Морганти был заядлым игроком в поло, но как только купил своего чубарого, на него обрушились неудачи.

— Нет,— процедил командор.— *Нотте реп-санти*¹ не верит в неудачу. Я побеждаю ее с помощью вот этой кроличьей лапки.— Он достал лапку из внутреннего кармана смокинга и настойчиво потряс ею.

— Что называется, прямой удар в челюсть,— заплодировал Англада.— Чистый разум, ничего, кроме чистого разума.

— А вот я все-таки уверена, что есть люди, в жизни которых ничто не случается просто так,— продолжала настаивать Пумита.

— Ну, что касается меня, ты попала мимо,— заявила Мариана.— Если мой дом превратился в помойку, то виноват Карлос: он постоянно за мной шпионит.

— В жизни ничто не должно случаться просто так,— прозвучал скорбный голос Кроче.— Если нет никакого руководства, никакой полиции, мы впадаем в тот же хаос, что и Россия, наступает тирания Чека. Надо признать, что в стране Ивана Грозного не осталось свободы воли.

Рикардо, явно впавший в задумчивость, наконец произнес:

— Есть вещи, которые не могут случиться просто так. Ну... а если нет порядка, то в окно влетает корова.

¹ Мыслящий человек (франц.).

— Мистики самого высокого полета — Тереза де Сепеда-и-Аумада, Рейсброк, Блзий,— подтвердил Бонфанти,— подчинялись *impriatur*¹ церкви, ее запретам.

Командор грохнул кулаком по столу.

— Бонфанти, не хочу вас обижать, но к чему скрывать: вы — самый что ни на есть правоверный католик. Знайте, что мы, масоны шотландского обряда ложи Великого Востока, ни в чем не уступаем священникам и не завидуем никому. Кровь стынет у меня в жилах, когда я слышу, что человек не может сделать все, что придет ему в голову.

Воцарилось неловкое молчание. Несколько мгновений спустя побледневший Англада отважился пробормотать:

— Нокаут. Первая линия обороны наших детерминистов прорвана. Мы устремляемся в пробитую брешь, они бегут в полном беспорядке. Насколько хватает взгляда, поле битвы усеяно оружием и снаряжением.

— Не делай вид, что выиграл спор, потому что молчал как рыба,— непреклонно отчеканила Мариана.

— И подумать только, что все нами сказанное будет занесено в книжечку, которую командор привез из Салерно,— произнесла рассеянно Пумита.

Кроме, сумрачный управляющий, решил изменить течение беседы:

— А что думает наш друг Элисео Рекена?

Высокий белобрысый парень ответил мышинным голоском:

¹ Здесь: вердикту (*лат.*).

— Я очень занят: Рикардито заканчивает свой роман.

Тот, чье имя прозвучало, покраснел и уточнил:

— Я работаю как крот, но Пумита мне советует не спешить.

— Твои тетради я запрю в ящик и оставляю там на девять лет,— отозвалась Пумита.

— На девять лет? — воскликнул командор, которого, казалось, сейчас хватит удар.— На девять лет? Уже пятьсот лет прошло с тех пор, как Данте опубликовал «Божественную комедию»!

С благородной поспешностью Бонфанти пришел ему на подмогу:

— Bravo, bravo. Таким гамлетовским колебаниям подвержены жители северных стран. Латинские народы понимают искусство по-другому. Для них писательский труд — набор гармонических, танцевальных движений, а не мрачная дисциплина варваров, заменяющих монашеским самоистязанием изящество, в котором им отказано Минервой.

Командор стоял на своем:

— Тот, кто не выкладывает на бумаге все, что творится у него в голове,— евнух с фрески в Сикстинской капелле. Это не мужчина.

— Я тоже полагаю, что писатель должен отдавать всего себя,— подтвердил Рекена.— Противоречия не имеют значения; важно перенести на бумагу смятение чувств, все, что есть в нас человеческого.

Тут вмешалась Мариана:

— Когда я пишу маме и начинаю задумываться, то ничего не выходит. Наоборот, если я сочиняю на одном дыхании, то заполняю страницу за страницей и даже не замечаю этого. Ты сам,

Карлос, уверял меня, что я рождена для литературы.

— Послушай, Рикардо,— Пумита возвратилась к теме разговора,— на твоём месте я бы последовала моему совету. Нужно пристальнее следить за тем, что печатается. Вспомни о том Бустосе Домеке из Санта-Фе, который опубликовал рассказ,— а потом выяснилось, что его написал Вилье де Лиль-Адан.

Рикардо возразил:

— Уже два часа, как мы заключили мир. А ты снова пытаешься его нарушить.

— Успокойся, Пумита,— примирительно сказал Рекена.— Роман Рикардито не имеет никакого отношения к Вилье де Лиль-Адану.

— Ты не понимаешь, Рикардо, я стараюсь для твоего же блага. Сегодня я слишком перенервничала, но утром нам будет о чем поговорить.

Бонфанти, желая остаться победителем, изрек:

— Рикардо слишком умен, чтобы поддаться фальшивому очарованию поверхностного искусства, лишённого американских и испанских корней. Писатель, не ощущающий, что в нём говорит голос крови и почвы,— всего лишь *dégasiné*, человек, вырванный из своей среды.

— Не узнаю тебя, Марио,— одобрил командор,— на этот раз ты оставил шутовской тон. Подлинное искусство вырастает из земли. Таков всеобщий закон: бутылку лучшего «Мадалони» я держу в дальнем углу погреба; по всей Европе и в Америке творения великих мастеров хранятся в наглухо запертых подвалах, чтобы не стать жертвой бомбежек; на прошлой неделе выдающийся археолог привез маленькую пуму из обожженной глины,

которую откопал в Перу. Я купил ее по сходной цене и теперь держу в третьем ящике моего бюро.

— Маленькую пуму¹? — Пумита была поражена.

— Именно так, — подтвердил Англада. — Ацтеки предвидели ваше появление на свет. Будем к ним снисходительны. При всем их футуризме, они были неспособны вообразить практичную красоту Марианы.

Карлос Англада почти дословно пересказал этот разговор Пароди.

3

В пятницу, в первом часу дня, с доном Исидро беседовал Рикардо Санджакомо. Он находился в настоящем расстройстве: бледный, одетый в черное и небритый. По его словам, он не спал этой ночью, и так продолжалось уже несколько суток.

— Со мной происходит что-то дикое. По-настоящему дикое. Вы, сеньор, всегда вели однообразную жизнь — из меблированных комнат прямо в тюрьму — и не можете даже отдаленно представить, что все это значит для меня. Я прожил уже немало лет, но не сталкивался ни с одной напастью, которой не смог бы в конце концов одолеть. Посмотрите: когда Долли Систер явилась со словами о том, что ждет от меня ребенка, старик — казалось бы, он совершенно не способен понять такие вещи, — устроил все за шесть тысяч песо. Кроме всего прочего, я страстный игрок. Когда прошлый раз я заезжал в Карраско, меня обчистили в рулетку до последнего сентесимо. Это было по-

¹ Pumita (исп.) — маленькая пума.

трясающе: типы в казино просто извелись, чтобы вовлечь меня в игру, и меньше чем за двадцать минут я потерял двадцать тысяч песо золотом. Представьте себе мое положение: не было денег даже на звонок в Буэнос-Айрес. Однако я спокойно вышел на террасу. Можете поверить, что все решилось *ipso facto*¹? Какой-то гнусавый коротышка, следивший очень внимательно за моей игрой, одолжил мне пять тысяч песо. На следующий день я снова появился на вилле Каstellамаре, сумел спасти пять тысяч песо из двадцати, которые положили в свой карман уругвайцы. Гнусавого я не видел больше ни разу.

О женщинах я даже не стану говорить. Если хотите доставить себе минуту развлечения, спросите у Микки Монтенегро, каким тигром я бываю с ними. И так везде: посмотрите, как я готовлюсь к экзаменам. Совсем не открываю книг, а когда настает день экзамена, принимаю бром, и вся комиссия потом меня поздравляет. Сейчас старик, чтобы я выбросил из головы это несчастье с Пумитой, хочет занять меня политикой. Хитрец доктор Сапоноро говорит, что еще не знает, какая именно партия мне подходит. Но держу пари на что хотите: в ближайший *half-time*² я уже буду в Конгрессе. То же самое в поло: у кого лучшие лошади? А кто постоянный чемпион в регби? Но я не останавливаюсь на этом, чтобы не утомлять вас.

Я говорю с вами не из желания поболтать, как Барсина, которая едва не стала моей свойственницей, или как ее муж, который вечно рассуждает

¹ Здесь: само собой (*лат.*).

² Здесь: перерыв между таймами (*англ.*).

о футболе и ни разу не видел мяча номер пять. Я хочу, чтобы вы составили себе представление о том, как все было. Я должен был жениться на Пумите — на нее иногда находило, но она была настоящим чудом. Той ночью она оказалась отравленной цианистым калием и умерла. Сначала пустили слух, будто она совершила самоубийство. Полный бред, ведь мы собирались пожениться. Вы же понимаете, что я не стану давать свое имя психопатке, способной убить себя. Затем начали говорить, что она приняла яд по ошибке, — наверное, посчитали ее полоумной. А теперь еще одна новость, — убийство, которое ставит под подозрение нас всех. Как хотите, но при выборе между убийством и самоубийством я высказываюсь в пользу убийства, хотя это тоже нелепость.

— Послушайте, молодой человек: после вашей болтовни кажется, что в этой камере только что гремел Белисарио Рольдан. В самый неподходящий момент какой-нибудь клоун принимается твердить мне о знаках зодиака, или о поезде, который нигде не останавливается, или о невесте, которая не отравилась, не приняла яд по ошибке и не была отравлена. Я скажу помощнику комиссара Грондоне, и как только он засечет кого-нибудь из таких, то пусть мигом сажает в каталажку.

— Нет, я хотел вам помочь, сеньор Пароди, то есть просить вас помочь мне...

— Отлично. Так мне больше нравится. Значит, начнем по порядку. Несчастливая в конце концов согласилась выйти за вас замуж? Вы уверены?

— Как уверен в том, что я сын своего отца. На Пумиту иногда находило, но она любила меня.

— Внимательно слушайте мои вопросы. Она была беременна? За ней ухаживал кто-то другой?

Ей были нужны деньги? Может быть, болезнь? Вы к ней слишком приставали?

Санджакомо, поразмыслив, дал на все отрицательный ответ.

— Теперь объясните мне насчет снотворного.

— Ну, мы не хотели, чтобы она его принимала. Но она покупала его постоянно и держала в своей комнате.

— Вы могли входить в ее комнату? Или никто не мог?

— Могли все, — ответил Рикардо. — Видите ли, двери каждой из комнат в этом крыле выходят на ротонду со статуями.

4

19 июля Марио Бонфанти ворвался в камеру № 273. Он скинул свой белый плащ и фетровую шляпу, бросил тростниковую тросточку на тюремную койку, зажег с помощью керосиновой зажигалки новомодную пенковую трубку и достал из внутреннего кармана замшевый прямоугольник горчичного цвета, которым начал энергично протирать загрязненные стекла очков. В течение двух или трех минут его возбужденное дыхание заставляло вздыматься переливчатых оттенков шарф и жилет толстой шерсти. Затем раздался звонкий голос итальянца, сдобренный кастильским акцентом.

— Маэстро Пароди, вы досконально знаете все криминальные хитросплетения, изнанку детективных историй. Честно сознаюсь, что меня, более привычного к ученым занятиям, чем к тайнам преступного мира, застали врасплох. Сыщики в конце концов пришли к твердому выводу, что самоубий-

ство Пумиты — это убийство. Я как-то не приглянулся этим лабазным Эдгарам Уоллесам. По темпераменту я весь обращен в будущее. На прошлой неделе я счел необходимым, так сказать, тщательно разобраться с кое-какими любовными письмами: хотелось очиститься, освободиться от всякого сентиментального балласта. Имя дамы упоминать не зачем: ни я, ни вы, Пароди, не намерены вникать в подобного рода мелочи. Благодарю за *brîquet*¹, простите мне этот галлицизм, — прибавил Бонфанти, восторженно потрясая внушительных размеров предметом. — И вот в камине моей спальни запылал костер из почтовых отправок. Разумеется, ищейки испустили радостный крик. Невинное упражнение в пиротехнике стоило мне уик-энда в Вилья-Девото, где я пребывал в тягостном отдалении от любимой табакерки и всегдашней стопки бумаги на столе. Конечно, про себя я крыл их последними словами. Но с тех пор я лишился душевного покоя: даже в тарелке супа мне теперь мерещатся эти омерзительные физиономии. Скажите откровенно: вы не считаете, что мне грозит опасность?

— Да, опасность говорить вплоть до Страшного суда, — заметил Пароди. — Если вы сейчас же не уйметесь, вас примут за галисийца. Придите в себя и скажите, что вам известно о смерти Рикардо Санджакомо.

— Вы можете рассчитывать на все мое умение разьяснить, на все мое незаурядное красноречие. Я набросаю вам картину произошедшего в один момент, широкими мазками. От вашей про-

¹Зажигалку (франц.).

нищательности, дражайший Пароди, не укроется то, что смерть Пумиты потрясла (лучше сказать, привела в жалкое состояние) Рикардо. Донья Мариана Руис Вильяльба де Англада, конечно, не была так уж неправа, утверждая, что «лошади и поло — вот и весь горизонт Рикардо»; вообразите же наше изумление, когда мы узнали, что Рикардо, хмурый, подавленный, продал какому-то барышнику из Сити-Белл великолепных скакунов, которые вчера еще были для него как собственные дети и на которых он теперь смотрел угрюмо, с полным безразличием. Для него не существовало теперь никаких лошадок. Ему не принесла радости даже публикация его романа «Клинок, сверкающий на солнце», рукопись которого я сам готовил к печати и где вы, как человек опытный, не замедлите обнаружить и оценить по достоинству многочисленные признаки моего неповторимого стиля, заметные с первого взгляда, как страусиное яйцо. И какова же чуткость командора, как замысловаты его расчеты: чтобы вывести сына из уныния, отец решился скрытно издать его сочинение и — никто глазом не успел моргнуть — удивил его появлением шестисот пятидесяти экземпляров на ватмане, в формате Teufelsbibel¹. Втайне от близких, командор был вездесущ: разговаривал со столичными медиками, беседовал с подставными лицами из Банка, отказал в подаянии баронессе де Сервус, грозно потрясающей жезлом Антиеврейского комитета, и разделил свое состояние на две части: из них большая предназначалась законному сыну (примерно миллион, вложенный в стремительные подземные экспрес-

¹ Библия от дьявола (нем.).

сы, и он увеличится втрое за пять лет), а меньшая, похороненная в малоходных бумагах, — сыну, родившемуся от любви на стороне, Элисео Рекене. Все это не помешало ему отложить *sine die*¹ выплату мне гонорара и ополчиться против директора типографии, вечно не успевающего к сроку.

Лучше быть приятным, чем справедливым: в ту же неделю, когда «Клинок» вышел из печати, дон Хосе Мария Пеман опубликовал в газете хвалебную статью, без всякого сомнения восхитившись кое-какими красотами стиля, которые не могли укрыться от его глаз, но плохо сочетались с дубовыми фразами Рекены и его бесцветной лексикой. Удача ослепительно улыбалась Рикардо, но тот, в унынии, не обращая ни на что внимания, только и делал, что оплакивал смерть Пумиты. Я слышу, как вы бормочете вполголоса: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Не будем открывать бесплодный спор о справедливости этого изречения, но замечу, что я сам советовал Рикардо — и даже настаивал на этом — изгнать из сердца боль недавней потери и смыть печаль в обильных водах забвения, возрождающего к жизни. Я посоветовал ему вновь завязать какую-нибудь из интрижек, которые были у него до Пумиты. Превосходный совет, и дело в шляпе: все завертелось. Не успели мы и глазом моргнуть, как наш Рикардо, воскресший и радостный, уже поднимался на лифте в апартаменты баронессы де Сервус. Репортер до мозга костей, я не утаиваю от вас мельчайших деталей, вплоть до имен собственных. Сама эта история, с другой стороны, подчеркивает утонченную

¹ На неопределенный срок (*лат.*).

первобытность, присущую исключительно светским дамам германской расы. Первое действие разворачивается на водной глади чудесным весенним днем тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Наш Рикардо рассеянно следит через бинокль за превратностями отборочных состязаний женской регаты: валькирии из «Рудерферейна» против коломбин из «Нептунии». И вдруг любопытствующий бинокль застывает на месте; Рикардо замирает с открытым ртом; он пожирает жадными глазами стройную, изящную фигуру баронессы де Сервус, маневрирующей на своей великолепной яхте. Вечером того же дня старый номер «Графико» был изрезан; а ночью фото баронессы, которое юноша созерцал с преданностью доберман-пинчера, не давало ему заснуть до утра. Неделю спустя Рикардо признался мне: «Сумасшедшая француженка совсем извела меня звонками. Чтобы покончить с ее приставаниями, я встречаюсь с ней». Как видите, я воспроизвожу *ipsissima verba*¹ погибшего. Теперь перейду к первой ночи любви: Рикардо прибывает в вышеупомянутые апартаменты; поднимается вверх на лифте; его проводят в небольшой салон; оставляют одного; внезапно гаснет свет; в голове нашего юнца возникают два предположения: короткое замыкание или похищение. Он стонет, жалуется на жизнь, проклинает тот час, когда увидел свет, поднимает руки к небу; усталый голос обращается к нему с мягкой властностью. Затем — нежный полумрак и мягкий диван. Не буду оттягивать раскрытие тайны, дражайший Пароди: утро Рикардо встретил в объятиях баронессы де Сервус.

¹ Подлинные слова (лат.).

Мы с вами оба ведем спокойную, размеренную и, наверное, более похвальную жизнь, лишенную поэтому происшествий такого рода; жизнь Рикардо избилует ими.

Удрученный смертью Пумиты, он ищет общества баронессы. Наш Грегорио Мартинес Сьерра суров, но справедлив, утверждая, что женщина — это современный сфинкс. Вы, разумеется, не станете требовать, чтобы моя откровенность дошла до передачи слово в слово разговора ветреной светской женщины с надоедливym любовником, низводившим ее до роли простой утешительницы. Все эти сплетни и толки скорее к лицу пошлым романистам, сочиняющим на французский манер, чем искателям истины. Впрочем, я и не знаю, о чем шел разговор. Суть в том, что через полчаса растерянный и упавший духом Рикардо спускался на том же лифте, в котором недавно поднимался, не помня себя от радости. Здесь-то и начинается трагическая сарабанда, здесь исток, здесь отправная точка. Ты погубил себя, Рикардо, ты движешься к своей гибели! Увы, ты взбираешься на вершину безумия! Я не утаю от вас ни одного шага, сделанного им на крестном пути: после беседы с баронессой Рикардо отправился к мисс Долли Вавассур, актрисе из второразрядного театрика, к которой он не питал никаких особых чувств, но мне известно, что между ними была связь. Я рискую вызвать ваше раздражение, Пароди, если буду задерживаться на этой женщине, не стоящей внимания. Достаточно одной детали, чтобы нарисовать ее всю: я послал ей в знак внимания свою книгу «Гонгора уже все сказал», снабженную посвящением с моей собственноручной подписью. И вот

вам доказательство ее вульгарности: ответом мне было молчание. Нисколько не подействовали ни фрукты, ни конфеты, ни ликеры, ни, наконец, мое «Разыскание о словах арагонского происхождения в некоторых трудах Х. Сехадора-и-Фрауки», экземпляр на мелованной бумаге, доставленный ей домой почтовым агентством «Гран Сплендид». Я все ломаю голову, вновь и вновь задавая себе вопрос: что за помутнение рассудка, что за упадок духа привели Рикардо в этот притон разврата, к счастью незнакомый мне, который — как всем прекрасно известно — был приобретен ценой Бог знает каких уступок. Прегрешение таит в себе будущую кару: Рикардо по окончании горестной беседы с этой представительницей англосаксонской расы покинул дом, униженный и раздавленный, не переставая ощущать горький вкус поражения; злой ветер безумия заламывал поля его шляпы. Совсем рядом с жилищем той иностранки — будем точны до конца: на углу улиц Хункаль и Эсмеральда — он ощутил прилив мужества и, не раздумывая, вызвал такси, вскоре доставившее его к семейному пансиону на улице Майпу, дом номер девятьсот. Благоприятный ветер раздувал его паруса: в этом отдаленном приюте, который пассажиры лимузинов, поклонники бога Доллара, не удостоивают даже взглядом, жила и живет до сих пор мисс Эми Эванс, женщина, умеющая сохранять женственность и в то же время мыслить широко, понимая все с полуслова. Скажу сразу: она работает во всеамериканском обществе, чей представитель в Аргентине — Гервасио Монтенегро; благородная цель общества состоит в поощрении эмиграции женщин Южной Америки («наших латинских сестер», как изящно

выражается мисс Эванс) в Солт-Лейк-Сити и на зеленые равнины вокруг него. Каждая крупница времени для мисс Эванс поистине драгоценна. И все же эта дама, получив послание, выкроила четверть часа и оказала достойный прием другу, который некогда, опьяненный своей помолвкой, — кто знал, чем она закончится? — не поддался очарованию ее прелестей. Десять минут болтовни с мисс Эванс возвращают бодрость духа даже самым слабым¹, но — увы! — спускаясь в лифте, Рикардо был настолько подавлен, его глаза настолько отчетливо выдавали мысль о самоубийстве, что любой смог бы ее прочесть.

В минуты самой черной тоски нет лучшего лекарства, чем бесхитростная и бессмертная природа, которая, откликаясь на призыв апреля, разливает свои щедроты по долинам и ущельям. Рикардо, возмужавший от невзгод, решил искать одиночества вдали от города и немедленно устремился в Авельянеду. Старый особняк Монтенегро приветливо распахнул для него свои широкие стеклянные двери, завешенные шторами. Радужный хозяин, по части гостеприимства не знающий себе равных, взял предложенную ему огромную «Корону» и, перемежая клубы дыма шутками, стал вещать подобно оракулу — так, что Рикардо, бледный и угнетенный, поспешил вернуться на виллу Кастелламаре, словно его преследовали двадцать тысяч чертей.

Темные прихожие безумия, залы ожидания самоубийства... Той ночью Рикардо вместо общения

¹ Марио бывает порой язвительным. (Примечание доньи Марианы Руис Вильяльба де Англада.)

с тем, кто вернул бы ему душевное спокойствие — например, с другом-филологом, — углубился в долгую беседу с этим злосчастным Кроче, таким же сухим и безжизненным, как его счета.

Наш Рикардо потратил три дня на все эти бесплодные разговоры. В пятницу в его сознании случился проблеск: он появился *motu proprio*¹ в моей комнате. Я, желая отвлечь его от траурных мыслей, предложил ему заняться правкой корректуры переизданного мной «Ариэля» Родо — великого мастера, который, если верить Гонсалесу Бланко, «превосходит Валеру в ясности мысли, Переса Гальдоса в изяществе, Пардо Басан в утонченности, Переду в изощренном модернизме, Валье-Инклана в учености, Асорина в меткости суждений»; полагаю, что другой предложил бы Рикардо какую-нибудь безвкусную кашу вместо этого куса льевиного мяса. Как бы то ни было, всего через несколько минут внимательного чтения Рикардо покинул меня просветленным и бодрым. Не успел я надеть очки, чтобы вновь приняться за работу, как с другого конца ротонды донесся звук рокового выстрела.

Выбежав из комнаты, я столкнулся с Рекеной. Дверь спальни Рикардо была приоткрыта. На толстом ковре, в луже крови, лицом вверх лежал Рикардо. Дымящийся револьвер охранял его вечный сон.

Я открыто заявляю, что решение было принято заранее. Об этом, к несчастью, свидетельствует найденная при нем записка: кажется, будто она написана человеком, не ведающим о безмерной

¹ По собственной воле (*лат.*).

роскоши нашего языка,— жалкие слова, которые могли бы исходить от какого-нибудь старьевщика, незнакомого с существованием прилагательных, отсутствие всякой словесной игры. Записка подтверждает то, что я беспрестанно повторяю в своих выступлениях: выпускникам наших так называемых коллежей недоступны богатства, заключенные в словарях. Прочтите ее — и вы сделаетесь, так сказать, самым пылким из участников нашего крестового похода.

Вот записка, которую Бонфанти прочел дону Исидро перед тем, как тот выставил его за дверь:

«Хуже всего то, что я всегда был счастлив. Сейчас все изменилось и будет меняться дальше. Я стреляюсь, потому что не понимаю ничего. Моя жизнь от начала до конца была ложью. Я не могу расстаться с Пумитой, потому что она мертва. То, что сделал для меня отец, не сделал ни один отец в мире; пусть все это знают. Прощайте и забудьте обо мне. Рикардо Санджакомо. Пилар, 11 июля 1941 года».

5

Немного спустя к Пароди зашел доктор Кастильо, семейный врач Санджакомо. Беседа была продолжительной, содержание ее осталось в тайне. То же можно сказать и о разговоре, который состоялся в те дни у дона Исидро с управляющим Кроче.

6

В пятницу 17 июля 1942 года Марио Бонфанти — в мятом пальто, поношенной шляпе, светлом галстуке и великолепном свитере от Рейсинга —

с трудом пробрался внутрь камеры № 273. Он нес под мышкой огромное блюдо, завернутое в безупречно белую ткань.

— Вот и провизия,— объявил он громким голосом. Просто пальчики оближешь, добрейший мой Пароди. Блинчики с медом! Приготовлено знатоками своего дела; на блюде изображен герб княгини и ее девиз: *Nic jacet*¹.

Удар тростью эбенового дерева умерил восторги Бонфанти. Он исходил от короля мушкетеров, Гервасио Монтенегро, — цилиндр *à la* Удэн, монокль *à la* Чемберлен, чувственные черные усы, отделанный мехом нутрии плащ с большими обшлагами, украшенная крупной жемчужиной манишка, ботинки от Нимбо, перчатки от Бульпингтона.

— Счастлив видеть вас, мой дорогой Пароди,— воскликнул он светским тоном.— Извините за *fadaise*², которую изливает на вас мой секретарь. Не будем увлекаться софизмами, порожденными в Сьюдаделе и Сан-Фернандо; всем сведущим людям понятно, что изысканность речевых оборотов — привилегия Авельянеды. Я не устаю повторять Бонфанти, что его манера говорить, сыпля поговорками и архаизмами, безусловно, вышла из моды. Напрасно я слежу за тем, что он читает: на его ограниченное сознание никак не подействовал строгий режим — Анатолий Франс, Оскар Уайльд, Туле, дон Хуан Валера, Фрадики Мендес и Роберто Гаче. Бонфанти, не возмущайтесь, не стройте из себя *révoltés*³, оставьте сейчас же эти блинчики и отправляйтесь *motu proprio* в «Цветущую Розу», ули-

¹ Здесь лежит (покоится) (лат.).

² Вздор (франц.).

³ Возмущенного (франц.).

ца Коста-Рика, пять тысяч семьсот девяносто один, — контору по уборке помещений, где ваше присутствие может быть полезно.

Бонфанти вполголоса старательно повторил адрес, рассыпался в любезностях и удалился с достоинством.

— Дон Монтенегро, вы разумный человек, — проговорил Пароди, — будьте так добры, откройте окошко, а то иначе нам станет невольно от этих блинчиков: судя по запаху, они приготовлены на свином жире.

Монтенегро с ловкостью фехтовальщика взобрался на табурет и выполнил отданное ему повеление. Затем спустился на пол в танцевальном пируэте.

— Нужно соблюдать сроки, — сказал он, пристально глядя на раздавленный окурочек. Достав из кармана массивные золотые часы, он завел их и сверился со стрелками. — Сегодня семнадцатое июля; прошел год с тех пор, как вы разгадали ужасную тайну виллы Кастелламаре. В этой теплой, дружеской обстановке я поднимаю свой бокал и напоминаю, что вы обещали мне тогда раскрыть загадку ровно год спустя. Не скрою, мой дорогой Пароди, что сидящий во мне мечтатель в редкие минуты, украденные у литератора и светского человека, выстроил новую, интереснейшую теорию. Возможно, ваш строгий ум внесет в эту теорию, в эту превосходную мысленную конструкцию, полезные дополнения. Я не закрыт для чужих идей и буду приветствовать, если вы добавите хотя бы песчинку к моему зданию, сохраняя за собой, *cela va sans dire*¹,

¹ Само собой разумеется (*франц.*).

право отвергнуть все, что мне покажется несущественным или надуманным.

— Не бойтесь,— ответил Пароди.— Ваша песчинка и моя будут совершенно неотличимы друг от друга, особенно если я выскажусь первым. Вам слово, мой друг. По месту и почет.

Монтенегро поторопился возразить:

— Ни в коем случае. *Après vous, messieurs les Anglais*¹. Однако зачем притворяться: мой интерес к этому делу уменьшился до ничтожных размеров. Командор разочаровал меня: я представлял его более крепким. Он умер — приготовьтесь выслушать жестокую метафору — на улице. После судебного процесса ему хватило денег только на уплату долгов. Не спорю, положению Рекены можно позавидовать. Сам я от этого только выиграл: купил на аукционе за смехотворную цену алтарь гамбургской работы и пару тапиров. Княгине тоже не на что жаловаться: от итальянцев ей досталась терракотовая змейка, найденная при раскопках в Перу, которую командор бережно хранил в ящике своего бюро. Теперь эта фигурка, окутанная мифологическими ассоциациями, украшает наш салон для гостей. *Pardon*: во время одного из прошлых визитов я уже упоминал это странное пресмыкающееся. Как человек со вкусом, я выбрал для себя *in petto*² волнующую бронзовую статуэтку Боччони, изображающую великолепное и хищное животное, но потом от нее отказался: она приглянулась этой очаровательной Мариане (виноват: сеньоре де Англада), и я, как галантный кавалер, решил от-

¹ После вас, господа англичане (*франц.*).

² Здесь: не говоря об этом вслух (*итал.*).

ступить. Сделанный мною ход не остался без награды: сейчас наши отношения заметно потепле-ли. Но я уйду в сторону от главного и увожу вас, дорогой Пароди. Я ожидаю без страха вашего объяснения и заранее готов рукоплескать. Я чист перед вами. Это утверждение, несомненно, вызовет улыбку разных насмешников, но вы знаете, что меня не в чем упрекнуть. Я выполнил от и до свои обеща-ния: я сообщил вам *en gassouci*¹ о результатах моих обращений к баронессе де Сервус, Лоло Ви-кунье де Де Крейф и к этой неотвязной *fausse maigre*², Долорес Вавассур; чередуя уловки и угро-зы, я добился того, что Джованни Кроче, настоящий Катон денежных счетов, рискуя своей репутацией, посетил вас незадолго до своего бегства; я принес вам экземпляр этой ядовитой брошюрки, наводнившей столицу вместе с окрестностями, автор кото-рой, скрыв свое имя, перед открытой еще гробни-цей выставил себя в глупом виде, проведя неле-пые параллели между романом Рикардо и «Святой вице-королевой» Пемана, которую литературные на-ставники Рикардо, Элисео Рекена и Марио Бон-фанти, считали образцом жанра. К счастью, тут появился этот неуклюжий доктор Севаско, издав-ший высокое «до»: он доказал, что произведение Рикардо, несмотря на сходство некоторых глав с книгой Пемана — совпадения, простительные для охваченного огнем вдохновения новичка, — скорее следует рассматривать как подражание «Лотерей-ному билету» Поля Груссака, действие которого пе-ренесено в семнадцатый век и оживляется бес-

¹ Вкратце (франц.).

² Женщина, худая только с виду (франц.).

престанными упоминаниями о сенсационном открытии лечебных свойств хинина.

Parlons d'autre chose¹. Уступая всем вашим старческим капризам, мой дорогой Пароди, я сумел добиться того, что доктор Кастильо, этот дьявольский энтузиаст серого хлеба и пудинга, на время покинул свой кабинет водных процедур и осмотрел вас опытным глазом медика.

— Довольно кривляний,— прервал его Пароди.— История Санджакомо сложнее, чем часовой механизм. Я начал кое о чем догадываться в тот день, когда дон Англада и сеньора Барсина рассказали мне о споре в имении командора накануне первой из смертей. То, что я услышал впоследствии от покойного ныне Рикардо, Марио Бонфанти, от вас, приказчика и врача, подтвердило мои подозрения. А также записка, оставленная несчастным молодым человеком с целью все объяснить. Как сказал Эрнесто Понсио,

Неторопливая судьба
на память вяжет узелки.

Смерть старого Санджакомо и анонимная брошюрка тоже оказали мне помощь в разрешении загадки. Если бы я не знал Англаду, то подумал бы, что он близок к прозрению. Вот доказательство: рассказывая о смерти Пумиты, он добрался до прибытия старого Санджакомо в Росарио. Устами дураков глаголет истина: все действительно началось в этом месте и в это время. Сыщики из полиции, видящие в любом деле нечто вроде романа, не раскрыли ничего, потому что держали

¹ Поговорим о другом (франц.).

в уме Пумиту, виллу Каstellаммаре и тысяча девятьсот сорок первый год. Но я, оставаясь вдалеке от событий, питаю слабость к прошлому, и мне нравится вспоминать о тех далеких годах, когда я был молод, находился на свободе и не знал недостатка в сигаретах. Итак, я повторяю: история началась давно, а командор играл в ней роль козырной карты. Приглядимся повнимательнее к этому иностранцу. В двадцать первом году он был на грани безумия, как сообщил мне дон Англада. Посмотрим, что же случилось. Умерла жена, которую он заставил приехать из Италии. Он едва был знаком с ней. Вы всерьез считаете, что такой человек, как командор, способен из-за этого сойти с ума? Подвиньтесь немного, я сплуну. По словам того же Англады, смерть друга Санджакомо, графа Исидоро Фоско, лишила его сна. Не поверю, даже если бы прочел об этом в энциклопедии. Граф был миллионером, консулом и, когда Санджакомо был всего лишь мусорщиком, давал ему советы, но не более того. Смерть такого друга я бы назвал облегчением — если, конечно, вы не хотите видеть его в живых ради удовольствия надавать пощечин. Дела Санджакомо тоже шли совсем неплохо: он завалил итальянскую армию ревенем, который продавал по цене золота, а кроме того, еще и получил титул командора. Так что же с ним случилось? Вечная история, мой друг: итальянка наставила ему рога с графом Фоско. Хуже того: когда Санджакомо узнал об измене, оба любовника были уже в могиле.

Вам известно, до чего калабрийцы, даже самые тупые, злопамятны и мстительны. Командор, не имея возможности отомстить ни жене, ни щедрому раз-

датчику советов, отомстил сыну их обоих — Рикардо.

Обычный человек — например, вы — слегка произдевался бы над не своим сыном, и все. Но старому Санджакомо ненависть придала величия. У него родился замысел, который не пришел бы в голову даже Митре. Чисто сделанная работа: я снимаю шляпу. Санджакомо распланировал всю жизнь Рикардо: первые двадцать лет — счастье, остальные двадцать — крушение. Может показаться невероятным, но в жизни Рикардо не было ничего случайного. Начнем с того, что вам ближе, то есть с женщин. Здесь мы встречаем баронессу де Сервус, Систер, Долорес и Видунию; все эти любовные приключения были подстроены стариком за спиной сына. Но к чему все это рассказывать вам, дон Монтенегро: вы ведь растолстели, как баран, благодаря коммисионным. И даже знакомство с Пумитой было организовано тщательнее, чем выборы в Ла-Риохе. То же самое с адвокатскими экзаменами: парень ни о чем не догадывался и сдавал их без малейшего труда. Что касается политики, то и здесь все должно было пойти так же: Сапонаро куплен — значит, дело сделано. Зачем продолжать: везде одно и то же. Вспомните о шести тысячах песо для Долли Систер, вспомните о гнусавом типе, встреченном как по волшебству в Монтевидео. Сын был творением отца. Подтверждение тому — пять тысяч песо золотом, данные отцу в долг: он и не пытался требовать их обратно. А теперь возьмите историю с романом, написанным Рикардо. Вы сами сейчас сказали, что Рекена и Марио Бонфанти были его неграми. Рекена, накануне смерти Пумиты, выдал себя: он проговорился, что занят,

потому что Рикардо заканчивает роман. Яснее нельзя было выразиться: именно он и писал книгу. Потом Бонфанти снабдил ее красотами стиля, заметными с первого взгляда, как страусиное яйцо.

Мы подходим к сорок первому году. Рикардо думал, что он свободен, как любой из нас, но на деле его заставляли совершать ходы, как шахматную фигуру. Он оказался помолвлен с Пумитой, девушкой во всех отношениях замечательной. Все шло как по маслу, пока отец, желавший заменить собой Судьбу, увидел, что Судьба управляет им самим: здоровье командора резко ухудшилось, и доктор Кастильо сказал, что жить ему осталось не больше года. Что до названия болезни, доктор скажет первое, что взбредет в голову; я полагаю, что, как и Таволара, он перенес инфаркт. Санджакомо решил ускорить течение событий. За оставшийся год он должен был обеспечить сыну последние недели блаженства, а потом свалить на него сразу все несчастья. Задача нисколько не устрасила командора, но за ужином двадцать третьего июня Пумита дала понять — конечно, не в открытую, — что разгадала его игру. Но они были не вдвоем. Она стала говорить о фильмах, которые все смотрели в тот вечер, о том, что на долю такого-то персонажа сначала выпадают удачи, а затем — сплошные неприятности. Санджакомо попытался перевести разговор на другую тему, но она упорствовала и заявила, что в жизни некоторых людей ничто не происходит случайно. Пумита сказала и о той тетрадке, дневнике командора, дав ему понять, что читала этот дневник. Санджакомо, чтобы увериться окончательно, подстроил ей ловушку, заговорив о глиняном зверьке, которого он видел в чемодане одного

русского еврея и который находился в том же ящике бюро, что и тетрадка. Он солгал, назвав зверька пумой. Пумита знала, что это была змея, и подскочила на месте: подстегнутая ревностью, она когда-то вскрыла ящик бюро командора в поисках писем Рикардо. Там она обнаружила тетрадку, а так как вообще любила читать, то прочла дневник и догадалась о плане. Этим вечером в разговоре она допустила много неосторожностей, и прежде всего ту, что пообещала на следующий день поговорить с Рикардо. Старик, намереваясь спасти план, продиктованный ненавистью тверже алмаза, задумал избавиться от Пумиты. Он подсыпал яд в ее снотворное. Вы помните, Рикардо сказал о том, что флакон со снотворным лежал в комод. Проникнуть в спальню было нетрудно, ведь все комнаты выходили на ротонду со статуями.

Я коснусь и других подробностей того разговора. Девушка попросила Рикардо отложить на несколько лет публикацию его романа. Санджакомо воспринял это очень болезненно: он хотел увидеть роман напечатанным и тут же пустить слух, что все в нем украдено у других авторов. По-моему, именно такую статью написал Англада в тот день, когда остался дома — будто бы работать над «Историей кино». Он сам объявил, что критики назовут роман Рикардо плагиатом.

Закон не позволял лишить Рикардо наследства, поэтому командор решил пустить на ветер собственное состояние. Он вложил часть, выделенную для Рекены, в малоодоходные, но зато надежные бумаги, а часть, предназначенную Рикардо, — в акции компании, строящей метро; достаточно взглянуть на размеры дивидендов, чтобы назвать это вложение

крайне рискованным. Кроче бесстыдно обкрадывал его: командор закрывал глаза, уверенный, что это оставит Рикардо без гроша.

Состояние и вправду стало быстро уменьшаться. Бонфанти перестали платить; от баронессы отмахнулись, как от мухи; Рикардо был вынужден продать своих лошадей.

Бедный мальчик, в его жизни до этого было только приятное! Чтобы встряхнуться, он отправился к баронессе, но та, видя, что денег у Рикардо нет, смешала его с грязью и сказала, что была его любовницей только благодаря деньгам командора. Рикардо увидел, как судьба его меняется на глазах, и ничего не понимал. Затем его, растерянного, посетило предчувствие: он побывал у Долли Систер и у мисс Эванс, и обе признались, что принимали Рикардо только из-за договора, заключенного с его отцом. Потом он пришел к вам, Монтенегро. Вы открыли ему, что нашли для командора этих и всех прочих женщин. Я прав?

— Кесарю кесарево, — отрезал Монтенегро, подавляя зевок. — Вы же знаете, что привычка готовить эти *ententes cordiales*¹ стала для меня второй натурой.

— Обеспокоенный денежными неурядицами, Рикардо навел справки у Кроче; после этого он понял, что командор нарочно стремился разориться.

Он осознал, полный страха и унижения, что вся его жизнь была ненастоящей. Это как если бы вам сообщили вдруг, что вы — совсем другой человек. Рикардо считал себя значительной персоной: и вот он увидел, что все его прошлое, все его

¹ Сердечные соглашения (франц.).

успехи были делом рук отца и что отец, неизвестно почему, был его врагом и готовил ему ад на земле. Тогда он подумал, что жить больше незачем. Он не произнес ни единой жалобы, не сказал ни слова против командора, которого продолжал любить, но оставил записку, где прощался со всеми,— такую, чтобы отец мог ее понять. Там говорилось:

«Сейчас все изменилось и будет меняться дальше... То, что сделал для меня отец, не сделал ни один отец в мире; пусть все это знают».

Может быть, оттого, что я провел в этой камере уже много лет, я не верю в наказания. В том мире каждый останется один на один со своими грехами. Порядочные люди не должны становиться палачами ближних. Командору оставалось несколько месяцев жизни; зачем было омрачать их арестом и тревожить осиный рой адвокатов, судей и комиссаров?

Пухато, 4 августа 1942 года

Жертва Тадео Лимардо

Памяти Франца Кафки

1

Заклученный камеры № 237, дон Исидро Пароди, принял своего посетителя с легким неудовольствием. «Вот еще один куманек на мою голову», — подумал он. Дон Исидро и не вспомнил, что двадцать лет назад, когда он еще не был почтенным креолом, он изъяснялся таким же образом, растягивая звук «с» и неумоимо жестикулируя.

Савастано поправил галстук и бросил темно-коричневую шляпу на тюремную койку. Это был человек смуглый, статный и чем-то несимпатичный.

— Сеньор Молилари посоветовал мне обратиться к вам, — начал он. — Я пришел из-за кровавого дела в гостинице «Нуэво Импарсьяль». От этой загадки у всех там поджилки трясутся. Я хочу, чтобы вы поняли: я здесь просто из патриотизма, фараоны с меня глаз не спускают, а я узнал, что вы то как раз и можете помочь мне приподнять завесу тайны. Я изложу вам события *grosso modo*¹, а любые увертки чужды моему характеру.

Жизненные перипетии в кои-то веки предоставили мне возможность передохнуть. Я сейчас ничем не занят, спокойно наблюдаю ход вещей. Не надрываюсь, чтобы заработать какой-нибудь жалкий сентаво. Изучаю жизнь, пью содовую, а когда

¹ В общих чертах (*лат.*).

придет время, то сыграю в ящик. Вы будете смеяться, если я скажу, что вот уже год, как я не заглядываю на Главный рынок. Тамошные ребята, когда меня увидят, пожалуй, станут спрашивать: «А это кто такой?» Готов спорить на что угодно: увидев, что я снова появился на рынке, они просто рты поразевают. В общем, я сейчас отошел на зимние квартиры: живу в отеле «Нуэво Импарсьяль», улица Кангальо, три тысячи четыреста, — это такое местечко, которое даже в Буэнос-Айресе кое-чем выделяется. Но знаете, не нравится мне жить в том районе, как-нибудь в один прекрасный день,

Насвистывая простенький мотив,
сыграю польку «Я вас покидаю».

Люди слаонервные, прочитав на двери объявление «Постели для сеньоров от шестидесяти сентаво», предчувствуют надувательство. Сразу вам скажу, дон Исидро, не питайте иллюзий. У вашего покорного слуги имеется там личная спальня, которую я временно делю с Симоном Файнбергом, в широких кругах известным как Морда-набок, но он вечно торчит в Доме проповедников. Это перелетная птица, из тех, кого сегодня видят в Мерло, а завтра — в Берасатеги; он уже жил в этой клетушке, когда я пришел туда два года назад, и, как мне представляется, больше никогда из нее и не выйдет. Начистоту так уж начистоту: раздражают меня эти домоседы, мы же не в каменном веке живем, а я из тех бродяг, кому нравится менять звезды над головой. Короче говоря, Файнбергу ни до чего нет дела, он воображает, что мир вертится вокруг его запертого сундучка, но даже в случае крайней нужды он пожалеет для честного арген-

тинца каких-нибудь два песо. Жизнь идет своим чередом, девчонки веселятся и танцуют, а на долю этих живых мертвецов выпадает только презрительный смех.

Вы обитаете в одиночестве, имеете, так сказать, суженный кругозор. И вам, конечно, доставят удовольствие мои живые зарисовки: мир «Нуэво Импарсьяль» открывает прилежному наблюдателю много интересного, это настоящее собрание курьезов. Я всегда говорил Файнбергу: зачем ты традишься на девочек, когда у нас в доме настоящий зоосад? Между нами говоря, Файнберг и сам в числе его обитателей, — голова похожа на яйцо, волосы крашенные, — так что ничего удивительного, что Хуана Мусанте дала ему от ворот поворот. Мусанте, вы же знаете, это наша хозяйка, она вроде как жена Клаудио Сарленги. Сеньор Висенте Реновалес и вышеупомянутый Сарленга представляют собой двойственный союз, который руководит всем заведением. Реновалес взял Сарленгу в компаньоны три года назад. Старик устал сражаться в одиночку, и приток молодой крови для «Нуэво Импарсьяль» оказался живительным. Признаюсь только вам, хоть это ни для кого и не секрет: сейчас дела идут хуже, чем раньше, гостиница сейчас — это только бледный призрак былого великолепия. Смысл появления Сарленги у нас — в том, чтобы сбежать из пампы; по-моему, он просто смылся. Судите сами: он увел Мусанте у почтового служащего из Бандерало, форменного головореза. Чиновник остался с носом, а Сарленга, который знает, что в пампе с такими вещами не шутят, вскочил в поезд и прибыл на вокзал Онсе. Он приехал, чтобы раствориться в толпе, ну да вы меня понимаете.

А мне не пришлось ехать на вокзал Лакроз, чтобы стать человеком-невидимкой; я просто от рассвета до заката торчу в своей комнатухе, в этой дыре, и меня прямо-таки смешат ребята из Хуго де Карне, которые бродят по рынку и не могут меня найти. Для большей безопасности я по пути сюда беспрестанно гримасничал в автобусе, чтобы меня приняли за другого.

Сарленга — это просто животное в одежде, никакого обхождения, мягко выражаясь — грубиян. Не буду скрывать, со мной он обращается вежливо; единственный раз, когда он поднял на меня руку, он был пьян, но я простил ему, ведь был мой день рождения. Поводом послужила жестокая клевета: Хуане Мусанте взбрело в голову, что я не отказываю себе в удовольствии под покровом темноты прошагать полквартала, чтобы провести время с милашкой из бакалейной лавки. Да я уже говорил, в чем тут дело: у Мусанте в глазах потемнело от ревности, и, хотя она знает, что я стараюсь не покидать заднего двора, всегда, как говорится, начеку, она побежала к Сарленге и рассказала ему о том, что я приставал к ней в прачечной. Тот взбеленился, набросился на меня, причем я его хорошо понимаю. Если бы не сеньор Реновалес, который успокоил меня и собственноручно приложил мне к глазу кусок сырого мяса, я бы наделал тут делов. Но все это наговоры, которые может развеять одно простое рассуждение: у Хуаны Мусанте и впрямь тело что надо, но меня, у кого был роман с сеньоритой, впоследствии ставшей маникюршей, и еще с одной, несовершеннолетней, которая сделала карьеру на радио, меня не смутят эти аппетитные тела — они могут вызвать интерес

где-нибудь в Бандерало, но столичного жителя оставят равнодушным.

Как выражается «Подзорная Труба» из газеты «Последний час», само прибытие Тадео Лимардо в «Нуэво Импарсыаль» было отмечено печатью таинственности. Он появился одновременно с Момо, вместе с грузом гнилых яблок и гранатов, но Момо больше не придется плясать на карнавале: на него надели деревянный костюм, и он обосновался на далеком кладбище: «Что, инфанты Арагона, стало с вами?».

Я живу единой жизнью с городом, поэтому я стащил костюм медведя у работника с кухни — все равно он жуткий мизантроп и на карнавал танцевать не ходит. Напялил я на себя эту шкуру, решил, что никто меня в таком виде не признает, и позволил себе роскошь распрощаться с задним двориком, выйти подышать свежим воздухом, как все порядочные люди. Вы мне соврать не дадите: в тот вечер столбик термометра взял рекордную высоту, было так жарко — прямо и смех и грех, набралось человек девять с солнечными и тепловыми ударами. Теперь представьте, каково приходилось мне: весь в шерсти, пот течет ручьями, так и подмывает скинуть с себя медвежью башку — в каком-нибудь из глухих закоулков, которые если попадутся на глаза членам Городского совета, так они тут же умрут от стыда. Но если я чего решил, так ни за что не отступлюсь. Ей-богу, не снимал я эту башку — все боялся, не появится ли вдруг какой-нибудь разносчик с рынка, они ведь и до Онсе добредают. Мои легкие уже вкушали сладостный аромат площади, на которой жарилось мясо всех сортов, когда я возьми да и потеряй сознание —

прямо рядом со стариканом в костюме клоуна, который вот уже тридцать восемь лет является на каждый карнавал, чтобы проведать своего земляка из Темперлея, полицейского. Этот ветеран, несмотря на почтенные седины, действовал хладнокровно: одним рывком сдернул с меня медвежью башку, а мои уши при этом не оторвал только потому, что они хорошо привинчены к голове. Я думаю, что это либо он, либо его дружок в дурацкой шапочке как раз и сперли медвежью голову, но я на них не в обиде: они заставили меня проглотить несколько ложек горячего супа — я помню деревянную ложку, с которой меня им поили, — суп был такой горячий, что я очнулся. Неприятно только, что хозяин медвежьей головы теперь со мной не разговаривает, потому что с этой головой, которую я потерял, когда-то в карнавальной повозке сфотографировался доктор Родольфо Карбоне. Так вот, о повозках: в одной из них какой-то остряк на облучке и стая ангелочков предложили подбросить меня до дома, сказав, что карнавалы все равно с каждым годом становятся скучнее, а меня ноги уже совсем, видно, не держат. Новые друзья швырнули меня на пол повозки, и я отбыл с бешеным хохотом. Я шикарно устроился в этой колымаге и никак не мог сдержать смех: рядом с нами, вдоль железнодорожного туннеля, брел какой-то деревенщина, худющий и невзрачный на вид, он еле управлялся со своим фибровым чемоданчиком и рваным мешком. Один из ангелочков решил влезть не в свое дело и пригласил этого доходягу к нам в повозку. Я, блюдя честь транспортного средства, крикнул вознице, что наша повозка — не мусорный бачок. Сидевшая рядом сеньорита посмеялась моей

шутке, и я, натурально, назначил ей свидание в уютном местечке на улице Умауака, куда сам никогда не хожу — уж очень близко к рынку. Я им наплел, что живу на фуражном складе, чтобы меня не приняли за бродягу, но Реновалес — который даже грамоты не одолел — заметил меня с тротуара и стал осыпать бранью, потому что один из наших, Соломинка, обнаружил пропажу пятнадцати сентаво — позабыл, что сам их положил в жилетный карман, — и все порешили, что это я их присвоил и потратил на девок. К тому же у меня прекрасное зрение, и я заметил в нескольких шагах от нас того доходягу с чемоданчиком, который просто с ног валился от усталости. По возможности сократив процедуру прощания (долгие проводы — лишние слезы), я кое-как вылез из повозки и поплелся во двор, чтобы избежать *casus belli*¹ с уставшим путником. Но ведь так всегда и бывает: поведение этих оборванцев никогда нельзя предугадать. Я зашел в одну из комнатушек по шестьдесят сентаво, где обменял медвежий костюм, который уже сослужил свою службу, на тарелку холодных овощей и изрядное количество домашнего вина, а выходя во двор, столкнулся нос к носу с этим деревенщиной, и он даже не ответил на мое приветствие.

Видите, что такое превратности судьбы: доходяга провел ровно одиннадцать дней в длинном зале, выходящем, конечно же, в первый дворик. Вы же знаете, что все, кто так живет, просто раздуваются от чванства, — взять, к примеру, Соломинку: он самый натуральный нищий, хотя многие считают

¹ Повода для начала войны (*лат.*).

его миллионером. Вначале не было недостатка в пророках, утверждавших, что новый жилец скоро сотворит что-нибудь несообразное, что житье в длинном зале не для него. Но эти предсказания развеялись как дым. Ну же, припомните хоть один случай, когда бы тамошние обитатели на него пожаловались. Да не трудитесь вы понапрасну: не было ни единой жалобы, даже никаких сплетен на его счет не было. Вновь прибывший вел себя просто пайнкой. Кормился тем, что дают, не пытался закладывать одеяла, не ошибался при оплате, не разбрасывал по полу содержимое гостиничных матрасов в поисках монет — а ведь многие романтики надеются, что из старого матраса на них хлынет настоящий золотой дождь... Я сам был рад оказаться ему полезным во всем, что происходит внутри гостиницы; помню даже, что как-то в туманный день я сбегал для него в парикмахерскую за пачкой сигарет «Ноблесс» и он предоставил одну сигарету в полное мое распоряжение. Когда я вспоминаю это время, мне хочется снять шляпу.

Но однажды в субботу, когда я почти оправился, он объявил нам, что у него осталось не больше чем пятьдесят сентаво. Я хихикал про себя, воображая, как завтра с утра пораньше, отобрав сначала чемодан, Сарленга выкинет его голым на улицу за неуплату. Как и любое творение рук человеческих, «Нуэво Импарсьяль» имеет свои недостатки, но авторитетно заявляю, что по части дисциплины наше заведение больше всего напоминает тюрьму. Еще до рассвета я попытался вызвать интерес к происшествию у компании наших весельчаков — они обитают в третьем номере, наверху, и целыми

днями только и делают, что подтрунивают над Мордой-набок и болтают о футболе. Хотите верьте, хотите нет, эти тюлени не явились на представление, но им не в чем меня упрекнуть: я их предупредил еще накануне, пустил по рукам записочку с такими вот словами: «Потрясающая новость. Кого-то погонят от нас в три шеи? Этого надо ждать завтра». Признаюсь, они ничего не потеряли. Клаудио Сарленга нас прямо разочаровал. От него так и жди сюрприза, никогда не знаешь, что он выкинет в следующий раз. До самых девяти часов я был на наблюдательном посту, ругаясь с поваром, потому что отказался следить за супом, и вызывая подозрения у Хуаны Мусанте — она решила, что я расположился на жестяной крыше для того, чтобы спереть белье, которое там сушилось. Около семи утра новый жилец вышел, уже одетый, во дворик, который как раз подметал Сарленга. Вы думаете, его хоть немного напугала метла в руках хозяина? Ничего подобного. Признаюсь вам как на духу: я не слышал, что они там говорили, но Сарленга только хлопнул его по плечу, и на этом спектакль для меня завершился. Я тер глаза, отказываясь верить происходящему. Я проторчал еще два часа, жарясь на жестяной плите, ожидая развития событий, но потом жара взяла свое. Когда я спустился, деревенщина вертелся на кухне и тут же угостил меня тарелкой супа. Я человек простой, в общении легкий, так что затеял с ним непринужденный разговор; поговорив о том о сем, я спросил, откуда он родом, он ответил, что из Бандерало, но я-то понял, что он хитрец, каких мало, возможно, соглядатай, нанятый мужем Мусанте, чтобы за ней шпионить. Решив развеять терзавшие меня сомнения,

я рассказал ему историю, которая никого не может оставить равнодушным: случай с благотворительным купоном на получение ботинок фирмы «Титан» или трикотажной футболки. Файнберг передал такой купон племяннице галантерейщицы, предварительно уже получив по нему. Вы просто обалдеете, если я скажу, что мой собеседник никак не отреагировал на этот захватывающий рассказ и даже не удивился, когда я добавил, что Файнберг, когда вручал ей купон, был одет в ту самую футболку, а пострадавшая так и не поняла, что ее надуют, прельщенная изысканной болтовней и небылицами сего праведника. Я быстро сообразил, что мой деревенщина озабочен каким-то важным делом, целиком его захватившим. Решив ковать железо пока горячо, я тут же спросил, как его зовут. У моего нового друга, прижатого к стенке, не было времени вывернуться, и он выказал мне свое доверие (я могу это только приветствовать), назвавшись Тадео Лимардо, — я принял это к сведению, но не как безоговорочную истину, *si você m'entende*¹. С хитрецом надо быть хитрее, решил я, и начал таскаться за ним повсюду, чем окончательно его допек, так что вечером он пообещал мне, что если я от него не отстану, то узнаю, где раки зимуют. Мой замысел увенчался полным успехом: этому типу было что скрывать. Вообразите мое положение: быть в двух шагах от тайны и оставаться прикованным к своей комнатенке — ведь мне приходилось скрываться от повара.

Признаюсь вам, гостиница в тот вечер представляла собой малоприятное зрелище. Чувствовалась

¹ Если вы меня понимаете (*португ.*).

явная недостача женского контингента: Хуана Мусанте на сутки укатила в Горш.

В понедельник я как ни в чем не бывало объявился в столовой. Повар ходил мимо меня с кастрюлей супа, но мне не предлагал: на принцип пошел. Я понял, что этот деспот решил морить меня голодом из-за того, что вчера я игнорировал свои обязанности, пришлось мне ему наврать, что нет аппетита. Повар, это усатое воплощение противоречия, выдал мне тогда две большие порции, предположив, что меня с ними и похоронят, и я набил брюхо до отвала.

Все посмеялись этой нехитрой шутке, пирушку испортил только Лимардо, который явился с похоронной физиономией и даже отодвинул локтем миску с овсяной похлебкой. Клянусь вашим папашей, сеньор Пароди, я с удовольствием ожидал момента, когда наш повар задаст ему головомойку за нетронутую порцию, но Лимардо был непреклонен, повару пришлось отступить ни с чем, а мне снова стало смешно. В это время вошла Хуана Мусанте с горящими глазами и волнующими бедрами. Эта лохматая ведьма вечно ищет повода ко мне придраться, но я в таких случаях притворяюсь неизвестным солдатом. Как обычно игнорируя меня взглядом, она принялась собирать миски со стола, а повару, то есть Врагу Человечества, сказала, что лучше, чем иметь дело с такими сонями, как он, нанять в услужение меня и всю работу самой делать. Посредине фразы она как вкопанная остановилась напротив Лимардо с его нетронутой миской супа. Лимардо пялился на нее, как будто никогда не видел женщины, — он, несомненно, старался навеки запечатлеть ее незабвенный образ на своей

глазной сетчатке. Немая сцена, такая выразительная в своей человеческой простоте, разрешилась следующим образом: Хуана объявила постояльцу, что он слишком долго спал один взаперти и теперь ему пойдет на пользу свежий воздух. Лимардо никак не отреагировал на эту шпильку, полностью погруженный в катание хлебных шариков — ужасная привычка, которой нас заразил повар.

Несколько часов спустя произошло такое, что если я вам это опишу, то вы поблагодарите Гражданский кодекс за то, что сидите в этой камере. В семь вечера, по всегдашней своей привычке, я вылез в первый дворик — перехватить порцию супа из требухи, который знатные постояльцы длинного зала заказывают в лавочке на углу. Спорим, что вы, при всей своей проницательности, ни за что не угадаете, кого я там увидел? Мулата Саливасо, собственной персоной, одетого как Папа Римский, в широкополой шляпе, в шикарных ботиночках. Нужно ли говорить, что, как только я увидел своего старого приятеля с рынка, я тут же заперся на неделю в своей комнатушке? Через три дня Файнберг объявил, что я могу вылезать, что о Мулате давно нет ни слуху ни духу, равно как и обо всех лампочках из заднего дворика (кроме одной, какую Файнберг сохранил в своем кармане). Я, грешным делом, подумал, что он эту сказочку выдумал, заботясь о свежести воздуха в нашей комнате, и остался сибаритствовать до конца недели, пока меня не выковырял из убежища наш повар. Должен признать, что на этот раз Морда-набок сказал правду, и я бы еще долго радовался своей удаче, если бы моим вниманием не завладело одно из тех банальных (или, если хотите, обыденных) про-

исшествий, подмечать которые умеет только искусственный наблюдатель. Лимардо перешел из длинного зала на койку за шестьдесят сентаво, а поскольку денег у него не было, ему доверили вести бухгалтерию заведения. У меня чуткий сон, и я сразу же увидел здесь уловку, чтобы проникнуть в ряды администрации заведения и получить доступ к его счетам. Под предлогом ведения книг деревенщина теперь проводил целый день в конторе. А у меня никаких определенных обязанностей в гостинице нет,— если я иногда и подсобляю повару, то только ради того, чтобы не прослыть эгоистом,— так что я, чтобы указать ему на разницу в нашем общественном статусе, постоянно слонялся мимо его стола, пока на меня не прикрикнул сеньор Реновалес, и пришлось мне удалиться к себе.

Через три недели начальством был пущен ложный слух, что сеньор Реновалес хотел было выкинуть Лимардо на улицу, но Сарленга этому воспротивился. Никогда не поверю этой выдумке, хотя бы ее и написали на стене огненными буквами; если вы не возражаете, я представлю вам *реконструкцию фактов в изложении Рохаса*. Честно признайтесь, можете вы себе вообразить, чтобы сеньор Реновалес наказывал несчастного тупицу? Или чтобы Сарленга, с его-то принципами, хоть на мгновение принял сторону закона? Спуститесь на землю, мой дорогой друг, все это мишура и бутафория: на самом деле все происходило иначе. Изгнать деревенщину хотел Сарленга — он ведь всегда его оскорблял, а защищал его Реновалес. Вот мое мнение, к тому же поддержанное обитателями чердака.

Правда в том, что вскоре деятельность Лимардо вышла за узкие рамки конторы и растеклась по всей гостинице, словно пролитое масло: вот он ликвидирует вечную протечку в одном из номеров, вот он украшает безобразной мазней наши жалюзи, вот он выводит спиртом пятно на брюках Сарленги; потом он получил право на ежедневную уборку первого двора и на борьбу с мусором в длинном зале.

Лимардо совал свой нос куда не просят и повсюду сеял склоки. Как, например, в тот раз, когда наши весельчаки вели себя тише воды ниже травы — просто красили в разные цвета любимого котика хозяйки скобяной лавки, а меня не позвали только потому, что видели, как я увлечен чтением «Паторусу», газетенки, оставленной мне доктором Эскудеро. Логику их поступков пылливому уму восстановить несложно: хозяйка кота, женщина непредсказуемая, на днях явилась к ним с обвинением в краже воронок и каких-то пробок, друзьям это не понравилось, и они решили отыгаться на коте. Непредвиденным препятствием оказался Лимардо. Он отобрал у них животное в самый разгар покраски и зашвырнул его в скобяную лавку, не подумав об опасности переломов и вмешательстве Общества охраны животных. Сеньор Пароди, прошу вас, ради всего святого не спрашивайте, что случилось с бедным деревенщиной. Наши весельчаки, само собой, в долгу не остались: разложили бедолагу на полу, один сел ему на пузо, другой на голову, а третий принялся кормить его краской. Я бы тоже с удовольствием дал Лимардо тумака, но как-то побоялся, что он, несмотря на полученную взбучку, сможет меня опознать. К тому же

стоит признать, что эти ребята легко заводятся, и если бы я вмешался, то и мне бы досталось. В этот-то момент и появился Реновалес и обратил ребят в бегство. Двум из нападавших удалось добраться до кухни, третий решил вслед за мной скрыться в курятнике, но тяжелая рука Реновалеса настигла его. При виде этого поистине отеческого наказания я чуть не разразился аплодисментами, но передумал и решил просто посмеяться про себя. Поднявшийся на ноги деревенщина представлял собой жалкое зрелище, но кое-что в утешение он все же получил. Сеньор Сарленга собственноручно приготовил ему яичный коктейль, заставил выпить его одним глотком, а сам приговаривал: «Не воротите нос, ведите себя по-мужски».

Об одном прошу вас, сеньор Пароди: не судите по этому эпизоду с котом обо всей жизни в гостинице. И для нас светит солнце, а многие происшествия, которые поначалу кажутся ужасными, я потом оцениваю философски и даже смеюсь над своими прежними страхами. Чтобы далеко не ходить за примерами, расскажу вам о записке, написанной синим карандашом. Бывают люди, что наворотят с три короба и своей болтовней заставят вас зевать. Но если надо точно передать самую свежую новость, со мной здесь сравнить некого. Как-то во вторник я вырезал из бумаги несколько сердечек: одна птичка прошебетала мне на ушко, что Хосефа Мамберто, племянница галантерейщицы, отправилась погулять с Файнбергом, надеясь получить от него купон на бесплатную футболку. Чтобы даже мухи в «Нуэво Импарсьяль» узнали о происшедшем, на каждом сердечке я кое-что написал (разумеется, изменив почерк): «Потрясающая новость.

Кто это раз в два дня ходит под венец с Х. М.? Постоялец в футболке». Я лично взял на себя доставку посланий: когда никого поблизости не было, просовывал свои сердечки под двери, даже в туалетах. Откроюсь вам: в этот день есть мне хотелось не больше, чем кусать себя за локоть, но желание убедиться в успехе шутки вместе с нежеланием упустить свою порцию гуляша заставили меня спуститься к столу раньше других. Я был без пиджака, в одной футболке; крайне довольный собой, я уселся на свое место и принялся стучать ложкой по столу, чтобы привлечь внимание к своей пунктуальности. Тут появился повар, и я с притворным интересом начал разглядывать одно из сердечек. И вот вам местные понятия о благовоспитанности: раньше чем я догадался броситься на пол, повар правой рукой схватил меня за шиворот, а левой принялся совать мне в лицо мои сердечки, причем до невозможности помял их. Не будьте слишком строги к этому взрыву ярости, сеньор Пароди, это моя вина. Разыграв как по нотам свою шутку, я являюсь к столу *в футболке* — так что путаница возникала неизбежно.

Шестого мая, неизвестно в котором часу, рядом с чернильницей Сарленги, украшенной фигуркой Наполеона, Бог весть откуда появилась сигара. Сарленга умеет облапошить клиента; в тот раз он пытался убедить в солидности нашего заведения одного почтенного нищего, правую руку Общества первых заморозков, которого на праздничные дни охотно приняли бы в ночлежке Унсуэ. Желая задобрить этого бородача, Сарленга подарил ему сигару. Нищий, одетый в дерюгу, был малый вовсе не безрукий: схватил сигару и тут же прикурил с важ-

ностью Римского Папы. Не успел этот эгоист насладиться первой затяжкой, как сигара взорвалась у него во рту и перепачкала копотью все лицо. На новоявленного мавра глядеть было невозможно, все мы, зрители, животы надорвали со смеху. После этой комедии попрошайка убрался из гостиницы, лишив тем самым нашу кассу солидных прибылей. Сарленга взвился на дыбы от ярости и спросил, какой это остроумец подложил ему на стол сигару. Мое правило — не иметь дела с гневливыми. Я быстро зашагал по направлению к своей комнатенке и чуть не столкнулся с Лимардо: он шел мне навстречу с округлившимися глазами, как духовидец. Я так понял: он со страху потерял способность ориентироваться в пространстве — ибо направлялся он прямо в волчью пасть, то есть в контору злодея. Вошел без спросу, а это всегда нехорошо, и, глядя в глаза Сарленге, произнес: «Это я принес сигару с сюрпризом, потому что мне так захотелось». Тщеславие погубит Лимардо, решил я в глубине души. Ну почему же он не позволил, чтобы другие расплачивались за него? Тот, кто себя уважает, никогда так не сделает. Но представьте, до чего же странно повел себя Сарленга! Он пожал плечами и сплюнул, как будто был не у себя в кабинете. Ярость его улетучилась, он напустил на себя сонный вид. Думаю, он дал слабину, так как боялся, что если воздаст шутнику по заслугам, то многие из нас сбегут из гостиницы под покровом ночи, пользуясь тем, что после дневных трудов сон у Сарленги крепок. Лимардо после этого ходил как в воду опущенный, но он одержал важную психологическую победу, от которой всех нас гордость так и распирала. Но я снова понял, что дело тут

нечисто: деревенщина не подкладывал ту сигару, мне-то известно: о сестричке Файнберга снова пошли сплетни в Лавке для шутников, что находится на углу улиц Пуэйреддон и Валентин Гомес.

Очень уж мне не хочется вас расстраивать, сеньор Пароди, но на следующий день после взрыва мир в заведении был нарушен катастрофой, которая заставила призадуматься даже самых отпетых гуляк. Об этом легко говорить, но попробуйте-ка это пережить: Сарленга и Мусанте поссорились! Разрази меня Бог, не помню я подобной ссоры в «Нуэво Импарсьяль». После того как толстый турок, вооружившись половинкой ножниц и визжа, как боров, бросился перед ужином на Тигра Бенголеа, любые ссоры и драки в гостинице официально запрещены. Поэтому никто не удерживает повара, когда тот призывает буянов к порядку. Но, как пишут на лекарствах от кашля, излечение должно прийти сверху. Если правящие круги становятся аренной междоусобиц, что же остается нам, обыкновенным постояльцам? Признаюсь, я переживал тогда трудные времена, настроение на нуле, полнейшее расстройство. Обо мне можно говорить всякое, но никто не скажет, что в тяжелый час я ударился в пораженчество. К чему сеять панику? Я держал рот на замке. Каждые пять минут я под разными предлогами проходил мимо конторы, где Сарленга и Мусанте копили злость, не позволяя ей выплеснуться в оскорблениях. Потом я возвращался в отсек шестидесяти сентаво и повторял с видом превосходства: «Катастрофа! Катастрофа!» Эти злодеи, занятые картами, даже глаз на меня не поднимали, но терпение и труд все перетрут. Лимардо, чистивший ногти расческой

Соломинки, в конце концов прислушался к моим словам. Не дав мне закончить, он вскочил, как ошпаренный, и исчез где-то в направлении конторы. Я шел за ним по пятам и безостановочно крестился. Вдруг он обернулся и сказал не допускающим возражений тоном: «Сгодись хоть на что-нибудь, немедленно приведи сюда всех постояльцев». Я не заставил его повторять дважды и пошел собирать весь этот сброд. Явились все как один, кроме Морды-набок, который выбыл из наших рядов в первом дворике, а потом оказалось, что в клозете исчезла цепочка от бачка. В нашей колонне шли представители всех слоев общества: мизантроп рука об руку с горлопаном, клиенты из комнат за девяносто пять и шестьдесят сентаво, доходяга рядом с Соломинкой, нищий — с попрошайкой, вконец опустившийся карманник рядом с заслуженным взломщиком. В нас как будто воплотился старинный дух гостиницы. Картина была величественная, может быть, даже не картина, а барельеф: народ, влекомый своим пастырем. Все мы смутно ощущали, что Лимардо — наш вожак. Он двигался только вперед и, добравшись до конторы, вошел без спроса. Я тихонько сказал сам себе: «Савастано, отправляйся к себе в комнату». Глас разума вопиял в пустыне: вокруг меня выросла стена фанатиков и отрезала пути к отступлению.

Моим глазам, затуманенным от волнения, представало необыкновенное зрелище. Сарленга был наполовину скрыт от меня Наполеоном, но уж обширные тела Хуаны Мусанте были целиком выставлены мне на обозрение; она была в цветастом платье и в шлепанцах с розочками, так что мне пришлось ухватиться за одного из постояльцев по

девяносто пять сентаво. Лимардо, разбухший от угроз, словно грозовая туча, занимал место в центре композиции. Кто лучше, кто хуже, но каждый из нас в этот момент осознавал, что в «Импарсьяль» приходит новый хозяин. По спине у нас бегали мурашки, все предчувствовали, что сейчас Лимардо обрушит на Сарленгу град пощечин.

Вместо этого Лимардо начал говорить, а слово, как известно, не властно над высшими тайнами. Он был само красноречие; сказанное им и поныне волнует мое воображение. В подобных случаях оратор обычно выступает в роли благородного льстеца, но Лимардо, в нарушение старинного кодекса, без всяких там *voulez-vous*¹ представил *uso postro*² ряд сентенций о недопустимости размолвок. Он сказал, что брак — это нерушимый союз, который нужно хранить в целости, и что Мусанте и Сарленга должны при всех поцеловать друг друга, чтобы постояльцы узнали об их любви.

Видели бы вы Сарленгу! Услыхав столь здравый совет, он словно окаменел, не зная, как себя повести. Зато уж Мусанте, у которой котелок здорово варит, — не такая женщина, чтобы слушать все это спокойно. Она подпрыгнула, как будто кто-нибудь покусился на ее порцию жаркого. Это величественное и страшное зрелище так на меня подействовало, что любой врач, окажись он тогда рядом, отправил бы меня немедленно в психушку. Мусанте сумела за себя постоять: наказала деревенщине получше хранить собственные брачные узы, ежели таковые у него имеются, а если он еще

¹ Не желаете ли вы (*франц.*).

² Здесь: нашему вниманию (*лат.*).

раз сунет нос в чужие дела, они его разделают, как свинью. Сарленга, чтобы завершить спор, признал, что сеньор Реновалес (который отправился за пивом в кафе «Ла Перла») был прав, когда хотел выгнать Тадео Лимардо из «Нуэво Импарсьяль». Он приказал Лимардо немедленно убираться, хотя было уже больше восьми вечера. Несчастному дурачку пришлось в спешном порядке паковать свой чемодан и мешок, но руки у него здорово тряслись, и Симон Файнберг вызвался ему помочь. В суматохе бедняга не смог найти свой ножичек и фланелевый жилет. Его глаза подернулись слезами, когда он в последний раз окинул взглядом кров, давший ему приют. Он кивнул нам головой в знак прощания, шагнул в ночь и исчез в неизвестном направлении.

На следующий день тот же Лимардо разбудил меня с первыми петухами — он принес мне мате с молоком, который я машинально проглотил, не спрашивая, как изгнаннику удалось вернуться. Этот мате, приготовленный тем, кого выгнали накануне, до сих пор жжет мне глотку. Вы скажете, что Лимардо повел себя как анархист, пренебрегая повелением хозяина гостиницы, но подумайте сами, что значит лишиться пристанища, которое мало того, что доставляло столько головной боли его владельцам, но и успело стать частью тебя самого.

Мате, который я так опрометчиво принял из рук Лимардо, плохо на меня подействовал, так что я предпочел, сказавшись больным, отсидеться в своей комнате. Когда спустя несколько дней я все-таки рискнул выбраться в коридор, один из жильцов третьей комнаты поведал мне, что Сарленга лично пытался выставить Лимардо за дверь, но тот

распластался на полу, позволил себя топтать и пинать ногами и с помощью этого пассивного сопротивления одержал-таки победу. Файнберг эти сведения не подтвердил — этот эгоист все держит при себе и не хочет, чтобы я был в курсе ходячих сплетен. Я только улыбнулся про себя, ведь у меня есть хорошие знакомые среди постояльцев по девяносто пять, но на этот раз я не стал злоупотреблять своими связями — я и так много полезного выудил из них в прошлом месяце. Сам я знаю только, что в распоряжение Лимардо предоставили каморку под лестницей, где хранятся метлы и щетки, — там поставили раскладушку и керосиновую лампу. Преимущество этой каморки в том, что Лимардо теперь мог слышать все, что происходит в комнате Сарленги, ведь их разделяла всего лишь плохонькая дощатая перегородка. Пострадавшим оказался я, поскольку все метлы пересчитали, инвентаризовали и переместили в нашу комнатушку, а уж Файнберг прибег к макиавеллевским уловкам, чтобы они оказались у моей койки.

Чудно все-таки создан человек: в истории с метлами Файнберг вел себя как отъявленный крючкотвор, а что касается поддержания спокойствия в гостинице, то он всячески препятствовал заключению мира между Лимардо и нашими весельчаками. Поскольку дело о покраске кота давно было положено под сукно, Файнбергу пришлось освежить его в памяти враждующих сторон, преступно разжигая страсти с помощью проклятий и насмешек. Когда осталась одна-единственная проблема — драться в ботинках или босиком, Файнберг выступил со старым лозунгом: истина в вине. Нужно

признать, что воплотить эту истину в жизнь ему было проще простого, поскольку доктор Пертине недавно предоставил Файнбергу право на продажу больших и малых бутылей вина «Апачи» (*вино с замечательными целебными свойствами, рекомендовано доктором Пертине*). Я всегда говорил, что алкоголь как ничто другое успокаивает мятущиеся души, вот только руководство «Нуэво Импарсыалья» должно следить, чтобы никто им не злоупотреблял. Короче говоря, ссылаясь на то, что весельчаков трое, а Лимардо вооружен, Файнберг всех убедил в том, что сила — в единстве, и, если они хотят выпить мировую, он за смешную цену снабдит их горючим. В предвидении хорошей выпивки (а кто бы отказался?) противники успокоились: они приобрели в складчину двенадцать бутылок и, приговорив восемь из них, уже объявили себя неразлучной четверкой. Трое весельчаков, эгоисты чистой воды, не хотели замечать, что я брожу вокруг со стаканчиком в руке, пока не вмешался деревенщина: он в шутку сказал, что не нужно и мной пренебрегать, ведь и с ним самим обращались как с собакой. Воспользовавшись общим весельем, я без зазрения совести угостился глоточком, но вышло больше похоже на лечебное полоскание: трудно сразу привыкнуть к вину, которое на вкус как микстура и тягучее, как сироп, — даже язык немеет. Файнберг, завсегдашней ломбарда, всегда проявлял интерес к огнестрельному оружию, поэтому он предположил, что за пушку, которую Лимардо носит на поясе, с него содрали втридорога, и вызвался достать ему точно такую же, но почти даром. Разговор и так уже был достаточно оживленный, поэтому можете представить себе, какой

характер он приобрел, когда Морда-набок услышал слова Файнберга. Мнения высказывались очень разноречивые. Соломинка сказал, что покупать оружие — то же самое, что самому на себя заводить дело в полиции; один из весельчаков заявил, что его симпатии — целиком на стороне швейцарского тира в противовес аргентинскому; я вставил словцо насчет того, что оружие черти выдумали; Лимардо, уже порядочно под хмельком, сказал, что приехал с револьвером, так как намерен убить одного сеньора; Файнберг рассказал о каком-то еврее, который не захотел покупать у него револьвер, а на следующий день его напугали пистолетом, сделанным из шоколада.

Наутро — вот важная деталь — я прибился к нашему генеральному штабу, который собирается по холодку в первом дворике; в повестке дня — распитие нескольких кружек мате и составление плана предстоящего сражения. Там идет речь о решительных действиях, и самому глупому из постояльцев полезно знать о них, хотя он порой может услышать не очень-то лестные о себе отзывы или быть пойманным за подслушиванием — и тогда готовься быть разобраным на запчасти. Налицо была вся Троица, как говорят наши весельчаки, — Сарленга, Мусанте и Реновалес. Они не ругались между собой, что меня малость приободрило. Я приблизился как ни в чем не бывало и, чтобы мне тут же не влетело, пообещал им потрясающую историю. Единным духом выложил им все о вчерашнем примирении, не забыв упомянуть ни про револьвер Лимардо, ни про «истину в вине» Файнберга. Как они на меня вылупились! На всякий случай я решил сматываться, а то вдруг кто-нибудь

станет говорить, что я бегаю на доклад к хозяевам,— а это не по мне.

Я ретировался по всем правилам, неотступно следя за передвижениями начальственного трио. Очень скоро Сарленга уверенным шагом направился к комнатке для метел, где обитал деревенщина. В один обезьяний прыжок я оказался на лестнице, прижался ухом к ступеням, чтобы не пропустить ни звука из того, что говорилось внизу. Сарленга потребовал, чтобы деревенщина выдал ему револьвер. Лимардо категорически отказался. Сарленга произнес такое, чего я не хочу повторять перед вами, сеньор Пароди. Лимардо, преисполнившись сдержанной гордости, ответил, что угрозы на него не действуют, потому что он неуязвим, как в пуленепробиваемом жилете, что и дюжине Сарленг его не напугать. *Inter nos*: жилет, если он у него и был, мало ему помог, потому что очень скоро он был уже трупом, лежащим в моей комнате.

— Чем закончился спор? — спросил сеньор Пароди.

— Чем заканчивается все на свете. Сарленга не стал терять времени на разговоры с умалишенным. Ушел не солоно хлебавши.

Вот и наступило то зловещее воскресенье. Стыдно признаться, но по воскресеньям гостиница словно вымирает, впадает в оцепенение. Я ужасно скучал, и мне пришла в голову мысль вывести Файнберга из мрака невежества и обучить его игре в туге, чтобы он не чувствовал себя ущербным в уличных кафе. Сеньор Пароди, у меня врожденный талант учителя, подтверждение тому — два песо, каковые мой ученик у меня выиграл. Песо и шестьдесят сентаво я отдал ему на месте, а чтобы погасить

остальной долг, я по его просьбе сводил его на дневной сеанс в «Эксцельсиор». Почему-то считается, что Росита Розенберг потрясающе смешна. В партере смеялись, как от щекотки, а я ни слова не мог разобрать, потому что картина шла на языке, который евреи придумали, чтобы их даже в синагоге не понимали. Я мечтал поскорей вернуться в гостиницу, чтобы Файнберг пересказал мне все шутки. Но когда я целым и невредимым вернулся в свою комнатенку, мне было не до шуток. Видели бы вы, что случилось с моей постелью! Одеяло с покрывалом превратились в месиво, подушка была ничем не лучше, матрас пропитался кровью, и я задавался вопросом, где же мне сегодня ночевать, — потому что на кровати лежал покойный Тадео Лимардо, мертвее мертвого.

Первая моя мысль была, конечно же, о гостинице. Никому не позволю думать, что я порешил Лимардо и перепачкал все постельное белье. Я сразу догадался, что история с мертвецом не очень понравится Сарленге; так оно и вышло: фараоны допрашивали его до одиннадцати часов — а это время, после которого в «Нуэво Импарсьяль» запрещено зажигать свет. Пока я размышлял об этом, то, не переставая, орал как резаный — я, как Наполеон, умею делать много вещей одновременно. Я не преувеличиваю: услышав мои крики, мне на помощь сбежалось все заведение, не исключая и работника с кухни — он заткнул мне рот какой-то тряпкой, так что покойников чуть не стало двое. Прибежали Файнберг, Мусанте, весельчаки, повар, Соломинка и последним — сеньор Реновалес. Следующий день мы все провели под замком. Я жил полной жизнью, отвечал на бесчисленные вопросы,

показывал желающим, как было дело, чем окончательно сбивал всех с толку. Между тем я, как обычно, держал ушки на макушке и таким образом выведал, что Лимардо был убит около пяти вечера его собственным ножичком с костяной ручкой.

Знаете, те, кто считает, что произошедшее — тайна за семью печатями, ничего не смыслят. Все было бы намного сложнее, если бы преступление произошло ночью, когда гостиница наполняется никому не известными личностями, которых я даже постояльцами не назову, — расплатившись за ночлег, они бесследно исчезают, и поминай как звали.

Кроме Файнберга и одного из слуг, все остальные в момент смертоубийства находились в гостинице. Позже выяснилось, что у Сарленги тоже было важное дело за пределами гостиницы: он ездил на петушинные бои в Сааведру, чтобы поставить на петуха отца Арганьяраса.

2

Через неделю Тулио Савастано, взволнованный и счастливый, снова влетел в камеру. Он, запинаясь, пробормотал:

— Все сделал, как обещал, сеньор, и вот мы здесь.

Следом за ним вошел господин астматического вида, гладко выбритый, седовласый, голубоглазый. На нем был добротный темный костюм и шарф из шерсти викунии; Пароди заметил, что и за ногтями он следит тщательно. Седовласый господин, как и Пароди, знал себе цену, поэтому занял второй свободный табурет; Савастано, исполненный раболепия, бегал взад-вперед по узенькой камере.

— Дело в том, что этот вот господин вручил мне ваше послание, — начал седовласый. — Послушайте, если вы хотите говорить о Лимардо, то обращайтесь не ко мне. Я уже устал от этого убийства, да и в гостинице только о нем и говорят. Если вам что-то известно, обратитесь лучше к молодому Паголе — он занимается расследованием. Ручаюсь, он будет вам очень благодарен, так как это дело настолько запутанное, что и концов не сыскать.

— За кого вы меня принимаете, дон Сарленга? Я с этой шайкой не знаюсь. Зато у меня есть некоторые соображения, которые и вас могут заинтересовать, если вы сообразоволяете меня выслушать.

Если настаиваете, давайте начнем с Лимардо. Вот этот достойнейший молодой человек посчитал его шпионом, подосланным мужем сеньоры Мусанте. Я уважаю его мнение, но я задался вопросом: к чему усложнять историю появлением шпиона?¹ Сам Лимардо и был почтовым служащим из Бандерало, то есть мужем этой сеньоры. Вы это прекрасно знаете.

Расскажу вам всю историю, как я себе ее представляю. Вы увели у Лимардо жену и оставили его ни с чем в Бандерало. После трех лет одиночества он не смог больше терпеть и решил добраться до Буэнос-Айреса. Никто не знает, какой путь он проделал, известно лишь, что он объявился в городе во время карнавала, до крайности изнуренный. За время этого скорбного путешествия он лишился здоровья и денег, и в довершение все-

¹ Не следует без необходимости умножать сущности. (*Примечание доктора Уильяма Оккама.*)

го ему пришлось провести еще одиннадцать дней взаперти, прежде чем он смог увидеть женщину, ради которой решился на поездку. Эти дни, по девяносто пять сентаво каждый, прикончили его капитал.

Вы, частью из-за того, что вас это устраивало, частью из жалости, пустили слух, что Лимардо был крутого нрава, и уж совсем перегнули палку, объявив его головорезом. Потом, когда вы увидели его в своей гостинице, без гроша в кармане, то не упустили случая оказать ему покровительство и тем самым снова оскорбили его. Так началось ваше состязание: вы старались унижить его; он сам искал унижений. Вы поместили его в комнату за шестьдесят сентаво и к тому же заставили вести бухгалтерию; этого было недостаточно для Лимардо, и через несколько дней он уже борется с протечками и даже чистит ваши брюки. Сеньора Мусанте, увидев его в первый раз, страшно рассердилась и приказала ему убираться.

Реновалес тоже стоял за изгнание, так как ему не нравилось поведение постояльца и ваше слишком мягкое с ним обращение. Но Лимардо остался в гостинице и стал искать новых унижений. Однажды несколько бездельников решили раскрасить кота — Лимардо вмешался, не столько из добрых чувств, сколько из желания быть наказанным. Он добился искомого, а в довершение вы угостили его яичным коктейлем и множеством оскорблений. Потом был случай с сигарой. Эта идиотская шутка стоила гостинице потери достойного постояльца. Лимардо взял вину на себя, но на этот раз вы не стали его наказывать, потому что начали подозревать, что все эти унижения могут привести

к каким-либо ужасным последствиям. Но пока что дело не шло дальше побоев и оскорблений: Лимардо же хотел более серьезного бесчестья. Когда вы с сеньорой Мусанте поссорились, он собрал публику и попросил вас примириться и поцеловать друг друга при всех. На что это похоже: муж собирает зрителей, чтобы спасти любовь своей жены и ее любовника! Вы его выставили. На следующее утро он возвращается и заваривает мате для последнего гостиничного бедолаги. Следующим этапом было «пассивное сопротивление» — иными словами, он позволил себя пинать ногами. Чтобы окончательно добить его, вы отводите ему место в клоповнике рядом с вашей комнатой, где он может в свое удовольствие слушать, как вы с сеньорой Мусанте предаетесь любви.

Потом вы позволили еврею помирить его с сельчаками. Лимардо пошел и на это, поскольку план его состоял в том, чтобы его унижали все кому не лень. Он даже сам себя оскорбил: поставил себя на одну доску с присутствующим здесь кабальеро, назвался собакой. В тот вечер вино развязало ему язык, и он сказал, что у него при себе револьвер для того, чтобы убить одного сеньора. Сплетник сразу же донес эту новость до начальства; вы снова пытались выставить его из гостиницы, но на этот раз Лимардо выказал стойкость и намекнул вам, что он неуязвим. Вы в точности не поняли смысла сказанного, но порядком испугались. Мы подходим к самой деликатной части истории.

Молодой Савастано присел на корточки, чтобы лучше слышать. Пароди рассеянно на него взглянул и в деликатных выражениях попросил удалиться,

поскольку, возможно, остальное не предназначалось для его ушей. Обалделый Савастано с трудом на-шел дверь. Пароди, не торопясь, продолжал:

— Не так давно этот молодой человек, любезно нас покинувший, прознал о каких-то шашнях между Файнбергом и сеньоритой Хосефой Мамберто из галантерейной лавки. Он написал всякий вздор на сердечках и вместо имен поставил инициалы. Ваша жена, увидев сердечки, решила, что «Х. М.» означает «Хуана Мусанте». Она заставила повара наказать беднягу и к тому же затаила на него злость. Она тоже подозревала тайный умысел за унижениями Лимардо; узнав, что тот приехал в гостиницу с револьвером, чтобы «убить одного сеньора», она поняла, что ей ничто не угрожает, и, естественно, испугалась за вас. Она знала, что Лимардо — трус, и решила, что он покрывает себя позором, чтобы оказаться в совсем безвыходной ситуации, когда ему не останется ничего иного, как убить вас. Сеньора была права в том, что Лимардо собирался убить, но не вас — другого.

В воскресенье гостиница словно вымирает, как выразился ваш спутник. Вас в гостинице не было: вы поехали в Сааведру смотреть на петуха отца Арганьяраса. Лимардо пробрался в вашу комнату с револьвером в руке. Сеньора Мусанте, увидев его, решила, что он пришел, чтобы вас убить. Она настолько презирала Лимардо, что, когда его выставили на улицу, без зазрения совести присвоила себе его костяной ножичек, и теперь этим самым ножом она его и убила. Лимардо, у которого в руке был револьвер, не оказал сопротивления. Хуана Мусанте перетащила тело на койку Савастано, чтобы отомстить ему за историю с сердечками,— как

вы помните, Савастано и Файнберг в тот момент были в кино.

В конце концов Лимардо добился своего. Он действительно приготовил револьвер для убийства — но убить он хотел себя. Лимардо приехал издалека, месяц за месяцем собирал обиды и унижения, чтобы набраться храбрости для самоубийства — ведь он действительно хотел умереть. Еще я думаю, что перед смертью он хотел увидеть свою жену.

Пухато, 2 сентября 1942 года

Долгие поиски Тай Аня

Памяти Эрнеста Брама

1

«Еще чего не хватало! Четырехглазый японец», — подумал Пароди почти вслух.

Доктор Шу Тун, привычный к *modus vivendi*¹ уважаемых посольств, поцеловал руку у заключенного камеры № 273, не расставаясь при этом с соломенной шляпой и зонтиком.

— Вы позволите этому постороннему телу обременить собой столь уважаемую скамью? — осведомился он птичьим голосом на безупречном испанском. — В конце концов, это четвероногое — из дерева и не может жаловаться. Мое недостойное имя — Шу Тун, и я, под всеобщие насмешки, исправляю должность атташе по вопросам культуры при китайском посольстве, — очень ненадежная и неудобная ниша, смею вас уверить. Я уже утомил своим несуразным повествованием оба чутких уха доктора Монтенегро. Этот феникс полицейского расследования непогрешим, как черепаха, и в то же время величав и медлителен, как астрономическая обсерватория, скрытая в песках бесплодной пустыни. Верно говорят: чтобы удержать рисовое зернышко, и девяти пальцев на каждой руке не хватит. И все же я, располагая всего лишь одной головой, которой владеют поочередно, по вза-

¹ Здесь: этикету (лат.)

имному согласию, парикмахеры и шляпники, не возражал бы увенчать свое тело еще одной, вмещающей недюжинный ум, — головой доктора Монтенегро, величайшего из докторов, — головой размером с касатку. Сам Желтый Император, со всеми своими школами и библиотеками, вынужден был признать, что рыба красноперый спар вдали от океана с трудом доживает до преклонного возраста и почтительных внуков. Я, конечно, не пожилая красноперая рыба, но и далеко не молодой человек. Что я могу сделать теперь, когда пропасть, подобно раковине сочной устрицы, разверзается, чтобы пожрать меня? Кроме того, речь идет не только о моей дерзкой и вредоносной персоне. Несравненная мадам Синь ночь за ночью оглушает себя вероналом по причине неустанной бдительности столпов закона, донимающих и тревожащих ее. Сыщики, кажется, все не возьмут в толк, что ее покровитель убит при обстоятельствах весьма неутешительных, что она осталась беспомощной сиротой во главе «Поражающего Дракона» — процветающего салона, который занимает дом на углу улиц Леандро Алема и Тукуман. О, эта самоотверженная и переменчивая мадам Синь! Пока правый глаз оплакивает потерю друга, левый должен смеяться и соблазнять моряков.

Горе вашим барабанным перепонкам! Ожидать от меня высказываний дельных и красноречивых — значит рассчитывать, что гусеница заговорит так же разумно, как верблюд, или хотя бы столь же цветисто, как целая коробка сверчков, раскрашенная в двенадцать умеренно ярких тонов. Мне далеко до великолепного Мэн-цзы, который, чтобы сообщить в Школе Астрологии о появлении новой

луны, говорил двадцать девять лет кряду, покуда его не сменили собственные сыновья. Бесплезно отрицать: у настоящего короткий век. И я не Мэн-цзы, и число моих досточтимых слушателей не превысит число прилежных муравьев, постепенно подтачивающих этот мир. Я не оратор: моя речь будет краткой, как у карлика; у меня нет пятиструнного инструмента: моя речь будет размыта и монотонна.

Можете испробовать на мне изощреннейшие орудия пыток, хранящиеся в этом призрачном дворце, если я еще раз разверну перед вашей и без того перегруженной памятью таинственные подробности культа Волшебницы Ужасных Пробуждений. Речь пойдет, как уже готовы вымолвить ваши уста, о мистической секте Дао, вербующей адептов в стане нищих и толмачей. Только синолог, такой, как вы, — европеец, искушенный в китайских церемониях, — может знать ее как собственную спину.

Девятнадцать лет назад случилось одно прискорбное происшествие, подкосившее мир. Отзвуки его докатились и до этого города, повергнув его в смятение. Язык мой, по тяжести подобный кирпичу, говорит сейчас о похищении талисмана Богини.

Посреди провинции Юньнань есть никому не ведомое озеро; посреди этого озера — остров; посреди острова — святилище; в святилище сияет идол Богини, и в ореоле его сияния — талисман. Описывать эту реликвию, хранящуюся в четырех стенах, было бы святотатством. Упомяну лишь, что она из нефрита, который не отбрасывает тени, размером — всего лишь с орех, и что она — средоточие мудрости и волшебной силы. Хотя некоторые

из тех, кого развратили миссионеры, и пытаются опровергать сию аксиому, но смертный, который украдет талисман и будет владеть им вне храма двадцать лет, станет тайным властителем мира. Однако все это — досужий вымысел: с первого восхода до последнего заката драгоценность пребудет в святилище, пусть даже в настоящий момент она и находится у одного негодяя, укравшего ее восемнадцать лет назад.

Верховный жрец поручил магу Тай Аню вернуть драгоценность. Тот, как рассказывают, определил наиболее благоприятное расположение планет, произвел необходимые вычисления и принял ухом к земле. Он явственно услышал шаги всех людей мира и тут же распознал шаги вора. Они доносились из отдаленного города — грязного города, обсаженного коричневыми деревьями, города, не знающего деревянных подушек и фарфоровых башенок, окруженного пустынными пастбищами и пустынными темными водами. Вор находился на Западе, за многими и многими закатами Солнца; Тай Ань, чтобы добраться туда, рискнул воспользоваться плавучей машиной, движимой паром. Он высадился в Самеранге, со стадом одурманенных свиней; он целых двадцать три дня провел безбилетным бродягой, заживо погребенным во чреве датского судна, питаясь только неиссякаемыми запасами голландского сыра; в Кейптауне он вступил в уважаемое братство мусорщиков и не преминул принять участие в забастовке на Смрадной Неделе. Через год невежественная чернь дралась на улицах и в переулках Монтевидео за ничем не примечательные маисовые лепешки, которые раздавал молодой человек, одетый как иностранец. Этот

юноша был не кто иной, как Тай Ань. Потерпев неудачу в борьбе с равнодушием пожирателей мяса, маг перебрался в Буэнос-Айрес — более, как он рассудил, подходящий для распространения лепешек город — и там отважно принялся за торговлю углем. Это черное занятие усадило его за длинный пустой стол бедности. В конце концов, устав от скудных пиршеств, Тай Ань сказал себе: «Для ненасытной наложницы — объятия осьминога, для привередливого неба — съедобные собачки, для человека — Поднебесная Империя» — и неожиданно вошел в дело Самуила Немировского, искуснейшего краснодеревщика, который изготавливал шкафы и ширмы в самом центре квартала Онсе. Поклонники его мастерства верят, что получают их прямо из Пекина. Предприятие процветало. Тай Ань перебрался из лачуги угольщика в меблированные комнаты, как раз в дом номер триста сорок семь по улице Деан Фунес. Нескончаемое производство ширм и шкафов не отвлекло его от главной цели: вернуть сокровище. Он знал наверняка, что похититель в Буэнос-Айресе, далеком городе, на который ему указали в островном храме магические круги и треугольники. Научившийся складывать буквы в слова просматривает газеты и журналы от корки до корки, чтобы оттачивать свое умение. Тай Ань, не столь упорный и не столь умелый, следил только за газетными колонками со сведениями о рейсах морских и речных судов. Он боялся, что вор сбежит или какое-нибудь судно привезет к нему сообщника, которому он передаст талисман. Как концентрические круги приближаются к пущенному по воде камешку, неумолимо приближался Тай Ань к похитителю. Не однажды

менял он имена и квартиры. Магия, как и другие точные науки, — всего лишь светлячок, указывающий дорогу нам, неуклюже спотыкающимся в огромной ночи. Она помогала правильно очертить лишь контуры местности, где прятался вор, но не говорила, где его дом и какое у него лицо. Все же маг настойчиво и неумолимо двигался к своей цели.

— Завсегдатай Salon Dogé тоже настойчив и неумолим, — внезапно воскликнул Монтенегро, который все это время подглядывал в замочную скважину, сидя на корточках и сжимая в зубах тросточку из китового уса. Теперь он ворвался, неукротимый, в своем белом костюме и мягкой шляпе-канотье. — *De la mesure avant toute chose*¹. Я не преувеличиваю: убийцу я еще не обнаружил, но знал, где этот нерешительный человек, пришедший к вам за советом. Приободрите его, мой дорогой Пароди, приободрите: расскажите ему от своего — я первый признаю это — авторитетного имени, как частный детектив по имени Гервасио Монтенегро спас в скором поезде подвергавшееся опасности сокровище Княгини, которой вскоре он предложил свою руку. Но направим наши мощные светильники в будущее, пожирающее нас. *Messieurs, faites vos jeux*!² Ставлю два против одного, что наш друг-дипломат появился в этой камере, движимый не только желанием (разумеется, достойным всяческих похвал) засвидетельствовать вам свое почтение. Моя интуиция, уже вошедшая в поговорку, нашептывает мне, что появление доктора Шу Туна как-то связано с загадочным убий-

¹ Умеренность прежде всего (*франц.*).

² Господа, делайте ваши ставки! (*франц.*)

ством на улице Деан Фунес. Ха-ха-ха! Я попал в точку. Но почивать на лаврах и не думаю. Я готовлюсь отбить вторую атаку, неотвратимость которой предсказал сразу же после первой. Держу пари, что доктор приправил свой рассказ-всей этой восточной таинственностью, огненной печатью которой отмечены его интереснейшие речения, внешность и даже цвет кожи. Я далек от строгого стиля библейских проповедей и притч, однако осмелюсь предположить, что вы предпочтете мой *compte rendu*¹ (стройный, мускулистый, крепкокостный) обрызгшим метафорам моего клиента.

Доктор Шу Тун опять взял слово и невозмутимо продолжал:

— Ваш тучный коллега красноречив, как оратор, обнажающий перед слушателями два ряда золотых зубов. Итак, я возвращаюсь в заболоченное русло своего повествования и хочу сказать попросту: подобно Солнцу, которое видит все и делается невидимым благодаря собственному сиянию, Тай Ань, верный себе, упорно продолжал свои неуклонные поиски, изучая привычки окружающих его людей и оставаясь при этом незамеченным. О, как слаб человек! Даже черепаха, что предается размышлениям внутри своего панциря,— и та несовершенна. Осторожность и здравомыслие однажды изменили магу. Зимней ночью тысяча девятьсот двадцать седьмого года под аркой на площади Онсе он увидел, как нищие и бродяги, собравшись в кружок, глумились над несчастным, который лежал на камнях, поверженный голодом и холодом. Сострадание Тай Аня удвоилось, когда он узнал, что

¹ Отчет (франц.).

этот несчастный — китаец. Состоятельный человек может себе позволить одолжить ближнему чайный лист — от него не убудет. Тай Ань приютил чужеземца, откликавшегося на звучное имя Фан Ше, в мастерской краснодеревщика Немировского. Отнюдь не много заманчивого и любопытного могу я сообщить о Фан Ше. Если верить сведениям из газет, он родился в Юньнани, а сюда прибыл в тысяча девятьсот двадцать третьем году, то есть годом раньше мага. Не однажды он, с присущим ему радушием, принимал меня на улице Деан Фунес. Мы вместе занимались каллиграфией под сенью ивы, что росла во дворике и будила в нем, как он признавался, нежные воспоминания о могучих лесах, украшающих границу земли и воды во влажном Лицзяне.

— Да бросьте вы о каллиграфии и украшениях, — прервал детектив. — Расскажите лучше о людях, которые жили в доме.

— Хороший актер не выходит на сцену раньше, чем построят театр, — ответил Шу Тун. — Я дам довольно бестолковое описание дома, а затем попытаюсь — уверен, что без особого успеха, — набросать весьма приблизительные портреты его обитателей.

— В добрый час! — горячо поддержал Монте-негро. — Здание на улице Деан Фунес — занятная *maison*¹ начала века, один из многочисленных памятников нашей наивной архитектуры, где все еще царят излишества итальянских мастеров, едва сдерживаемые латинской суровостью Ле Корбюзье. Не буду больше на этом останавливаться. Итак, дом.

¹ Лачуга, жалкий домишко (франц.).

На его нынешнем фасаде вчерашняя синь превратилась в стерильную белизну; внутренний дворик, мирный уголок нашего детства, где мы следили за порханием маленькой черной служаночки с серебряным чайничком для мате, с трудом выдерживает мощный напор прогресса, наводняющего его экзотическими драконами и наводящего глянец множеством разных лаков и красок — родственников беззастенчивого рубанка этого промышленника Немировского. Внизу прилепилась дощатая лачуга — обиталище Фан Ше, а рядом — зеленая меланхоличная ива, утешающая своими пальцами-листьями тоску изгнанника. Прочная проволочная изгородь высотой в полтора метра отделяет наши владения от соседнего пустыря — одной из этих живописных «проплешин», пользуясь буэнос-айресским словечком, которые победоносно хранят свою девственность в самом центре большого города. Коты из соседних кварталов забегают туда в поисках целебных трав, облегчающих тяготы вынужденного безбрачия обитателей крыш. Нижний этаж занимают магазин и atelier¹.

— Ученики примеряют башмаки наставника, — сказал доктор Шу Тун. — Коль скоро соловей все

¹ Что за стиль! Мы — современники автоматической винтовки и культуризма — презираем всю эту вялую риторику. Я бы выразился жестче, так и припечатал бы: «В нижнем этаже у меня мастерская, в верхнем — держу китайцев». (*Примечание, написанное собственноручно Карлосом Англадой.*) В верхнем этаже (до пожара, *cela va sans dire*) был семейный очаг, нетронутый *at home* [здесь: домашний уют — *англ.*] — живая клеточка Востока, пересаженная, со всеми своими достоинствами и недостатками, в нашу столицу. (*Примечание автора.*)

равно победил, утке можно и простить ее грубое кряканье. Доктор Монтенегро воздвиг в нашем воображении дом; мой не заслуживающий доверия, неповоротливый язык предложит вашему вниманию описание людей. Почетное место будет отведено мадам Синь.

— Научил на свою голову, — очень кстати заметил Монтенегро. — Только не впадайте в ошибку, которая вам дорого обойдется, многоуважаемый Пароди. Не вздумайте путать мадам Синь с этими *roules de luxe*¹, которых вы наверняка обожали, в роскошных отелях на Ривьере, чей шикарный, фривольный облик дополняется уродливым пекинесом и безупречным *quarante chevaux*². Мадам Синь — совсем другое дело. Она чудесным образом сочетает в себе великосветскую даму и восточную тигрицу. Ее соблазнительно косящим глазом нам подмигивает сама Венера; рот ее — пурпурный цветок, руки ее мягки, как шелк, и белы, как слоновая кость; победоносный изгиб ее стана подчеркивает образ авангардной красотки — зримый символ желтой опасности, облаченный в ткани от Пакена, с мягким силуэтом Скиапарелли. Тысяча извинений, мой дорогой *confègè*: поэт взял во мне верх над историком. Чтобы набросать портрет мадам Синь, я прибегнул к пастели, — для Тай Аня же выбираю мужественный офорт. Никакой предрассудок, даже самый стойкий, не исказит моего представления о нем. Ограничусь документальной точностью, присущей ежедневным газетам. Кроме того, национальность съедает индивидуальность: мы

¹ Роскошными проститутками (*франц.*).

² Автомобиль мощностью в 40 лошадиных сил (*франц.*).

бормочем «китаец» и продолжаем свой сумасшедший бег за золотым миражом, даже не подозревая, какие личные трагедии, может быть банальные и смешные, но несомненно человеческие, переживает экзотический персонаж. Пусть таким будет и портрет Фан Ше, чей облик я помню прекрасно, чьи уши с благодарностью внимали моим отеческим советам, чья рука пожимала мою руку в лайковой перчатке. Обратите внимание на контраст: из четвертой рамки моей маленькой галереи высовывается какой-то тип восточной наружности. Я его не звал и не задерживаю: он иностранец, еврей, что-то вынюхивающий в глубине моего рассказа, как всегда вынюхивает и будет вынюхивать, пока на каком-нибудь перекрестке истории его не испепелит молния закона. В данном случае нашего каменного гостя зовут Самуил Немировский. Я опускаю мелкие черточки внешности этого обыкновеннейшего краснодеревщика: чистый и безмятежный лоб, глаза, исполненные грусти и достоинства, черная борода пророка, рост такой же, как у меня.

— Привыкнув иметь дело со слонами, перестанешь видеть мух, — вмешался доктор Шу Тун. — Чуть не визжа от радости, осознаю, что моя зряшная зарисовка все-таки не будет лишней в галерее сеньора Монтенегро. Если безгласной устрице позволят высказаться, мне также довелось обременить своим присутствием здание на улице Деан Фунес, хотя вообще-то мое неприметное жилище скрыто от взгляда богов и людей на углу улиц Ривадавия и Жужуй. Мое прозаическое занятие — торговля консолями, ширмами, кроватями и буфетами, которые бесперебойно вырабатывает неистощимый Немировский; милостью этого ремесленника мне дозво-

ляется держать у себя и использовать мебель, даже продавать ее. Сейчас, например, я сплю внутри большой апокрифической вазы эпохи Сун, потому что изобилие двуспальных супружеских кроватей вытеснило меня из спальни, а один только складной трон занял собой всю столовую.

Я осмелился включить и себя в почтенный круг обитателей улицы Деан Фунес, потому что мадам Синь, как бы там ни было, поощряла меня не обращать внимания на справедливое недовольство прочих и заходить иногда дальше прихожей. Эта необъяснимая поблжка не встретила, впрочем, безусловной поддержки у Тай Аня, который днем и ночью был для мадам наставником и учителем магии. К тому же мой эфемерный рай не дотянул до возраста не только черепахи, но и жабы. Мадам Синь, блюдя интересы мага, вынуждена была угрождать Немировскому, дабы счастье его стало полным, а количество производимой им мебели возросло настолько, что одному человеку пришлось бы сидеть сразу за несколькими столами. Преодолевая отвращение и скуку, она самоотверженно мирилась с неизбежным соседством этой бородастой физиономии; правда, чтобы облегчить себе мучения, предпочитала видеться с ним в сумерках или в кинотеатре «Лория».

Такой достойный порядок вещей обеспечивал предприятию неуклонное процветание. Немировский, изменив своей необычайной жадности, тратил на кольца и меха все свои бумажные деньги, к тому времени округлившие его портфель настолько, что он напоминал откормленного поросенка. С риском, что какой-нибудь язвительный критикан поднимет его на смех и обвинит в занудстве, красноречив-

щик унизывал своими дарами пальцы и шею мадам Синь.

Сеньор Пароди, прежде чем продолжить, позвольте мне сделать одно глуповатое пояснение. Только безголовый осмелился бы предположить, что эти утомительные, чаще всего ночные занятия мадам отдалили Тай Аня от столь близкой ему по духу ученицы. Спешу сообщить моим просвещенным оппонентам, что дама вовсе не пребывала в доме мага неподвижно и незыблемо, как истина. Когда, отделенная от него многими кварталами, она не могла лично наблюдать за ним и окружать его заботой, она поручала это лицу малозначительному, — лицу, которое я теперь смиренно поднимаю и которое приветствует вас улыбкой¹. Я исполнял сие деликатное поручение с должным старанием: чтобы не раздражать мага, старался сделать свое присутствие незаметным; чтобы не наскучить, менял обличья. Иной раз, повиснув среди одежды на вешалке, я — правда, весьма неумело — притворялся пальто из шерстяной ткани; иногда, быстро приняв облик какой-нибудь мебели, я появлялся в коридоре — на четырех ножках и с вазой для цветов на спине. К несчастью, старой макаке не вскарабкаться по гнилому шесту. Тай Ань, который, в конце концов, тоже был мебельщиком, узнавал меня секундой раньше, чем давал мне пинка, и заставлял меня перевоплощаться в другие неодушевленные предметы.

Но Твердь Небесная завистливее человека, которому минуту назад сообщили, что один его сосед

¹ Тут доктор действительно приветливо улыбнулся. (Примечание автора.)

приобрел костыль из сандалового дерева, а другой вставил себе мраморный глаз. Кончается даже тот миг, в который мы сосчитываем пшеничное зернышко: всякому счастью приходит конец. В седьмой день октября случился гигантский пожар, который поставил под угрозу целостность организма Фан Ше, навсегда рассеял наш милый кружок, нанес непоправимый ущерб дому и поглотил невероятное число деревянных лампадок. Не ройте землю в поисках воды, сеньор Пароди, и не обезвоживайте свой достойный организм: пожар потушили. Но ах! — с ним угас и жар, согревавший наш очаг, нашу маленькую компанию. Мадам Синь и Тай Ань, закутавшись в плащи, переехали на улицу Серрито; Немировский основал на деньги, полученные по страховке, Предприятие по Производству Фейерверков; Фан Ше, невозмутимый, как бесконечная последовательность одинаковых чайников, остался жить в деревянном домишке рядом с ивой.

Я не погрешил против тридцати девяти законов, дополняющих главный закон истины, когда вынужден был признать, что пожар потушен, но только огромный и дорогой сосуд, доверху полный дождевой водой, сможет погасить воспоминания о пожаре. С утра Немировский и маг были заняты изготовлением нехитрых ламп из бамбука — в неисчислимом и, возможно, неисчисляемом количестве.

Я, беспристрастно оценив скудость своего обихода и приняв во внимание беспрестанный приток мебели, в конце концов пришел к выводу, что мастера напрасно выбиваются из сил и что хоть одна из этих ламп никогда не будет зажжена. Ах, я, неразумный! Еще до наступления утра мне при-

шлось признаться себе в своей ошибке: в одиннадцать пятнадцать вечера все лампы горели, а с ними и целый склад лучинок, и деревянная решетка, выкрашенная в зеленый цвет. Не тот храбр, кто наступает на хвост тигру, а тот, кто с первых дней творения сидит в засаде в лесу и ждет момента, назначенного для смертельного прыжка. Именно так я и поступил: затаился, взобравшись на иву, готовый, как саламандра, броситься в огонь по первому призывному крику мадам Синь. Верно говорят, что лучше видит рыба на черепичной крыше, чем пара зорких орлов на дне моря. Вовсе не претендуя украсить себя высоким званием рыбы, я тем не менее вынужден признаться, что увидел множество огорчительных картин, но перенес это и не свалился с ивы, так как меня поддерживало благое намерение пересказать вам все с научной точностью. Я наблюдал жажду и голод огня, видел уныние сломленного Немировского, который вяло пробовал насытить пламя подачками из опилок и газетной бумаги. Я видел церемонную мадам Синь, следовавшую за магом по пятам, как взрыв радости неотвратимо следует за взрывом петарды. И, наконец, я видел самого мага: оказав помощь Немировскому, он бросился в убогую лачугу спасать Фан Ше, чье счастье в ту ночь не было полным из-за приступа сенной лихорадки. Этот благородный жест Тай Аня покажется еще более поразительным, если принять во внимание все двадцать восемь обстоятельств, ему сопутствовавших. Из мелочной любви к краткости я приведу здесь только четыре:

а) Неизвестно откуда взявшаяся лихорадка, измучившая Фан Ше, была недостаточно серьезна, чтобы полностью обездвижить его, приковать к пос-

тели и воспрепятствовать его непринужденному бегству.

б) Жалкое существо, брюзжащее сейчас обо всем этом, а тогда сидевшее высоко на иве, было готово бежать вместе с Фан Ше, вняв настойчивым советам, которые подавали им языки пламени.

в) Полное поглощение Фан Ше огнем не причинило бы никакого вреда Тай Аню, который давал ему пищу и кров.

г) Так же, как в человеческом теле зуб не видит, глаз не царапается, а ноготь не жует, в организме, который мы по договоренности именуем государством, неразумно позволять одному человеку присваивать себе обязанности других. Император не метет улицы, отложив государственные дела; каторжнику не придет в голову соревноваться со скороходом и свободно перемещаться. Тай Ань, спасая Фан Ше, отбивал хлеб у пожарников, рискуя оскорбить их так сильно, что они могли бы окатить его из своих полноводных шлангов.

Верно говорят, что, проиграв судебное дело, приходится потом платить по счету палачу. После пожара начались препирательства. Маг и краснодеревщик рассорились. Генерал Су Ву, как мы знаем, прославил своими восклицаниями счастье наблюдать охоту на медведя, но хорошо известно и то, что сперва ему в спину угодили стрелы метких лучников, а потом его настигла сама добыча. Эта несовершенная аналогия применима к мадам Синь, которая пострадала не меньше, чем генерал, заполучив неприятности сразу с двух сторон. Тщетно она старалась примирить бывших друзей: бегала из пропитанной угольной пылью спальни Тай Аня в кабинет Немировского, теперь грандиозный, по

причине рухнувших перегородок; она была подобна божеству, охраняющему руины своего храма. «Книга Перемен» предупреждает: чтобы развеселить вспыльчивого, ни к чему взрывать петарды и без конца менять маски; сладостное посредничество мадам Синь не устранило непонятого мне разлада (я бы даже рискнул сказать: только подлило масла в огонь). Создавшаяся ситуация вписала в географию Буэнос-Айреса новую фигуру — треугольник. Тай Ань и мадам Синь облюбовали помещение на улице Серрито; Немировский, со своим Предприятием по Производству Фейерверков, открывал новые светлые горизонты на улице Катамарка, девяносто пять; верный себе Фан Ше остался в своем домишке. Если бы мастер и маг придерживались этой геометрической фигуры и дальше, я в данный момент не испытывал бы незаслуженного наслаждения от беседы с вами. К несчастью, Немировский не пожелал упустить возможности навестить своего бывшего коллегу в День Испанской Расы. Когда прибыла полиция, то ей пришлось прибегнуть к помощи Службы государственного призрения. Душевное равновесие обоих противников пошатнулось настолько, что Немировский (не обращая внимания на носовое кровотечение) напевал назидательные строфы из «Дао дэ цзин», в то время как маг (невзирая на выбитый глазной зуб) угощал слушателей нескончаемыми иудейскими притчами.

Мадам Синь так глубоко переживала эти разногласия, что решительно закрыла передо мной двери своего дома. Сказано в поговорке, что нищий, выгнанный из собачьей конуры, поселяется во дворце воспоминаний. Чтобы обмануть свое

одиночество, я совершил паломничество к руинам на улице Деан Фунес. Солнце садилось за одинокую иву, совсем как в моем незабвенном детстве; Фан Ше встретил меня смиренно и отрешенно и предложил чашку пустого чая с кедровыми орешками, вымоченными в уксусе. Образ сеньоры, заслонявший собой все, не помешал мне заметить огромных размеров сундук для одежды, своим видом напоминающий почтенного дедушку в состоянии разложения. Сундук выдал Фан Ше, и он признался мне, что четырнадцать лет, проведенные в сей благословенной республике, показались ему самой изощренной пыткой и что он уже получил от нашего консула жесткий четырехугольный билет на судно «Yellow Fish»¹, которое отплывает в Шанхай на следующей неделе.

Великолепный дракон его радости имел лишь один видимый изъян: Фан Ше был уверен, что его отъезд не понравится Тай Аню. А ведь и правда: прикидывая приблизительную стоимость бесценной шубы из нутрии с моржовой оторочкой, опытный ценитель подсчитывает и количество моли, ползающей по ней; вот так же и основательность человека измеряется точным числом нахлебников. С отъездом Фан Ше акции Тай Аня, безусловно, упали бы, и, чтобы предотвратить опасность, он был вполне способен прибегнуть к запорам, часовым, веревкам или наркотикам. Фан Ше громоздил все эти доводы один на другой с приятной медлительностью, после чего стал заклинять меня всеми моими предками по материнской линии не обременять слух Тай Аня малоинтересным известием

¹ «Желтая рыба» (англ.).

о его отбытии. Как того требует «Книга Ритуалов», я дал легковесную гарантию, поклявшись родственниками по мужской линии, мы обнялись под ивой и даже прослезились.

Через несколько минут таксомотор доставил меня на улицу Серрито. Чтобы оградить себя от желчной брани прислуги (орудия в руках Тай Аня и мадам Синь), я засел в аптеке по соседству. В этом целительном заведении мне оказали внимание и даже предоставили в мое распоряжение телефон. Я не преминул им воспользоваться. Не застав дома мадам Синь, я сообщил самому Тай Аню о предполагаемом бегстве его подопечного. Наградой мне было красноречивое молчание, которое длилось до тех пор, пока меня не выставили из аптеки.

Правду говорят, что быстроногий почтальон, спешащий разнести почту, более заслуживает похвал, чем его собрат, который нежится у огня, питая его теми самыми письмами. Тай Ань действовал быстро и по-деловому. Чтобы предотвратить всякую возможность бегства подопечного, он припустил на улицу Деан Фунес, да так проворно, как будто звезды снабдили его еще одной ногой. Там его ожидали два сюрприза. Первый — отсутствие Фан Ше, второй — присутствие Немировского. Последний сказал Тай Аню, что соседи-торговцы видели, как Фан Ше погрузил в повозку, запряженную лошадьми, сундук и себя самого и укатил в северном направлении со средней скоростью. Напрасно эти двое искали его. Потом они распрощались: Тай Ань отправился на распродажу мебели на улицу Майпу, Немировский — в «Western Bar», чтобы встретиться там со мной.

— Halte-là!¹ — изрек Монтенегро. — Здесь вмешивается пьяный художник. Оцените картину, Пароди: оба дуэлянта готовы скорбно сложить оружие, пронзенные до глубин своих родственных душ. Хочу подчеркнуть: намерения, движущие противниками, — одни и те же; сами персонажи — очень разные. Должно быть, мрачные предчувствия мучают слившихся воедино Тай Аня и Немировского, глухих к таинственным потусторонним голосам: они расспрашивают, разведывают, рыщут. Честно говоря, меня занимает третий персонаж: этот jemenfoutiste², удаляющийся на периферию нашей истории в открытой повозке, — прелюбопытнейшая загадка.

— Сеньоры, — ласково и кротко произнес Шу Тун, — мое тягучее повествование приблизилось к памятной ночи четырнадцатого октября. Я позволяю себе именовать ее памятной, потому что мой невоспитанный и неучтивый желудок не смог должным образом воспринять двойную порцию кукурузной каши — единственного украшения стола Немировского. Мои искренние намерения были таковы: а) поужинать в доме Немировского; б) посетив кинотеатр «Онсе», не одобрить три музыкальных фильма, которые, по словам Немировского, не понравились мадам Синь; в) посмаковать рюмочку анисовки в кафе «Ла Перла»; г) вернуться домой. Но чувствительные и даже болезненные спазмы, вызванные кукурузной кашей, заставили меня исключить пункты «б» и «в» и, нарушив естественный алфавитный порядок, перейти от «а»

¹ Стойте! (франц.).

² Человек, относящийся ко всему наплевательски (франц.).

непосредственно к «г». Побочным результатом этого стало то, что я не выходил из дома всю ночь, хотя и не спал.

— Подобная чувствительность делает вам честь, — заметил Монтенегро. — Хотя родные блюда нашего детства и являются в своем роде бесценными *trouvailles* аргентинской кухни, я от всей души соглашусь с доктором: в том, что относится к *haute cuisine*¹, галлы не знают себе равных.

— Пятнадцатого числа меня разбудили полицейские, — продолжал Шу Тун, — и пригласили сопровождать их в громоздкое здание Центрального полицейского управления. Там я узнал то, что вам уже известно: импульсивный Немировский, обеспокоенный поспешным бегством Фан Ше, проник в дом на улице Деан Фунес еще до первых солнечных лучей. Верно сказано в «Книге Ритуалов»: если твоя достойнейшая сожительница знойным летом вступает в связь с человеком ничтожным, какой-нибудь из твоих детей будет бастардом; если ты станешь обременять дворцы твоих друзей присутствием в неурочные часы, то лицо привратника украсит загадочная улыбка. Немировский испытал справедливость этой поговорки на собственной шкуре: он не только не нашел Фан Ше — под ивой он обнаружил наполовину закопанный труп мага.

— Перспектива, уважаемый Пароди, — кратко подытожил Монтенегро, — вот ахиллесова пята величайших образцов восточной живописи. Я, между двумя облачками голубоватого дыма, одарю альбом вашего сознания беглым наброском одной

¹ Кулинарному искусству (франц.).

сценки. Величественная смерть поцеловала Тай Аня в плечо и оставила на нем след своего *gouge*¹: рану шириной сантиметров десять, нанесенную холодным оружием. И нигде ни следа самой разящей стали. Тщетно старалась восполнить собой отсутствие орудия преступления скромная лопатка — обыкновенный садовый инструмент, забытый (очень правдоподобно) в нескольких метрах от тела. На грубой рукоятке этой железяки полицейские (охотники за мелкими уликами, не способные на гениальные догадки) обнаружили уж не знаю откуда взявшиеся отпечатки пальцев Немировского. Мудрый человек, доверяющий своей интуиции, от души посмеялся бы над всей этой псевдонаучной кухней. Его задача — возводить здание вечное и стройное. Тут я остановлюсь: приберегу свои предположения и догадки до завтра.

— С нетерпением ожидая наступления завтра, — сказал Шу Тун, — возобновляю свое смиренное повествование. Беспрепятственное проникновение Тай Аня в дом на улице Деан Фунес осталось незамеченным соседями, которые спали, как стройные ряды томов классики в библиотеке. Предполагается, однако, что он вошел после одиннадцати, потому что без четверти одиннадцать его еще видели на вечной распродаже на улице Майпу.

— Согласен, — кивнул Монтенегро. — Шепну вам по секрету, *inter nos*, что насмешливые портьенос на свой лад истолковали мимолетное появление сего экзотического персонажа. Вот какая

¹ Помады (франц.).

получается расстановка фигур: миндалевидные глаза и чудный профиль дамы (иными словами, мадам Синь) появляются в многоцветной суматохе «Поражающего Дракона» в одиннадцать часов вечера. С одиннадцати до двенадцати она принимала у себя дома клиента, который пожелал остаться неизвестным. *Le coeur a ses raisons*¹... Что касается сбежавшего Фан Ше, то полиции известно, что до одиннадцати он сидел в знаменитом длинном зале (он же — «зал миллионеров») отеля «Нуэво Импарсьяль» — известного в нашем городе злачного места, о котором как вы, так и я, дорогой собрат, имеем весьма туманное представление. Пятнадцатого октября он сел на пароход «Yellow Fish», который взял курс на таинственный и обольстительный Восток. Фан Ше был арестован в Монтевидео и теперь бесславно прозябает на улице Морено, под наблюдением властей. «А Тай Ань?» — спросят скептики. Безразличный к бесстыдному любопытству полицейских, герметически закупоренный в традиционном гробу яркой расцветки, в тихом трюме «Yellow Fish» он плывет и плывет в вечном путешествии к берегам древнего и церемонного Китая.

2

Четыре месяца спустя к Исидро Пароди пришел Фан Ше. Это был высокий жирный человек с круглым, невыразительным, можно сказать, загадочным лицом. На нем была черная соломенная шляпа и белый плащ.

¹ У сердца свои доводы (франц.).

— Мой друг Шу Тун сказал мне, что вы хотели со мной поговорить,— заявил он.

— Совершенно верно¹,— ответил Пароди.— Если вы ничего не имеете против, я разъясню вам, что я знаю, а чего не знаю о происшествии на улице Деан Фунес. Ваш соотечественник, доктор Шу Тун, ныне отсутствующий, поведал нам длинную и противоречивую историю, из которой я заключаю, что в тысяча девятьсот двадцать втором году какой-то вероотступник похитил у чудотворной статуи, высоко чтимой у вас на родине, священную реликвию. Католические священники перекрестились, узнав эту новость, и послали миссионера наказать еретика и вернуть святыню. Доктор говорил, что Тай Ань, по его собственному признанию, и был тем самым миссионером. Но я придерживаюсь фактов, как сказал бы мудрый Мерлин. Миссионер Тай Ань менял имена и квартиры, узнавал из газет названия всех судов, которые прибывали в нашу столицу, и следил за всяким китайцем, который сходил на берег. Это могут быть уловки как того, кто ищет, так и того, кто скрывается. Вы прибыли в Буэнос-Айрес первым; потом приехал Тай Ань. Любой подумал бы, что вор — это вы, а тот, другой, преследует вас. Однако доктор Шу Тун сказал, что Тай Ань задержался на год в Уругвае, якобы торгуя маисовыми лепешками. Так что первым в Америку прибыл Тай Ань.

Послушайте, какой я делаю вывод. И если я ошибаюсь, скажите: «Ты сел в лужу, братец!»

¹ Сора назревает. Читатель, верно, уже слышит звон скрепящихся клинков. (*Попутное замечание Гервасио Монтенегро.*)

и объясните мне мою ошибку. Я уверен, что вор — Тай Ань, а вы — миссионер. Если нет — тогда просто не связать концов.

Тай Ань уже давно скрывался от преследования, друг мой Фан Ше. Потому он и менял беспрестанно имена и квартиры. В конце концов он устал. Он придумал план, разумный, то есть трусливый, но ему хватило решимости и смелости воплотить его в жизнь. Сначала он решил покумиться с вами и привел вас жить к себе в дом. Там жили дама-китаянка, его возлюбленная, и русский еврей-мебельщик. Дама тоже охотилась за священной реликвией. Когда она выходила из дому с евреем, которому также строила глазки, то оставляла за сторожа нашего доктора, человека очень способного, который при необходимости, встав на четвереньки и водрузив вазу себе на задницу, просто притворялся мебелью. Вынужденный все время тратиться на кино и прочие удовольствия, еврей скоро остался без копейки. Вспомнив случай из древней истории, он нашел выход и поджег мебельную мастерскую, чтобы получить страховку. Тай Ань был с ним заодно: помог ему наделать лампадок, которые послужили топливом; потом доктор, который лазал по иве не хуже саламандры, подсмотрел, как сообщники раздували огонь, подкладывая в него старые газеты и опилки. Теперь посмотрим, как все они ведут себя во время бедствия. Дама, как тень, следует за Тай Анем, — она ждет момента, когда тот достанет сокровище из тайника. Но Тай Аня не занимает сокровище. Ему важнее спасти вас. Такую заботливость можно объяснить двойко. Самое легкое — решить, что вы вор и вас спасают, чтобы вы не унесли тайну в могилу. Но я думаю,

что Тай Ань выслуживался перед вами, чтобы вы больше его не преследовали. Хотел подкупить вас, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Все верно, — просто ответил Фан Ше. — Но я не дал себя подкупить.

— Первое предположение все-таки мне не нравится, — продолжал Пароди. — Даже если бы вы были вором, кому страшна была ваша смерть? Кроме того, если бы действительно существовала реальная опасность, доктор вылетел бы из дома, как срочная телеграмма, с вазой и со всем остальным.

На другой день все ушли и вы там остались один, как бельмо на глазу. Тай Ань разыграл ссору с Немировским. Я предполагаю два мотива: первый — заставить поверить, что он не в сговоре с евреем и не устраивал пожара, второй — увести даму и разлучить ее с евреем. Тот продолжал за ней ухаживать, и тогда соперники подрались по настоящему.

Перед вами стояла трудная задача: талисман мог быть спрятан где угодно. На первый взгляд, вне подозрений было только одно место: дом. Имелись целых три причины, чтобы сбросить его со счетов: в нем поселили вас; вас оставили там одного после пожара; дом поджег сам Тай Ань. Я тем не менее предполагаю, что в последний момент у него дрогнула рука: на вашем месте, дон Панчо, я бы не верил, когда доказывают то, что не нуждается в доказательстве.

Фан Ше встал и серьезно произнес:

— Все, что вы сказали, правда, но есть вещи, которых вы знать не можете. Я вам расскажу. Когда все ушли, я окончательно убедился, что та-

лисман спрятан в доме. Но я не стал искать его. Я попросил нашего консула о репатриации и, получив разрешение, поделился новостью о своем отъезде с доктором Шу Туном. Тот, как я и ожидал, немедленно переговорил с Тай Анем. Я вышел из дома, отвез сундук на «Yellow Fish», а потом вернулся, пройдя пустырем, и спрятался в доме. Через некоторое время пришел Немировский; соседи на перебой обсуждали мой отъезд. Потом явился Тай Ань. Они стали притворяться друг перед другом, что ищут меня. Затем Тай Ань сказал, что ему нужно на распродажу мебели, на улицу Майпу. Они разошлись по своим делам. Тай Ань лгал: он вернулся через несколько минут. Вошел в мою лачугу и вынес оттуда лопатку, которой я обычно возделывал сад¹. При свете луны он стал копать под ивой. Не могу сказать, сколько прошло времени. Он выкопал нечто сверкающее — наконец-то я увидел талисман Богини. И тогда я бросился на вора, и его настигла заслуженная кара.

Я знал, что рано или поздно меня арестуют. Надо было спасти талисман. И я спрятал его во рту мертвеца. Теперь он плывет на родину, возвращается в святилище Богини. Мои друзья обнаружат его, когда будут кремировать труп.

Потом я нашел в газете страничку, посвященную распродажам. На улице Майпу было две-три распродажи мебели. Я отправился на одну из них. Без пяти одиннадцать я уже был в отеле «Нуэво Импарсьяль». Вот и вся моя история. Можете сдать меня властям.

¹ Буколический штрих. (Собственноручное примечание Хосе Форменто.)

— По мне, так сидите и ждите их здесь, — сказал Пароди. — Теперь все только и делают, что ждут, чтобы все за них устроило правительство. Если вы бедны, например, правительство должно дать вам работу; если больны — поместить вас в больницу; если задолжали смерти, вместо того чтобы самому расплатиться с ней, вы просите правительство о наказании. Вы скажете: не мне это говорить, потому что и меня содержит государство. Но я все-таки верю, сеньор, что человек должен уметь постоять сам за себя.

— Я тоже верю, сеньор Пароди, — сказал Фан Ше, помолчав. — Много народу умирает сейчас в мире, чтобы защитить это убеждение.

Пухато, 21 октября 1942 года

Образцовое убийство

Нечто вроде предисловия

Куда это годится — просить меня написать «нечто вроде предисловия»! Напрасно я навязывал всем образ моей персоны как отошедшего от дел литератора, этаким старой перечницы. Но сейчас я разбиваю одним ударом все иллюзии моего друга: наш новичок в литературе, хочешь не хочешь, должен признать, что мое перо — славное, как в свое время перо Сервантеса, черт побери! — давно покоится среди прочей домашней утвари и я оставил приятные литературные занятия ради службы в житнице Республики, перейдя из «Альманаха литературных новинок» в «Альманах Министерства сельского хозяйства», то есть от виршей, исполненных на бумаге, к величественным строфам, начертанным Вергилиевым плугом на просторах пампы. (Вот это, други, загнул так загнул! Да, есть еще у старика порох в пороховницах.) Но умеющий выжидать пустобрех Суарес Линч опять взялся за свое и выдал больно ранящую меня клеветническую тираду:

Ах, этот наш старинный друг,
ему всегда ведь недосуг!

(Ну и напугал нас старикашечка! Но шутки в сторону, и признаем в нем поэта.)

Помимо прочего, кто сказал, что мальчик обделен талантами? Как и все писаки девятнадцатого столетия, он был в полной мере отмечен несмываемой огненной печатью, которая на всю жизнь оставляет в душе страсть к листкам, подобным этому, где вы можете лицезреть истинного шута от литературы — доктора Тони Ахиту. Несчастный наш младенец: надо же было, только что родившись, перенести такой сокрушительный удар лирикой по мозгам! Потеряв голову от счастья, он увидел, что ему достаточно разродиться какой-нибудь тирадой, чтобы сам доктор Басилио (эксперт-каллиграф), будучи не совсем в себе, посчитал ее плодом работы всеми уважаемой пишущей машинки «Зеннекен». Но вот юношу уже не держат ноги, потому что он обнаруживает в себе отсутствие величайшей из писательских драгоценностей, а именно — глубокой своеобразности. Впрочем, кто рано встает — тому Бог подает: год спустя, дожидаясь своей очереди в приемной Монтенегро, он был облагодетельствован судьбой, подкинувшей ему в руки экземпляр полезной, весьма умной книжки — «Беллетризованой биографии доктора Рамона С. Кастильо». Открыв томик на странице 135, он тотчас же, не потратив ни секунды на поиски, наткнулся на следующие строки (которые, разумеется, не замедлил переписать себе в блокнот химическим карандашом): «Генерал Кортес говорил, что пытался донести слово о новейших военных исследованиях, ведущихся в стране, до гражданского интеллигентного элемента, с той целью, чтобы некоторые проблемы, связанные с данными исследованиями, которые в наше время перестали относиться лишь к узкопрофессиональной области

знаний, стали бы общедоступными темами, знакомыми широкой публике». Прочсть этот образец изящной словесности и мгновенно вырваться из цепких объятий наваждения... лишь затем, чтобы тотчас же окунуться в другое, каковым стал Рауль Риганти — человек-торпеда. Не успели часы на рынке Сентраль-де-Фрутос пробить час жаркого из ливера по-испански, наш *gagazzo*¹ уже мысленно набросал — в общих чертах — первый черновик другой биографии: биографии генерала Рамиреса. Разумеется, он не замедлил дописать потом свой опус, но при правке корректуры лоб его покрылся бисером холодного пота: было абсолютно ясно (и тому было представлено неопровержимое свидетельство — листы печатного текста), что сей образец полиграфии начисто лишен какой бы то ни было оригинальности и более всего походил на кальку, снятую с вышеупомянутой страницы 135.

Тем не менее наш автор не дал фимиаму благожелательной и конструктивной критики вскружить себе голову; заявив себе (черт его побери!), что современный мир живет под знаком яркого, неординарного личностного начала, он в следующей же своей писульке меняет тунику Несса-биографа на сапоги Симона-прозанка, что более соответствует запросам сегодняшнего читателя; характернейшим образцом такой прозы можно считать один из абзацев «Принца, убившего дракона» Альфредо Дуау. Проснитесь, сони, ибо сейчас я продемонстрирую вам всю сладость подобного стиля: «Ожившему, вибрирующему созданию экрана я, без сомнения, посвятил бы эту маленькую историю,

¹ Мальчишка (*итал.*).

рожденную и выросшую в самом центре нашей столицы,— историю любви, историю душещипательную и трогательную. Ее перипетии так глубоки и неожиданны — точь-в-точь как в том прекрасном фильме». И не стройте себе иллюзий относительно того, что наш автор сам ободрал себе ногти, откапывая этот драгоценный слиток. Нет, он был пожертвован ему одной светлой, увенчанной множеством почестей головой нашей литературы — Вирхилием Гильермоне, который отложил этот стиль в дальний ящик, оставив его себе так, на всякий случай — для личного пользования, но уже не нуждался в нем абсолютно, ибо к тому времени пополнил ряды братства бардов, что собралось вокруг Гонго. Полнейшая чушь! Этот крохотный абзац стал настоящим камнем преткновения, одним из тех пейзажей, перед которыми художник рвет холст и выбрасывает краски. Наш юнец плакал горячими слезами, пытаясь перенести совершенство, отличающее данный образец, в повестушку о неутомимом господине Бруно Де Губернатисе. Но наш дон Кангрехо пошел еще дальше: эта повесть вышла похожей куда больше на доклад по теме «Памятник Негру Фалучо» и позволила войти в число членов общества «Мулаты Бальванеры», включая награждение Большой почетной премией Академии исторических наук. Бедный младенец! Это благоволение судьбы вскружило ему голову, и не успело взойти солнце в День Резервиста, как он уже позволил себе разродиться статьей, посвященной «несомненной смерти» Рильке — писателя, занимающего, как нам представляется, весьма прочное положение в нашей Республике (кстати, несомненно, — католика).

Не спешите швырять в меня крышкой от кастрюли, а затем и самой кастрюлей. Все это происходило — я не говорю в полный голос, ибо пропал он у меня, этот самый голос, — когда, засучив рукава и взяв в руки поганую метлу, компания полковников принялась наводить порядок в нашей большой аргентинской семье. Я вам предлагаю: поместите автора в кровавую баню 4 июня (минуточку, други, остановимся на дороге, я сейчас наматаю папиросную бумагу на расческу и сыграю вам очаровательный военный маршик). Когда на календаре засверкала сия дата, никто, даже самый вялый и безвольный человек, не мог не воодушевиться и не поддаться той волне активной деятельности, на которой единодушно вибрировала вся страна. Суарес Линч, легкий на подъем и отнюдь не ленивый, решил покрасить долг платежом, записав меня в чичероне¹. Мои «Шесть задач для дона Исидро Пароди» указали ему курс в направлении истинной оригинальности. В один прекрасный день, тренируя проницательность и логику чтением колонки полицейской хроники, я вздрогнул, вдруг обнаружив — между двумя чашечками мате — первые известия о тайне отмелей Сан-Исидро, которым очень скоро предстояло стать еще одной золотой нитью в роскошных эполетах дона Пароди. Редактура данного произведения была моей исключительной обязанностью, но, будучи занят выше головы кое-какими биографическими очерками, посвященными президенту одного роово игтао², я уступил тему детективных загадок нашему неофиту.

¹ Старикашечка славно поет! (*Примечание автора.*)

² Братского народа (*португ.*).

Я буду первым, кто признает, что мальчишка сделал достойную всяческих похвал работу, усеянную, разумеется, кое-где родимыми пятнами, безошибочно выдающими дрожащую руку подмастерья. Он позволил себе придать произведению гротескность, карикатурность, сгустил краски. Но куда более серьезен другой его просчет: он впал в грех допущения мелких ошибок и неточностей. Я не могу закончить это предисловие, не отметив — как бы мне ни было больно делать это, — что доктор Куно Фингерманн, в качестве президента Антиеврейского комитета, обязал меня опровергнуть, безо всякой предвзятости и без оглядки на уже начатое судебное расследование, ту «несостоятельную, не имеющую ничего общего с реальностью напраслину, которая возводится на него в главе пятой этого произведения».

На этом все. И пусть читатель доберется до конца книги!

О. Бустос Домек
Пухато, 11 октября 1945 года

These insects have others still less than
themselves which torment them.

David Hume:
Dialogues concerning natural religion, X.¹

Le moindre grain de sable est un globe qui roule
Trafnant comme la terre une lugubre foule
Qui s'abhorre, et s'acharne, et s'exècre, et sans fin
Se dévore; la haine est au fond de la faim.
La sphère imperceptible à la notre est pareille;
Et le songeur entend, quand il penche l'oreille,
Une rage tigresse et des cris léonins
Rugir profondément dans ces univers nains.

Victor Hugo:
Dieu, I²

¹ На этих насекомых водятся другие, еще более мелкие, которые терзают их.— Дэвид Юм, Диалоги о естественной религии, X.

² Песчинка малая — земного образ шара:
Везде толпа, и там бурлит извечно свар,
Там ближний ближнего на части жадно рвет,
Чтоб, наконец, пожрать; вот ненависти плод!
Ничтожнейший мирок являет сходство с нашим;
Лишь ухо преклони — и ты поймешь, как страшен
Безумный этот рев — почти звериный рык —
Внутри него, хоть он настолько невелик.

Виктор Гюго, Бог, I.
(Перевод В. Петрова.)

DRAMATIS PERSONAE

Мариана Руис Вильяльба де Англада — аргентинская дама

Доктор Ладислао Баррейро — юрисконсульт А. А. А. (Ассоциации Аргентинских Аборигенов)

Доктор Марио Бонфанти — лингвист, ревнитель чистоты аргентинской речи

Отец Браун — апокрифический священник, главарь междонародной банды грабителей

Бимбо Де Крейф — супруг Лоло Викуньи

Лоло Викунья де Де Крейф — дама из Чили

Гервасио Монтенегро — аргентинский господин

Гортензия Монтенегро (Пампа) — девушка из светского общества Буэнос-Айреса, невеста доктора Ле Фаню

Дон Исидро Пароди — бывший парикмахер из Южного района Буэнос-Айреса, ныне — заключенный Национальной тюрьмы; не выходя из камеры, распутывает загадочные преступления

Баулито Перес — вздорный и задиристый отпрыск состоятельной семьи, бывший жених Гортензии Монтенегро

Баронесса Пуффендорф-Дювернуа — дама без национальности

Тулио Савастано — воплощение буэнос-айресского куманька; проживает на полном пансионе в отеле «Нуэво Импарсьяль»

Доктор Тонио Ле Фаню — «многообещающий холостяк», или, цитируя Оскара Уайльда, — «Мефистофель в миниатюре, потешающийся надо всем и вся»

Княгиня Клавдия Федоровна — владелица увеселительного заведения в Авельянеде, супруга Гервасио Монтенегро

Доктор Куно Фингерманн — казначей А. А. А.

Марсело Н. Фрогман — фактотум А. А. А.

Полковник Хэррап — член банды отца Брауна

— Надеюсь, сеньор — из местных? — с алчной заинтересованностью прошептал Марсело Н. Фрогман, он же — Коликео Фрогман, он же — Фрогман Мокрый Пес, он же — Аткинсон Фрогман, редактор, издатель и распространитель на дому ежемесячного бюллетеня «На тропе войны». Выбрав себе северо-западный угол камеры № 273, он сел на корточки, извлек откуда-то из складок шаровар кусок стебля сахарного тростника, который и стал обсасывать, причмокивая и пуская слюни. Пароди смотрел на него без восторга. Вторгшийся на его территорию незнакомец был светловолосым, обрюзгшим, невысоким, плешивым, с лицом, покрытым веснушками и морщинами; от него воняло потом, и сверх того — он все время улыбался.

— В таком случае, — продолжил излагать свою мысль Фрогман, — я могу не сдерживать свою застарелую привычку говорить начистоту. Признаюсь вам в том, что иностранцев я на дух не переношу, не исключая и каталонцев. Ясное дело, сейчас я вынужден затаиться, спрятаться в засаде и даже в своих статьях боевого содержания — за которые мужественно готов отвечать — ловко меняю псевдонимы, становясь из Коликео Пинсенем, а из Катриэля — Кальфукурóй. Я донельзя зажат тисками строжайших требований осторожности,

но в день, когда власть фалангистов рухнет, я буду на седьмом небе от счастья, уверяю вас. Эту мысль я озвучил публично в стенах штаб-квартиры А. А. А.— Ассоциации Аргентинских Аборигенов, поясню вам,— где мы, индейцы, собираемся при закрытых дверях, чтобы заложить основы будущей независимости Америки и посмеяться *sotto voce*¹ над швейцаром — упрямым, фанатичным в своем шовинизме каталонцем. Похоже, что пропаганда Ассоциации сумела распространиться и за пределы нашего убежища. Вот вы, если патриотизм не ослепляет мой взор, сидите и потягиваете мате; а ведь мате — это официальный напиток заседаний А. А. А. Я уверен в том, что, вырвавшись из парагвайских капканов, вы не попадете в бразильские ловушки, что настой, превращающий вас в истинного гаучо, выполнит свое миссионерское предназначение. Если я ошибаюсь, не обращайтесь на меня внимания: индеец Фрогман наплетет вам с три короба, кое-где приврет, но его надежно прикрывает здоровый регионализм, национализм в самом прямом смысле этого слова.

— Слушайте, если насморк не защитит меня,— сказал криминалист, прячась за складками носового платка,— я вышлю к вам парламентаря. Потопитесь, и прежде чем вас не обнаружили мусорщики, сообщите то, что должны мне сообщить.

— Любого, самого легкого, намек достаточно для того, чтобы поставить меня на место,— простодушно заявил Отмычка Фрогман.— Приступаю к дальнейшему рассказу — доверительному и весьма поучительному.

¹ Здесь: втихомолку (*итал.*).

До сорок второго года А. А. А. была всего лишь скромным индейским стойбищем, которое набирало своих испытанных и надежных адептов в поварских бригадах и лишь изредка протягивало свои щупальца к матрасным мастерским или сифонным фабрикам, остававшимся на периферии прогресса. Единственным нашим капиталом была молодость. Тем не менее не проходило ни одного воскресенья без того, чтобы мы не собрались за столиком — большим или маленьким — в каком-нибудь угловом кафе и не просидели бы там с часу дня до девяти вечера. Что касается угла, на котором располагалось кафе, то каждый раз, как вы можете догадаться, он был новым, потому что на второй же раз нас опознавал уборщик (если не сам мойщик посуды лично) и мы были вынуждены сматывать удочки, чтобы избежать оскорблений со стороны этих одержимых, которым было ну никак не уразуметь, как это целая компания креолов может точить лясы целый день, перекрикивая друг друга и заказав при этом каких-то полбутылки содовой «Бельграно». Что за времена были! Проносясь во всю прыть по Сан-Педрито или по Хирибоне, креол на лету запоминал все обращенные в его адрес изящные обороты, которые затем тщательно переписывал в блокнотик в клеенчатом переплете, обогащая таким образом свой словарь. В те годы был собран неплохой урожай туземных словечек: болван, придурок, чурбан, голова квадратная, просто идиот, полный идиот, тупое животное, тормоз, контуженный, дурак, наконец! Просто песня! Какое зло берет — зло, заставляющее еще более тщательно осваивать язык, звучащий вокруг тебя. Мы, индейцы, вообще очень способны к языкам. Посудите сами: вынужденные вгрызаться

в новый язык, в его незнакомую систему (какой бы хорошей и логичной она ни была), мы подчас оказывались бессильными. Когда ближние уставали угрожать нам, мы за несколько индейских статуэток нанимали какого-нибудь третьеклассника, чтобы этот чертенок научил нас тем словам, которые негоже знать несовершеннолетним. Так мы зазубрили кучу всякой дребедени, из которой я сейчас не вспомню ни единого слова, хоть тресни. В другой раз мы создали комиссию, которая назначила меня ответственным за то, чтобы прослушать на граммофоне одно танго и сделать приблизительную выборку из использованных в нем национальных словечек. С первого же раза мы выудили из текста: красotka, ты бросила меня, густые заросли, пристально глядя, одинокое ложе, убежище влюбленных, и множество других, относительно коих вы, если вам вдруг взбредет в голову, можете проконсультироваться в нашем отделении в Баррио Парке. Но одно дело — свежая пена на гребне волны, и совсем другое — глубины морские. Многие ветераны А. А. А., не задумываясь, смотали удочки и легли на дно, когда доктор Марио Бонфанти взорвал общественное спокойствие всей страны, припечатав к бесплатным листкам «Помоны» список используемых варваризмов. После этой пробы сил реакции последовали другие жестокие удары, например — расклеивание листовок, вещавших:

Пусть же отсохнет твой гадкий язык,
коль обзовешь этикеткой ярык,

и распространение шуточного диалога, столь же больно ранившего всех нас: «Почему вы не так кладете столовые приборы?» — «Да мы на вас на всех ложим с прибором».

Я пытался организовать защиту родной мне манеры говорить на страницах весьма низкопробного желтого изданийца, выходявшего два раза в месяц с условием от владельца — целиком и полностью посвящать каждый номер отстаиванию интересов фабрик по промывке шерсти. Но плоды моих порывов попали в лапы к наборщику какой-то иностранной национальности и вышли в свет в таком усеченном и перечерканном виде, что скорее могли сгодиться в качестве таблицы для проверки зрения.

Один умник, ну, знаете, из тех, что суются куда не просят, по случаю услышал где-то, что особняк, принадлежавший доктору Сапонаро (тот, что на улице Обаррио), был приобретен на судебном аукционе одним патриотом, только-только вернувшимся из Бремена. И вот этот патриот будто бы на дух не переносил испанцев — настолько, что даже отказался от поста председателя Аргентинской Книжной палаты. Я лично совершил отважный поступок: предложил всем нашим назначить кого-нибудь представителем, чтобы он — как бы облачившись в посольскую мантию — в подходящий момент подступился бы к тому самому особнячку с единственной целью: выцыганить у его владельца хоть что-нибудь на помощь нашему делу. Видели бы вы, какое смятение в головах присутствовавших вызвало это предложение. Поняв, что обсуждение кандидатуры заходит в тупик, тот же самый умник предложил бросить жребий. То есть самой судьбе предстояло решить, кому из нас следует посетить тот дом и быть вытолканным в шею еще задолго до того, как перед его взором мелькнул бы где-нибудь вдалеке силуэт хозяина усадьбы.

Я, как и все, согласился по одной простой причине: точно так же, как и все остальные, я не без оснований надеялся на то, что жребий выпадет кому-нибудь другому. Можете удивляться и даже не верить, но судьба распорядилась следующим образом: Фрогману (вашему покорному слуге) выпало вытащить самую короткую соломинку из всего веника. Скрепя сердце, задыхаясь от дурных предчувствий, я был вынужден согласиться, готовый

уносить ноги и заметать следы,
даже если мне перережут горло.

Можете себе представить, что творилось у меня на душе: кто говорил, что доктор Ле Фаню (а именно так звали того патриота) безжалостен по отношению к тем, кто безропотно позволяет топтать себя; кто утверждал, что он на дух не переносит робких и стеснительных людей; а некоторые вообще заявляли, что сам он — карлик, ростом вдвое меньше, чем нормальный человек.

Худшие мои предположения подтвердились, когда он принял меня в доме — со шпагой наготове, в сопровождении какого-то профессора, такого надменного и важного, что хоть стой, хоть падай. Так вот, вхожу я, а наш патриот возьми да и нажми на кнопку звонка. Ну, тут и вырастают два таких здоровенных парня — прислуга неведомой мне национальности. Впрочем, я быстро успокоился, так как хозяин приказал им всего-навсего открыть окна и ставни, что сподвигло меня на такую мысль: «Слушай,— сказал я тому, второму, Фрогману, что сидит во мне,— чего-чего, а свободных проемов, чтобы вылететь, как ядру из пушки, здесь для тебя предостаточно». Ободренный этим наблюдением, я, ста-

рательно изображавший вплоть до сего момента стороннего наблюдателя, решил ковать железо и брать быка за рога, в общем — перешел к делу, ради которого и пришел.

Он выслушал меня со всем возможным вниманием, а затем сбросил с себя маску ледяного безразличия (которая, кстати сказать, изрядно портила его физиономию) и мгновенно помолодел, разом скинув десяток лишних лет. Капризно топнув ножкой об пол, он зашелся в приступе хохота — ни дать ни взять, дите малое, увидевшее клоуна. И в тот-то самый момент он мне и сказал:

— Ваша речь, любезный,— это занятный сплав какофонии и бреда. Не пытайтесь мычать про себя, вам это не идет. Касательно feц¹ Бонфанти охотно подтверждаю, что он уничтожен, apéanti, под тяжестью громоздких словесных конструкций, видимым приверженцем которых был всегда. Я же, наподобие языческих богов, защищаю и поддерживаю первородную глупость, предельную простоту. Впрочем, не отчаивайтесь, мой навязчивый дилетант. Завтра поутру в направлении вашего редута будет выдвинут самоотверженный казначей, облаченный в противогаз.

После столь лестного обещания я уж и не помню, ушел ли я сам, своими ногами, или же был выведен наружу прислугой.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день к нам действительно явился казначей и представил несколько просто великолепных планов действий. Честно говоря, кое-кому из нас даже пришлось присесть на лавочку, чтобы унять

¹ Покойного (франц.).

головокружение, вызванное приливом крови от такой неожиданности. Затем дело пошло еще веселее: нас отвезли в штаб-квартиру, где уже имелись словари, изданные в Гранаде, Сеговии, в издательствах «Гарсон» и «Луис Вильямайор», не считая пишущей машинки, осваивать которую мы поручили Файнбергу, и собрания «Разного вздора», что вырывался из-под пера Моннера Санса. Я не говорю уже о шикарном диванчике, и настоящем полном письменном приборе из бронзы со статуэткой Мисьеуса, и машинке для заточки карандашей. Наш умник, а он был еще и наглецом, каких вы и не видавали, приказал казначею взять в лавке в кредит несколько бутылок «Васколе», но не успели мы их раскупорить, как на пороге нашей конторы вырос доктор Ле Фаню. Он подлил масла в огонь праздника, приказав немедленно вылить содержимое бутылок (да и то сказать — невелика жалость), а затем распорядившись заказать у самого Дюзенберга целый ящик шампанского. Только мы облизнули с краев бокалов первую пену, как доктор Ле Фаню вдруг выдал такое!.. Что ж, по крайней мере, он продемонстрировал нам всем, что является истинным гаучо до мозга костей. В общем, громко, во весь голос, он вдруг осведомился о том, является ли шампанское индейским национальным освежающим напитком. Мы стали его успокаивать и — одновременно — приступили к эвакуации бутылок через шахту лифта. Как только операция была завершена, появился шофер и мы вкатили в контору привезенный им бочонок настоящей чичи, чичи из самого Сантьяго-дель-Эстеро, уверяю вас, а уж что это за напиток, объяснять, я думаю, не требуется.

Длинный Бисиклета, которого я всегда довожу до ручки, обзывая его пожирателем книг, решил не упускать случая и обязать дарителя чичи (в просторечии именовавшегося личным шофером доктора Ле Фаню) зачитать нам что-нибудь из тех изящных стихов, которые без перевода или комментария не дано понять никому из непосвященных. Но тут доктор призвал нас к порядку и спросил, кого мы собираемся избрать президентом Ассоциации. Мы хором попросили его не затягивать формальности с голосованием, и доктор Ле Фаню стал президентом практически единогласно, если не считать одного голоса «против», поданного Бисиклетой, на носу которого красовались неизменные очки-велосипед¹. Натурализованный патриот сеньор Куно Фингерманн, секретарь доктора Ле Фаню, со скоростью пулемета дал информацию во все газеты. На следующий день, раскрыв рты, мы уже читали первую заметку о деятельности А. А. А., с подробной характеристикой персоны Ле Фаню. А потом у нас появилась возможность самим публиковать наши новости, так как президент предоставил Ассоциации собственный печатный орган, газету «На тропе войны», бесплатный номер которой я могу вручить вам, чтобы вы, просматривая эти колонки, смогли почувствовать себя настоящим креолом.

Вот это были времена для индейца! Но не думайте, что так продолжалось долго. Как говорят, делу время — потехе час. Карнавал закончился, и доктор Ле Фаню приволок и поставил в саду своего дома не то вагончик, не то сарайчик, куда

¹ Bicileta — велосипед (исп.).

поселил нескольких индейцев из глухих деревень, которые совершенно не въезжали в нашу болтовню. По правде говоря, мы и сами-то не всегда четко понимали друг друга, поскольку доктор Ле Фаню нанял доктора Бонфанти, чтобы затыкать нам рты, как только кто-то из нас не специально, по чистой случайности, вставлял в речь какое-нибудь словечко, уже зафиксированное в словарях. Эта игра превратилась в настоящее мучение, потому что доктор Бонфанти подавлял всякую оппозицию ради дела, которое, как сказал он сам в своем первом выступлении на радио «Уасипунго», «с этого года, окруженное заботой и вниманием, набирает силу. Могучей поступью широко шагает с гордо поднятым флагом индейская речь, и тяжелой дубиной яростно крушит она стиль и язык писателей-галломанов и пуристов, закосневших в своих жалких подражаниях наследию Сервантеса, Тирсо де Молины, Ортеги и прочих мастеров, наследию, превращенному их стараниями в склад воняющей падалью болтовни».

А теперь, с вашего позволения, я вам расскажу об одном парне, который является неотъемлемой и незаменимой частью всей этой истории. Признаюсь честно, не раз и не два я умирал от хохота, радуясь его шуткам. Надеюсь, вы уже догадались, что речь идет не о ком ином, как о докторе Потранко Баррейро, как мы все его называем за глаза, хотя он, полагаю, ничуть не обижается. В свою очередь, я для него — нечто вроде талисмана. Он называет меня Цветком Жасмина и зажимает нос, стоит мне показаться в поле его зрения. Только не нужно, дорогой хозяин, идти по пути наименьшего сопротивления и представлять доктора юрис-

пруденции Баррейро этаким шутом гороховым. Нет, это настоящий адвокат с бронзовой табличкой на двери, многие из посетителей кафе-бара «Токио» знают его и раскланиваются с ним при встрече. Он защищает интересы одной компании патагонцев в их тяжбе из-за пастбищных территорий, хотя — если уж начистоту, — по мне, чем быстрее эти немытые вонючки свалят к себе на родину и освободят помещение нашего филиала на площади Карлоса Пельегрини, тем лучше. Кстати, многие не без усмешки спрашивают, почему нашего юриста называют Потранко-Красавчик. Как говорится — шедевр креольского остроумия! Ведь даже тупому иностранцу с первого взгляда ясно, что Потранко более всего походит физиономией на лошадь, и нет недостатка в желающих поставить на него во время скачек за Большой приз Ла-Платы. Впрочем, мне часто говорят, что все мы похожи на каких-то животных, каждый по-своему. Я, например, смахиваю на овцу.

— На овцу? Нет, я предлагаю кандидатуру скунса.— Дон Исидро не стал лукавить — сказал то, что думал.

— На вкус и цвет... дело ваше,— согласился Фрогман, заливаясь румянцем.

— На вашем месте,— добавил Пароди,— я не стал бы столь жестко придерживаться индейских поверий о вреде мытья.

— Как только соседи предоставят мне такую возможность, я обязательно последую вашему бескорыстному совету. Можете представить, какой сюрприз вас ожидает: после ванны я зайду к вам, и, уверен, вы решите, что перед вами — новый персонаж маскарада.

Вслед за доносящимся из-за двери раскатистым хохотком на пороге с непринужденной элегантно-стью возникает Гервасио Монтенегро — галстук от Фукьера, жакет с бахромой от Гитри, брюки от Форчун энд Бейли, средней длины гамаша от Бельсебу, ручной работы туфли от Бельфегора, шелковистые усы, слегка тронутые серебром седины...

— *Ma condoléance*¹, почтенный учитель, *та condoléance*, — громогласно произносит он. — Мой *flair*² (надеюсь, я удачно подобрал нужное слово) сообщил мне еще из-за угла о *gedoutable*³ вторжении этого заклятого недруга Коти. А следовательно, наш лозунг на данный момент таков: спасение в выкуривании!

Из портсигара Баккара он извлек толстую «Мариано Брюль», пропитанную кюммелем, и раскурил ее от серебряной зажигалки с гербом. Некоторое время он задумчиво разглядывал неторопливо плывущие в воздухе клубы дыма.

— Предлагаю спуститься с небес на землю, — сказал он наконец. — Мой тонкий нюх аристократа и старой ищейки безошибочно подсказывает мне, что наш незадействованный в деле индеанист проник в эту *cellule*⁴ не только для того, чтобы пропитать ее новейшими отравляющими газами удушающего действия, но и с другой целью — рискнуть донести до вашего внимания свою, более или менее карикатурную и превратно истолкованную, версию преступления в Сан-Исидро. Вы, Пароди, как

¹ Мои соболезнования (франц.).

² Нюх (франц.).

³ Грозном (франц.).

⁴ Келью (франц.).

и я,— мы выше этого лепета. Время торопит нас. Итак, я начинаю свое ставшее уже классическим повествование об убийстве.

Наберитесь терпения: я должен выстроить строгую иерархию всех фактов, имеющих отношение к делу. Все произошло, по многозначительному совпадению, в день Праздника моря. Я был готов во всеоружии отразить лобовую атаку летнего зноя: морская фуражка, китель, белые брюки из английской фланели, пляжные туфли. Занят я был следующим: без особого желания руководил разбивкой газона перед своим особняком — одним из тех особняков в Дон Торквато, которые рано или поздно приобретает каждый из нас. Признаюсь вам, что этим садовым *besognes*¹ удастся, хотя бы на краткий миг, отвлечь меня от мучительных проблем, которые, несомненно, представляют собой *bête poïge*² современного человека. Вполне законным было мое удивление и недовольство, когда двадцатый век ворвался ко мне в сад, постучав в ворота усадьбы жесткими костяшками автомобильного клаксона. Пробормотав какие-то богопротивные слова, я отбросил сигару и, стоически готовясь превозмочь очередное испытание, вышел на обсаженную эвкалиптами дорогу. С дивным изяществом неторопливо прогуливающейся борзой в мои владения въехал огромный «кадиллак». Фоновый занавес сцены: темная, суровая зелень хвои и пылающая голубизна декабрьского неба. Шофер открывает дверцу, и из машины выходит роскошная женщина. Хорошая обувь, дорогие чулки,— арис-

¹ Работам (франц.).

² Жупел (франц.).

тократка. «Да это же кто-то из Монтенегро!» — говорю я себе. И точно: моя кузина Гортензия, неотразимая Пампа Монтенегро из нашей haute¹, одарила меня ароматом своей тонкой руки и сверкающим блеском своей любезной улыбки. Было бы знаком дурного тона, cher maître², в очередной раз повторять ее описание, столь блестяще сделанное Виткомбом. Я уверен, что вы, как внимательный читатель газет и журналов, не нуждаетесь в дополнительных комментариях. Перед вашим мысленным взором уже возникли эти черные цыганские волосы, эти полные таинственной тьмы глаза, эта точеная фигура с совершенными изгибами, созданная, чтобы танцевать конгу, этот tailleur³ из грубой шерсти от Дьяблотена, этот пекинес, этот шик, это сам не знаю что еще...

И — вечная история, мой уважаемый Пароди: за прекрасной дамой следует паж! На этот раз имя пажа — Ле Фаню, Тонио Ле Фаню, и ростом он весьма невысок. Поспешим же признать его умение общаться с людьми, усиливаемое, быть может, какой-то венской надменностью, умением бросить pot suel⁴; он был поистине похож на дуэлянта... но карманных размеров, этакая весьма привлекательная помесь Легисамо с д'Артаньяном. Было в нем что-то от учителя танцев, еще что-то — от бакалавра каких-нибудь наук; присуща ему была и немалая доля щегольства и франтовства. Забаррикадировавшийся за своим прусским моноклем,

¹ Высшего общества (франц.).

² Дорогой наставник (франц.).

³ Дамский костюм (франц.).

⁴ Соленое словечко (франц.).

он боком продвигался вперед, чередуя мелкие шажки с недоделанными реверансами. Его высокий лоб был увенчан напوماженным чубом, а явно подкрашенная борода-эспаньолка растекалась черной полосой по всей нижней челюсти.

Улыбаясь и даже посмеиваясь, Гортензия сказала мне на ухо:

— Lend me your ear¹. Этот аппетитный кексик — моя последняя жертва. Мы можем устроить помолвку, когда ты захочешь.

Несмотря на всю внешнюю любезность и даже лакированность, слова эти заключали в себе то, что мы, истинные спортсмены, называем «ударом ниже пояса». И действительно, данного короткого заявления было вполне достаточно для того, чтобы понять главное: помолвка Гортензии с Баулито Пересом расторгнута. Как истинный боец, я выдержал пропущенный удар, даже не пикнув. Тем не менее от взгляда внимательного и хорошо знающего меня человека не ускользнула бы ни искра судороги, проскочившая по моим нервам, ни россыпь бисеринок пота, выступивших у меня на лбу.

Ситуация все же оставалась под моим контролем. Вop rpiпсе², я предложил свою виллу для торжественного ужина, заявив, что почту за честь принять у себя гостей самой счастливой (или несчастной?) пары новобрачных этого года. Гортензия выразила свою благодарность импульсивным поцелуем; Ле Фаню — вопросом, который был явно déplacé³ и который я воспроизвожу без всякого

¹ Шепну тебе кое-что (англ.).

² Как истинный князь (франц.).

³ Неуместным (франц.).

желания. «Что общего, — осведомился он, — между едой и свадьбой, между несварением желудка и импотенцией?» Набравшись мужества для того, чтобы презрительно оставить этот вопрос без ответа, я стал показывать им свою усадьбу, не пропустив, разумеется, бронзового буйвола работы Ируртия и мельницу от Гуанако.

Когда нудный визит наконец закончился, я, крепко сжав руль своего «линкольн-зефира», не без удовольствия догнал, а затем и обогнал машину этой парочки. Да, вот так сюрприз преподнесла мне кузина! В газетах тут же замелькали заголовки: «Помолвка Гортензии Монтенегро расстроена». Естественно, первым моим желанием было провалиться сквозь землю. А вы наверняка уже взвешиваете все неприятные последствия, которые будут иметь место при таком повороте дел. Гортензия — моя кузина. По этой формуле я математически точно выверяю благородство происхождения и аристократизм возможного претендента на ее руку. Баулито — лучшая партия среди людей этого круга и этого возраста; по линии матери он происходит из рода Бенгочеа. А это означает, что ему предстоит унаследовать сахарные заводы старого Токмана. Помолвка была уже *fait accompli*¹, обговоренным, законспектированным и сфотографированным представителями четвертой власти. Она стала одним из тех редких событий, в отношении которых мнение всей публики совпадает. Я лично заручился поддержкой Княгини в том, чтобы убедить самого Монсеньора де Губернатиса благословить молодых на церемонии помолвки. И вот — ни с того ни с сего, у всех на виду, в самый разгар Празд-

¹ Свершившимся фактом (франц.).

ника моря, Гортензия так «кидает» Баулито! Впрочем, признаемся: это так типично для нас, Монте-негро!

Мое положение как *chef de famille*¹ было весьма непростым. Баулито — парень нервный, вспыльчивый, да и вообще — последний из могикан, назвал бы я его. Кроме всего прочего, он мой старый знакомый, *habitué*² гостиной моего особняка в Авельянеде, товарищ, потеря которого была бы нелегким для меня испытанием. Вы меня знаете, меня и мой характер. Меня не пришлось долго упрашивать ввязаться в драку. Прямо из *fumoig*³ Жокей-клуба я направил Баулито пространное письмо, копия которого у меня сохранилась. В этом послании я тщательно умываю руки, доказывая свою непричастность к случившемуся, а кроме того, даю волю сарказму à l'égard de ce pauvre monsieur Tonio⁴. Ко всеобщему удовлетворению, буря обернулась короткой летней грозой. Вечер принес с собой еще одно чудо, прояснившее *imbroglio*⁵: сначала слух, подтвержденный вскоре самим Токманом, что получена телеграмма от Ширли Темпл, в которой она строжайше запрещала своей аргентинской подруге выходить замуж. Поступила и уточняющая информация о том, что в компании этой самой подруги она — не далее как вчера — посетила Национальный парк Сан-Ремо. Rien à faire⁶ перед ультиматумом маленькой актрисы. Из надежного

¹ Главы семейства (франц.).

² Завсегдатай (франц.).

³ Курительной комнаты (франц.).

⁴ В отношении несчастного господина Тонио (франц.).

⁵ Неразбериху (франц.).

⁶ Ничего не поделаешь (франц.).

источника мне сообщили, что и сам Баулито выбросил белый флаг. Быть может, втайне он все же надеялся, что очередная телеграмма еще от кого-нибудь наложит вето на свадьбу Ле Фаню с беглянкой. Отдадим должное нашему светскому обществу: несмотря на то что разрыв помолвки представлял собой отличную мишень для любого рода острот, скандалов и осуждений, эта история встретила всеобщее, практически единогласное понимание и прощение. Уловив эти настроения, я решил сдержать слово и предоставить свою виллу для торжественного ужина, на котором, в присутствии всего Северного района, предстояло объявить о помолвке Пампы и Тонио. Необходимость такой party¹ была для меня просто очевидна. В сегодняшнем фиглярском Буэнос-Айресе его жителям некуда податься, негде встретиться. Если дело пойдет так и дальше, то осмелюсь напроорочить всем нам, что настанет день, когда мы перестанем узнавать друг друга в лицо. Удобные чисто по-английски кресла клуба не должны отдалять от нас великолепную традицию общего сбора у большого костра: нам нужно собираться, создавать атмосферу и дышать ею...

По зрелом размышлении я выбрал для торжественного ужина вечер тридцать первого декабря.

II

Вечер 31 декабря в усадьбе Лас-Бегониас, резиденции доктора Ле Фаню, удостоился не одного художественного описания.

¹ Приема (англ.).

— Похоже, твой суженый просто сгорает от желания поскорее заполучить тебя, и еще неизвестно, с какой выходки он начнет церемонию, чтобы сбить всех с толку, — с мечтательным видом заметила Мариана Руис Вильяльба де Англада.

— Уж лучше, чем ты, никто не мог придумать: явиться на собственную свадьбу без корсета! — возразила сеньорита Монтенегро. — И вообще, в твои годы я бы куда меньше психовала по всяким пустякам. Вот учись у меня: как видишь, я довольна по уши, хотя и не питаю иллюзий насчет того, чтобы Тонио застрелился по дороге, что было бы уже просто дешевой выходкой назло.

— Я готова проявлять терпимость в течение четверти часа, — высказалась важная дама — с благородно-бледной кожей, с подкрашенными губами и волосами, с необыкновенно изящными руками. — По распорядку, уже скопированному в Сан-Фернандо, после пятнадцати минут ожидания по счетчику вам полагается оплачивать простой такси в течение целой ночи, как если бы вы все это время отплясывали фокстрот «Маргарита».

Почтительное молчание было ответом на слова Княгини. Наконец сеньора де Англада пробормотала:

— Какая же я глупая! Ну куда уж нам раскрыть рот, когда перед нами — сама Княгиня, знающая больше, чем телефонный справочник.

— Не касаясь личного изящества, утонченности и возвышенности слога, — возразил Бонфанти, — я полагаю, что ее слова выражают чувства, испытываемые всеми собравшимися здесь. Гласом невежества и неразумности будет названа речь того, кто не признает, что в словах Княгини прочно

соединились здравый смысл и величайшая информированность, включая знание последних новостей.

— Да кто вы такой, чтобы болтать о новостях? — одернула его Княгиня. — Вспомните свои именины: помните, как сеньора Пасман застала вас в укромном месте за чтением «Билликена», да еще и старого номера?

— *The elephant never forgets*¹, — порадовалась сеньорита Монтенегро.

— Бедный Бонфанти, — вздохнула Мариана. — Видно, как он опустилсЯ без той, что была ему *soutien*².

— *Ordem e progresso, mesdames*³, — вмешался Монтенегро. — *Cessez d'être terribles et devenez charmantes*⁴. И пусть сидящий во мне задира-фехтовальщик следует всем поворотам дискуссии, но я не обязан оставлять без внимания многообещающие призывы к согласию. Пожалуй, я даже рискну предположить, не без некоторой *pointe*⁵ иронии, что отсутствие нашего последнего *soupirant*⁶ не сможет ослабить присутствия во мне духа эпикурейства и скептицизма.

— Бифштекс! Я требую, чтобы мне дали бифштекс, вот такой — побольше! — раздался деспотический голос с чилийским акцентом, — это заявила о себе Лоло Викаунья де Де Крейф — восхитительная загорелая блондинка.

¹ Слоны не забывают никогда (*англ.*).

² Опорой (*франц.*).

³ Порядок и прогресс, мадам (*португ., франц.*).

⁴ Перестаньте наводить ужас и навевайте очарование (*франц.*).

⁵ Доли (*франц.*).

⁶ Воздыхателя (*франц.*).

— Вашими устами глаголет самое неподдельное, самое замечательное жизнелюбие,— подхватил Бонфанти.— Не ставя ни на миг под сомнение первенство местных женщин, я все же сочту возможным отметить: в том, что касается силы духа, любой из них придется изрядно попотеть, рискнув бросить вызов тем, кто родился по ту сторону хребта.

Высказала и Княгиня свое мнение по этому поводу:

— Вечно вы со своим духом, Бонфанти! И когда вы наконец поймете, что клиент платит за мясо, за живую, здоровую плоть.

Роскошная, нисколько не изможденная сеньора де Де Крейф подхватила реплику и довела ее до блеска:

— Что этот тухлый окорок себе позволяет? Он хочет сказать, что мы, чилийские женщины, живем святым духом и худы, как скелеты?

Протест был сопровожден смелым опусканием кружевной отделки выреза платья, что красноречиво свидетельствовало о справедливости негодования сеньоры де Де Крейф.

— Он так говорит, чтобы заставить всех поверить в то, что его персона еще не проходила через беседку в парке твоей усадьбы,— заметила Мариана (ни для кого не было секретом, что госпожа Де Крейф использовала садовую беседку для внебрачных любовных утех).— В отличие от всех остальных,— добавила она.

— Ну вот, Лоло, опять ты кипятишься не по делу,— сказал какой-то нервный молодой человек с сединой в волосах и с лошадиной физиономией.— Бедняга просто хотел сделать тебе комплимент.

В разговор неожиданно вмешался мужчина, очень похожий на Хуана Рамона Хименеса.

— Давай, Потранко, давай, продолжай! — подбодрил он конеобразного молодого человека. — «Ты-кай» женщине, и не какой-нибудь, а моей жене, как будто меня здесь и нет.

— А зато чего здесь навалом, так это твоей дури и тупости, милый, — задумчиво произнесла красавица Лоло.

— Женщина должна позволять обращаться к себе на «ты», — продекларировала Княгиня. — Я всегда принимаю в расчет то, что клиент к этому привык, и это в общем-то ничего мне не стоит.

— Дорогой, — импульсивно подхватила мысль Княгини Лоло, — если хочешь и дальше спокойно смотреть мне в глаза, немедленно встань на колени и попроси у Княгини прощения за то, как непочтительно обращался ты к ней раньше.

Спасение для Де Крейфа пришло совершенно неожиданно — в виде странной какофонии, состоявшей из свиста индейских флейт, веселых трелей велосипедных звонков и отчаянного собачьего лая.

— Следует признать, что мой слух охотника по-прежнему находится в отличной форме, — заметил Монтенегро. — Лай Тритона я уже узнаю. Остального не слышно из-за стекол веранды.

Быстрым шагом он вышел на галерею; за ним последовали все гости, кроме Княгини и Бонфанти.

— Да и пусть остается, с меня не убудет, — пожала плечами Княгиня. — Нужен мне этот студень, хватит, насмотрелась уже.

Тем временем глазам находившихся на галерее предстало удивительное зрелище. Влекомый двумя воронами конягами, окруженный завываю-

щим роем велосипедистов в пончо, по аллее к дому приближался мрачный катафалк. Рискуя угодить в кювет, велосипедисты то и дело бросали руль, чтобы издать очередную серию заунывных аккордов на длинных боливийских флейтах; это занятие изрядно отвлекало их от управления двухколесными транспортными средствами. Катафалк остановился между *relouse*¹ и парадной лестницей. Под изумленные взоры собравшихся из этого странного экипажа выбрался доктор Ле Фаню, поспешивший благодарственно раскланяться с аплодировавшим его появлению велоэскортом.

Как неоднократно повторял впоследствии господин Монтенегро, тайное не замедлило стать явным: велосипедисты в пончо оказались членами А. А. А. Возглавлял их вонючий толстяк, отзывавшийся на имя и фамилию Марсело Н. Фрогман. Этот казык напрямую подчинялся приказам Тулио Савастано, который и чихнуть не смел без дозволения Марио Бонфанти, секретаря доктора Ле Фаню.

— Вот это *trouvaille!* — воскликнул Монтенегро. — В противовес некоторой высокомерности и излишней, быть может, солидности представления, этот экипаж демонстрирует занятое презрение к изрядно уже опостылевшим всем *entraves*² времени и пространства. Лас-Бегониас, представленная *d'ailleurs*³ этими дамами, приветствует в вашем лице аргентинца, *promesso sposo*⁴... Но не будем предвосхищать обильные удовольствия

¹ Газоном (*франц.*).

² Оковам (*франц.*).

³ К тому же (*франц.*).

⁴ Обрученного (*итал.*).

и маленькие радости, уготованные нам за праздничным столом. Аперитив весь охвачен нетерпением внутри хрустальных бокалов, *consommé*¹, неизбежный отправной пункт любого банкета, едва сдерживается, словно безмолвный *clubman*, сгорая от благородных порывов и страсти к эмоциональному общению.

Обед в зале, декорированном самим Пактолусом, не обманул ожиданий Монтенегро. Сеньора де Англада, распустив шеяковистые волосы, устало опустив глаза, подрагивая ноздрями, осаждала вопросами молодого археолога, с которым властно разделила еду, вино и даже стул. Он же, истинный воин, плотно укутывался в пончо, избрав для такого случая мудрую стратегию черепахи. Доводя женщину до отчаяния, он отказывался признаться в том, что его зовут Марсело Н. Фрогман, и время от времени пытался отвлечь ее внимание и сбить с толку, намекая на то, что является не кем иным, как Ратоном Перутцем де Ачала. «Не теряйте времени попусту, сеньора, — время от времени вскрикивал Потранко Баррейро, отрываясь на миг от роскошных коленок мадам Де Крейф. — Поверьте, Юноша-Грубая-Сила — это не он, а я!» По правую руку от баронессы Пуффендорф-Дювернуа доктор Куно Фингерманн, он же — Бубе Фингерманн, он же — Жамбонно², импровизировал со сверкающими фруктами, *magons glacés*³, окурками импортных сигарет, сахарным песком и заветным талисманом в виде номера «Билликена», временно предостав-

¹ Бульон, консоме (франц.).

² *Jambonneau* — окорок (франц.).

³ Глазирванными каштанами (франц.).

ленным ему в пользование Монсеньором Де Губернатисом, пытаюсь изобразить на плоскости столешницы *machietta*¹ некоего убежища, которому предстояло быть воздвигнутым на тех участках земли, где поднимутся кожевенные заводы. Счастливого поглощенный величием темы, он был не в состоянии оценить во всей полноте *женскую* составляющую своей раздраженной собеседницы; эта дама (почетная учредительница и председательница Общества Первых Холодов) куда меньше интересовалась аморфным телосложением полненького фантазера, чем диалогом, происходившим между Княгиней, Монсеньором и Савастано.

— Не по мне весь этот конструктивизм, — гортанным голосом говорила Княгиня, неотрывно глядя сквозь суровые очки на макет, возведенный Жамбонно. — Не радуют меня новомодные штучки. Я, как женщина, уже много чего повидавшая, настаиваю на круглом здании, которое для меня является последним словом в архитектуре и позволяет разглядеть с башенки, где торчит этот соня Котоне со своим биноклем, каждое движение специалисток в древнейшем искусстве, *que vous m'en direz des nouvelles*².

— Гип-гип-ура! — пробормотал Монсеньор де Губернатис. — Вы, Ваше Высочество, зрите в корень и открываете просто непаханое поле благодарной деятельности и альтруистических поступков нашему любопытствующему Котоне. *The right man in the right place*³, несомненно... Тем не менее

¹ Макет (*итал.*).

² Которых вы непременно оцените по достоинству (*франц.*).

³ Нужный человек на нужном месте (*англ.*).

я отдал бы свой голос за более строгую архитектуру, с целью выступить против этих засевших в засаде евреев, которым удалось привлечь на свою сторону некоторых столпов нашей церкви благодаря звучному, но утопическому лозунгу: «Каждому Человеку — Отдельную Синагогу!».

В разговор вступил воодушевленный Савастано:

— Не ломайте все, Монсеньор, а то потом даже уборщице будет не под силу собрать воедино элементы этого сооружения. Госпожа Княгиня абсолютно права, и вам никоим образом не удастся опровергнуть ее. Сегодня даже ребенку, еще не получившему в свой гардероб «взрослые» длинные шаровары, уже знаком силуэт этого здания с башенкой в Авельянеде, принадлежащего Котоне. Вам же не остается ничего иного, как согласиться с тем, что архитектура временного жилища, гостиницы — это совсем другое дело, потому что «зал миллионеров» выходит окнами в первый двор, а на кабинет сеньора Реновалеса вы наталкиваетесь сразу, как входите.

Стряхнув пепел с «Партагаса» в левое ухо Фрогмана, Потранко Баррейра поинтересовался:

— Ле Фаню, ты помнишь Библиотеку Кальсидилья в Версале, такое мерзкое заведение, над которым вообще не было никакой башни? Впрочем, вы-то, помешанные на уставе Ассоциации, не нуждались в ее содержимом и безжалостно отправили Мулата Лойакомо обратно домой за то, что у него вырвалось «итак», а меня лишили руководства нашей маленькой группой за слова «внесу уточнение», хотя их понимает даже индеец Фрогман. Но кто старое помянет, тому глаз вон.

Доктор Ле Фаню парировал удар из глубины своего пышного жабо и неподвижной стойки воротника:

— Если говорить об этой безграмотно подобранной библиотеке и о вас, друг мой, то единственным действенным ресурсом памяти является полная амнезия. Ни вам, ни вашему коллеге по словесной какофонии не удастся похвалиться тем, что вы сумели опорочить мои воспоминания.

— Быть может, дух коммерции совсем затуманил мой взор,— зазвучал густой тевтонский бас доктора Фингерманна,— но, поскольку масса вашего головного мозга не позволяет даже предположить в вас склонность к излишней забывчивости, я позволю себе не поверить в то, что вы не помните те праздничные дни, в один из которых вы, я и моя сестра Эмма скинулись по одному пфеннигу из личных сбережений каждого и отправились в зоопарк, где вы нам рассказывали о южноамериканских животных.

— Перед таким экземпляром, как вы, любезный Бубе, даже самый говорливый зоолог предпочтет смолчать, если не бросится наутек со страху,— холодно заметил Ле Фаню.

— Ну-ну, не становись на дыбы, жабоносец¹, самом подавишься. Никто из нас не собирался обидеть тебя,— успокоил его Потранко и наградил вдруг зашедшегося в почти туберкулезном приступе кашля Ле Фаню дружеским хлопком по спине.

¹ Он сказал это, имея в виду жабо. (*Примечание сеньоры Марианы Руис Вильяльба де Англада.*)

Савастано воспользовался этим моментом, чтобы подскочить к величественной сеньоре Де Крейф и шепнуть ей на ухо:

— Мне тут кое-кто намекнул, что сеньора, бывает, принимает гостей в одном павильончике в своем поместье. Нельзя ли как-нибудь найти туда путь?

Лоло, далекая, как звезды, повернулась к нему спиной.

— Не улыбайтесь и передайте мне «паркер», — приказала она Монсеньору де Губернатису. — Мне нужно записать адресок столь милому господину Савастано.

Прищуриив глаза, стиснув зубы, подняв подбородок, ровно дыша, сжав кулаки, согнув руки, подняв на нужную высоту локти, доктор Марио Бонфанти, ветеран гимнастических залов, без особых проблем преодолел те несколько метров, что отделяли его от Гервасио Монтенегро. Он едва не проскочил мимо цели, как вдруг ему пришлось подниматься с пола — что стало следствием изящной подножки, вовремя подставленной Монсеньором Де Губернатисом. Он приставил тяжело пыхтящий рот к правому уху Монтенегро, и по всему залу растекалось густое варево разных согласных.

Монтенегро с достоинством выслушал его, внимательно посмотрел на часы и встал. С бокалом шампанского в руке, как и подобает большому оратору, он торжественно произнес:

— Раб похвального стремления всегда *paraître à la page*¹, наш уважаемый фактотум только что сообщил мне, что до вылупления из скорлупы нового тысяча девятьсот сорок четвертого года оста-

¹ Быть в курсе всего (франц.).

ется всего несколько минут. Пусть скептик ухмыляется, я же, всегда последовательно выступавший против *ballons d'essai*¹ пропаганды, не колеблясь, сверился со своей... *time machine*². Пожалуй, я не возьмусь описать мое удивление: до полуночи осталось каких-нибудь четырнадцать минут! Мой информатор оказался прав. Так давайте же отдадим должное жалкой человеческой природе!

Сорок третий год, невзирая на возраст, храбро дерется в отступлении; с необъяснимым упорством, как наполеоновский *grogard*³, он готов отстаивать оставшиеся в его распоряжении считанные минуты. Сорок четвертый, юный и настойчивый, беспрестанно осыпает его градом секундных стрел, не оставляя ему никаких шансов. Господа, признаюсь, я уже выбрал, за кого болеть в этом состязании: несмотря на седину в волосах и на снисходительно-беспощадные взгляды молодежи, мои симпатии — на стороне будущего.

Первое января, год грядущий... Эта дата сразу же заставляет вспомнить о подземных галереях, которые роют шахтеры, — потому что, невидимые нам, они представляются каждому на свой манер. Так и здесь: школьник надеется, что в новом году у него будут уже не короткие штанишки; архитектор мечтает об изящном куполе, который увенчает его творение; военный — о ярких эполетах на мундир, который явится достойной наградой за жизнь, полную лишений и жертв, у кормила общего дела, и к тому же до слез порадует невесту; сама же она

¹ Пробных шаров (франц.).

² Машиной времени (англ.).

³ Ворчун (франц.).

ждет не дождется своего принца из гражданских, который придет и спасет ее от *marriage de raison*¹, затеянного из чистого эгоизма ее бабушками и дедушками; толстопузый банкир ждет немислимой верности от *socotte grand luxe*² — эффектного дополнения к его образу жизни; государственный деятель рассчитывает, что ему удастся победоносно завершить войну, навязанную ему Бог знает какими современными карфагенянами; фокусник ожидает чуда — кролика, бесчисленное количество раз запросто вылезающего из *slack*³; художник надеется быть причисленным к своим собратям из Академии — непременно следствие его недавнего вернисажа; болельщик желает победы какого-нибудь «Феррокарриль Оэсте»; поэт ждет, что из его слов на бумаге расцветет роза; священник упоает на свой *Te Deum*.

Господа, давайте хотя бы на эту ночь отложим каждодневные заботы и мысли о сиюминутных делах и прильнем устами к пенящемуся напитку!

Что же до всего остального — то не стоит сгущать краски. Панорама сегодняшней жизни, помещенная под лупу критики, бесспорно, представляет собой мрачное зрелище, но от опытного наблюдателя не ускользнет один оазис — исключение, лишней раз подтверждающее общую унылость пейзажа. Глядя на то, как вы перемигиваетесь друг с другом, в нарушение всех норм этикета, я понимаю, что вы уже предвосхитили мои выводы: да, нет смысла скрывать то, что очевидно всем, — я имел в виду

¹ Брака по расчету (*франц.*).

² Великосветской кокетки (*франц.*).

³ Здесь: цилиндра (*франц.*).

нашу несравненную Гортензию и ее *cavaliere serpente*¹, доктора Ле Фаню.

Рассмотрим же непредвзято — без розовых очков, скрывающих самые серьезные изъяны, и без неподкупного в своей объективности микроскопа, который в состоянии увеличить и подчеркнуть их, — рассмотрим, что характеризует, что отличает от всех прочих нашу сегодняшнюю пару. И вот — *place aux dames*², заклинаю вас, *place aux dames*, — вот вам женщина: любой эскиз, любой набросок меркнет перед богатством цвета этих волос; перед этими глазами, что плетут свои волнующие сети под сенью ресниц; перед этими устами, которые и по сей день знают лишь вкус песни, слов кокетства, вкус сладостей и помады и которые завтра, ах, завтра познают вкус слез; все меркнет перед... да что там говорить! Простите. Сидящий во мне мастер офорта опять не удержался перед искушением в нескольких характерных штрихах передать столь блистательный образ. Этого мало, скажете вы, чтобы описать кого-либо из Монтенегро. Перейдем же ко второй составляющей нашего бинома. Предпринимая попытку взять на абордаж эту необыкновенную личность, давайте постараемся не оцарапаться при излишне близком рассмотрении объекта, равно как и не утратить важных, но не слишком заметных его черточек при большом удалении. Несмотря на то что с первого взгляда можно подумать, будто доктор Ле Фаню абсолютно не знаком с требованиями нашего классического канона, он на самом деле является неиссякаемым источником

¹ Ухажера (*итал.*).

² Здесь: начнем с дам (*франц.*).

едких фраз, высказываний и суждений *ad hominem*¹, одобренных иронией самой высокой пробы. Разумеется, понять это дано лишь тем истинным ценителям, которые способны произнести: «Сезам, откройся» так, чтобы действительно опустился подъемный мост и нашему взору предстали бы несметные сокровища простоты и человеколюбия, столь же желанные, сколь и бесполезные в мире коммерции. Речь идет о заботливо ухоженном растении, о пытливом ученом, в котором тевтонская мощь соединяется с бессмертной улыбкой Вены.

Тем не менее тот социолог, которого каждый из нас носит *in petto*², немедля поднимается на заметную высоту. В этой счастливой паре, уже бесчисленное количество раз описанной участниками недавних партий в бридж, устроенных... в благотворительных целях, не столько важны, наверное, сами составляющие ее личности — блестящие, но эфемерные путники на дороге из одного «ничто» в другое, — сколько та волна последствий, которую вызывает это событие из раздела *faits divers*³. И действительно, этот *pagiage de raison*, заключенный в Сен-Мартен-де-Тур, не только послужит еще одним поводом для демонстрации монументального стиля проповедей Монсеньора Де Губернатиса, но будет и верным признаком того, что новые течения наполняют живительным — пусть не всегда кристально чистым! — соком вековые стволы почтенных и выдающихся семейств. Эти замкнутые

¹ Рассчитанных не на разум, а на чувства (*лат.*).

² Внутри себя (*итал.*).

³ Букв.: происшествия (*франц.*). Имеется в виду раздел «Разное» в газетах, где помещаются, в частности, сообщения о свадебных торжествах.

сообщества — бережные хранители драгоценного ларца с подлинным, чистейшим аргентинским духом внутри него. К дереву этого ларца доктор Ле Фаню привет молодые ростки римского духа, не преминув дать, полагаю, несколько весьма полезных уроков правильно понятого национализма. Как обычно, речь идет о некоем симбиозе. В таком случае взаимодействующие элементы не отталкиваются друг от друга. Семьи, представляющие собой соль нашей земли, быть может, униженные отчаянным либерализмом, сумеют по-хорошему встретить и принять это веяние будущего... Но, — тут оратор изменился в лице, а заодно и в голосе, — вот оно, настоящее! Оно — перед нами, во всей своей красе...

Господин плотного телосложения, изрядно румяный, явно рассерженный, невысокого роста, с короткими ручками, вошел в зал через дверь террасы, со страстной монотонностью твердя одно и то же неприличное слово. Все обратили внимание на то, что вломившийся был словно обтянут белым костюмом; наименее склонный к синтетическому восприятию действительности Монтенегро заметил, что незваный гость сжимает в руках узловатую толстую трость; Лоло Викунья де Де Крейф, поклонница всего мужественного — как в природе, так и в искусстве, — восхитилась его головой, сидевшей прямо на плечах, без малейшего намека на шею. Доктор Фингерманн оценил в 322 песо его запонки в форме подковы.

— Завидууй, Мариана, глотай слюнки, — в экстазе простонала сеньорита Монтенегро. — Тебе выпало стать свидетельницей того, как Бау-лито будет драться из-за меня. А из-за тебя не

станет ввязываться в драку даже какой-нибудь галиснец.

Понукаемый столь недвусмысленными намеками, Марио Бонфанти — большеголовый, спортивный, с буйной гривой волос — преградил холерику путь, встав при этом в защитную стойку чернокожего боксера Джека Джонсона.

— Вечный спор плебеев и патрициев, — с видом знатока произнес он. — На ваши лохмотья — мой благородный хитон; на ваши крики — мое молчание; на ваши оскорбления — моя отвага; на ваше свинство — мое...

Карандаш Фрогмана смог отразить в блокнотике кое-что из этой тирады Марио Бонфанти (несомненно, выданной сплошь на чисто аргентинском наречии), но в конце концов не поспел за речью, и заключительная часть фразы осталась незаписанной. Впрочем, сама речь доктора Бонфанти также осталась незавершенной: ее оборвал резкий удар трости Баулито.

— Вперед, дон Сокрушу-Всех, — прокричал Савастано. — Ну-ка, утрите ему нос.

Безразличный к льстивым речам, Баулито ответил:

— Еще один звук, и я разобью твою поганую рожу.

— Не будьте так мрачны, доктор, — воскликнул Савастано, поспешно отходя при этом. — Не говорите таких ужасных слов. Вот видите, я уже организованно отступаю.

Со следующей фразы он как ни в чем не бывало вернулся к прерванному диалогу с великолепной Лоло.

Доктор Ле Фаню встал из-за стола.

— Я отказываюсь осквернять вот эту плевательницу или даже Фрогмана, используя их в качестве метательного оружия,— завопил он. — Уходите сейчас же, Маттальди! Завтра мои секунданты посетят ваш вертеп.

Удар кулака Баулито сотряс один из столов, разбив несколько фужеров.

— Но они же не были застрахованы! — почти с восхищенным ужасом простонал доктор Куно Фингерманн. Величественный в своем негодовании, он шагнул к Баулито, схватил его под мышки, приподнял на некоторую — вполне достаточную — высоту и вышвырнул через террасную дверь, не переставая повторять: — Не были застрахованы! Они не были застрахованы!

Баулито рухнул на посыпанную гравием дорожку, не без труда поднялся на ноги и удалился, изрыгая угрозы.

— Летняя гроза, *décidément!*! — заключил Монтегро, уже возвращаясь с террасы, где — неисправимый романтик и мечтатель — он постоял немного, созерцая звезды и раскуривая сигару. — Для толкового наблюдателя этот потешный финал, завершившийся своего рода толканием ядра, означал лишь одно — незначительность и несерьезность всего происшествия. Какой-нибудь *frigid*² эмоций, быть может, заставил того забияку, что сидит у меня в груди, пожалеть о том, что ему не удалось разойтись во всю прыть, но любой мало-мальски опытный аналитик подтвердит, что для этой *besogne*³

¹ Положительно (*франц.*).

² Страстный любитель (*франц.*).

³ Занятия (*франц.*).

и без меня хватало второстепенных персонажей. В конце концов, господа, Баулито покинул сцену, и уход его фактически был бегством. Не обращая внимания на все эти *enfantillages*¹, которые я бы назвал чистым впадением в детство, поднимем же бокалы и обмакнем в вино наши седые усы — в честь Нового года, в честь встречающей его молодой пары, наконец — в честь всех присутствующих здесь дам!

Лоло, склоняя прекрасные волосы к плечу Савастано, мечтательно промурлыкала:

— Права, ой, права была баронесса де Сервус, когда говорила мне, что Бубе Жамбонно — такой надежный, такой настоящий мужчина. А ну-ка, симпатяга, верни мне адресок; лучше передам я его этому еврею.

III

— Следует признать во всеуслышание, — заметил Монтенегро, закуривая уже третью сигару за утро, — что сцена, свидетелями которой мы только что стали, — это более или менее опасное столкновение двух толедских клинков и двух отважных сердец, — едва ли не единственное, что может взбодрить нас в эти годы сплошного пацифизма à outrance² и финансовых баталий между дельцами с Уолл-Стрит. На протяжении своей изменчивой жизни, которую любой сторонний наблюдатель не колеблясь назвал бы — ну, скажем, так — разнообразной, мне доводилось участвовать и быть свидетелем таких

¹ Ребяческие выходки (*франц.*).

² Крайнего (*франц.*).

отчаянно неотвратимых дуэлей ancien régime¹, которые наша жалкая фантазия сейчас едва ли в состоянии передать даже в общих чертах. Признаем же, не стесняясь самих себя, что даже самому миролюбивому диалектику иногда следует прибегать к убийственно верному аргументу — стальному клинку!

— Захлопни клюв, мистер О'Бормот, а то ведь не замолчишь, пока фекко с моколом не остынет, — добродушно перебил его доктор Баррейро.

— Замечательно! — воскликнул в ответ Монтенегро. — Как видим, наша слизистая оболочка настаивает на том, что без этого чертова «Мокко» нам не обойтись.

Он сел во главе стола, за которым Фингерманн, Де Крейф, Баррейро, Баулито (с пластырем), Ле Фаню (во влажной одежде) и сам Токман уже делили рогалики, раздаваемые Марсело Н. Фрогманом (он же — Берасатеги), скромно взявшим на себя роль прислуги.

Чревоугодие доктора Ле Фаню было прервано ловким движением руки Потранко, предостерегшего его:

— Смотри не переправь в желудок все Террабусси, обжиронец.

— Обжиронец? — с загадочным видом повторил Жамбонно Фингерманн. — Обжиронец? — Не знаю, скорее уж, двоеженец: ха-ха-ха!

— Спешу признать, Ваше Ничтожество, что недостаточно иметь влажную одежду и крапивницу в начальной стадии, чтобы пасть до вашего уровня, — заметил доктор Ле Фаню. — Я предлагаю

¹ В старинном духе (франц.).

вам — не боясь при этом показаться нелогичным — перенести разговор в область дела чести, где вы ответите за ваше бессмысленное «ха-ха-ха» при помощи оружия или же обратитесь в постыдное бегство.

— Да вы, похоже, действительно изрядно далеки от мира биржевого материализма, — зевнув, ответил вызываемый на поединок. — Ваше предложение замораживается на неопределенное время.

Как наверняка уже догадался читатель — пытливый и внимательный, как юнга, в первый раз несущий вахту, — эта сцена разворачивалась на борту яхты «Pourquoi pas?»¹, принадлежащей Гervasio Монтенегро. Нос яхты был направлен в сторону Буэнос-Айреса, за кормой же остался живописный уругвайский берег, parsemé² яркими красками и толпами отдыхающих.

— Предлагаю не переходить более на личности, — сказал Монтенегро. — Подчеркну, что в весьма, надо признать, нелегкой роли Распорядителя Дуэли я соединил достоинства искуснейшего фехтовальщика и лихого рубаки, потомственного аристократа и завсегдатая салонов. Кстати, позволю себе распространить свои права Распорядителя на обладание вон той плюшкой...

— Каков стол, таков и стул, — буркнул Баулито. — Если от первой же царапины ты побледнел, как мате с молоком...

— Согласен, — подтвердил доктор Ле Фаню. — Вот только насчет цвета вашей физиономии, неуловимый наш Перес, — его я определить не смог

¹ «Почему бы и нет?» (франц.).

² Здесь: испещренный (франц.).

по причине вашего слишком стремительного перемещения в направлении бразильской границы.

— Ложь и клевета, — возразил Баулито. — Если бы не раздался гонг, я изрубил бы тебя в капусту.

— В капусту? — заинтересовался разговором Токман. — Лично я предпочитаю макаронные изделия.

Но Баррейро тут же тактично прервал его:

— Слушайте, вы, простейшие! Может быть, хватит? Неужели вам еще не надоело?

— Что? Хотел бы я посмотреть на тебя: надоест ли тебе обсуждать, когда прямо в одежде тебе устроят сидячую ванну из ла-платской воды! — разъяснил ему Баулито. — Примиришься с очевидным: стоит посмотреть на то, с какой звериной рожей глядит на меня этот тип, чтобы не удивляться, почему я лаю ему в ответ.

— Кстати, о собаках. Это напомнило мне еще одну историю, — размышляя, изрек Потранко. — В прошлый раз, ожидая цирюльника, я, просто чтобы скоротать время, стал листать журналы и от полного безделья перевел глаза на раздел комиксов в «Приложении». Опубликованная там история называлась «Вещая собака» — не слишком-то изящно. Все крутится вокруг одного парня в белом костюме, которого — беднягу — в виде трупа обнаруживают где-то в беседке. И ты ломаешь голову над тем, как преступнику удалось скрыться с огороженного и охраняемого места преступления, единственная дорога к которому была под прищмотром какого-то рыжего англичанина. В конце тебя убеждают в том, что ты полный болван: какой-то священник распутывает это дело, а тебе словно бы затыкают кляпом рот.

Ле Фаню запротестовал:

— К гипотетической тайне этой истории наш Кентавр присобачивает тайну собственного изготовления: во-первых, это сюжет в состоянии зародыша, а во-вторых, таинственности подбавляет синтаксис, достойный не двуногого, а четвероногого рассказчика.

— Четвероногого? — опять заинтересовался разговором Токман.— А я всегда говорил, что паровозик в зоопарке воплощает собой полное поражение гужевой тяги в ходе эволюционной борьбы.

— Но с другой стороны, сохранили бы в зоопарке упряжки для этих вагончиков — можно было бы экономить на топливе, — заметил Фингерманн.— А так — за одну поездку приходится платить по десять сентаво!

— Плюнь ты на эти десять сентаво, Хакой-бос! — воскликнул доктор Баррейро.— Тебя и так за еврея держат. Все равно машинка для печатания песо никуда от тебя не убежит.

Он блаженно посмотрел на Ле Фаню, который, в свою очередь, требовательно сказал:

— Не в первый уже раз, мой брыкающийся юрист, я замечаю, что в вашей речи постоянно присутствуют аргы и солецизмы. Сдержите же свой непарнокопытный энтузиазм: если вам так уж нейметя быть верной тенью толстяка Бубе, я позволю себе отказаться от такой же роли по отношению к вам.

— Вот ведь невезение, ребята,— заявил Баррейро.— На меня пала тень с моноклем.

Монтенегро, задумчивый, вновь присоединился к обмену мнениями:

— Порой даже самый умелый causeur¹ теряет нить разговора. Некоторая рассеянность, причиной которой послужили, безусловно, простительные размышления о высоком и определенная безучастность к происходящему, привела к тому, что я как-то пропустил отдельные replis² этого диалога, так оживляющего наши посиделки.

Впрочем, не все присутствующие занимались оживлением совместных посиделок. Даже читатель уже наверняка заметил, что Бимбо Де Крейф, внимательно разглядывавший все это время птичку из мармелада, весьма похожую на настоящую, не проронил пока что ни слова.

— Эй, Де Крейф! — заржал Баррейро. — Если набил рот, то почему не глотаешь? Что за игры в немое кино? Мы ведь живем в эпоху звукового!

Монтенегро решительно поддержал его:

— Прозвучавшие слова подтолкнули и меня к тому, чтобы затронуть эту тему, — сказал он, принимаясь за четвертую brioche³. — Демонстративное молчание обычно является маской, которую человек со вкусом надевает в одиночестве, но которую поспешно срывают и отбрасывают в сторону, оказавшись в тесном кругу верных и любящих друзей. Давай же, Бимбо, выдай нам badinage⁴, ro-tin⁵, давай, дорогой, пусть даже mot crieu!

— Молчит, как усталый бык, которому уже не под силу носить слишком большие рога, — произнес куда-то в пространство доктор Фингерманн.

¹ Здесь: человек, владеющий искусством беседы (франц.).

² Здесь: моменты (франц.).

³ Булочку (франц.).

⁴ Шутки (франц.).

⁵ Сплетни, пикантные подробности (франц.).

— Я предлагаю подкорректировать метафору, — откликнулся Ле Фаню. — Заменим быка на вола. В таком случае ваша эпитаграмма выиграет в точности наблюдения, ничуть не утратив в безвкусице и непристойности.

Бледный, невозмутимый, безучастный ко всему, Де Крейф произнес:

— Еще одно слово в адрес моей супруги, и я перережу вас всех, как свиней.

— Свиней? — все с тем же интересом вступил в дискуссию Токман. — А я всегда говорил: чтобы уметь правильно оценить нерогатый скот, мало сжирать горы сэндвичей с салатом в «Кондитерии дель Гас».

IV

Рассказав о предшествующих событиях — без сардонического взгляда на великие деяния наших дней, — Монтенегро отказался выкурить последнюю из сигарет Фрогмана и, изобразив красноречивейшую потерю голоса, уступил слово последнему.

— Влезьте в мою шкуру, господин Пароди, войдите в мое положение, — запричитал Марсело Н. Фрогман, он же Большой Отстойник. — Клянусь горячими источниками Качеуты, в ту serata¹ мы с ребятами были так довольны, как если бы от меня вдруг запахло сыром. Бисиклета, а он у нас выдумщик серьезный, передал информацию, вскоре подтвержденную Молочным Зубом, которому свой-

¹ Вечер (итал.).

ственно повторять все выдумки Бисиклеты, что в тот вечер, когда было совершено преступление, доктор Ле Фаню собирался съездить из Сан-Исидро в Ретиро под предлогом просмотра в кинотеатре «Select Buen Orden» одного патриотического киножурнала, снятого во время парада гаучо на улицах курорта. Можете себе представить — немного поразмыслив над этим делом, — каков был наш энтузиазм: кое-кто опасался, что стукачи сообщат куда надо о том, что все мы будем на этом торжественном собрании и даже, вполне возможно, переберемся всей большой компанией в кинотеатр «Buen Orden», что неподалеку, чтобы воочию увидеть доктора Ле Фаню, который смотрит документальный фильм о гаучо, замаскировавшись под обычного зрителя, пришедшего на «Гимнастику для взрослых, принадлежащих к среднему классу». Говорили, что фильм привезен контрабандой под видом пленки на замену. Кое-кто из наших пытался, помогая себе свистом, сорвать мое участие в этом походе; полагаю, что причиной была исходящая от меня вонь. А потом все было как всегда: нарисовалась необходимость платить за билеты, и это охладило пыл большинства, хотя некоторые поспешили прикрыться уважительными причинами. Так, например, Молочный Зуб сослался на то, что не имеет официального подтверждения участия Трубача в этом деле; Пинок-под-зад, вечный нарушитель дисциплины, был прельщен красотами очередного миража (представшего в виде приглашения на кусочке картона), — якобы на углу улиц Лопе де Вега и Ганоа раздают благотворительную похлебку, что, несомненно, требует его личного присутствия; Старая Черепеха, он же — Леонардо Л. Лойакомо,

объявил, что какой-то анонимный доброжелатель сообщил ему по телефону, будто отец Гальегани, разъезжая на трамвае без прицепа, нанятом Церковной курией, будет лично подписывать открытки с портретом Негра Фалучо. В общем, чтобы успеть в Сан-Исидро к назначенному времени, мне пришлось крутить педали, как какому-нибудь Панчо-Обезьяне. Можете себе представить вихрь ощущений, испытываемых индейцем: он подрезает на велосипеде автобусы, соревнуется с детишками на роликах, легко обходящими его на повороте, истекает потом в своей одежонке. Я был уже полумертв от усталости, но упрямо давил на педали, потому что меня поддерживала национальная гордость — мне предстояло увидеть во плоти величие своей родины. В общем, устав как собака, я приехал в Висенте Лопес. Там я решил гульнуть и завалился — этак по-культурному, как белый человек, — в один местный ресторанчик, «Эль Рекете». Но вместо тарелки кукурузной каши с ломтиком хлеба, которую я повелительно затребовал, эти жулики принесли мне огромное блюдо с турецким горохом, и если я не выразил своего неудовольствия громким визгом, подобно свинье, то лишь из нежелания вызвать ответную реакцию официанта, потому что порой она бывает чрезмерно преувеличенной. Потом мне чуть не силой всучили бутылку «Оспиталет», так что я продолжил свой путь совершенно без денег, и даже рубашка моя осталась у хозяина.

— Трагична и зловонна судьба этого restaurateur¹, — заметил Монтенегро. — Под видом несом-

¹ Содержателя ресторана (франц.).

ненно замечательной футболки с длинными рукавами он получил тунику современного Несса, которая обеспечит ему — на веки вечные — то почетное одиночество, что является неоспоримой привилегией скунса, обитающего на наших равнинах.

— Да, это-то меня отчасти и утешило,— признался Фрогман.— Ведь ясное дело, если индейца вывести из себя, он просто закипает, и я уже было замыслил несколько способов отомстить, да таких, что, расскажи я об этом подробнее, так вы бы животы понадрывали со смеху. Уверяю вас, что, если бы не великое аргентинское изобретение — определение личности по отпечаткам пальцев,— я бесстрашно отправил бы этому баску анонимку, полную ругани; но, само собой, я твердо намерен не совать больше носа в тот ресторан, раз эти деспоты так бесцеремонно со мной обошлись. Та же решимость, с которой я покинул Висенте Лопес, привела меня, словно робота, в Сан-Исидро. Я не мог позволить себе даже отойти за деревце по малой нужде, чтобы, не дай Бог, какой-нибудь мальчишка не упер бы мой велосипед и не укатил бы прочь, оставив без внимания все мои жалобные вопли. Ну вот, так я и вломился — с грохотом и треском — на задворки усадьбы сеньоры Де Крейф, туда, где посреди сада стоит ее беседка.

— И что же вы забыли в такой час в окрестностях Сан-Исидро, дон Панчо-Обезьяна? — осведомился следователь.

— Не сыпьте мне соль на рану, господин Пароди. Я лишь хотел исполнить свой долг и передать господину Куно лично в руки одну книжечку — подарочное издание, которое направил ему наш президент. Название же ее, красовавшееся на

обложке, было выведено на каком-то тарабарском языке.

— Минуточку! — взмолился Монтенегро. — Прошу прерваться! Итак, наш трехязычный открывает огонь. Обсуждаемая книжка, кстати, является «Недоверчивостью отца Брауна» и написана на самом непробиваемо-дремучем англосаксонском наречии.

— Чтобы развлечься, я был вынужден изображать из себя паровоз, издавая соответствующие звуки, — продолжил свой рассказ Фрогман. — Когда я, залитый потом с макушки до пят, прибыл на место, ноги у меня от усталости, казалось, расплавились, как сыр на солнцепеке. А я все пыхтел — чух-чух-чух — и вдруг чуть не грохнулся на землю, увидев торопившегося куда-то человека, который взбирался по склону с такой скоростью, словно играл в пятнашки. В любом состоянии, даже впадая в транс, когда человек забывает, как зовут родную маму, я никогда не забываю продумать путь к отступлению: стремительный, неудержимый рывок, маневр и — уходить огородами. На этот раз меня удержало от немедленного бегства лишь опасение заслужить вполне заслуженную головомойку от доктора Ле Фаню за невыполнение его поручения (я имею в виду ту злосчастную книжку). Собрав в кулак все имевшееся у меня мужество, я заставил себя поздороваться с незнакомцем, которого вдруг тотчас же узнал. Человек, поднимавшийся по склону холма, был не кто иной, как господин Де Крейф. Понял я это, когда лунный свет упал упал ему на бороду, которая у него, как вы знаете, рыжая.

А теперь, сеньор Пароди, признайте, что индеец — парень неглухой! Господин Де Крейф со мной

и не поздоровался, но я уже понял, что он узнал меня. Другое дело, что многие, если с ними не здороваться, начинают кипятиться, чуть не в драку лезут, а я — я что: когда страшно, тут уж не до выяснения, кто с кем поздоровался, а кто нет.

Ну, я и двинулся дальше, разумеется, решив приберечь свое «чух-чух-чух» для другого случая, а то — упаси Господь — этот бородатый решил бы, что я над ним издеваюсь, да и рассердился бы на меня. Потом я сообразил, что лучше было бы спрятаться и переждать, пока он не уйдет. Торчать посреди дороги — даже если вести себя тише, чемдохлый кролик, — дело неблагоприятное. Вот я и махнул к обочине, влетел в придорожную канаву и, перемазанный как кочегар, решил для большей надежности спрятаться за какую-то кочку, оказавшуюся рядом.

Можете же себе представить, какое потрясение пережил в следующую минуту ваш покорный слуга! Та самая кочка оказалась не чем иным, как брюшком доктора Ле Фаню, на которого я наступил безо всякого на то дозволения. Впрочем, доктор не послал меня, куда следовало бы, — по одной простой причине: он был мертв, мертвее куска коровы в виде бифштекса с жареной картошкой. Его тело лежало поперек тропинки, во лбу зияла здоровенная дыра с большой палец шириной, и кровь, вытекшая из этой дыры, заливала ему все лицо. Я просто сжался в комочек, увидев нашего Трубача, вечно-го альфонса Трубача, в белом кителе, таких же шароварах и туфлях от Фантасио; потом я с трудом удержался, чтобы не завопить: «Чернозем и навоз распрекрасны для роз», как в юморном танго, потому что его башмаки напомнили мне фотогра-

фию господина Льямбиса, развалившегося в грязевой ванне на курорте Уинко.

Я перепугался сильнее, чем читая комикс с ужа-сами, но оцепенение мое длилось недолго. Меня вдруг осенило, что доктор Де Крейф тоже заподозрил, будто преступник шляется где-то поблизости, почему и не замедлил убраться отсюда со скоростью пули. Я решил повнимательнее осмотреться, но полную панораму окрестностей понаблюдать не успел: мой взгляд невольно застрял, уткнувшись в беседку, где я обнаружил госпожу Де Крейф с распущенными волосами. В тот самый миг она, кстати, тоже вознамерилась обратиться в бегство.

— Во всем этом ясно прослеживается знакомый мазок кисти мастера, — заметил Монтенегро. — Обращаю ваше внимание на симметрию сего полотна: два персонажа на переднем плане, еще два — на заднем. В центре композиции — Лоло Викунья, особо выделенная фокусом лунного света, удаляется прочь, blasée¹ от пустого детективного qui pro quo². Достойный пример ее супругу, который, сливаясь с окружающими сумерками, бежит по некрутому склону, движимый неизвестно какими благоразумными soucis³. Разумеется, уважаемый Пароди, мы не ожидаем, что фундамент творения будет соответствовать куполу. Вторую часть картины занимают две рудиментарные фигуры: труп, от которого уже не приходится ждать даже судорог, и инфантильный старикашка; этих двоих вынесли к нам — увы и ах! — сточные коллекто-

¹ Утомленная (франц.).

² Путаницы (лат.).

³ Заботами (франц.).

ры Варшавы. Завершает же картину велосипед ацтека или, скорее уж, метека. Ха-ха-ха-ха!

— Сущая правда, хозяин, — воскликнул Марсело Н. Фрогман, он же — Прямо-и-Направо, хлопая в ладоши. — И скажу я вам, скис я в тот момент презрительно. Кто бы признал во мне в тот вечер вечного весельчака, беспечного велосипедиста, несущегося сквозь ночную тьму и одаряющего окрестные деревни безобидным «чух-чух-чух»?

Я стал отчаянно звать на помощь — понимаю, *sotto voce*: не дай Бог, меня услышал бы кто-нибудь из безмятежно спящих по соседству или — еще чего не хватало — преступник. И тут мне пришлось испытать еще один шок, — только сейчас, сидя здесь, в этой комнатухе, когда я вспоминаю об этом, мне хочется смеяться. Так вот, спокойный как никогда, в прорезиненном плаще, в своей неизменной широкополой шляпе, в тонких кожаных перчатках и с длинной тростью, передо мной появился доктор Куно Фингерманн, насвистывающий в ритме танго «Меня в жизни не кусала ни одна свинья» — без малейшего почтения к покойному, которого, по причине свойственной ему рассеянности, он и не заметил. Вот вам крест, и разрази меня гром, если мне могло прийти в голову, что этот надутый франт оказался втянутым в такой кровавый спектакль, где на каждом шагу можно было наткнуться на сидящего в засаде бандита, готового наброситься на кого угодно... Конечно, в тот момент я не мог окинуть взглядом всю обстановку места преступления. Я не отрывал глаз от трости, на которую некогда опирался несчастный наш Трубочка; ведь еще до того, как он вышвырнул с галереи этого Баулито, я боялся и уважал его больше, чем

сторожа карусели, который как цепной пес следил за тем, чтобы я не пролез за ограждение и не покатался на ней бесплатно. Не отбрасывайте детали, господин Пароди, ваша проницательность не может не отметить вот какую несуразность: вместо обыкновенных, даже банальных, если хотите, слов, которые принято говорить в присутствии свеженького покойничка, этот обжиронец схватил меня за галстук — кстати, цветов клуба К. Д. Т., — и сказал, посмотрев мне в лицо, как в зеркало: «Ты, Индеец, которого скорее стоило бы назвать Прохиндеец, сейчас же, глядя мне прямо в глаза, скажешь, сколько тебе заплатили за то, чтобы следить за мной? Ага, застал я тебя врасплох *in flagranti*¹?» Я же, надеясь доказать, что он не прав в своем предположении, завел свою обычную шарманку, наплел с три короба всякой ерунды, ну, да я уж если чего надумал, так добьюсь своего. В общем, отпустил он мой галстук и задумчиво поглядел на покойника, который, как говорится, стал уже частью Истории. Видели бы вы, какое удивление изобразил он на своей физиономии, как удивление сменилось маской траурной торжественности! А услышь вы, что он говорил, вы бы рассмеялись, как если бы я тут прямо перед вами отвесил себе оплеуху. «Бедный брат мой, — произнес он голосом, замешанным на цементе. — Какая трагедия: умереть в тот день, когда индекс ценных бумаг подскочил на полпункта!» Пока он корчился в бесслезных рыданиях, я воспользовался возможностью и показал ему пару раз язык — разумеется, за спиной и под покровом темноты, чтобы этот искренний плакальщик не за-

¹ На месте преступления (*лат.*).

метил и не решил под горячую руку поучить меня уважению к живым и мертвым. В том, что касается моей личной безопасности, я себя берегу, как свежеекрашенную скамейку, зато в отношении чужих неприятностей я скорее солдат: стою себе на посту, улыбаюсь, — словно ничего и не случилось. Но на этот раз мой стоицизм не пошел мне на пользу: только я решил тихо-спокойно сесть на велосипед и направиться домой под мерное «чух-чух-чух», как тут же оказался схвачен за ухо доктором Куно Фингерманном, который не отпускал меня довольно долго, хотя и не мог из-за этого отмахиваться от досаждавших ему комаров. «Я все понял, — сказал он мне, — вы, любезный, устали от того, что покойный обращался с вами как с подметкой от башмака (хотя вы этого и заслуживаете); вы взяли револьвер, который валяется сейчас где-нибудь в кустах, и разрядили его — бах-бах-бах — прямо в лоб жертве». Не дав мне ни секунды передышки (хотя бы для того, чтобы пописать, пусть прямо в штаны), он опустил наш тандем, нашего «Платеро и я», на четыре лапы и заставил искать — на ощупь — орудия убийства. Ни дать ни взять — комиссар Сантьяго. Я воспринял все это абсолютно всерьез и, чтобы поддержать самого себя, попытался думать о какой-нибудь бабенке. Тем не менее я не сводил глаз со своего мучителя и не терял надежды на то, что револьвер, который он найдет, окажется шоколадным, и тогда он оставит мне кусочек, а потом отдаст и всю фольгу. Да какой там, к черту, шоколад, какой револьвер! Что мог найти этот толстяк в темноте на задворках усадьбы? То, что он нашел, скорее можно было назвать тростью: длиной девяносто три сантиметра, полая, со шпагой

внутри. Нужно было быть полным дураком, чтобы сказать, что эта вещь не похожа на ту, которую имел обыкновение носить с собой уже покойный доктор Ле Фаню. В конце концов выяснилось, что это она и есть. Когда еврей увидел трость, я перепугался не на шутку, и не без основания, потому что он заявил, что нынешний покойничек принес ее с собой, чтобы быть готовым отразить мое нападение, но что я опередил его и — бах-бах-бах-бах — подписал ему пропуск в вечность, прямо в лоб. Мол, хитро индеец придумал! Мой ответ, похоже, сбил его с толку. На его обвинения я вполне резонно возразил: похож ли я на человека, который будет нападать на жертву спереди? Но вот ведь невезение! Моего мучителя не смягчили ни мои слезы, ни даже водная пантомима в виде девяностамиллиметров осадков, вылившихся на нас из тучи как раз в эти минуты. И так, ни за что ни про что, я нарвался на серьезные неприятности.

С трудом, как старик, я взгромоздился на велосипед и был вынужден, едва шевеля педалями, тащиться бок о бок с доктором Фингерманном, который так и не отпустил мое ухо, заставляя меня прижиматься лицом к рулю. Эта прогулка настолько утомила меня, что я был даже рад, когда впереди замаячил фонарь над дверью полицейского участка, где дежурная смена навешала мне хороших тумачков. На следующее утро мне сунули холодного мате и, прежде чем обработать все заведение дезодорантом, взяли с меня обещание никогда больше не появляться в их районе. Я получил разрешение вернуться в Ретиро, но — пешком, так как мой велосипед они конфисковали, чтобы сфотографировать и поместить на обложку очередного номера

«Полицейского на досуге», раздобыть который (просто ради того, чтобы удовлетворить свой вполне естественный и законный интерес) мне не удалось, потому что его дают не бесплатно, а за пять сентаво.

Да, чуть не забыл сказать вам: в участке отыскался полицейский с сильно заложённым носом, и его попросили обшарить мои карманы. Они составили список содержимого, который — даже замысли я что-нибудь *grosso modo* — вряд ли навёл бы их хоть на какую-нибудь мысль относительно моих хитроумных планов. Они вытряхнули из меня столько всякого барахла, что я и сам удивился, до чего я похож на кенгуру или уж, скорее, на стопроцентно аргентинскую ласку, которая вечно крутится возле торговцев земляными орешками. Для начала я их слегка озадачил перышком, чтобы обмахиваться в душных кафе; затем — стирательной резинкой и исправлениями в почтовой открытке, которую я собирался послать Молочному Зубу; потом настала очередь моего *brevet*¹ индейца, выданного А. А. А., от которого мне столько раз приходилось отрекаться, когда возникало подозрение, что меня допрашивает не патриот; потом пришла очередь сухого беже, которое я ношу с собой — не таскать же в кармане пирожное с кремом; затем последовала горстка совершенно истертых медяков; потом — рак-отшельник, мой барометр, — он всегда вылезает из своей хибары, когда у меня начинают болеть суставы; а напоследок они вытащили книжку, подарочное издание, ту самую, которую господин Тонио просил передать господину Чанчо Росильо Фингерманну, подписанную доктором Ле

¹ Удостоверения (*франц.*).

Фаню. Вот смеху-то: я смотрю, вы удивляетесь, как у меня рожка не лопнет от такого хохота; так это я губы маслом смазываю, чтобы не потрескались. А смеюсь я над теми тормознутыми ребятами, которые шутки ради, чтобы разогреться, слегка попинали меня — так, что чуть не отодрали все мясо от костей, — а потом все-таки были вынуждены сдаться и признать очевидность того факта, что у меня обнаружили книгу, написанную на языке, в котором сам Господь Бог ни черта не разберет.

V

Через несколько дней доктор Ладислао Баррейро, он же — Потранко Баррейро, он же — Статуя Гарибальди Баррейро, вошел в камеру № 273, напевая милонгу «Папа все знает». Он отшвырнул окурок, сплюнул, завладел единственным табуретом в помещении, положил обе ноги на тюремную койку и, почистив ноготь перочинным ножом, которого нам так не хватало в тот вечер, подал голос, чередуя слова с зеванием и сопением:

— Сегодня ваш день, дон Пароди. Представляю вам доктора Баррейро: можете рассматривать меня как своего отца в том, что касается дела R. I. P.¹ Ле Фаню. Вы позволили себе роскошь вызвать меня из кафе «Галиботто», где посетителям втюхивают чуть подогретый *феко*, который напоминает по виду черный только до тех пор, пока не осядет гуща. Уловили, к чему я клоню? Ищейки не дают мне покоя, из меня весь воздух вышел. Но я повторяю сам себе: смейся, Риголетто, и не почивай на лав-

¹ Requiescat in pace — мир его праху (лат.).

рах; надевай пальто и шляпу, бери ноги в руки и скачи с визитами, как последний коммивояжер из Бокканегры. Вот так и собрались кое-какие сведения о том, что вы тут дурью маетесь, сильнее, чем целый интернат умственно отсталых детей, и не знаете, к чему приложить свои знания и умения. Я уже изрядно попотел, проделав немалую работу. Чего вам еще надо: как последний дурак, я переправляю вам информацию, вы подаете ее на тарелочке — и блюдо готово. Прежде всего — еврей, наша вечная головная боль: я не теряю из виду нашего дегустатора Жамбонно, чемпиона по обжорству. Он-то не устрашится даже Вонючки, от которого разит потом с ног до головы, — если только тот принесет ему тарелку тапиоки, пусть ничем и не приправленной. Эмма, верная дочь синагоги, которую я знаю лишь по фотографии, также весьма склонна к неумеренному потреблению пищи. Она дала жар своего тела Ле Фаню, который *illo tempore*¹ был сутенером на Унтер-ден-Линден, а вот теперь совсем одомашнился. Она же, под предлогом рождения тройни (а детишки к тому времени уже имелись — к радости бабушки и дедушки), легко окрутила его, на корню пресекая все помыслы о переезде, что бродили в голове нашего бедняги.

Несчастный дал ей свою фамилию, снял ей квартиру в самом центре, в отличном квартале, нанял в домработники семью глухонемых, которые не только занимались влажной уборкой, но и служили надежной преградой для желавших попасть в дом посторонних мужчин; затем обеспечил ее с избытком развлечениями на целую неделю, а сам

¹ Здесь: прежде (*лат.*).

с головой окунулся в дела Кьеркегорианской Академии Иллюзионистов в Голландии. Эти дела он был вынужден бросить ввиду отъезда сюда, в нашу страну, на некоем торговом судне, где едва не загнолся, так как проделал путь в каком-то дерматиновом чемодане, в котором, если бы не крайняя необходимость, ни за что не поместился бы. В «Альвеаре» его чуть-чуть привели в божеский вид, и более того — массажисты-ортопеды так поработали над ним, что сделали из него готового исполнителя номера «человек-змея». Если отбросить все лишнее: что будет делать нормальный человек, сестру которого — хотя бы эта сестра и была подлейшей из евреек — обрюхатил и бросил на произвол судьбы какой-то ловкий мерзавец, оставив ее с круглым, как тыква, животом и неоплаченными счетами в квартале, где достаточно пройтись одетым по моде, чтобы тебя приняли за придурка? Срочно выправив себе паспорт с дико звучащей фамилией, он садится на пароход в Гамбурге и высаживается — злой как черт — на берег, где ложится на дно в гостинице «Рагуза», выжидая до тех пор, пока какой-то доброжелатель не подкидывает ему идею слегка пошантажировать родственничка. Через год ему выпадает счастливый билет: тот самый родственник, иными словами — Ле Фаню, решает жениться на Пампочке, таким образом перейдя в разряд двоеженцев, и перед ним открываются бескрайние горизонты. Невиданная удача вскружила ему голову — и вот, находясь в полном угаре, он собственными руками режет курицу, несущую золотые яйца.

— Заткните фонтан, юноша, — перебил его криминолог. — Не теряйте нить повествования. Я по-

просил бы вас уточнить: вы все это мелете просто так, для собственного удовольствия, или ваш рассказ имеет какое-то отношение к расследуемому делу?

— Да как же не имеет, дон Ушуая, если мы обнаруживаем Окорочка-Жамбонно и покойного, соединившихся в тесном clinch¹? Прошу вас, поверьте мне на слово: индеец Фрогман, наш Свиноподобный Свидетель, обнаруживший отправленного к праотцам Ле Фаню, дал показания, бьющие точно в цель: если не брать в расчет случайных самозванцев, первым, на кого он наткнулся, только-только увидев труп, был — приготовьте отдельный вагон для сюрприза, который я сейчас вывалю на вас, — не кто иной, как наш импортный продукт, Delikatess² Жамбонно. И вы же понимаете, что можно дать голову на отсечение, будучи абсолютно уверенным в том, что еврей оказался там не случайно. Пусть вы и старый лис, но меня не обманешь, я-то вижу: вы уже готовы выплеснуть на меня свою уверенность в том, что наш иудей — это и есть тот человек, который заставил Ле Фаню протянуть ноги. Может быть, вы и не считаете меня за нормального, но по крайней мере в одном мы с вами сходимся: убийца — это Куно Фингерманн, ха-ха-ха!

Не удержавшись, доктор Баррейро несколько раз весело ткнул пальцем в брюшко Пароди.

— Приветствую, приветствую, господин в шляпе!

Данная реплика Баррейро относилась уже не к детективу, а к другому человеку — солидному гос-

¹ Здесь: объятии (англ.)

² Деликатес (нем.).

подину, пожалуй излишне полноватому. Тот вошел, держась очень просто: высокая шляпа, воротничок от Дого, моющийся галстук, перчатки от Моле, сигарета «Какасено» во рту, костюм от Релампаго, краги ручной работы, матерчатые туфли от Пею. Этот финансист оказался не кем иным, как Куно Фингерманном, известным как Акула Фингерманн, а также как Редкий Неряха.

— *Zait gezunt un shtark*¹, соотечественники, — произнес он бетонным голосом. — С точки зрения финансовых операций следствием этого визита будет изрядный дефицит, который я предлагаю на реализацию лучшему аукционисту. Вы, держащие руку на пульсе финансовой деятельности, вполне можете подсчитать в конкретном денежном выражении, во что обходится малейшее отвлечение моего пристального внимания от панорамы биржевой жизни. Я всегда действую как танк, который прет напролом: я готов понести значительные потери, но при одном условии — окупиться это должно с немалой выгодой. Я не прожектер, господин Пароди. Я делаю вам вполне конкретное и уже хорошо обдуманное предложение, которое могу прямо сейчас, не таясь, обнародовать, потому что заблаговременно оформил его с соблюдением всех правил и формальностей, что не позволит доктору Баррейро злоупотребить моим доверием, а именно — украсть у меня идею.

— Да что у тебя воровать, что воровать-то? — взорвался юрисконсульт. — У тебя в голове и нет ничего, кроме перхоти.

— Плохо вы обо мне думаете, доктор, предлагая мне вести спор, с которого мне не будет ника-

¹ Будьте сильными и здоровыми (*идиш.*).

кого дохода. Давайте перейдем к сути дела. Господин Пароди, я предлагаю вам объединить ресурсы, которыми располагает каждый из нас. Вы вкладываете в дело серое вещество, я же обеспечиваю тылы наличными. Мы открываем головной офис, оснащенный по последнему слову розыскной техники, и начинаем работу как предприятие по проведению частных конфиденциальных расследований. Что же касается болезненного вопроса накладных расходов, то по крайней мере гордиев узел арендной платы я предлагаю разрубить следующим образом: вы сидите здесь — тут уж ничего не поделаешь — на гособеспечении. Я же осуществляю подвижную деятельность...

— Пешком, я полагаю, — перебил его Баррейро, — если только вдобавок не займешься торговлей сыром.

— Или в вашем автомобиле, доктор Баррейро, учитывая, что вы перешли к затворнической жизни в полиции. Что же касается этой одежды, что так полнит вас, смотрите, как бы не пришлось вам с полным правом вновь вливаться в ряды нудистов.

Баррейро великодушно рассудил:

— Ты зря-то не кипятись, дон Варшавский. Учти: с тех пор, как к тебе приклеили ярлык хронического неудачника, тебе следует вести себя поскромнее.

— Моим первым вкладом в наше общее дело, — невозмутимо продолжал Фингерманн, обращаясь к дону Исидро, — будет разоблачение злоумышленника. Вам я доверяю сейчас информацию, которую в ближайшие дни вы сможете проверять, пока вам не надоест, в разделах криминальной хроники всех без исключения газет. В ночь, когда было

совершено преступление, на кого я, по-вашему, наткнулся в двух шагах от трупа? На эту жертву погрома — Фрогмана, которому пришлось-таки пройти со мной в участок в качестве подозреваемого. Мое алиби безупречно: я пробирался — тайком — к беседке, чтобы получить свою долю благосклонности от фрау Бимбо Де Крейф. Вы, посредством своих мозговых извилин, наверное, уже сообразили, что Фрогман — это совсем другой случай. И не мне вас лишний раз убеждать в том, что именно Фрогман, и никто другой, совершил это убийство. Нашему Писающему мальчику надоело, что покойный обращался с ним как с подметкой от башмака (чего он был вполне достоин); он достал револьвер, который полицейские так и не нашли, и разрядил его прямо в лоб бедняге: бум-бум-бум!

— Слушай, ты, еврейская твоя душа, дай я тебя поздравлю. Ты абсолютно прав в своих выводах! — горячо согласился с Фингерманном Баррейро. — Иди-ка сюда, я пожму тебе руку и похлопаю по плечу, чтобы немного растряссти твой жирок.

В тот же миг в камере появился еще один персонаж: Марсело Н. Фрогман, он же — Тибетский Чеснок.

— Черт меня побери, господин Пароди, черт меня побери, — просюсюкал он. — Не казните меня за то, что я пришел к вам в жаркий денек, когда от меня несет больше всего. И если я не подаю руки вам, доктор Баррейро, и вам, доктор Куно, то лишь потому, что не хочу быть навязчивым. Поэтому я только издали надеюсь на вашу благосклонность. Минуточку, сейчас я только вот сяду на корточки; еще минутку — дайте мне прийти в себя: во-первых, я изрядно натерпелся страху, когда входил сюда,

в столь привычное вам место пребывания, а во вторых, чего стоит мне столкнуться нос к носу с этими двумя господами, которые запросто могут как дельный совет дать, так и хорошую оплеуху отвалить. Я всегда говорю: лучше уж наказать меня сразу, чем неизвестно сколько времени мучить ожиданием первой розги.

— Если хочешь, чтобы тебя хорошенько отделили, то так и скажи — меня долго упрашивать не придется, — сообщил Баррейро. — За что-то же зовут меня Братом Песталоцци.

— Я, кажется, не давал повода к такой враждебности, доктор, — возразил индеец. — Если вам так уж по нраву расквасить чей-либо нос, то почему бы, просто для разнообразия, не вдавить рубильник в рожу доктора Бонфанти?

— Ну что ж, если я уже окончательно вошел в роль баснописца, беседующего со зверюшками, — подал голос дон Пароди, — то позвольте вас спросить, любезный дон Святое Место: не затем ли вы пришли ко мне, чтобы высказать свои соображения по поводу личности того, кто отправил в последний путь нашего усопшего?

— Как я рад, что вы догадались, — восхитился Фрогман. — Именно для этого летел я сюда, словно пятки мне салом смазали. Так вот, нынче, жуя колбасу, уснул я прямо в хлеву, где — храпи не храпи — тебя никто не побеспокоит; так вот, я уснул, и приснился мне сон, причем — вот смеху-то — такой сон, словно большими печатными буквами (чтобы любой очкарик прочитать мог) мне вдруг обрисовалась вся эта чехарда вокруг убийства. Ну, и стало мне все абсолютно ясно, и вот я проснулся: лежу — весь дрожу, как кусок желе. Ясное дело,

что какой-нибудь страж закона, ну, вроде этого надзирателя, не станет ломать себе голову над снами, видениями и прочими вурдалаками. Уже давно, ничем себя не выдавая, я присматриваюсь ко всем иностранцам. И я умоляю вас, господин Пароди, серьезно отнестись к той новости, что ударит вас как обухом по голове, но которую я считаю своим долгом сообщить вам: я уверен, что нас предал кто-то из своих. Все сложности, как всегда, начались с денег. Как вам известно, наш коллега по прозвищу Бисиклета ежегодно устраивает девятого мая вечеринку, поскольку это день его рождения. Ну, и мы его обычно поздравляем, дарим ему кулек со сладостями. Кому идти к казначею (принимает в кассе с двух до четырех) и просить его оплатить счет кондитера — эту «честь» мы разыгрываем по жребью, всем веником. И кому выпало? Конечно, вашему покорному слуге. Присутствующий здесь лично господин казначей, доктор Куно Фингерманн, не даст мне соврать: он сам огорошил меня тем, что в кассе не оказалось денег даже на распечатку листовок, что уж там говорить о лишних расходах на сладости. И вот я вам задаю вопрос: кто же на этот раз совершил растрату казенных денег? Любому младенцу, даже иностранному младенцу, ясно, что это — дело рук Марио Бонфанти. Конечно, вы можете запросто заткнуть мне рот, возразив на это, что Марио Бонфанти был ревностным сторонником нашего дела, тигром, сражающимся за родную культуру и язык, как описал ему подобных на страницах нашего журнала Нано Фрамбуэса: «Те, кто неустанно твердят о том, что лишь недоумкам свойственно желание холить и лелеять новейшее индокастильское наречие, несомненно, просто пы-

таются отстоять свое положение хранителей традиций, если не сказать прямо — зажившихся и надоевших всем стариков».

Вы, конечно, запросто можете зажать меня в клещи и заявить, что Бонфанти чист, как стеклышко, что он — безобидная овечка, что ему совсем ни к чему эти казенные деньги, но я чудеснейшим образом вывернусь и, прежде чем скрыться на заднем плане, со всей почтительностью доложу вам: много-много раз вашему покорному слуге было достаточно пустить слезу или вырвать из горла (или глотки) скупой мужской всхлип, чтобы выпросить у него монетку — побаловаться сырком, или кулек сухариков, которые я, заботясь о наполненности своего желудка, за милую душу пристраиивал к бульончику. Мне всегда говорили, что совать свой нос в чужие дела чревато последствиями: могут и прищемить. Но не буду отрицать: стоило мне учуять запах деньжат или почувствовать их вкус уже в сыре, я хохотал, как если бы катался на трамвае; но тем не менее меня всегда подстегивало желание сорвать маску с этого чуда с легкими деньжатами. И не рассказывайте мне сказок о том, что человек, заработавший — правдой ли, неправдой — пару сентаво, изрядно попотев при этом, вдруг вот так просто возьмет да и поделится с первым же попрошайкой, который начнет клянчить у него над душой. По-моему, все это и просек тот, что покоится себе мирно в Реколете, вот этот франкист и пустил ему пулю в лоб, чтобы он не сообщил о его проделках кому следует.

Дверь камеры вновь отворилась. В первую секунду собравшимся в крохотном помещении показалось, что вновь прибывший — какой-то человекообразный

иностранец неизвестной национальности. Некоторое время спустя вполне объяснимый обморок Марсело Н. Фрогмана (он же — Бедный Мой Любимый Нос) прояснил это маленькое недоразумение. Доктор Марио Бонфанти, который, по его собственному остроумному замечанию, «поженил гордую шоферскую кепку и очки-консервы с пыльником до пят какого-нибудь странствующего книгоноши или просто бездомного бродяги», — да, именно он, — протиснулся в невеселую каморку: весь, за исключением правого плеча, левой руки и кулака, упертого в бок. Ни дать ни взять — дон Федерико де Онис во всей своей красе и силе, этот протагонист какофонии и хаоса, на чьем челе — блистательное имя Хорхе Карреры Андрады!

— Добрый день вам всем в тюрьме, а я по уши в дерьме, — очень к месту заявил Бонфанти. — А вы, маэстро Пароди, лопнете от зависти, увидев, как я, не особо стараясь, просочусь сюда целиком и полностью. Уверяю вас всех, что не мелочные сомнения препятствуют мне в проникновении в полной мере в эту перенаселенную конуру. Мною движет весьма похвальное, поистине королевское великодушие. Я вовсе не с бухты-барахты заявляю вам, что для отражения третьей волны злобных нападков на наше дело я, не колеблясь, отклонил и вынес за скобки свои ученые занятия в качестве профессора. Прав был наш Хосе Энрике Родо, когда сказал: обновляться — это и значит жить; я сам на днях (а точнее — в тот самый день, когда этот несчастный Ле Фаню расплатился за все одним махом) решил почистить котелок, выбить из себя пыль, стряхнуть паутину, бросить заниматься всякой ерундой и устроить для начала что-нибудь эта-

кое, что — под соусом шутки или розыгрыша — приучает человека к осторожности и заставляет его безропотно, не давясь, глотать горькие пилюли, которые подбрасывает ему одна весьма здравая теория. В тот самый вечер я уже предвкушал сладкую дремоту, в которую собирался погрузиться где-нибудь в задних рядах кресел кинотеатра «Select Buen Orden», которые никакой Прокруст не мог бы сделать менее подходящими для сна, как из пелены грез меня вырвал громогласный телефонный звонок, в мгновение ока разрушивший все мои несбывшиеся замыслы. Даже перо великого Саманьего не могло бы передать охватившую меня радость. И действительно, в трубке послышался голос, который невозможно спутать с чьим-либо еще; принадлежал он Франсиско Виги Фернандесу, который от имени персонала уборщиков Атенеума Саманьего объявил мне решение, принятое на общем собрании с перевесом в один голос, — о том, чтобы я в тот же вечер прочитал программную лекцию о паремиологическом значении творчества Бальмеса. К моему красноречию взывал весь актывый зал этого дома знаний, который, презирая городскую суету, гордо возносит к небу свой фасад на опушке Южного Леса. Другой бы на моем месте, ввиду ограниченности срока для подготовки, отказался бы от предложения — со всеми подобающими случаю всхлипываниями и сожалениями. Но не таков настоящий филолог, готовый к лихим поворотам, ученый, картотека которого полна, и наготове всегда лежит тетрадь, посвященная Х. Маспонсу-и-Камарасе. Причем весь этот арсенал может быть приведен в боевое состояние в мгновение ока. Люди переменчивые, капризные — такие,

как, например, наш Губернатис, — надрываются от хохота при одном лишь упоминании подобных пригородных клубов, при одном лишь взгляде на их бланк, или печать, или письмо; но следует признать, что самые головастые ребята из Атенеума склонны проявлять большую сообразительность и, продемонстрировав, что молчат лишь потому, что не пристало им лаять в ответ на всякую ерунду, при попытке найти достойного оратора безошибочно заманили в свои сети меня. Прежде чем моя служанка разместила у меня на письменном столе большое блюдопряного сычуга с соусом равиготе, который весьма быстро сменился все тем же вышеуказанным сычугом по-леонски — как и подобает, с большим количеством соли, лука и петрушки, — я уже успел изложить в прозе (более питательной, чем третье блюдо — сычуг по-мадридски) листов восемьдесят мыслей, новых сведений, изящных выводов и заключений. Перечитав свои записи, я приправил их всякими шуточками, чтобы расслабились слегка нахмуренные лица моих аристархов и зоилов, для успокоения нервов влил в себя литров пять ушницы и несколько чашек шоколада, а затем, отмахнувшись от гомиков, отправился в путь на подвернувшемся весьма кстати трамвае, который пускал свои корни в твердь улиц, расплавленных летней жарой.

Едва мы оставили за кормой тыловую часть задворок Головного Предприятия по Сбору Налогов с Производства Отчужденных Вторичных Продуктов, Отобранных из Бытовых Отходов, как к мусорщикам и старьевщикам, плотно набившимся на сиденья, в проходы и на площадки вагона, присоединились заготовители домашних птиц и яиц,

которые — разумеется, со своими клетками, из коих доносилось громогласное кудахтанье и бормотание, — не оставили во внутреннем пространстве нашего транспортного средства ни единой щелки, где бы не были размещены кукуруза, перья или же — гуано. Само собой понятно, что столь близкое соседство такого количества индюшатины не могло не пробудить во мне чувства голода, и я посоветовал на себя за то, что вовремя не набил рюкзачок уже нарезанным овечьим сыром, апельсинами и ветчиной. Стоило мне пуститься в такие размышления, как у меня потекли слюнки, и нет ничего удивительного в том, что я покинул борт трамвая со смутным предчувствием, что при определенном везении на небольшом расстоянии можно будет найти подходящее заведение, чтобы утолить голод. Первой попалась мне на глаза выполненная в чистейшем итальянском стиле вывеска какой-то пиццерии, где всего за несколько монет мне подали целую грудку пищи и сыра «моцарелла» (вопиющие итальянизмы, увы, встречающиеся в дебрях словаря, куда закаленный филолог с отвращением забирается лишь в самых необходимых случаях). В этом же (или в другом, но весьма похожем) заведении немного спустя я выпил пару изрядных бокалов сладкого «Киссотти» в неизбежном сопровождении всяких сладостей. Между делом (я имею в виду поедание сладкого) я — благословение Господу — выказал предусмотрительность и стал выяснять у каких-то забулдыг точный маршрут, следуя по которому я беспрепятственно добрался бы до Атенеума. Они же, ничтоже сумняшеся, заявили мне, что понятия не имеют, где это и что это такое. Какую же медвежью услугу

оказывают этим университетам *sui generis* те, кто, по идее, должен быть завсегдатаями таких заведений. Господи, как бедна лексика их речи, как взывает о разнообразии интонационная структура их высказываний! Чтобы расставить все по своим местам, я объяснил им, как они были неправы и убоги в своем невежестве, выразившемся в неведении относительно местоположения Атенеума, где я вот-вот должен был приступить к чтению лекции, посвященной философу из Вича, мудрому автору «Трактата о церковном безбрачии», и, прежде чем мои собеседники успели выйти из почтительного оцепенения, я покинул сию забегаловку и скрылся в пелене знойных сумерек.

— Если бы ты не проявил расторопности в отступлении,— заметил доктор Баррейро,— то завсегдатаи той распивочной показали бы тебе, где раки зимуют.

Но филолог на это возразил:

— Ну, меня еще попробуй поймай. Впрочем, я не без труда одолел каких-то полторы лиги дороги, которая напрасно подставляла свои пустыри, скалы и колючие заросли на пути миссионера к алчущим знаний посетителям Атенеума, кои с таким нетерпением ждали его появления, что вряд ли могли бы проявить большую радость, заявись к ним с проповедью хоть даже сам Брехан. Легко и непринужденно я скатился в придорожную сточную канаву, которая показалась мне не менее глубокой, чем пещера Монтесинос, если память мне не изменяет. Не оставляло меня без внимания и лето, непрестанно обдувавшее меня потоками раскаленного, полного сил северного ветра, несущего с собой орды комаров и мух. Но мало-помалу (капля ка-

мень точит) я все же преодолел немалую часть пути — не без царапин от проволочных изгородей и не без попыток болот и топей затянуть меня к себе навсегда. Зато меня подгоняла крапива, подбадривали бродячие собаки и показывало свой звериный оскал маячившее впереди вечное одиночество. Не побоюсь сказать, что добраться до цели в таких условиях было сродни настоящему подвигу. Итак, я нашел ту самую улицу, тот самый дом, что указал мне телефонный шутник; впрочем, не знаю, имеет ли смысл говорить в этом случае об улицах и номерах домов, ибо в этой пустынной, безлюдной местности есть только один номер — бесконечность, и только одна улица, имя которой — весь мир. И тут-то я и понял, что весь этот Атенеум с его стульями, с его Виги Фернандесом, с его актовым залом — всего лишь изящная шутка тех, кто так жаждал послушать меня и затеял всю эту канитель только ради того, чтобы окунуть меня с головой в энергичную деятельность, независимо от моего желания и согласия.

— Вот это шутка! Настоящая *plaisanterie*¹ в хорошем вкусе! — негромко произнес господин в жемчужно-серых гетрах и с седыми усами, который с почти акробатической ловкостью добавил к кругу присутствующих свою небезынтересную персону. Оказывается, господин Монтенегро вот уже девять минут, окутанный сигарным дымом, терпеливо, не перебивая, слушал многословного оратора.

— Я тоже оценил это по достоинству и едва не лопнул от хохота, — продолжил свой рассказ Бонфанти. — То есть я понял, что надо мной просто

¹ Шутка (франц.).

подшутили. Измученный и жалкий, я боялся, что стоит мне спуститься с *via crucis*, как жара безжалостно расплавит меня, но моя счастливая звезда распорядилась иначе — и огромная летняя туча вдруг превратила земную твердь в дно морское, мой высокий цилиндр — в дурацкий колпак, мое кашне — в плеть лишайника, мой скелет — в мокрую тряпку, мою обувь — в босые ноги, а ноги — в пузыри. Итак, когда, *in urgite*¹ смятенный, я был наконец поцелован в лоб новой Авророй, лоб этот принадлежал уже не человеку, а представителю земноводных.

— По мне, так вы больше похожи на мокрую пленку из-под младенца, — высказал свое мнение Фрогман, вмиг пришедший в себя. — А его мамуля (кстати, нам ничего не стоит добраться до телефона и побеспокоить ее) наверняка еще не забыла, какой рев он устроил, когда вернулся домой, промокший до нитки.

Доктор Баррейро признал:

— Угадал, Вонючка! Ну кто мог ждать от нашего Словопука, что он тут начнет разглагольствовать!

— Не без оговорок, но все же соглашусь с вами, — буркнул Монтенегро. — Как ни посмотри, речь идет о типичном случае... э-э... *психологической невозможности*.

— Тихо, а то рассказывать не буду! — шутливо пригрозил Бонфанти. — Лично я не предполагаю, что насмешники из того несуществующего Атенеума хотели как-то поживиться за мой счет. В первую очередь их распирало желание пошутить, разыграть меня, организовать розыгрыш по полной

¹ Здесь: внезапно (*лат.*).

программе, повеселиться, посмеяться, почувствовать себя хитрецами, умелыми обманщиками...

Доктор Баррейро процедил сквозь зубы:

— Если он опять устроит марафонские состязания по чесанию языком, то прошу не включать меня в число участников.

— И в самом деле, — подхватил Монтенегро. — Я же, уступая воле большинства, беру на себя функции церемониймейстера и передаю слово — пусть хоть на краткий миг — нашему *maître de maison*¹, который — у меня нет в этом ни малейшего сомнения — спустится со своей башни из слоновой кости, куда рано или поздно удаляются все Великие Молчальники.

— Запереть бы кое-кого в этой башне, и чем быстрее — тем лучше, — высказался дон Исидро. — Ну, а пока словоблудие не дает вам покоя, не посвятите ли вы нас, любезный, в то, что вы делали в интересующий нас всех вечер?

— Ах, как призывно звучит этот трубный зов для слуха ветерана соревнований в *racontar*², — вздохнул Монтенегро. — Мое всем известное неприятие обманчивых красот риторики заставляет меня прибегнуть к четкому, даже научному изложению, которое сможет похвастаться лишь строгой красотой правдивости и будет лишено — *poblesse oblige* — каких бы то ни было виньеток, арабесок и прочих украшений.

Фрогман, *sotto voce*, вставил:

— Сейчас начнет парить в небесах, что твой Сантос Дюмон.

¹ Хозяину дома (франц.).

² Болтовне (франц.).

— Бесплезно ублажать свой разум,— продолжил свой рассказ Монтенегро,— с помощью *baliverne*¹, что какая-нибудь вещая птица предупредит тебя, хотя бы за несколько минут до трагедии, о смерти друга. Вместо этой воображаемой птицы (широко раскинутые мрачные крылья на фоне бирюзового неба, хищный изгиб клюва-ятагана, острые жестокие когти...) постучал ко мне в дверь некий безликий честертоновский почтальон; весть, принесенная им, была скрыта в конверте — длинном, как борзая собака, и синеватом — в цвет завитков сигаретного дыма. Разумеется, герб, отпечатанный на его лицевой стороне,— щит, разделенный на шестьдесят четыре части, со стропилом и каймой,— не мог удовлетворить любопытство неутомимого библиофага. Едва бросив взгляд на эту иероглифику, совершенно *surappée*², я предпочел обратиться к тексту, куда более привлекательному и содержательному, чем вся эта геральдическая чушь на конверте. И действительно, лишь наскоро пробежав письмо глазами, я выяснил, что моим корреспондентом оказалась — вот ведь женщина! — зажигательная баронесса Пуффендорф-Дювернуа, которая, уверен, не будучи в курсе того, что я уже принял предложение, от которого было невозможно отказаться,— посвятить этот вечер Родине (путем просмотра «Аргентинского наследия», запечатлевшего на киноплёнке некое шествие более или менее похожих на гаучо людей), приглашала меня вместе с нею оценить одно апокрифическое издание предпоследнего сборника Поля Элюа-

¹ Здесь: пустых фантазий (франц.).

² Вышедшую из моды (франц.).

ра. В похвальном порыве откровенности эта дама посчитала необходимым указать на бумаге два обстоятельства, которые могли бы удержать от недуманного решения даже самого бодрого и жизнерадостного любителя поэзии: во-первых, отдаленность ее виллы «Мирадор», которая находится — чтобы не ошибиться — в Мерло; а во-вторых, то, что она не могла предложить мне ничего, кроме бокала токайского урожая тысяча восемьсот девяносто первого года, потому что прислуга en masse¹ направилась на просмотр неизвестно какого шедевра местной кинематографии. Я уже чувствую, как нетерпение переполняет присутствующих; дилемма обозначена предельно ясно: текст или фильм, бумага или пленка? Быть зрителем в темном зале или Радамантом на Парнасе? Каким бы невероятным ни показалось вам мое решение, но — поверьте — я отказался от возвышенных удовольствий. Ребенок, который даже под седыми усами хранит верность ковбоям, Чарли Чаплину и дяденьке, продающему в кино — ах! — шоколадки, в тот вечер взял во мне верх. Провидение решительно взяло мою судьбу в свои руки: я направился — homo sum² — в кинотеатр.

Дон Исидро, казалось, слушал с интересом, и вдруг с присущей ему мягкостью любезно предложил:

— А ну, катитесь отсюда ко всем чертям! Если вы все сейчас же не очистите помещение, я прикажу дону Фрогману рассредоточить вас, организовав газовую атаку!

¹ Вся целиком (франц.).

² Я человек <и ничто человеческое мне не чуждо> (лат.).

При этих словах Фрогман вскочил, вытянулся и отдал честь.

— Ваш верный стрелок готов исполнить любое приказание! — восторженно доложил он.

Поток присутствующих, объединенных стремлением покинуть камеру, снес Фрогмана с ног. Бонфанти на ходу, не останавливаясь, прокричал:

— В добрый час, дон Исидро, в добрый час! Ваше мудрое решение свидетельствует о том, что вы досконально знаете первую часть «Дон Кихота», а еще точнее — двадцатую главу!

Неудержимый в своем бегстве, Монтенегро уже почти обогнал двойной подбородок доктора Куно Фингерманна (он же — Парящая Птица), и лишь слова дона Исидро уберегли его от очередной подножки, заготовленной для него Потранко Баррейро (он же — Кровавый След).

— Не торопитесь, дон Монтенегро, — сказал Пароди. — Сейчас эти грубияны покинут нас, и мы побеседуем в спокойной обстановке.

Из всей компании посетителей в камере остались лишь Монтенегро и Фрогман (он же — Кабальерос). Последний по-прежнему продолжал корчить рожи. Пароди приказал ему проваливать с глаз долой; приглашение было несколько раз подкреплено ударами трости со стороны Монтенегро.

— Ну вот, а теперь, когда здесь стало легче дышать, — заметил узник, — я предлагаю отложить в дальний угол рассказанную вами сказочку и хочу послушать правдивый рассказ о том, что вы действительно делали в тот вечер.

Словно зачарованный, Монтенегро молча закурил «Пернамбуко» и встал в позу второразрядно-

го оратора, наподобие Хосе Гальостра-и-Фрау. Не успел зазвучать его строгий, убедительный голос, как единственный слушатель тотчас бесцеремонно перебил его:

— Послушайте, я ведь понимаю, что это письмо от иностранной дамы было приглашением к действию. Если честно, то я с трудом представляю, чтобы вы, кто вечно выглядит так, словно его в чем-то обделили, проигнорировали бы это приглашение, особенно если вспомнить, что с того самого вечера, когда Хэррап заставил вас запереться в уборной, вы уже были заметно увлечены баронессой.

— Ваши слова ободряют меня. Вы правы в том, что человек из светского общества — это своего рода поворотный круг на сцене. Одно дело — *devanture*¹, пестрая витрина, которой мы встречаем случайного зрителя, шального прохожего; совсем другое — исповедаля, где мы оказываемся в присутствии друга. Перехожу к правивому описанию того вечера. Как ваш *flair*, наверное, уже подсказал вам, алчность до эмоций и ощущений, определяющая, в конечном счете, все мое поведение, на этот раз направила меня к вокзалу Онсе, *inter nos* — трамплину, чтобы, говоря уж начистоту, добраться до соседнего городка Мерло. Приехал я туда около двенадцати. Удушающая, жгучая жара, которую я ловко обманывал при помощи соломенной шляпы и шафрановых капель, лишь добавляла остроты предвкушению казавшейся уже неизбежной *nuit d'amour*².

Амур бережет тех, кто верно служит ему: выдавшая виды повозка, в которую была впряжена

¹ Витрина (франц.).

² Ночи любви (франц.).

пара полудохлых кляч, словно ждала именно меня под платанами, увенчанная типичным возницей: в данном случае — почтенным святым отцом в сутане и с тробником. Направляясь, да будет вам известно, к «Мирадору», мы пересекли главную площадь городка. Яркая иллюминация, флаги, гирлянды, лихой оркестр, скопление народа, тележки торговцев, бродячие собаки, праздничная деревянная трибуна, заполненная в основном военными, — все это, разумеется, не ускользнуло от внимательного взгляда моего бдительного монокля. Одного дельного вопроса оказалось достаточно, чтобы объяснить это наваждение: мой возница-священник поведал — не слишком, впрочем, охотно, — что в тот день проводился предпоследний в этой половине месяца ночной марафонский забег. Признайтесь, уважаемый Пароди, что в такой ситуации трудно было бы сдержать снисходительную усмешку. Весьма симптоматичное зрелище: в тот момент, когда армия отказывается от тягот и лишений казарменной жизни, чтобы передавать от поколения к поколению священный факел патриотизма, горстка деревенских ребят тратит силы и... время, бегая в лабиринтах и закоулках весьма пересеченной местности.

Но — башня над виллой «Мирадор» уже замелькала сквозь кроны лавровых кустов, мой экипаж остановился. Я поцеловал *billet doux*¹, назначавший свидание, распахнул дверцу коляски, прошептал волшебные слова: «*Venus, adsum*»², — и легко выпрыгнул из экипажа, приземлившись прямо в центр

¹ Здесь: записку (франц.).

² «Я здесь, Венера» (лат.).

грязной лужи, в чьи верхние слои зеленоватой жижи я погрузился безо всяких с моей стороны усилий. Дозволено ли мне будет признаться вам, что эта подводная интерлюдия продолжалась весьма недолго? Цепкие руки выдернули меня из трясины, а принадлежали они доброму, беспокойному самаритянину, имя которому — полковник Хэррап. Опасаясь, несомненно, отточенной реакции большого мастера *savate*¹, Хэррап и лжевозница (оказавшийся не кем иным, как моим закадычным врагом — отцом Брауном²) пинками отконвоировали меня до спальни Ады Пуффендорф. Рука этой дамы имела продолжение в виде устрашающего хлыста, но открытое окно, выходящее на залитую лунным светом сосновую рощу, манило меня всеми прелестями *grand air*³. Не сказав ни слова на прощание, не попросив извинения, не позволив себе ни единого — легкого или саркастического — замечания, я просто выпрыгнул через окно в ночной сад и что было сил рванул прочь, петляя между клумбами. Возглавляя целую свору собак, число которых вслед за их лаем росло лавинообразно, я проскочил оранжерею, теплицы, промчался мимо ульев, перескакивая то и дело через канавы и рвы, и, наконец, выскочил на улицу. Не стану отрицать: судьба благоволила мне в ту ночь. Излишние предметы одежды, которые в немалой степени замедлили бы бег другого, менее ловкого, чем я, человека, на мое счастье, были содраны с меня цепкими челюстями моего

¹ Французского бокса (франц.).

² Разумеется, не честертоновским. (*Собственноручное примечание Гервасио Монтенегро.*)

³ Свежего воздуха (франц.).

лающего эскорта. Вот уже классические решетки, ограждающие виллы, сменились заборами фабрик Пеку, фабрики — придорожными забегаловками типа «Перекуси-на-ходу», забегаловки — безвкусными пригородными домишками, домишки — кирпичными стенами и щебеночными дорожками, а я все так же, без единой секунды передышки, увлекал за собой целую стаю собак. Не останавливаясь, я разобрал в собачьем гвалте отдельные модуляции, свойственные человеческим голосам; эта новость вовсе не привела меня в восторг — я прекрасно отдавал себе отчет в вероятной принадлежности воплей все тем же двоим: полковнику и священно-кучеру. Я бежал, и бежал, и бежал под слепящим светом, бежал сквозь ободряющие крики, свист и аплодисменты, бежал, не останавливаясь, даже забежав за финишную черту, бежал до тех пор, пока меня не удалось задержать посредством множества объятий и вручения медали и приза — откормленного индюка. Не обращая внимания на протесты других покусанных и на грозу, ласково обмывшую лоб победителя за мгновение до того, как укутать его шуршащим плащом дождя, жюри, по праву возглавляемое некоей гага avis¹ из незабвенной компании Хуана Р. Пееса, единогласно объявило меня победителем этого марафона.

VI

Выдержка из письма доктора Ладислао Баррейро, отправленного из Монтевидео и полученного доном Исидро Пароди 1 июля 1945 года:

¹ Редкой птицей (лат.).

«...от удивления, виновником которого буду я, вы сляжете в тюремный лазарет. Можете ломать себе голову сколько угодно, но разгадка проста: я всего лишь выполняю обещание: держу слово чести, как бы при этом ни давили на меня обстоятельства. Не стану излагать всю историю, частью которой я сделался; я намерен лишь дополнить показания Свиноподобного Свидетеля.

Нижеподписавшийся направляет вам сие послание из своей винной лавки, имея некоторые виды на... *ouro verde do Brasil*¹, предварительно скупив на рынке весь цикорий.

После нашего с вами разговора я подключился к делу. Строго, как часы, я следовал всем вашим указаниям, твердо зная, что вы меня не выдадите. В тот раз, когда вы прижали меня к стене, я подробно описал вам во всех деталях свое участие в том печальном происшествии. Теперь я переносу свой рассказ на бумагу, чтобы не возникло и тени сомнения в истинности моих слов.

Как вы уловили с ходу, речь идет об истории с иноземцем, убитым в беседке, которому я всадил пулю между затылком и плешью.

Акт первый. Занавес поднимается, открывая взгляду зрителей обшарпанную, убогую библиотеку. Вся моя в ней работа заключалась в приемке и оприходовании новых книг. С ударом гонга появляется человек по имени Ле Фаню, который с помощью лжи и клеветы добивается того, что в Министерстве ко мне проникаются враждебностью. И какова жалкая награда, полученная незнакомцем за подлость? Я могу сказать всем, кто

¹ Зеленое золото Бразилии (*португ.*).

хочет услышать, сказать прямо и открыто: меня вышвырнули с работы, как последний кусок дерьма.

Вам известно: для того, чтобы не забыть об оскорблении, мне не требуются мнемонические навыки. Если нужно догнать обидчика, я могу бегать быстрее самого Нурми — и притом в надежном пальто. И даже если вы не захотите понять меня, я могу поклясться всеми деньгами Сан-Хуана, что не появлюсь в Перосио, пока не сведу счета с Ле Фаню. Когда меня увольняли, я чуть было не поинтересовался у него, нравится ли ему Чиппендейл.

Но ваш покорный слуга не дает волю нервам. Он выжидает, спокойный, как судья на скачках. За это время я чуть было в землю не врос, и тут судьба подкинула мне счастливый билет в виде пузатенького еврея, прибывшего из Гамбурга вместе с отосланной по рекламации партией гуано. Мне не пришлось прибегать к нажиму, чтобы этот Моисей повел себя со мной крайне вежливо и порадовал меня информацией о том, что Ле Фаню, который уже назначил епископу время для проведения обряда обручения с Пампочкой, в годы своей разгульной молодости уже зарегистрировал брак в Берлине: он был женат на его, Фингерманна, старшей сестре, глухой еврейке, которая таким образом стала Эммой Фингерманн де Ле Фаню. Я же, в виде платы за доверие, заронил в его голову одну мысль: пошантажировать двоеженца — бескорыстное с моей стороны предложение — и не без удовольствия предвкушал, как еврейчик вытрясет из него кое-какие деньжата.

От моральной победы, которая ждала меня благодаря махинациям еврея, я вскоре смог перейти

к делу. Ле Фаню, которого не так-то просто обвести вокруг пальца, обнаружил, что Фингерманн, исполнявший обязанности казначея А. А. А., совершил небольшую растрату в свою пользу.

Не подумайте, что эта новость вызвала у меня сердцебиение: я поспешил поддакнуть этому *moriguri te salutant*¹ и заверил, глядя ему прямо в похожую на задницу рожу, что отношу весь скачок прогресса нашего века на счет казначеев и бухгалтеров. При первой же возможности я сыграл в одно касание, воспользовавшись удобным случаем, и переехал в Акассусо: удобное место для житья, где уже обосновался тот бесстыжий еврей. Я расписал ему все в таких красках, что он мог только изумляться. Сначала я исподволь внедрил в его башку мысль о том, что ничего не знаю о его финансовых махинациях, — все по старому сценарию. В следующем действии пьесы я поведал ему о том, что все знаю и понимаю, что молчание — золото и что единственный способ заставить меня замолчать — это стать *ipso facto*² моей движимой собственностью, с которой я, как владелец, буду ежемесячно получать некую сумму. Пархатому не оставалось ничего другого, как согласиться, и он стал перечислять мне месяц за месяцем ту самую сумму, которую требовал от шантажируемого двоеженца. Таким образом, алчный жадюга обзавелся похвальной привычкой по тридцатым (или же по тридцать первым) числам выплачивать мне некую сумму, чтобы я не растрезвонил Ле Фаню о его растратах (о коих сам Ле Фаню мне и поведал).

¹ Здесь: идущему на смерть (лат.).

² Здесь: в силу обстоятельств (лат.).

Но, увы, долго так кататься, подобно сыру в масле, мне не пришлось. Ле Фаню, который был мастером совать свой нос куда звали и куда не звали, уловил невесть откуда взявшийся вздорный слух и обвинил меня в том, что я шантажирую несчастного еврея. Желая отвязаться от его приставаний, я согласился выплачивать ему налог на шантаж, что привело композицию в равновесие: образовался замкнутый круг, в котором Ле Фаню платил еврею, еврей — нижеподписавшемуся, а нижеподписавшийся передавал эту же сумму Ле Фаню.

Как всегда и бывает, еврейский фактор вскоре нарушил это достаточно неустойчивое равновесие. Жадный Фингерманн решил увеличить ренту, которую вытягивал из Ле Фаню. Чтобы никто не мог сказать, что мы, местные, чем-то хуже, я тоже был вынужден поднять тариф... В общем, весьма скоро эта спираль разорвала наш отлаженно действовавший круговорот оплат.

Я решил, что пришло время исполнить мою давнишнюю мечту — отправить Ле Фаню на тот свет. Прочитав в парикмахерской историю об убийстве в беседке, я подумал о ротонде Лоло и, покумекав над композицией, понял, что могу проще простого прикончить Ле Фаню там. Но в те дни Лоло была увлечена не им, а евреем Фингерманном. Правда, из этого препятствия, которое надолго остановило бы человека, менее настойчивого и изворотливого, чем я, мне удалось извлечь пользу. Я придумал гениальный план: надоумить Тонио (пересказав историю с беседкой и шпагой) на отчаянный шаг — убить Бубе, который стоял был для него костью поперек горла, не давая сделать большой рывок

вверх по социальной лестнице путем женитьбы на Пампе. Преступник с ходу заглотил наживку. Ле Фаню продумал и организовал *pro domo sua*¹ целую систему своего алиби, которым я, когда пришло время, воспользовался себе во благо. Он назначил своим прихвостням встречу в кино; затем — анонимно — отправил каждого из них на все четыре стороны, прекрасно понимая, что они попадут в такие переделки, что предпочтут подтвердить его алиби, лишь бы самим не попасть под какое-либо подозрение. В большой степени все прошло как по маслу — как и было задумано. Тонио клюнул на наживку — ликвидировать несчастного еврея при помощи шпаги в трости, подготовив *allo spiedo*², таким образом, *corpus delicti*³; но провидению было угодно, чтобы он не запятнал себя убийством, и я из-за дерева вклепил ему пулю в лоб из револьвера 45-го калибра. Что же до книги с историей об убийстве в беседке, которую Ле Фаню через Фрогмана должен был передать предполагаемой жертве, я позволю себе не сойтись с вами во мнении: он послал ее вовсе не из чувства собственного превосходства или безнаказанности, вовсе не для того, чтобы она оказалась у следователя под носом и тот обратил на нее внимание. Нет, я предлагаю увидеть эту деталь в другом ракурсе: это была своего рода хитрая мера предосторожности со стороны раба своих страстей. Посудите сами: ну кто бы мог подумать, что преступник подкинет полиции ключ к разгадке

¹ Здесь: с целью защитить себя (*лат.*).

² Здесь: при помощи острия (*итал.*).

³ Здесь: преступление (*лат.*).

и притом воспользуется помощью человекообразного скунса?

Надеюсь, вы не станете отрицать, что это „мокрое дело“ получилось несколько выпадающим из общего ряда? Согласитесь, не так часто удается организовать все таким образом, чтобы и подготовка к преступлению, и обеспечение алиби, и само убийство — в общем, все, было произведено за счет самой жертвы».

Конец

*Пухато — Ла-Калифорния —
Кекен — Пухато
1943—1945*

Две памятные фантазии

Свидетель

Исайя, VI, 5

Вы правы, Лумбейра. Есть чересчур строптивые натуры, которые предпочитают порцию небылиц, наводящих зевоту даже на Нунция, слушающего их в тысячный раз, дискуссии один на один о материях, которые я без колебаний отношу к самым высоким. Вы открываете рот, рискуя вывихнуть челюсть, чтобы облечь в слова ложный постулат о бессмертии краба, но прежде, чем вас опровергнут мухи, вы принуждены проглотить такую небылицу, что, услышав ее, вы больше не попадетесь на эту удочку. Есть люди, не умеющие слушать. Без шуток, дружище, если вы не будете меня торопить, то, пока я отправляю в рот еще один завтрак, я приведу вам наглядный пример, и если вы не упадете от удивления, то лишь потому, что вас легко обвести вокруг пальца. Как ни прискорбно это признать (я решаюсь говорить об этом, поскольку о вас можно сказать все, что угодно, но только не то, что вы не аргентинец), надо кричать, подобно отнятому от груди младенцу, который отступил в борьбе с глистами, что не способствовало ее благоприятному исходу. Судьбе было угодно, чтобы мой зять проник под защитой кумовства в Институт прогнозов «Ветеринария Диого» и с упорством заключенного пробил солидную брешь в стене молчания, которая вырастала всякий раз при одном только упоминании моего имени. Я всегда говорю Длинному

Ленивцу (то есть Тигру Курии): кругом полно желчных типов, которые так перетирают грязные сплетни, что доводят до блеска слухи, прочно занимающие свою нишу рядом с историей Гигантского Броненосца, рассказы, уже ставшие достоянием публики, — например, о возврате товара, к которому меня принудили после снятия ареста с партии тунца, или о той промашке со свидетельствами о смерти для Мафии Чики из Рафаэлы. Вот было время: достаточно мне было запустить мотор моего шестицилиндрового «чандлера», чтобы он явил полную картину разобранного будильника, и я хохотал до потери пломб над сельскими механиками, что слетались, словно мухи, тщетно надеясь привести в порядок мою телегу. В другой раз насмехались буксировщики, с головы до пят обливаясь потом, вытягивая меня из грязи, поскольку шоссе еще не было и в проекте. То бугры, то ямы, я мог тащиться во семьсот километров вкруговую, на что не соглашались остальные коллеги, вовсе не под предлогом участия в розыгрыше творений старика Паломеке. Поскольку я всегда был в авангарде прогресса, моей миссией было слегка прощупать рынок в интересах нашего нового отдела, который занимался свиной паршой — а она была не чем иным, как нашим старым знакомым, Расфасованным Порошком Тапиоки.

По причине загадочной вспышки энтероколита, истребившей множество свиней на юго-западе провинции Буэнос-Айрес, я должен был попрощаться с «чандлером», не доделав свои дела в Леубуко, и, затерявшись в толпе бесноватых, давших слово набить мне в глотку порошок тапиоки, смог примкнуть к одной бригаде ветеринаров и живым и невредимым добраться до пределов Пуана. Я всегда уверял, что размеры той области, где передовой

человек — это дальновидный борец, дающий свиные лекарства и сбалансированный корм (скажем, Паршицид Диого и Витаминизированный Цементин Диого), поскольку он требуется для ее наивысшего воплощения в ветчину, свободную от жира и костей, на первый взгляд совершенно необъятны. Однако такое заявление ни за что не сможет вас обмануть, как какого-нибудь жалкого филистера, и вы мне поверите, если я нарисую вам самыми мрачными красками картину, которую в час, когда закат терялся среди жнивья, провинция преподнесла наблюдателю, удрученному омерзительным зловонием множества дохлых свиней.

Оказавшись на холоде, пробирающем до костей, к чему добавьте костюм из грубого льна, минус куртка, которую некий Дюрок-Джерси натянул на себя, хрипя в агонии, минус рабочий халат, который я уступил в обмен на перевозку моей персоны в деревенском грузовичке агенту мыловаренного завода Сильвейра, который наживался на скупке скелетного жира, я пробрался в пансион Гоувейя, где попросил хорошо разогретый завтрак, в ответ на что консьерж принес сифон с содовой водой (мотивируя это тем, что его гоняют уже девятый раз), температура которой оказалась гораздо ниже ожидаемой. На сердитых воду взяли: я не стал заводиться, чтобы вывести у консьержа, который был одним из тех молчунов, что — дай им волю — будут молотить языком почище взятой в рассрочку молотилки Диого, приблизительное время отправления первого товаропассажирского поезда до станции Лобос. Я уже настроился на каких-нибудь восемь часов смиренного ожидания, когда меня вынудил повернуться вполоборота сквозняк от двери, открывшейся, чтобы дать войти пузану Сампайо.

Этот толстяк не нуждается в представлении, так как я уверен, что Сампайо не шепетилен и занимается всякой дрянью. Он бросил якорь за тем же мраморным столиком, за которым сидел я, дрожа от холода, и в течение получаса обсуждал с консьержем достоинства какао с ванилью *versus*¹ чашки жирного бульона, позволив, по прошествии изрядного количества времени, склонить себя в пользу первого, что консьерж истолковал на свой лад, принеся ему сифон с содовой. Той зимой Сампайо, в соломенной шляпе, не прикрывающей затылка, и кургузой куртке, нашел выгодное применение своему литературному зуду и составлял витиеватым почерком километровый списочек свиноводов, хозяев зимующего поголовья и производителей свиней для нового издания Справочника Лоуренцо. Так, пока наши вставные зубы выбивали дробь, мы, съезжившись около термометра, оглядывали темное и неудобное помещение (пол из каменных плит, железные опоры, стойка с кофеваркой) и вспоминали лучшие времена, когда мы боролись друг с другом за клиента и ходили в облаках пыли по Сан-Луису, сплевывая землю, а когда возвращались в Росарио — пылесос не справлялся с чисткой ковров. Толстяк, родом из Бог знает какой тропической республики, был пузом деятельным и захотел воодушевить меня чтением измышлений из своих записных книжек: я первые три четверти часа вел себя паинькой и старательно хранил сосредоточенность, лелея надежду, что все эти Абалос, и Абарратагис, и Абатимаркос, и Аббаньятос, и Аббатантуонос были фирмы, работающие в радиусе моего действия, но очень скоро Сампайо безрассудно проболтался, что это свиноводы с се-

¹ Относительно (*лат.*).

ро-востока провинции, области, интересной с точки зрения ее населенности, это да, но не устоявшей, к сожалению, под натиском бессмысленной обскурантистской пропаганды конкурентов. Вот ведь, я давно изучил назубок толстого Сампайо, но ни разу и не подумал, что в нем, в такой массе жира, мог обитать эдакий пернатый хищник! Приятно удивившись, я со всей легкостью воспользовался тем, что наш болтун понемногу раскрывался как личность образованная, и с ловкостью, которой даже в самую разгульную пору своей молодости позавидовал бы преподобный Карбоне, я перевел разговор на Великие Нерешенные Вопросы, с навязчивой идеей затащить этого внушительного толстяка в Дом Вероучений. Изложив *grosso modo* основные направления великолепного руководства отца Файнберга, я поставил Сампайо лицом к лицу перед вопросом: как человек, который перемещается с быстротой поезда между несуществующими точками пространства, может называть сплошным враньем и вздором все, что знает даже самый последний служка о хлебах и о рыбах и о Троице? От изумления вы не уснете, друг Лумбейра, если я сообщу вам, что Сампайо и не подумал поднять белый флаг в ответ на этот точный удар. Он сказал, тоном более холодным, чем кофейный пломбир, что по части троиц никто не сталкивался больше него с печальными последствиями суеверия и невежества и что мне не стоит даже и заикаться об этом, поскольку он ввернет мне в башку *ipso facto* свой личный жизненный опыт, который удерживает его в тупике грубого материализма. Клянусь вам еще раз, дон Лумбейра, что, желая отвлечь толстяка от намерения задурить мне голову, я решил прельстить его идеей вздремнуть на бильярдных столах, но этот тип поступил как настоящий тиран

и прямо-таки навязал мне небылицу, которую, насколько не сократив, я передам вам, несмотря на то что мой рот набит кучей хлебцев с маслом, не говоря уже о кофе. Вперив взгляд в язычок, который я демонстрировал ему при Зевке, он сказал:

— Не судите по внешнему виду (бродяга в отставке, в заплатанной тройке), так как я всегда кружил по пути, на котором равнина, где обитает кабан, соседствует с гостиницей, где останавливается болтун. Я знал и благоприятные времена. Я уже не раз повторял, что моя колыбель там, в Пуэрто-Марискалито, что всегда был модным пляжем и куда спешат мои землячки в тщетной надежде избежать малярии. Мой отец был одним из девятнадцати военных, инициаторов переворота шестого июня; когда вернулись умеренные, он сменил, как и все республиканцы, чин полковника в столице на должность почтальона, курсирующего среди болот. Рука, которая раньше, наводя страх, потрясала мушкетом, теперь смиренно распространяла вздор в длинных конвертах, запечатанных сургучом. Из всего этого я прошу вас уяснить, что мой отец не был одним из тех почтарей, которые только и делают, что берут плату за наклеенную марку лимонами, чиримойей, папайей и связками других плодов; раньше почтовым посредником был ловкий и небрезгливый индеец, который привык к регулярному приобретению мелочей любого сорта в обмен на получение корреспонденции. Угадайте, дон Маскаренас, кто был тот новобранец, что помогал моему отцу в служении Родине? Мальчик с большими усами, который сейчас рассказывает вам со всей достоверностью. Мои первые ползунки были повешены на шест пироги, мое первое воспоминание — зеленая вода, отражающая листву и кишашая кай-

манами, куда я, будучи ребенком, отказывался заходить и куда отец, второй Катон, неожиданно бросил меня, дабы излечить от страха. Но это пузо о двух ногах¹ не было человеком, готовым ради мелочевки привязаться *in aeternum*² к простому обитателю тростниковых хижин; я запыхался, стирая подошвы в поисках пейзажа-новинки, назовите его Холмом Монтевидео или веснушчатой девочкой. Чувствуя постоянную жажду ярких впечатлений, подобно незаполненному видами альбому, я воспользовался тем, что был объявлен в розыск, который вели весьма тщательно, и из трюма рыболовной шхуны сказал «прощай» тихим приветливым равнинам, зеленым полям, заросшим сорняками, и полным невнятных бормотаний болотам,— тому, что есть моя страна, моя родина, моя сладкая грусть.

Сорок дней и сорок ночей длилось то морское путешествие меж рыб и звезд, среди самых пестрых пейзажей, которых, верьте, я никогда не забуду, потому что один из палубных матросов, сочувствуя страдающему от качки бедняге, спускался рассказать мне о том, что видели наверху другие выдумщики. Но даже рай имеет границы, и настал день,

¹ Эффектная и уместная синекдоха, из которой явствует, что счастливчик Сампайо — не из числа галломанов и эстетов, украдкой тянуших руку к «Малому Ляруссу», а, напротив, что он, коленопреклоненный, впитал молоко Сервантеса, самое что ни на есть обильное и терпкое. (*Сноска, изъятая по настоянию Марио Бонфанти из Ордена иезуитов.*)^{*}

^{*} По причине, которая ускользнула от острого взгляда Совета корректоров, отец Марио Бонфанти, горячо поддерживаемый сеньором Бернардо Сампайо, в последний момент потребовал изъять предыдущую сноску, докучая нам заверенными телеграммами, заказными письмами, велокурьерами, просьбами и угрозами. (*Примечание автора.*)

² Навечно (*лат.*).

когда меня выгрузили, как скатанный ковер, в гавани Буэнос-Айреса, вместе с табачной пылью и банановыми листьями. Не стану вам описывать в алфавитном порядке всех потерявших работу служащих, которых я повстречал в первые годы моей аргентинской жизни, так как, если построить их здесь рядком, нам с вами не хватит места под этой крышей. Вот только один эпизод из тех, что произошли за закрытыми дверями в торговой фирме «Мейнонг и К^о», чей штат я пополнил в качестве единственного служащего. Фирма находилась в большом старом доме под номером тысяча триста по улице Бельграно и занималась импортом голландского табака, так что беглец, закрывая ночью воспаленные от утомления глаза, представлял, как он разрыхляет землю на любезных его сердцу табачных плантациях Альто-Редондо. На первом этаже стоял письменный стол, чтобы пускать пыль в глаза клиентам, а внизу находился полуподвал. Я в те молодые годы хотя и порицал свою беспоконную юность, отдал бы все черное золото Пáнуко, чтобы передвинуть хотя бы один из тех крохотных столиков, которые видел глаз по правую руку, но дон Алехандро Мейнонг запретил мне даже самое ничтожное изменение в расположении мебели, заставляя считаться с тем, что он слепой и по памяти двигается по дому. И вот того, кто никогда меня не видел, я представляю сейчас как наяву: в очках, темных, словно две ночи, с пастушьей бородкой, с кожей цвета хлебного мякиша, выдающегося роста. Я то и дело повторял ему: «Вы, дон Алехандро, легки на подъем, как сухая солома». И еще он носил бархатную шапочку и не снимал ее даже на ночь. Хорошо помню одно его кольцо — настолько отполированное, что я брился, гля-

дя на его палец. Я предвсхищу ваши слова и первым скажу, что дон Алехандро был, как и я, еще одним комком современного иммиграционного гумуса: прошло уже полвека, как он выпил последнюю кружку пива на своей Herrengasse. В спальне-гостиной он складировал кипы Библий на всех известных языках и был постоянным членом общества прожекторов, которые искали подтверждение геологическим теориям в редких хронологических зацепках, рассыпанных по Святому Писанию. В его весьма немалый капитал эти безумцы уже вцепились зубами, и он любил повторять, что его внучку Флору ожидает наследство более ценное, чем червонное золото, — иными словами, любовь к библейской хронологии. Эта наследница была болезненной девочкой, выглядевшей моложе своих девяти лет, с таким взглядом, словно она различала вдали открытое море, светловолосая, с характером кротким и мягким, словно дикий щавель, который кто только не собирал на рассвете на обширных лугах по склонам Президентского холма. Девочка, не имея друзей-сверстников, довольствовалась слушанием того, как в редкие часы отдыха я напевал Национальный Гимн моей родины, подыгрывая себе на бубне; но как говорят, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, и, когда я возился с клиентами или меня сваливал сон, девочка Флора играла в подвале в Путешествие к Центру Земли. Дедушке эти игры не нравились. Он утверждал, что подвал таит опасность; ему, подобно курьеру, сновавшему по всему дому, достаточно было спуститься в темноту подвала, чтобы сказать, что вещи передвинули и он заблудился. Для недалекого ума эти жалобы были не чем иным, как верхом сумасбродства, потому что даже кот Бантик знал, что подвал не

содержит никаких сюрпризов, кроме уложенного в штабеля листового голландского табака и ненужной утвари, оставшейся от экс-аукциониста Товаров Широкого Потребления Е. К. Т., который снимал помещение до моего дона Алехандро. Раз я упомянул Бантика, напрасно упорствовать и скрывать, что этот кот разделял общую нелюбовь к подвалу, поскольку из тех ста раз, что он спускался туда по лестнице, двести он давал деру, словно его прищипывала нечистая сила. Такие резкие движения кастрированного, и потому спокойного, котичи должны были бы вызвать у меня пусть самую легкую, но тревогу, но я всегда иду по прямой, словно магнит, хотя лучше всего в той непонятной ситуации было бы побороть свое упрямство. Потом, когда я это понял, было уже поздно, и похоже, что моя ошибка стала причиной большого несчастья.

Крестный путь, от рассказа о котором вам не убежать, будь вы хоть на пяти колесах, начался в один из тех моментов, когда дон Алехандро чуть ли не сам готов был влезть в кожаный чемодан из-за непреодолимого желания ехать в Ла-Плату. Еще один лицемер заехал за ним, и он отправился при полном параде на конгресс библиоманов в кинозалон «Дардо Роча». Остановившись в дверях, он приказал мне ждать его в будущий понедельник со свистящим кофейником наготове. Затем добавил, что поездка займет три дня и чтобы я берег девочку Флору как зеницу ока. Он хорошо знал, что это поручение будет мне в радость, поскольку, хоть я такой большой и черный, быть сторожевым псом девочки стало моим призванием.

Однажды днем, когда, наевшись до отвала молочного пудинга, я задремал крепче, чем коровий пастух, Флора воспользовалась перерывом в докуч-

ливой опеке, чтобы порезвиться в подвале. В час молитвы, когда она укладывала свою куклу, я заметил, что она вся в жару и трясется от страха и галлюцинаций. Девочку бил озноб. Я упросил ее забраться под одеяло и напоил мятной настойкой. Помню, что той ночью, оберегая детский сон, я бдел у ее постели, растянувшись на пальмовой циновке. Девочка проснулась очень рано, все еще бледненькая, но не столько от температуры, которая снижалась, сколько от страха. Позже, подбодрив ее кофе, я спросил, что же ее так растревожило. Она сказала, что накануне различила в подвале нечто столь необычное, что даже не может это описать, разве что Оно было с бородой. Я подумал, что видение с бородой было не причиной жара, а тем, что опытный врач называет симптомом, и принялся развлекать ее сказкой о дикаре, которого обезьяны выбрали в депутаты. На следующий день девочка скакала по всему дому резвым козленком. Я, так как сам обычно пасую перед лестницей, попросил ее спуститься и поискать один акт о порче товара, для сверки. Не успел я договорить, как она изменилась в лице. Поскольку я знал, что девочка не труслива, я настоял, чтобы она не мешкая исполнила мое приказание, дабы раз и навсегда покончить с ее дурными фантазиями. Тут же я вспомнил, как мой отец столкнул меня из челнока в воду и не позволил жалости взять над собой верх. Чтобы девочка не отчаивалась, я довел ее до лестничной площадки; я видел, как она двигается очень скованно и напряженно, словно мишень в виде фигурки солдата на стрельбище. Она спустилась с закрытыми глазами и прошла прямо между штабелей табака.

Едва успел я отвернуться, как услышал крик. Он был негромким, но сейчас мне кажется, что

в нем, словно в крошечном зеркале, я увидел то, что привело девочку в ужас. Я опрометью сбежал по лестнице и обнаружил ее лежащей на каменных плитах пола. Она протянула ко мне свои тоненькие, словно из проволоки, ручки, как бы прося защиты, и, пока я твердил ей, чтобы она не оставляла своего дядю Сенбернара (так она меня называла), испустила дух, то есть умерла.

Я замер в оцепенении, и у меня появилось ощущение, что всю мою жизнь, вплоть до этого случая, за меня прожил кто-то другой. Момент, когда я сбежал по лестнице, стал казаться мне далеким. Я продолжал сидеть на полу; мои руки сами по себе скатывали бумажную самокрутку. Взгляд, столь же потерянный, блуждал.

И тогда в легко ходящем взад-вперед кресле-качалке из ивовых прутьев я разглядел причину испуга девочки и, стало быть, ее смерти. Возможно, меня назовут бездушным, но дело в том, что я вынужден был улыбнуться, когда увидел пустяк, принесший такое несчастье. Если сперва с силой толкнуть кресло и раскачать, словно для полета, то периодически перед вами будут появляться на мгновение три фигуры, которые, при легком смещении, кресло заставляло оживать: так как фактически все трое находились в одном месте — ни сзади, ни спереди, ни снизу, ни сверху по отношению друг к другу, — то немного утомляли взор, особенно в первый момент. Выходил на поиск своих заблудших овец Бог Отец, которого я узнал по струящейся бороде, и тут же был Сын со стигматами, и Святой Дух, в виде голубя величиной с христианина. Я не знаю, сколькими глазами они следили за мной, потому что даже та пара, которая принадлежала каждому из них, если внимательно посмотреть, состо-

яла из одного и того же глаза, и он находился сразу в шести местах. О ртах и клюве даже не поминайте, потому что лучше уж умереть. Прибавлю также, что один выходил из другого, постоянно чередуясь, и, возможно, вас не удивит, что у меня началось головокружение, как если бы я смотрел на водоворот. Мне показалось, что они от собственного движения светились и оказались ближе, чем в двух метрах от меня, так что, если бы я в задумчивости протянул руку, ее, наверно, втянуло бы в этот круговорот. Тут я услышал звук трамвая номер тридцать восемь, проходящего по улице Сантьяго-дель-Эстеро, и подумал, что в подвале не хватает скрипа качалки. Я посмотрел еще раз, и мне стало смешно. Кресло находилось в покое; оказалось, раскачивалось не кресло, а то, что было в нем.

Да здесь, подумал я, Святая Троица, сотворившая небо и землю, а мой дон Алехандро сейчас в Ла-Плате! Этой мысли было достаточно, чтобы сбросить с себя оцепенение, в котором я находился. Не время было предаваться увлекательному созерцанию: дон Алехандро был человеком старой зачалки и не стал бы выслушивать мои объяснения, почему я не уберег девочку.

Она была мертва, но я не решился оставить ее так близко от кресла-качалки, а взял ее на руки, перенес на кровать и положил рядом с куклой. Я поцеловал девочку в лоб и ушел, горя о том, что вынужден оставить ее в этом доме, столь пустынном и столь населенном. Желая избежать встречи с доном Алехандро, я уехал из города с вокзала Онсе. Потом я слышал, что дом на Бельграно снесли в связи с перепланировкой улицы.

Пухато, 11 сентября 1946 года

— В кои веки у друга Лумбейры счастливый день, и он может заплатить за мой завтрак, за эти сдобные булочки, что придают сил, да и вряд ли кто откажется от парочки плюшек со сливками или от лоснящихся жиром слоечек, одну из которых я запихиваю себе в глотку с риском остаться без пальца, сопровождая все глоточками феко с моколом, а ведь я способен еще и очистить тарелочку, полную пирожков с повидлом. Плати, плати, не жалей; а я, как только прочищу горло и верну себе способность сыпать словами, тут же пройдуся по вашим ушам одной занимательной историей, в которой *ipso facto* без хитрого малого нам не обойтись, да еще вколотим в его буйную голову колоссальное меню, такое, что после не найдешь ни крошки хлеба за десять верст вокруг.

Как летит время, Лумбейра! Не успеешь воткнуть зубы в этот английский пудинг, а глядь, уже все и изменилось, и если вчера ты шарахался на улице от какой-нибудь разряженной шлюшки, то теперь ты крепко сел в лужу, и вот уже бабы шарахаются от тебя. Чего уж врать, в Институте прогнозов «Ветеринария Диого» меня ценили не больше, чем трубку от клизмы, а запах поезда был для меня словно запах конуры для собаки или для вас запах станции Лакроз: я хочу сказать, что

железная дорога для меня, коммивояжера, — дом родной. И вот вдруг, без всякой подготовки — хотя чего было готовиться, я уже подумывал об этом года полтора, — я спустил на них всех собак, хлопнул дверью и ушел. Затем я поступил на работу в «Последний Час», где главный редактор, полное убожество, сделал меня выездным корреспондентом, и если меня не отправляют в Каньюэлас, то уж точно посылают куда-нибудь в Берасатеги.

Не стану спорить: тот, кому приходится ездить, волей-неволей знакомится с приветливой внешностью городских окраин, и нередко ему случается удивляться чему-то новому и необычному, что, как увидите, может сыграть с ним дурную шутку. Не успеешь и рта раскрыть, как, словно мухи на мед, к тебе, газетчику, все слетаются, и приходится отбрыкиваться, черт возьми; короче, дело в том, что не далее чем вчерашеньки меня опять послали в Бурсако, словно бандероль какую-то. Прижатый, как последний идиот, к окошку, я с двенадцати восемнадцати плавился, как кусок сыра, под лучами солнышка, скользя невооруженным глазом то по асфальту, то по крышам, то по домам, то по пустырю, где развалилась свинья. В общем, я не знал куда глаза деть, пока не доехал до Бурсако и не сошел на подходящей станции. Клянусь своими потрохами: у меня не было ни малейшего подозрения по поводу того откровения, что снизошло на меня тем душным вечером. Раз за разом я потом спрашивал себя, кто бы мог подумать, что здесь, в этой дыре под названием Бурсако, я услышу о чуде, которое, как выяснилось, для них то же самое, что скисшее молоко.

Я потащился — а то как же! — по улице Сан-Мартин, и недалеко от врытой в землю огромной

руки, которая предлагала мате «Noblesse Oblige», меня осчастливил своим наличием дом дона Исмаила Ларраменди. Представьте себе безнадежную развалину, привлекательную своей недостроенностью дачку, такую простенькую хибару святого, куда вы сами, дон Лумбейра, хотя и навидались всяких клоповников, не рискнули бы войти без плаща и зонтика. Я прошел через огород, и уже на крыльце, под эмблемой Евхаристического конгресса, передо мной появился mezzo¹ облысевший старичок, в таком чистеньком плащике, что мне страсть как захотелось посыпать его пушком, тем, знаете, что скатывается в карманах. Исмаил Ларраменди — дон Матесито, как его называют, — явил передо мной портновские очки, усы ниточкой и носовой платок, который покрывал весь его затылок. Он уменьшился в росте на пару сантиметров, когда я всучил ему вот эту самую визитку, которую сую вам сейчас под нос и где можно прочесть на бумаге «Витрофлекс»: «Т. Маскареньяс, „Последний Час“». Только он попытался изобразить свое отсутствие, как я заткнул ему пасть, заявив, что уже видел его карточку в полиции, и, хотя он и налепил на себя эти усы, — меня не проведешь. Справедливо полагая, что в столовой тесновато, я вытащил переносную плитку на задний двор, скинул свою шляпенцию в спальне, приклеил свою жопу к креслу-качалке, закурил «Салютарис», которым старикан явно позабыл меня угостить, и, разложив свои вещи на сделанной из сосны этажерке с учебниками «Гальяч», усадил старикашку на пол и заставил его прокрутить пластинку с рассказом о его покойном учителе Венсеслао Сальдуэндо.

¹ Наполовину (*итал.*).

Вы просто не поверите. Он открыл рот и засвистал голосочком сладким, как у окарины, который, слава те Господи, я уже не слышу, потому что сидим мы в этом молочном кафе на улице Боэдо. Не успел я в себя прийти, как он уже вещал:

— Взгляните-ка сюда, сеньор, в это крошечное окошечко: через него вы без труда различите, за второй рукой с чашкой мате, маленький домик, которому не мешало бы, черт его дери, быть и побольше. Поверьте мне, сеньор, вам стоит сотворить крестное знамение и попросить у этого дома исполнения трех желаний, потому что под его крышей жил человек, который заслужил лучшей участи, чем стать жертвой этих кровососов, не щадящих ни бедняка, ни миллионера. Я говорю о Сальдуэндо, сеньор!

Протекло сквозь это окошечко¹ лет сорок — точнее сказать, тридцать девять — с того незабываемого вечера, а может, и с раннего утречка, когда я познакомился с доном Венсеслао. С ним или с кем другим, ибо с годами память ветшает, а кончается все тем, что не помнишь, с кем вчера в баре «Конституция» выпил стакан то ли молока, то ли пивка, которое так согревает душу. Неважно как, но я познакомился с ним, мой дорогой сеньор, и мы поговорили обо всем понемножку, но особенно о поездах, идущих в Сан-Висенте. Так ли, иначе ли, я в кепке и дорожном плаще по будням ездил до

¹ Речь идет, понятно, о самом примитивном из всех моноклей. Наш герой симпровизировал его, используя большой и указательный пальцы, приложил его к глазу и, подмигнув, добродушно рассмеялся. *Tout comprendre, c'est tout pardonner* [Все понять — значит все простить (франц.)]. (Замечание, *griffonnée* [нацарапанное (франц.)] доктором Гервасио Монтенегро.)

Пласы на пригородном в шесть девятнадцать; дон Венсеслао уезжал на поезде в пять четырнадцать, и я издалека видел, как он шагал, обходя замерзшие лужицы в дрожащем свете фонаря Кооперативного общества. Он, как и я, был рьяным приверженцем дорожных плащей, и несколько лет спустя, кажется, нас даже сфотографировали в таких плащах.

Я всегда, сеньор, был самым решительным противником того, чтобы влезать в чужую жизнь, и поэтому не позволял себе спросить моего нового друга, зачем он всегда ездит с карандашом «Фабер» и рулоном корректур, да еще со словарем Роке Барсии — это ж такая тяжесть, столько томов! Но вы понимаете, какое меня раздирало любопытство, и вдруг оно неожиданно было удовлетворено: дон Венсеслао сам сказал мне, что работает корректором в издательстве «Опортет и Эресес», и предложил помочь ему в работе, которой он занимался с завидным усердием, чтобы убить время в поезде! Признаюсь честно: мои знания весьма скудны, и в первый момент я засомневался, получится ли у меня; однако природное любопытство победило, и прежде, чем в вагоне появился кондуктор, я уже погрузился в гранки «Среднего образования», труда Амансио Алькорты. Черт возьми, до чего же мало мог я сделать при первом моем вхождении в мир литературы, но, увлеченный глобальными проблемами педагогики, я все читал и читал, не замечая чудовищных опечаток, переставленных строк, пропущенных или перепутанных страниц. Когда я добрался до Пласы, мне практически осталось прочесть лишь последнюю главку, но на следующее утро, к великому изумлению моего нового друга, прямо

на перроне я снова уткнулся в гранки с карандашом в руках, который предусмотрительно приобрел во вполне солидном заведении — книжном магазине «Европа».

Месяца полтора продолжались наши занятия корректурой, которые были, честно говоря, великолепной школой для изучения основ испанской орфографии и пунктуации. От А. Алькорты мы перешли к «Социальной педагогике» Ракели Каманья, не пропустили и «Литературной критики» Педро Гойены, которая позволила мне насладиться вечно живыми прелестями «Апельсинов в цвету» Хосе де Матураны или «Сентиментального дилетантизма» все той же Ракели Каманья. Я не могу похвалиться вам другими названиями, потому что дон Венсеслао однажды вдруг решительно сказал мне, что оценил мое усердие и стремление помочь, но, к сожалению, вопреки его воле, он, видимо, будет вынужден прервать меня, потому что сам дон Пабло Опортет в скором времени повышает его по службе, и это даст ему возможность скопить приличный капиталец. Что за черт: дон Венсеслао говорил мне о таких светлых перспективах своего материального положения, а я видел его потухший взор, и ходил он как в воду опущенный. Через неделю, выходя из бара «Конституция» с пакетиком маисовых баранок, которые я купил для внучек сеньора Маргулиса — того, что держит аптечную лавку в Бурсако, — я имел счастье столкнуться с доном Венсеслао, когда он расплачивался за подгоревший, весь сморщенный омлет и пару здоровенных чаш грога, пахнувшего так, что я даже закашлялся; рядом прикуривал сигару какой-то дежурный мешок, с оливковой кожей и в дорогом

каракулевым пальто. Этот денежный мешок приглаживал усы и говорил со своим соседом так, будто обещал ему золотые горы; но на лице сеньора Венсеслао я заметил смертельную бледность. На другой день, прежде чем отправиться в Тальерес, он доверительно поведал мне, что его вчерашним собеседником был сеньор Молох из торговой фирмы «Молох и Молох», которая прибрала к рукам книжные лавки на улицах Июльская и Ривера. Он добавил, что подписал контракт с этим сеньором, который сейчас просиживает в турецких банях, где напропалую дуется в карты, на предмет поставки научных трудов и почтовых карточек. К тому же мой благодетель признался мне, не без колебаний, что руководство назначило его ответственным управляющим издательства. В этом новом качестве он уже присутствовал на расширенном заседании типографского центра, где, правда, едва он удобно устроился в кресле, как его живо одернули эти астурийцы. Сеньор, я слушал его как замороженный, и в этот момент поезд резко дернулся и на пол упал один из тех листов, корректурой которых дон Венсеслао занимался. В благородном порыве я сразу же оказался на четвереньках, чтобы поднять лист. Лучше бы мне этого не делать: я увидел непотребную картинку и покраснел как вареный рак. Я притворился, как мог, что ничего не заметил, и протянул листок так, как будто в руках у меня был вполне благочестивый рисунок. Мне повезло, что дон Венсеслао — сущий Тристан Суарес — не осознал того, что случилось.

На следующий день, в субботу, мы уже не ехали вместе: это значит, что сначала уехал один, а затем другой.

Когда денек стал клониться к вечеру, я бросил взгляд на календарь и меня стукнуло: ведь в воскресенье — мой день рождения. Это подтвердила и тарелка с пирожками, которые всегда преподносит мне к этому дню сеньора Акино Дериси, принимавшая роды у моей матери. Ловить аромат этого чуда кулинарии, настолько мне родного, и думать, что, пожалуй, здорово бы провести вечерок с сеньором Сальдуэндо, ложилось, как говорят у нас в Бурсако, один к одному. Благоразумно выжидая на кухне захода солнца — чрезмерное любопытство соседей у нас в порядке вещей, — я до восьми с четвертью разрисовывал мебельюшку, которую изготовил из ящичков из-под сахара «Лансерос». Хорошенько закутавшись в пончо, ибо вечерняя свежесть коварна, я отправился на одиннадцатом номере — то есть на своих двоих — к дому учителя и друга. Я вошел, как собака в свою конуру, потому что дверь у сеньора Сальдуэндо была всегда открыта, сеньор, как и его сердце. Гостеприимный хозяин блистал своим отсутствием! Чтобы зазря не ходить туда-сюда, я решил чуток подождать — а вдруг он сейчас вернется. Около умывальника, не слишком далеко от таза с кувшином, находилась кипа книг, которые я позволил себе просмотреть. Я снова повторяю: лучше бы мне этого не делать — это были книги издательства «Опортет и Эресес». Верно говорят: меньше знаешь — лучше спишь; до сего дня я не могу забыть книг, которые издавал дон Венсеслао. Страницы пестрели голыми бабами во всей красе, а на обложках значилось: «Благоухающий сад», «Китайский шпион», «Гермафродит» Антонио Панормитано, «Кама-сутра и/или Ананга-Ранга», «Печальные

одеяния», были также произведения Элефантиса и Архиепископа из Беневенто. Вот так клубничка! Я не какой-нибудь отъявленный пуританин, и порой не прочь гульнуть, и ухом не веду, когда слышу смачные выражения того святоши из Турдеры, но, знаете, это ни в какие ворота не лезло, и я решил пойти спать. И сразу же ушел, правду говорю.

Прошло несколько дней, а я ничего не знал о доне Венсеслао. А потом по округе прокатилась сногшибательная новость, и я был последним, кто узнал ее. Однажды вечером подмастерье парикмахера показал мне газету с фотографией дона Венсеслао, на которой он был более всего похож на темно-коричневого негра; над фотографией я прочитал заголовок: «РАЗРАСТАЕТСЯ СКАНДАЛ С ИЗДАТЕЛЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ГРЯЗНАЯ АФЕРА». У меня подкосились ноги, в глазах помутилось, и я рухнул в кресло. Не понимая ничего, я дочитал статью до конца, но больше всего меня расстроил непочтительный тон, каким они говорили о сеньоре Сальдуэндо.

Два года спустя дон Венсеслао вышел из тюрьмы. Без лишнего шума — что и было в его натуре — он вернулся в Бурсако, тощий, как скелет, но с высоко поднятой головой. Он распрощался с поездами и не выходил из дома даже на прогулки по близлежащим окрестностям. Вот тогда-то, да будет вам известно, его и наградили ласковым прозвищем «Дон Старая Черепаха», ведь он никуда не выходил, и было почти невозможно встретить его где-нибудь на фуражном складе Буратти или же на птицеферме Рейносо. Он никогда не хотел вспоминать о причинах своих несчастий, но, связав концы с концами, я понял, что сеньор Опортет просто-

напросто воспользовался безграничной добротой дона Венсеслао и взвалил на него всю ответственность за свою книготорговлю, когда увидел, что дело труба.

С благородным намерением поднять дону Венсеслао настроение, я вытащил его однажды в воскресенье — а случай подвернулся подходящий — к внукам доктора Маргулиса, нарядившимися *piérot*, а на следующий день отправился к нему с мыслишкой, а не пойти ли нам по бабам. Да какое там! Я был полным идиотом с этим своим желанием развлечь его!

Дон Черепеха заваривал на кухне мате. Я сел спиной к окну, которое сейчас выходит на задворки клуба «Спортивный союз», а раньше там было чистое поле. Учитель с великой учтивостью отклонил мое предложение и с несравненной добротой человека, привыкшего часами прислушиваться к голосу сердца, добавил, что не испытывал недостатка в развлечениях с того момента, как Верховный суд предоставил столь неопровержимые доказательства его вины.

Рискуя прослыть занудой, я упросил его пояснить свою мысль; не выпуская из рук чайничка гранатового цвета, этот провидец ответил:

— Обвиненный в мошенничестве и торговле непристойными книгами, я был заключен в камеру двести семьдесят два Национальной тюрьмы. Там, между четырех стен, больше всего меня беспокоило время. В первое утро первого дня я подумал, что сейчас мне хуже всего, но, когда наступит следующий день, станет чуть полегче, и так далее до последнего, семьсот тридцатого, дня. Но беда в том, что как ни крути, а время не шло быстрее, и я все оставался

в начале утра первого дня. Вскоре я вспомнил все известные способы скоротать время. Принялся считать. Прочел наизусть Преамбулу к Конституции.

Стал перебирать названия всех улиц между улицами Балькарсе и авенидой Ла-Плата, а также между Ривадавия и Касерос. Потом перешел к северным кварталам и перечислил улицы между Санта-Фе и Триумвиратом. К счастью для себя, я сбился в районе улицы Коста-Рика, что дало мне возможность убить немного времени, и так я дотянул до девяти утра. Возможно, тогда в мое сердце и постучался святой, и я стал молиться. На меня снизошло просветление, и ночь пролетела незаметно. Через неделю я уже не вспоминал о времени. Поверьте, мой юный Ларраменди, когда закончились два года моего заключения — мне показалось, что они пролетели как один миг. По правде сказать, Господь одарил меня множеством видений, и все они воистину бесценны.

Лицо дона Венсеслао после этих слов прояснилось. Сначала я заподозрил, что причина этому — воспоминания, но тут же понял: что-то происходит за моей спиной. Сеньор, я обернулся. И увидел то, что видел дон Венсеслао.

В небе что-то беспрестанно двигалось. От нашей сельской конторы «Манантьялес» и от поворота железной дороги вверх взмывали какие-то огромные предметы. Все они устремлялись к зениту. Казалось, что одни из них кружатся вокруг других, не нарушая при этом общего движения вверх. Я не мог оторвать от них глаз и сам словно поднимался вместе с ними. Как есть вам говорю: я еще не понял, что это за предметы, но уже тогда от них на меня изливалась благодать.

Я уже потом подумал, что, может быть, они сами светились, — ведь был уже вечер, а я все же различал их преотлично. Первое, что я распознал, — и следует признать, что это странно, потому что сама форма предмета различалась нечетко, — был вот такой величины фаршированный баклажан, который тут же исчез из поля зрения, скрывшись за навесом веранды, но уже за ним вослед устремился огромный пирожок, который, по скромным подсчетам, сеньор, достигал километра полтора в длину. Справа и несколько выше поражало воображение пучеро по-испански, с кровяной колбасой и шпиком, сопровождаемое кусочком атеринки — рыбки, которую вы вряд ли где могли видеть. Весь запад покрывало ризотто, а в южной части неба собирались вместе фрикаделька, тыквенный десерт и топленое молоко. Справа по борту от кулебяк с неровными боками под мантией из нескольких шипящих омлетов шествовало на восток матамбре. Пока я в здравом уме и твердой памяти, меня всегда будет греть воспоминание о двух потоках — они пересекались, но не смешивались: один из куриного бульончика, а другой из супа с громадными кусками мяса, и, увидев такое, понимаешь, что все это правда насчет радуги. И, не подавшись я кашлем, оторвавшим меня в тот момент от видения, я бы не потерял из виду котлету из шпината, которую закрыли потрошка паррильяды, не говоря уже о коричных веточках, которые, расправившись веером, завладели небесным сводом. Все это смел свежий сыр, дырчатая поверхность которого охватила все небо. Сей продукт питания застыл, словно нахлобученный на наш мир, и я даже подумал, а не был ли он здесь всегда, как звезды, как небесная

синева. Но через мгновение от этого ресторанного изобилия и следа не осталось.

О-о! Ни единого слова не сказал я на прощание дону Венсеслао. На подкашивающихся ногах я пробежал километра два и прямо-таки влетел в привокзальный ресторанчик — и надо было видеть, как я там обжирался.

Я рассказал вам все, сеньор. Или почти все. Больше мне не довелось наблюдать ни одного видения дона Венсеслао, но что-то мне подсказывает, что и остальные были не менее чудесными. Ведь я считаю сеньора Сальдуэндо благородным человеком, несмотря на то что вся округа в тот вечер пропахла подгоревшим мясом.

Двадцать дней спустя от сеньора Сальдуэндо осталось одно бездыханное тело, и его душа, возможно, вознеслась на небо, где, без сомнения, ее сейчас сопровождают все эти закуски и десерты.

Я благодарю вас за то, что вы меня выслушали. И мне лишь остается сказать: да благословен будет путь ваш.

— Да и вам пусть укропчика с неба навалит.

Пухато, 18 октября 1946 года

Праздник чудовища

Здесь начало его скорби.

Иларио Аскасуби.

«Рефалоса»

— Наперед скажу тебе, Нелли, что день прошел по всей форме: настоящий гражданско-патриотический денек. Плоскостопие и предрасположенность к одышке, из-за короткой шеи и бегемотова брюха, поставили меня лицом к лицу с серьезным противником в виде сильного утомления, особенно если принять в расчет, что накануне вечером я собирался лечь спать вместе с петухами, чтобы не опростоволоситься на праздничном перформансе. План мой был прост как пять пальцев: отметить в двадцать тридцать в комитете, в двадцать один час рухнуть замертво на кровать и приступить, прижавшись щекой к бугорку кольца под подушкой, к Великому Сну Века, чтобы вновь быть на ногах при первом петушином крике, когда за мной заедут на грузовике. Но скажи на милость, согласна ли ты, что удача — как лотерея: рьяно угождает кому угодно, но только не тебе? Я проходил по шатким досочкам мостика напротив дорожной полиции, еще шаг — и я бы поплыл в водовороте, как вдруг неожиданно-негаданно повстречался со своим другом по прозвищу Молочный Зуб — из тех людей, с которыми нет-нет да и пересечешься в самом неожиданном месте. Как только я увидел этот оскал госслужащего, сердце у меня екнуло: похоже, и он идет в комитет; и, уже обмениваясь мнениями на предстоящую перспективу, мы заговорили

о раздаче стволов для великого парада и о том, что, на наше счастье, в Берасатеги есть один еврей, которому можно сбыть их как металлолом. Подстраиваясь к очереди, мы поспешили сообщить другу другу на фене, что, как только нам доведется завладеть огнестрельным оружием, мы переберемся в Берасатеги, хотя бы одному из нас пришлось перенести туда другого на закорках, а там, набив пузо (то бишь бумажник) капустой, вытащим, к удивлению очередного чинуши, два обратных билета в родную Толосу! Но по фене, видать, мы ботаем еще хуже, чем по-английски, потому что до Зуба не доходило ни словечка, а до меня тем более, и наши товарищи по очереди служили нам переводчиками, да так рьяно, что чуть не прободали мне барабанную перепонку, и передавали друг другу замушенный карандаш, чтобы записать себе адрес того еврея. К счастью, сеньор Марфорнио, который тощее щелочки для монет на обменном автомате, принадлежит к разряду таких старикашек, что, пока ты принимаешь его просто за кучку перхоти, он способен нажать на самые потаенные пружины простонародной души; поэтому немудрено, что он разом расстроил наши намерения, отложив раздачу стволов до самого дня мероприятия, под тем предлогом, что департамент полиции задерживает отправку оружия. Не отстояли мы и полутора часов в очереди пострашнее, чем за керосином, как удосужились услышать из собственных уст сеньора Пиццурно приказ рысцой очистить место, который мы и привели в исполнение, не сдержав, впрочем, таких воодушевленных криков «ура!», что их не смогли прервать даже яростные удары метлой этого паралитика, который выполняет обязанности привратника при комитете.

На благоразумном расстоянии наша ватага воссоединилась. Лойакомо пошел чесать языком почище соседского радио. Эти краснобаи горазды навешать такой лапши на уши, что потом человек — то бишь нижеподписавшийся — и глазом моргнуть не успеет, как вдруг уже дуется в очко в кабачке Бернардеса; ведь ты наверняка печалишься, воображая, что я всю ночь повеселился на гулянке, между тем как, по горькой правде, меня обчистили до нитки, не оставив даже утешительной возможности прокричать: «Подфартило!» хоть один разочек.

(Спокойно, Нелли, стрелочник уже устал пожирать тебя глазами и отъезжает, как пижон, на дрезине. Позволь твоему утенку Дональду ущипнуть еще разок твою шейку.)

Когда наконец я свернулся в клубок на койке, ходули мои так гудели от усталости, что я сразу уловил, что теперь-то укрепляющий сон от меня не уйдет. Но, увы, я не угадал своего противника — собственный здоровый патриотизм. Я не мог думать ни о чем другом, кроме Чудовища; только о том, что на следующий день я увижу воочию, как оно улыбается и говорит, в этой знакомой манере аргентинского политикана. Клянусь тебе, я так разволновался, что даже стал задыхаться, как кашалот, под сбившимся одеялом. Только поутру, в час отлова бродячих собак, я забылся тяжелым сном, вымотавшим меня еще больше, чем бдение; впрочем, сначала мне приснился один вечер, когда я был пацаном и покойная моя матушка возила меня за город. Поверь мне, Нелли, я ни разу больше не вспоминал о том вечере, но во сне вдруг понял, что это был самый счастливый вечер в моей жизни; и это несмотря на то, что я не помню почти ничего, кроме

воды с отраженными в ней листьями и белой-пре-белой, смирной-пресмирной собаки, которую я гла-дил по хребтине; к счастью, я выбрался-таки из этих ребяческих дебрей, и мне стала сниться наша жизнь, злоба дня, так сказать: Чудовище назначило меня своим любимым зверьком-талисманом, а чуть погодя — и своим Великим Псом Бонзой. Я про-снулся, и оказалось: я проспал только пять минут, а приснилась такая куча нелепиц. Решив, что пора с этим кончать, я обтерся мокрой кухонной тряп-кой, позапихивал мозоли в обувь фирмы «Фрай Мочо», замотался выше и ниже пупа в рукава и штанины шерстяного костюма, нацепил шерстя-ной галстук с рисунком из мультика, помнишь, тот, что ты подарила мне в День водителя автобусного транспорта, и выбежал на всех парах, потому что какой-то жук прогудел по улице и я принял его за наш грузовик. По каждой ложной тревоге, как толь-ко проезжала машина, которую можно (или нельзя) было спутать с грузовиком, я выскакивал, как проб-ка, гимнастической рысцой, в мгновенье ока пре-одолевая пятьдесят метров, отделяющие третий двор от входных ворот. С юношеским энтузиазмом рас-певал я наш знаменный марш, но к без десяти две-надцать возвращался уже охрипший, и в меня уже не бросались чем попало выскочки из первого дво-ра. В тринадцать двадцать — вовремя — приехал грузовик, и, когда товарищам по крестовому похо-ду посчастливилось увидеть меня, невзирая на то что в то утро я не брал в клюв даже зернышка из кормушки попугайчика квартирной хозяйки, все проголосовали за то, чтобы не брать меня, под тем предлогом, что едут они на грузовике мясника, а не на подъемном кране. Я все-таки примостился в ка-честве прицепа, и мне сказали, что, если я обещаю

не разродиться до Эспелеты, меня повезут, как мне и следует, то есть тюком на багажнике, но в конце концов уступили уговорам и привели меня в полустоячее положение. Подобно ласточке ринулся вперед наш молодежный грузовик и, не проехав и полквартала, остановился как вкопанный перед зданием Комитета. Вышел седой бочонок, который начал помыкать нами как хотел, и, прежде чем нам успели почтительно вручить книгу жалоб, мы в каком-то тупике, как скот перед забоем, уже обливались потом, да таким ароматным, будто затылки у нас из сыра «Маскарпоне». Одна пушка на брата — по такому алфавитному принципу шла раздача; вдумайся, Нелли, на каждый револьвер приходился один из нас. Не дав нам самой минимальной разумной форы для того, чтобы выстоять очередь перед дверью с буквой «М» или хотя бы пустить с молотка огнестрельное оружие в хорошем состоянии, тот бочонок засовывал нас в грузовик, из которого нам уже не было обратной дороги без зажатой в кулаке рекламной карточки водителя.

В ожидании команды «По коням!» нас продержали полтора часа на солнцепеке, да к тому же на виду у всей нашей любимой Толосы, и как ни гонял легавый пацанов, те спокойно били в нас из рогаток, будто в каждом из нас они видели не бескорыстного патриота, а дичь для поленты. Первые полчаса в грузовике царила дисциплина, лежащая в основании любого сообщества, но потом команда развеселила меня вопросом, записался ли я на участие в конкурсе имени Королевы Виктории, намекая, сама знаешь, на мое барабанное пузо, о котором всегда говорят, что оно должно было быть сделано из стекла, чтобы я хоть иногда мог

разглядеть собственные опорки сорок четвертого размера. Я сипел, как пес в наморднике, но, поглотив пыль в течение часа с небольшим, почти пришел в себя и вновь овладел своим колокольным язычком¹ и, плечом к плечу с товарищами по окопу, не захотел отрываться от хоровой массы, что во всю силу легких разделялась с маршем Чудовища; и так я упражнялся, пока из горла у меня не вырвалось некое полублеяние, которое, честно говоря, правильнее было бы назвать икотой, да такой, что ежели не открыть зонтик (оставленный дома), то будешь плавать на байдарке в каждой плевке, на манер яхтсмена Вито Дюма, Одинокого Мореплавателя. Наконец мы тронулись с места — вот тогда-то и повеяло свежим ветерком, словно мы окунулись с головой в суповую кастрюлю; и пошло-поехало: кто приступил к сэндвичу с копченой колбасой, кто к бутерброду с салами, кто к пирожку с тунцом, кто к полбутылке «Васколе», а кто и к холодному шницелю, хотя, скорее, это произошло уже во время другой поездки, в Энсенаду, но, поскольку я в ней не участвовал, лучше мне об этом промолчать. Я не уставал размышлять о том, что весь этот здоровый и современный молодняк — мои единомышленники, ведь даже самый безвольный и апатичный из нас, хочешь не хочешь, а слушает радиопередачи. Все мы были аргентинцы, все юны, все южане, и спешили мы навстречу своим братьям-близнецам, которые в идентичных грузовиках выез-

¹ Пока мы подкреплялись слойками, Нелли заявила мне*, что в тот момент бедняга высунул вышеупомянутый язык. (*Примечание, пожертвованное юным Рабаско.*)

* Мне она об этом сказала раньше. (*Дополнительное примечание Нано Буттафуоко, подсобного рабочего хозяйственной части.*)

жали из Фьорито и из Вилья-Доминико, из Сьюдаделы, из Вилья-Луро, из Ла-Патерналя, хотя по Вилья-Креспо рыщет еврей, а я считаю, что лучше уж признать, что он прописался на севере Толосы.

Какие проявления энтузиазма наших приверженцев ты прозевала, Нелли! В каждом оголодавшем очаге цивилизации на нас накидывалась настоящая людская лавина, обезумевшая от чистого идеализма, но вожак нашей стаи Гарфункель умел по достоинству отражать набеги этого безродного отребья; сама пораскинь мозгами, ведь среди такого сборища патентованной голытьбы прекрасно мог укрываться в засаде какой-нибудь отъявленный изменник, из тех, что раньше, чем ты объедешь мир за восемьдесят дней, убедят тебя в том, что ты — простофиля, а Чудовище — орудие Телефонной Компании. Не говоря уже о том, что не один наложивший в штаны трус пытался воспользоваться этими беспорядочными набегами, чтобы выбыть из строя конфуцианцев и как бы между прочим репатрироваться в родной дом; но — увы! — тебе придется с горечью признать, что из двух шалопаев один рождается на свет босиком, а другой сразу в шикарных роликовых коньках, потому что едва мне начинало казаться: вот-вот я отцеплюсь от машины, — как тут и настигал меня пинок сеньора Гарфункеля, возвращая меня в лоно храбрецов. На первых порах местные встречали нас с поистине заразительным энтузиазмом, но сеньор Гарфункель, который не из тех, что носят пушку просто для красоты, запретил водителю притормаживать, не ровен час — какой-нибудь живчик решит поупражняться в стремительном побеге. Все обернулось по-другому в Кильмесе, где ребята получили разрешение размять затекшие мозоли; но кто отде-

лится от группы в такой дали от долгожданного вознаграждения? До этого великого момента, сказал бы сам Цоппи или мать его, все шло как по писаному, но нервы у ребят не выдержали, когда пахан, как в обиходе зовут Гарфункеля, укоротил нас, приказав запечатлеть на каждой стене имя Чудовища, чтобы затем нагнать транспортное средство со скоростью средства слабительного, не приведи Господь — какой-нибудь чудака вскипятится и потопают за нами с кулаками. Когда пробил час испытания, я зажал в руке револьвер и спустился с грузовика, готовый на все. Даже на то, Нелли, чтобы продать его за три куска. Но ни один потенциальный клиент не высунул носа, и я отвел душу, как попало царапая буквы на заборе, да так увлекся, что, потратив я на это еще одну лишнюю минуту, грузовик бы удрал от меня — и поглотил бы его горизонт — по пути к гражданским добродетелям, к скоплениям народа, к братанию, к празднику Чудовища. Да, только для людских скоплений и годился грузовик, когда я вернулся туда весь расплавленный, как сыр в футболке, и с высунутым языком. Грузовик к тому времени застопорился и был так неподвижен, что ему не хватало только художественной рамки, чтобы превратиться в фотографическую карточку. Слава Богу, был в наших рядах гнусавый Табакман, больше известный как Глобондальный Червяк, этот заядлый механик, который после получасовых поисков мотора, выпив все пиво «Бильц» из моего второго верблюжьего желудка (я настаиваю, чтобы так называли мою фляжку), откровенно заявил, что умывает руки, потому что механизм «фарго» для него тайна за семью печатями.

Если я не ошибаюсь, приходилось мне как-то читать в одном из этих стильных журналов, что

нет худа без добра; и точно: Папа Бог подкинул нам забытый им же велосипед взамен пачки капусты, и сдается мне, что драндулет к тому времени уже требовал полной замены резины, потому что велосипедист и ноздрей не повел, когда сам Гарфункель нагрел сиденье седалищем. Тот как оглашенный сорвался с места, словно почуял запах целой охапки зеленых, скорее было похоже, что сам Цоппи или мать его оснастили Гарфункелеву задницу петардой Фу-Ман-Чу. Были среди нас и такие, что расслабили пояса на животах, чтобы посмеяться всласть, глядя, как потешно он нажимает на педали, но, пробежав пару кварталов, наступая ему на самые пятки, потеряли-таки его из виду, поскольку пешеход, даже обув все четыре конечности в ботинки марки «Пекю», не удержит свой лавровый венок непобедимого атлета рядом с Господином Велосипедом. Порыв сознательного энтузиазма был таков, что быстрее, чем ты, моя толстушка, очистишь прилавок от сдобных булочек, парень скрылся за горизонтом, думается мне, курсом прямо на хазу, в Толосу...

Твой поросенок признается тебе как на духу, Нелли: не один, так другой уже вострил лыжи, снедаемый зудом Великого Стрекачухена; но, как я не устаю подчеркивать, в час, когда борец уже изнурен и над ним сгущаются черные тучи, вперед вырывается молодчага передний нападающий и — забивает гол; для родины это — Чудовище, для нашей команды в состоянии явного разложения — водитель грузовика. Этот патриот — я снимаю перед ним шляпу — рванулсЯ вдогонку и резко остановил самого шустрого из группы беглецов. Столь внятное сообщение донес он так неожиданно до моего разума, что на следующий день из-за

полученных шишек все принимали меня за чубарую кобылу пекаря. Простершись во прахе, я возносил к небу такие «ура», что соседи вонзали пальцы в барабанные перепонки. Тем временем водитель грузовика расставил нас, патриотов, гуськом, и если кто-нибудь пытался отделиться от группы, стоящий за ним в затылок был неограниченно уполномочен так пнуть его в задницу, что мне до сих пор больно сесть. Прикинь, Нелли, вот повезло последнему в ряду: никто не заезжал ему в тыл! Ну, и тот водила перегнал наше сборище плоско-стопых до какой-то местности, которую я не колеблясь могу охарактеризовать как нечто в радиусе Дом Боско или, ладно, Уильде. А там случай пожелал, чтобы судьба поместила нас в пределы досягаемости автобуса, идущего по направлению к въезду в усадьбу «Ла-Негра». Он упал на нас, как мана небесная. Водитель грузовика, под дудку которого водитель автобуса согласился плясать по той причине, что они еще в героические времена народного зверинца «Вилья-Доминико» были неразлучны, как два горба одного и того же верблюда, умолил этого каталонца отвезти нас. Не успел тот выкрикнуть свое «а-ну-все-живо-влезли!», как мы уже приумножили контингент, заполнявший транспортное средство, хохоча так, что гланды было видно, над малосильными дуралеями, которым не удалось втереться за нами внутрь машины; перед нами зажегся, как говорится, зеленый свет, чтобы вернуться в Толосу, не попортив себе крови. Преувеличу ли я, Нелли, если скажу, что жались мы, как в городском автобусе, что потели мы, как сельди в бочке,— совсем как ты в тесноте женского туалета в Берасатеги. А какие среднеинтересные истории случились с нами! Умолчу о пердунате, спетой впол-

голоса итальяшкой Супманом, когда мы проезжали Саранди, и поаплодирую отсюда всеми четырьмя руками Глобоидальному Червяку, который по праву завоевал орден Истинного Уморителя, заставив меня под угрозой щелчка в темечко открыть рот и закрыть глаза,— шуточка, с помощью которой он не моргнув и глазом набил мне пасть всяческим сором из задних карманов брюк. Но хорошенького понемножку, и, когда мы уже не знали, чем заняться, один ветеран передал мне перочинный ножик, и все мы поочередно сжимали его в кулаке, превращая в решето кожу сидений. Для отвода глаз все делали вид, что заняты подтруниванием надо мной, а потом нашлись ловкачи, которые стали выпрыгивать, как блохи, из автобуса и впечатываться в асфальт, чтобы эвакуироваться из нашей колымаги, прежде чем водитель обнаружит нанесенный ущерб. Первым приземлился Симон Табакман, который чуть не изувечился, шлепнувшись задом; через некоторое время за ним последовал Щепка Цоппи или мать его и, наконец, хоть лопни от досады,— Рабаско; тотчас же следом за ним Спатола, доро¹ баск Спесиале. Во внутренних автобуса Морпурго занялся втихую обширным сбором картонок, бумажек и пакетов, движимый навязчивой идеей заготовить материал и развести костер по всем правилам, так чтобы дотла выгорел весь «броквей»,— таким образом он намеревался предотвратить углубленное обследование порезов, оставленных перочинным ножиком. Пиросанто, этот безродный заика, из тех, что всегда носят в карманах больше спичек, чем бабок, обратился в бегство на первом же вираже, чтобы у него

¹ Затем (итал.).

не позаимствовали ненароком коробку спичек «Ранчерита»; однако он чуть было не сорвал побег, как же иначе, из-за сигаретки марки «Вулкан», врасплох вытащенной им у меня изо рта. Я, не ради бахвальства, чуть-чуть расхорохорившись, уже скорчил рожу, чтобы дебютировать первой затяжкой, когда Пиросанто одним махом выхватил сигарету, а Морпурго, как будто желая подсластить мне пилюлю, подхватил спичку, что уже озаряла мне цыпки на ногах, и поджег ею бумажную кучу. Не успев даже сорвать с головы канотье, котелок или цилиндр, Морпурго смылся на улицу, но я, при всем своем пузе, все же опередил его и выбросился раньше, подставив ему для приземления матрас, самортизировавший удар, так что он чуть не продырявил мне брюхо своими девянота килограммами веса. Черт побери, когда я наконец выпростал изо рта въехавшие туда высокие, по колено, кожаные сапоги Маноло М. Морпурго, автобус уже горел на горизонте, ну ни дать ни взять как гриль у Перосио, а сторож-водитель-владелец горько оплакивал, причитая, свой капитал, превращающийся у него на глазах в черный дым. Собравшаяся поодаль ватага смеялась, готовая, клянусь Чудовищем, броситься врассыпную при малейшей опасности. Червяку, этому страшному балагуру, пришла в голову шутка, услышав которую с разинутой варежкой ты затрясешься от смеха как желе. Внимание, Нелли. Вот она, эта шутка, разуй уши. Раз, два, три и — БАЦ. Он сказал — и смотри не отвлекайся больше и не подмигивай тому засранцу, — что автобус горел прямо как гриль у Перосио. Ха-ха-ха!

Внешне я был весел и беззаботен, но на душе было беспокойно. Раз уж каждое слово, слетевшее с моих губ, ты высекаешь на своих мозгах долотом,

может быть, ты припомнишь водителя грузовика, что на пару с водилой автобуса были как два горба одного верблюда. Понимаешь теперь, почему уверенность в том, что этот записной чемпион по рестлингу станет союзником слезоточащего друга, чтобы покарать нас за нехорошее поведение, уже закралась в голову самых проникательных из нас? Но не дрожи за своего милого кролика, водила грузовика выступил за взвешенный подход и догадался, что тот, другой, лишившись автобуса, уже не был олигархом, ради которого стоило выходить из себя. Он улыбнулся своей добродушной ухмылкой, раздал для поддержания дисциплины несколько дружеских пинков (вот мой зуб, выбитый во время экзекуции и перекупленный у него затем на память) и — в шеренгу становись! Вперед, шагом марш!

Что за вещь — сплоченность! Стройная колонна то проникала в залитые грязной водой лагуны, то карабкалась по горам из мусора, коими отмечены въезды и входы в столицу, не потеряв при этом дезертирами и трети, если округлить, от первоначальной группы, вышедшей из Толосы. Кое-какой неисправимый хроник позволял себе выйти из рамок приличия и закурить сигаретку «Салютарис», конечно, Нелли, согласовав это с водилой грузовика. О, что за картинка, достойная самых ярких красок: впереди шел Спатола со знаменем, причем на шерстяной костюм сверху была натянута парадно-выходная футболка, за ним шеренгой из четырех — Червяк и т. д. и т. п.

Едва пробило, наверное, девятнадцать пополудни, когда мы наконец добрались до проспекта Митре. Морпурго покатился со смеху, подумав, что мы уже в Авельянеде. Так же хохотали толстосумы, которые — рискуя упасть с балконов, грузовиков

и всяких автобусов — смеялись над тем, что мы движемся на своих двоих, без единого намека на транспортное средство. К счастью, Бабуля горазд на выдумки, а на другом берегу Риачуэло как раз жавели грузовики канадской национальности, закупленные всегда предусмотрительным Институтом в качестве головоломок в диверсионном отделе американской армии. Мы, подобно обезьянам, вскарабкались на один такой грузовик цвета хаки и, распевая «Прощай, я уйду в слезах», стали ждать, пока какой-то помешанный из вышеупомянутого учреждения, проинструктированный Глобидальным Червяком, не заведет двигательный механизм. Слава Богу, что Рабаско, даром что физиономия у него как задница, имел блат у одного сторожа из Монополии, и после предоплаты билетов мы набились в трамвай, производивший больше шума, чем любой испашка. Трамвай — тили-тили-бом — рванул по направлению к центру; он шел торжественно, как выступает молодая мать под взглядом младенца, неся в животе новые поколения, которые завтра заявят свои права на великие яства жизни... В его лоне — одна нога на подножке, другая без определенного места жительства — ехал твой любимый клоун, ехал я. Досужий наблюдатель сказал бы, что трамвай пел; он рассекал воздух, подталкиваемый пением, и мы были его певцами. Не доехав до улицы Бельграно, мы были вынуждены резко остановиться и простоять минуты двадцать четыре; я весь вспотел от мыслей и из-за того, что окружавший нас огромный автомобильный муравейник не давал нашему средству передвижения физически тронуться с места.

Водила грузовика проскрежетал: «На выход, ша-лопаи!», и мы вылезли из трамвая на перекрестке

Такуари с Бельграно. Через два или три квартала по Бельграно в воздухе повис немой вопрос: горло пересохло и требовало жидкости. Магазин спиртных напитков «Пуга и Гальяч» предлагал нам решение в первом приближении. Промедление смерти подобно; но — чем мы будем платить? В этом затруднительном положении водила грузовика показал себя как мужик по-настоящему пробивной. Испытывая терпение присутствовавшего при этом дога, который в конце концов стал косо на него смотреть, он так подставил мне ногу на глазах у веселящейся публики, что я нахлобучил себе на голову решетку стока до самых ушей, а из жилетки у меня выпала монета в двадцать сентаво, которую я приберег на случай, если появится уличный торговец с тележкой, чтобы не играть, как всегда, жалкой роли. Монета переключалась в общий кошелек, а водила, довольный исходом дела, перенес внимание на Соузу. Соуза — правая рука Гоувейи, который торгует «Пластырем Перейра», ну ты знаешь, это который еще прославился как «Научная Тапиока». Соуза, отдающий всего себя для «Пластыря», получает за него деньги, так что немудрено, что в один присест он тут же пустил в обращение столько банкнот достоинством до полпесо, что такого количества сразу не видал и полоумный зек по прозвищу Переводная Картинка, который попался в тот момент, когда дешевой краской рисовал свою первую банкноту. Впрочем, деньги у Соузы были не фальшивые, его хрустящей наличностью были оплачены все наши «Киссотти», так что уходили мы от туда уже наклюкавшись в стельку. Бо, когда лабаёт на гитаре, думает, что он Гардель. Больше того, он думает, что он Готузо. Больше того, он думает, что он Гарофало. Нет, даже больше того, он думает,

что он Джиганти-Томассони. Гитары как таковой в питейном заведении не было, но к Бо привязалась песня «Прощай, моя пампа», и мы все пели хором, и наша юношеская колонна была как единый вопль. Каждый из нас, несмотря на юный возраст, пел что Бог на душу положит, до тех пор пока не отвлекло нас от пения появление некоего мойши, внушавшего уважение бородой. Этого мы пощадили, но так легко не отделался от нас другой жид, меньшего формата, более удобный, более практичный, более сподручный в употреблении. Это был жалкий очкарик, лишенный всякой спортивной мускулатуры. Рыжие волосы, книжки и учебники под мышкой. Он зарекомендовал себя сначала как тип рассеянный, чуть не сбив с ног нашего знаменосца Спатолю. Бонтифарро, зануда в частности, сказал, что он не потерпит, чтобы в его присутствии безнаказанно попирали штандарт и фотографию Чудовища. Прямо тут он и предал его в руки Стопудовому Малышу по имени Каньяццо. Стопудовый, у которого на семь бед один ответ, выпустил мое ухо, свернутое им наподобие кулька с орешками, и с целью угодить Бонтифарро сказал жидовичу, что хорошо бы проявить чуть больше уважения к чужому мнению, дорогой товарищ, и поприветствовать изображение Чудовища. Жид ответил чудовищной нелепостью, что, мол, у него тоже есть свое мнение. Малыш, которого объяснения только утомляют, подтолкнул его ручищей, увидь которую мясник — конец бы пришел дефициту телячьей вырезки и отбивных. Он вытолкнул его на пустырь, из тех, на которых в один прекрасный день вдруг могут построить автомобильную стоянку, прямо напротив глухой девятиэтажной стены без окон и дверей. Тем временем сзади на нас напирала не-

терпеливые зеваки, и наш нулевой ряд был зажат как сэндвич с салями между этими чокнутыми борцами за панорамные виды и бедным затравленным смотри выше, который, видите ли, тоже вышел из себя. Стопудовый, перед лицом опасности, отступил слегка назад, и все мы разошлись веером, оставив открытой полукруглую площадку, но без выходного отверстия, потому что ребята стояли от стены до стены. Мы рычали, как медведи в вольере, скрипели зубами, но водила, человек дотошный, от которого не укроется и волосок в супе, смекнул, что не один вынашивает в мыслях план побега. Посвистывая, он навел нас на кучу щебня, бросающуюся в глаза внимательному наблюдателю. Наверное, ты помнишь, что градусник в тот вечер показывал температуру супа, и не назовешь меня вруном, если я скажу, что некоторые из нас сбросили куртки и пиджаки. Гардеробщиком мы поставили маленького Саулино, поэтому он не смог принять участие в избиении. Первый кусок щебня, наудачу попавший в цель, был запущен Табакманом; он вдребезги разнес жиловичу десны, так что кровь заструилась черным потоком. Я разгорячился при виде крови и долбанул его другим камнем, снесшим ему ухо, после чего потерял счет попаданиям, потому что бомбардировка была уже массированной. Вот умора: жид стоял на коленях, и смотрел на небо, и молился с отсутствующим видом на своем недоязыке. Когда пробили колокола на церкви Монсеррат, он упал, потому что был уже мертв. Мы еще некоторое время отводили душу, но ему уже не было больно от этих ударов. Клянусь тебе, Нелли, мы превратили труп в тряпку. Потом Морпурго, чтобы насмешить ребят, заставил меня воткнуть перочинный ножик в то, что замещало лицо.

Разгорячившись после такого упражнения, я надел пиджак для профилактики простудного заболевания, которое, в переводе на карманные единицы измерения, равно аспирину «Хениолес» за тридцать сентаво. Загривок я укутал шарфом, который ты, моя милая, заштопала своими пальчиками феи, и приспособил уши под шляпу, но главный сюрприз дня был преподнесен Пиросанто, внесшим предложение поджечь «сборщика камней», осуществив предварительно распродажу очков и предметов гардероба. Аукцион не удался. Раскрошенные очки перемешались с липкой массой глаз, а костюм пропитался густой кровью. Книги тоже оказались товаром неходовым, из-за перенасыщенности органическими останками. Только водила (он оказался вторым Граффьякане) сумел отвоевать часы системы «Роскопф» на семнадцати рубинах, Бонфирраро взял себе бумажник «Фабрикант», с девятью песо и двадцатью сентаво и фотокарточкой какой-то барышни, играющей на фортепиано, а бестолковый Рабаско вынужден был довольствоваться очечником «Бауш» и авторучкой «Плюмекс», не говоря уж о кольце старинного ювелирного дома Поплавского.

Вскоре, толстушка моя, этот уличный эпизод канул в Лету. Вьются по ветру стяги Бойтано, звонко разносятся трели кларнета, куда ни глянешь вокруг — народная масса... На Площади Мая нас настиг крутой электрический разряд в лице доктора Марсело Н. Фрогмана. Он подготовил нас к тому, что за этим последовало: к речи Чудовища. Вот эти самые уши, толстушечка, слышали эту речь, впрочем, как и вся страна, потому что речь эта передавалась по радио.

Пухато, 24 ноября 1947 года

Киносценарии

Обитатели
предместий

Рай Господень

Пролог

Оба сценария, вошедшие в этот сборник, соблюдают (или, по крайней мере, пытаются соблюдать) все законы и общепринятые условности кинематографической драматургии. Когда мы их писали, нас нисколько не прельщало стремление к каким-то особым новациям: взяться за новый для себя жанр и попытаться тотчас же разрушить его каноны с целью вовсе не очевидных улучшений показалось нам чрезмерной самонадеянностью. Читатель, взявшийся перелистать эти страницы, очевидно, найдет в них «boy meets girl»¹ и «happy ending»², или, как уже сказано в послании к «великолепному и несравненному сеньору Кангранде делла Скала», *tragicum principium et comicum finem*³, опасные приключения и счастливую развязку. Вполне возможно, что сии законы жанра весьма условны; что касается нашего мнения, то фильмы, которые мы посмотрели и которые, задев наши чувства, остались в памяти — как это было с картинами Штернберга или Любича, — следуют законам жанра без особого для себя ущерба.

Совершенно традиционны эти комедии и в том, что касается характеров главных героев. Хулио

¹ Парень встречает девушку (англ.).

² Счастливый конец (англ.).

³ Трагическое начало и комический конец (лат.).

Моралес и Елена Рохас, Рауль Ансельми и Ирене Крус,— они не более чем субъекты действия, полые и пластичные формы, в которые зритель может проникнуть, воплотиться для того, чтобы принять участие в перипетиях сюжета. Нет никаких препятствий к тому, чтобы любой человек мог идентифицировать себя с ними. Известно, что герои молоды, само собой разумеется, они красивы, достоинства и храбрости им тоже не занимать. Психологическая сложность и неоднозначность — это для других. В «Обитателях предместий» имеется незадачливый отрицательный персонаж — Фермин Соориано; в «Рае Господнем» — Кубин.

По сценарию действие первого фильма развивается в последние годы XIX века; второй сюжет развивается, будем считать, в наше время. Так как местный и хронологический колорит играет здесь лишь декоративную, различительную роль, очень вероятно, что первый из фильмов окажется более убедительным и понятным, чем второй. В 1951 году мы знаем, что было характерно для 1890-х. Что же будет отличать следующие за 1951-м годы — нам неизвестно. С другой стороны, настоящее никогда не казалось и не будет казаться всем нам таким живописным и трогательным, как прошлое.

В «Раю Господнем» основным мотивом действий героев является прибыль, доход; в «Обитателях предместий» — соперничество, состязание. Само собой разумеется, второе обстоятельство требует участия персонажей с более высокими моральными качествами. Тем не менее мы постарались избежать искушения идеализировать их, и, например, атмосфера встречи незнакомца с бандой

Выбориты целиком и полностью пропитана жестокостью и низостью. Разумеется, оба фильма романтичны — в том же смысле, в каком романтичны рассказы Стивенсона. В основе их — страсть к приключениям и, возможно, какой-либо отдаленный отголосок эпоса. В «Раю Господнем» по мере развития действия романтические интонации становятся все более отчетливыми; мы рассудили так, что надрывный финал вполне может примирить читателя с некоторой неправдоподобностью истории, которая поначалу покажется ему неприемлемой.

Тема поиска присутствует в обоих сценариях. Может быть, и не стоит особо отмечать, что в старинных книгах поиски всегда завершались успешно: аргonautы завладевают золотым руном, сэра Галахад находит Священный Грааль. В наши же дни, наоборот, торжествует идея другого поиска: поиска без конца — или поиска вещи, которая, будучи обретенной, приносит нашедшему ее величайшие беды. К., землемер, так и не войдет в Замок, а Белый кит губит того, кто в итоге все же встречается с ним. В этом отношении «Обитатели предместий» и «Рай Господень» вполне отвечают веяниям нашей эпохи.

В противовес мнению Бернарда Шоу, утверждавшего, что настоящий писатель должен бежать от сюжетов, как от чумы, мы уже в течение долгого времени верим в то, что хороший сюжет чрезвычайно важен для литературного произведения. Плохо только то, что в любом разветвленном сюжете есть нечто механическое; многие эпизоды, дающие толчок действию или объясняющие его, отнюдь не всегда занимательны. Социальный статус

и поместье в одном и в другом сценарии отвечают — увы! — этим печальным в своей неизбежности требованиям жанра.

Что касается речи персонажей, то мы попытались передать ее простонародный характер, причем в отношении не столько выбора слов, сколько интонации и синтаксиса.

Чтобы облегчить чтение предлагаемых текстов, мы сознательно отказались от большей части технических терминов «раскадровки» и не стали придерживаться традиционного для сценариев размещения текста в два столбца.

До сих пор, уважаемый читатель, мы излагали те логические доводы, что заставили нас приняться за создание данных произведений. Были у нас и другие побуждения, на этот раз эмоционального плана, — и мы подозреваем, что именно они сыграли решающую роль. Мы также подозреваем, что последним толчком, сподвигнувшим нас на написание «Обитателей предместий», было страстное желание хоть в какой-то мере не оставаться в долгу перед этими нашими придорожными зарослями, перед вечерами, сумерками и рассветами, перед легендами о храбрости и мужестве, что передаются из уст в уста, и перед незабвенной, скромной, но достойной музыкой, наигрываемой гитарами.

Хорхе Луис Борхес и Адольфо Биой Касарес

Буэнос-Айрес, 11 декабря 1951 года

или 20 августа 1975 года.

Обитатели предместий

В кадре — во весь экран — лицо. Лицо явно недоброго человека. Он несколько полноват, волосы его зачесаны назад и набриолинены, воротник рубашки лежит поверх ворота пиджака, на лацкане — какой-то значок. Камера поворачивается, и в кадр попадает другое лицо: с мелкими, острыми чертами; оно принадлежит человеку определенно неглупому, но низменному, даже ничтожному. Волосы его не причесаны, на носу — очки. Затем камера снова поворачивается и останавливается на лице Хулио Моралеса. Это лицо должно контрастировать с двумя предыдущими. В нем отчетливо читается достоинство, свойственное иной эпохе. Лицо старого, седого, благообразного мужчины.

Все трое сидят в баре. 1948 год. Слышна музыка — марш, бодрый, полный звонких, высоких нот. Толстый злодей зачарованно смотрит в окно. Видна улица, по которой проезжают автобусы, легковые машины, грузовики; среди них — автомобиль с громкоговорителями, из которых доносится музыка.

Голос Моралеса (спокойный и уверенный). — Не подумайте, что и тогда было так же шумно и суматошно. Нет, жизнь шла спокойно и размеренно. О чем говорить, если даже появление чужака

из другого района было событием, привлекавшим внимание. Слушайте, я как раз вспомнил, как у нас тут объявился Фермин Сориано с Юга. Я коротал время в кафешке, намереваясь пойти прогуляться с Клеменсией Хуарес.

Крупный план: рука Хулио Моралеса, играющая со стаканом сангрии; в кадре остается только стакан, затем камера отъезжает назад, и мы оказываемся в старинном кафе, в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году. Моралес — молодой человек лет двадцати, одетый в темный костюм, с платком на шее и в шляпе, — ставит стакан на прилавок и выходит на улицу. Момент перехода в прошлое может быть отмечен сменой музыкального фона: вместо марша звучат несколько аккордов милонги.

Моралес идет по тротуару, высоко поднятому над узкой немощенной, в ямах и рытвинах, улицей. Вокруг — невысокие дома, глинобитные стены-заборы, виднеется заброшенный пустырь. Время сиесты. В тени дремлет собака. На углу стоит хулиган и заводила по имени В и б о р т а, рядом — возглавляемая им компания молодых людей. Их одежда частично городская, частично — деревенская. Кто-то — в широких шароварах и парусиновых шлепанцах, кто-то — босиком. Большая часть группы — китайцы и мулаты. (В этом эпизоде — первом переходе в прошлое — следует подобрать настоящие креольские типажи.) На противоположной стороне улицы, также на углу, сидя в плетеном кресле с высокой спинкой, загорает негр — типичный старый бандит, весь в шрамах и довольный жизнью.

Моралес намеревается пройти мимо.

Один из парней на углу.— Хулио, не забывай старых друзей!

Виборита.— Иди сюда, поскучаем вместе.

Моралес.— Ну, если только недолго, Виборита.

Постемилья (*парень с невыразительными, неприметными чертами лица; выглядит просто-ватым, дурашливым. На нем круглая шляпа, низко надвинутая на глаза. Слова он произносит, артикулируя с почти младенческим очарованием*).— А вон идет тот, кто нас сейчас повеселит.

Постемилья показывает пальцем на приближающегося к перекрестку с другой стороны Фермина Сорiano. Это молодой человек с порочным лицом. Одет он совершенно по-городскому: черная шляпа с завернутыми полями, шейный платок, сумка через плечо, французские брюки со шнуровкой, ботинки на высоком каблуке.

Моралес (*делая вид, будто не понимает, что имеет в виду парень*).— Вот ты, Постемилья, иди и повеселись, если ты такой весельчак.

Виборита (*тотчас же подхватывает, решив всерьез воспользоваться шуткой Моралеса*).— Точно! Ведь всем известно, что наш Постемилья — парень лихой и отчаянный.

Кто-то из компании.— Постемилья, займись-ка им!

Другой парень.— Слава Постемилье!

Еще один.— Хорошо придумал, Виборита. У нашего Постемильи лучше всех получится.

Следующий.— Вперед, Постемилья, смелее! Мы тут, рядом, если нужно, подберем твои кости!

Постемилья (*озабоченно*).— А если он не испугается?

Моралес.— Сбегай к плотнику, пусть он сделает тебе саблю.

Виборита.— С твоей-то рожей, парень! Да ты на него только цыкни, он рванет со всех ног.

Кто-то из компании (*подбадривая*).— Ведь не зря же Постемилью называют Храбрым Малым.

Постемилья (*воодушевленно*).— Ладно, ребята, сейчас я им займусь! Только вы далеко не уходите.

Все остальные.— Дорогу Постемилье!

Постемилья направляется к незнакомцу и встает у него на пути.

Постемилья.— Проверка документов. Предъявите пропуск для прохода по тротуару.

Незнакомец с любопытством смотрит на него, затем резко разворачивает шляпу на голове Постемильи.

Фермин Сориано (*строго и убедительно*).— Видишь, ты уже почти развернулся. Так что — иди, откуда пришел.

Постемилья (*соглашаясь*).— Да, он меня перешутил.

Постемилья медленно возвращается на угол. Вслед за ним к компании подходит Фермин Сориано. Парни окружают подошедшего, улыбаясь, — словно признавая удачной его шутку.

Виборита.— Прошу прощения. Кажется, сей гражданин собирался невежливо обойтись с вами.

Сориано (*холодно*).— Собирался. Но я его укоротил.

В и б о р и т а (*преувеличенно восторженно*).—
И справедливо! Сеньор, позвольте вас поздравить!

Протягивает ему руку. Кто-то из парней поворачивает жест главаря.

В и б о р и т а.— Вы только имейте в виду, что этот юноша немного не в себе, он просто не может оставаться спокойным, если вдруг видит кого-то постороннего. (*Резко приближается к Сориано и говорит, заглядывая ему прямо в глаза.*) Сеньор ведь не из нашего округа, не правда ли?

С о р и а н о (*высокомерно*).— Из Сан-Кристовалья, с Юга, к вашим услугам.

В и б о р и т а (*потрясенный*).— С Юга! (*Обращается к Моралесу.*) Слышал? Он говорит, что он — с Юга! (*К Сориано.*) Не сочтите за лесть, но я готов признать, что это район так район! Вот там у вас жизнь, там умеют уважать себя, там живет и процветает достойный сын нашей родины!

Моралес разворачивается, чтобы уйти. Виборита его задерживает. Моралес смотрит на окно одного из домов на противоположной стороне улицы. Крупный план: окно. Сквозь тюлевую занавеску видно лицо девушки. Она внимательно следит за тем, что происходит на углу. Затем тоже крупным планом — негр, сидящий в кресле. Он взирает на все абсолютно безучастно.

Парень, который протягивал руку Сориано.— Вот пример для нашего Севера. Сами видите, молодой человек, у нас тут — просто позорище.

В и б о р и т а.— Именно так. Если говорить коротко и начистоту — народ здесь попросту обнаглел. Шагу не ступить, чтобы не наткнуться на

ближайшем же углу на компанию бездельников, которые пристают к прохожим и даже досаждают им. (*Обращается к парню, подавшему руку Сориано.*) Разумеется, этот господин — совсем другое дело. Он знает, как заставить себя уважать.

Сориано (*презрительно*).— Да, я могу заставить уважать себя, но это не значит, что я буду лезть в драку с первым же придурком, которому не терпится, чтобы ему разукрасили физиономию.

Виборита.— Согласен. Человек должен вести себя осторожно и благоразумно. Позволю себе напомнить вам, что задир там, на Юге, держит в узде дон Элисео Рохас; без его дозволения они даже чихнуть не могут.

Сориано.— Дон Элисео Рохас — мой приемный отец.

Сориано хочет пройти вперед. Все окружают его кольцом. Постемилья, встревоженный, отходит в сторону.

Виборита (*услужливо*).— Прощения просим. Если у вас, господин хороший, так надежно прикрыты тылы, вам тем более следует вести спокойный образ жизни, лежать целыми днями в кровати и не соваться в такое захолустье, где вас может обидеть какой-нибудь хулиган.

Парень, подавший руку Сориано.— А с какой стати я ему буду верить? С чего это вдруг дон Элисео Рохас стал бы усыновлять такую тварь?

Виборита.— Совершенно справедливо. Этот господин — действительно тварь, и весьма мерзкая.

Один из компании, до сих пор молчавший.— Гадина с Юга. Они там все гады и жабы!

Другой (прямо в лицо Сориано).— Тварь! Гадина!

Выборита свистит. Негр, просяв от кровожадного удовольствия, услужливо бросает ему нож. Выборита хватает нож на лету. Все, включая Моралеса, набрасываются на чужака. Клинок сверкает перед самым лицом Сориано. Его сбрасывают с тротуара в придорожную канаву.

Голос.— Привет от братвы с Севера!

Постемилья, отошедший на другой угол, вдруг замечает что-то, еще больше усиливающее его тревогу. Сунув два пальца в рот, он трижды свистит. Слышен цокот копыт. Компания мгновенно разбегается в разные стороны. Кто-то перепрыгивает через забор, кто-то ныряет в подворотню, и так далее... Остаются Моралес — он стоит на тротуаре — и Сориано, лежащий в канаве.

Подъезжают двое конных полицейских. Они внимательно смотрят на негра, который мгновенно застывает в кресле с выражением полнейшего безразличия и величественной, почти священной невозмутимости на лице. Моралес достает и закуривает сигарету. Один из полицейских, привстав в стременах, пытается разобраться, в каком направлении продолжать преследование. Второй спешивается и помогает Сориано подняться.

Моралес (первому полицейскому).— Оставь ты наших парней в покое, Висенте. Они ни при чем.

Первый полицейский (задумчиво).— Парни ни при чем, говоришь?

Второй полицейский (показывая на Сориано, у которого на лице порез).— А этот господин, как я понимаю, предпочитает бриться в канавах?

Моралес.— Если кому-то есть на что жаловаться, то пусть этим занимается пострадавший.

Сориано (*еще пошатываясь, но уже взяв себя в руки, с прежней уверенностью*).— Никаких жалоб я подавать не намерен, в защитниках также не нуждаюсь. (*В полный голос.*) Кроме того, я полицейским не «тыкаю», но и себе «тыкать» не позволю. (*Уходит.*)

Моралес (*спокойно*).— Вот видите. Еще один придурок, которого хлебом не корми — дай когонибудь оскорбить.

Второй полицейский (*обращаясь к первому*).— Сдается мне, Висенте, что нам давно пора потолковать с сеньором Виборитой.

Моралес.— С Виборитой? А он-то какое отношение имеет ко всему к этому?

Висенте.— Следствие разберется. Да к тому же, не ты ли говорил о здешних парнях? Ну-ка, напряги память. Припоминаешь?

Моралес.— Парни? Ну, их знаешь сколько!.. Всех не упомнишь и за всеми не утонишься.

Висенте (*серьезно*).— Посмотрим. Ладно, и кто же так удачно побрил этого господина Неизвестно-откуда-взявшегося?

Моралес.— Кто же еще, как не наш писанный красавец и умница, более известный под именем Постемилья.

Висенте смеется, оценив шутку.

Второй полицейский (*задумчиво*).— С дурака станется.

Моралес провожает взглядом полицейских; приглаживает растрепавшиеся волосы, поправляет платок. Выбрасывает сигарету и направляется к дому Клеменсии. На двери — бронзовый

молоток в виде руки. Моралес стучит. Слышно, как лает Жасмин, собака Клеменсии. Появляется Клеменсия — скромная молодая креолка в пышном платье. За дверью нет никакой прихожей, и в проеме виден внутренний дворик с зеленью в кадках. (Во время разговора Моралес иногда гладит и треплет по холке собаку.)

Клеменсия. — Как хорошо, что ты зашел. Скажи, кто это — тот, которого сбросили в канаву? Я все видела.

Моралес (*неохотно*). — А я откуда знаю. Какой-то тип с Юга, который говорит, будто он приемный сын некоего дона Элисео Рохаса.

Клеменсия. — Элисео Рохаса?

Моралес. — А что, ты его знаешь?

Клеменсия. — Выборита как-то рассказывал о нем моему брату. Это один из тех стойких стариков, каких сейчас уже почти и не осталось на свете.

Моралес. — Да, правду говорят, что настоящих мужчин теперь почти что и нет.

Они заходят в гладильную комнату: большой стол, жаровня, одежда в корзинах. Клеменсия снимает с жаровни утюг, слюнявит палец, чтобы проверить, достаточно ли утюг нагрелся, и начинает гладить.

Клеменсия. — Так все-таки, что случилось?

Моралес. — Да ничего особенного. И к тому же не женского ума это дело.

Клеменсия (*снисходительно*). — И еще этот Выборита. Он же совсем дурной.

Моралес. — Если честно, они вели себя просто подло и трусливо. Все на одного.

Клеменсия. — Он, наверное, заслужил.

Моралес.— Надоело мне все это, Клеменсия. Я сам себя не узнаю. По-моему, сегодня я даже с полицейскими слишком долго болтал.

Клеменсия.— Но ты же не сказал ничего такого, что могло бы повредить здешним парням?

Моралес.— Ну конечно нет. Но если бы я не попался на глаза полицейским, если бы не говорил с ними, они бы и вовсе не узнали о проделках нашей компании.

Клеменсия (*резко*).— Это ты прав, лучше вообще держать язык за зубами. Стоит с ними поговорить, как они потом растреплют про тебя невесть чего.

Моралес (*думая о чем-то своем*).— А что ты сказала о доне Элисео?

Клеменсия.— Да ничего особенного. Говорят, что с ним никому не справиться. Нет, слушай, я в жизнь не поверю, что ты наболтал лишнего полицейским.

Смена плана.

Поминки. Несколько человек — с серьезными и суровыми лицами — печально, вполголоса говорят о ком-то.

Первый (*с пышными усами, сливающимися с бакенбардами*).— Бедный дон Фаустино! При всех его недостатках он был так охоч до жареных индюшек!

Второй (*возможно, очень похожий на первого*).— Закрою глаза и как сейчас вижу его с карманами, набитыми грецкими орехами. (*Действительно закрывает глаза.*)

Еще один (*тоже похожий*).— О чем говорить, такие люди необходимы родине, но — нет пророка в своем отечестве.

В другой комнате сидит Постемилья, вокруг него — несколько человек. Некоторые из них — из компании Выбориты.

Один из них. — Давай, Постемилья, расскажи еще раз, а то вот этот сеньор хочет выучить твою историю наизусть.

Другой (*поднося ему рюмку*). — Не тушуйся, приятель. Мы пока заткнем уши, а ты расскажи еще разок, как ты побрил этого типа.

Постемилья (*польщенный и смущенный*). — Ну, это... я сегодня, во время сиесты, когда стало припекать... Ну, я вышел прогуляться, как обычно...

Кто-то из компании. — Ах, какой смысленый юноша. Нарочно выползает из норки на солнышко, чтобы погреться.

Постемилья. — Я... вы... вы меня сбили... Теперь придется все начинать сначала... Ну вот... Я, значит, вышел на прогулку — как обычно. А тут, считай, мир перевернулся, все пошло наперекосяк. До чего докатились: выходишь на родную улицу и видишь рядом с собственным домом абсолютно незнакомые рожи. Ну, из тех, что до сего дня ни разу на глаза не попадались. Сегодня к нам решил было пробраться один наглец, пижон такой расфуфыренный — из тех, что носят часы на цепочке. Жалкий болван! Не знал, что сует голову прямо в львиную пасть. Сначала я его ошарашил, потребовал предъявить пропуск для прохода по нашей улице. Парень так и застыл на месте, аж рот разинул. А потом — сперва-то я совсем было поддался порыву жалости, — меня такая злость взяла! Он только попытался мне что-то заявить, как я мигом располосовал ему рожу — классно получилось — и сказал, чтобы он даже и не пытался обхитрить

меня со своими жалкими шуточками. Ну, а потом... потом я его одним ударом свалил с ног, и этот, который с Юга, надолго обосновался в вонючей канаве.

В и б о р и т а.— Ну талант, просто самородок.

Один из его компании.— А как насчет того, что этот парень заявил, будто бы он — приемный сын дона Элисео Рохаса?

Другой (задумчиво-иронично).— Повезло дону Элисео, что он не сопровождал своего приемного сынка. Появись они у нас здесь вдвоем, этот острослов (*показывает на довольно улыбающегося и согласно кивающего Постемилью*) обоим бы кишки выпустил.

В и б о р и т а.— Постемилья, выпей еще джина. Заработал!

Все чокаются. Постемилья выпивает рюмку и кивает присутствующим.

Входит человек с большим кувшином в руках. Он идет, пошатываясь от уже выпитого.

Человек с кувшином (явно нарываясь на скандал).— Господа хорошие, родственники и близкие покойного, я требую уважительного отношения к усопшему! Ваше поведение переходит все границы! (*Запрокинув голову пьет из кувшина.*)

Один из компании (оправдываясь).— Дело в том, что этот полоумный сеньор рассказывал нам, как сегодня располосовал физиономию одному чужаку, сунувшемуся в нашу округу.

Человек с кувшином (заинтересованно).— Дело хорошее. (*Садится и ставит кувшин под стул.*) Расскажите-ка мне все, и поподробнее. (*Явно намеревается выслушать историю от начала и до конца.*)

Постемилья (охотно).— Ну... сегодня в сиесту я, как обычно, вышел прогуляться...

Входят, несколько нерешительно, уже знакомые нам полицейские. Постемилья растерянно, оторопело смотрит на них и в следующую секунду бросается бежать. Его бегство, похоже, подтверждает подозрения полицейских и придает им решительности.

Второй полицейский (кричит).— Держи его! Это он!

Они бросаются вдогонку за Постемильей. Тот по железной лестнице в глубине здания поднимается на плоскую крышу, бежит по ней. Поверхность крыши неровная (разные части здания имеют разную высоту); кроме того, путь преграждают веревки с сохнувшим бельем. В какой-то момент Постемилья бросается назад, затем поворачивается, отступает спиной, не глядя под ноги, оступается и падает с крыши.

В кадре — ворота колодца, изящные контуры колодезной арки. Перед колодцем, внутри патио, лежит Постемилья. Он мертв. Вокруг стоят люди. Один из них делает шаг вперед и снимает шляпу. Это Хулио Моралес. Он печально смотрит на Постемилью. Вслед за ним обнажают головы все остальные.

Слышны нестройные аккорды: где-то неподалеку играют мазурку Шопена.

Кто-то.— Никакого уважения. Знают же, что здесь поминки, так хоть бы не бренчали на своем пианино.

Другой.— Да ладно тебе. Пусть это будет похоронным маршем для Постемилья.

Смена плана.

Интерьер кузницы. В помещении полумрак. В глубине через дверной проем виден небогатый внутренний двор с растущей в нем ивой. Пламя в горне увеличивает количество теней и заставляет их плясать по стенам. В кузнице работают трое: хозяин (пожилой мужчина), Моралес (мрачно молчаливый, стоит спиной к входной двери) и еще один парень. Кроме того, в кузнице в гостях один из присутствовавших на поминках; он сидит, потягивая мате. С улицы входит Фермин Сориано — возбужденный, подозрительно осматривающийся. Он слегка пьян.

Сориано.— И кто здесь за хозяина?

Хозяин.— Ну, я, если никому не разболтаешь.

Сориано.— Хорошо сказано. Ладно, сколько возьмешь за то, чтобы подковать серого?

Хозяин.— А этот серенький, позвольте полюбопытствовать, он под седлом или в упряжке ходит?

Сориано собирается ответить что-то обидное, но замечает, что и парень-кузнец, и гость смотрят на него явно недрижелюбно. Моралеса он пока не видит.

Сориано (уступая и меняя тон).— Под седлом он у меня. (Делает шаг к двери.) Ну так что, посмотрите?

Хозяин.— Вот так-то мне больше нравится. Если честно, сеньор, то первое впечатление, которое вы на нас произвели, вряд ли можно назвать благоприятным. Вваливаетесь сюда с недовольным видом, позволяете себе сказать лишнее, корчите какие-то гримасы...

Пауза. Моралес, не участвуя в разговоре, продолжает мрачно делать свою работу.

Сориано (*примирительно*).— А что вы хотите? Тут станешь недовольным и подозрительным. Видите этот порез? Двадцать человек не поленились собраться вместе, чтобы исполосовать меня, а затем сбросить в канаву.

Хозяин (*заинтересовавшись*).— Какой вы неосторожный!

Гость.— Ну, теперь вы с вашей царапиной надежно привиты против бешенства.

Сориано (*агрессивно*).— Не столько от бешенства, сколько от бешеных. Похоже, здесь все не в своем уме. Хорошенькое гостеприимство. Очень хотелось бы подлечить вас всех немного. (*Узнает подошедшего Моралеса. Оба молча смотрят друг на друга. Сориано возбужденно продолжает.*) Вот вы скажите мне: по-вашему, справедливо — нападать на человека только потому, что он не из вашего района? По-вашему, справедливо, когда человек двадцать бьют одного? По-вашему, драка была честной?

Моралес (*после паузы*).— Я считаю ее позорной. Никто не имеет права вписывать в память человека такие воспоминания. Мне стыдно за то, что я принимал участие в подобной низости. Я всегда считал себя человеком мужественным и достойным, а теперь не знаю, что и думать.

Смена плана.

Безлюдная улица на окраине города. Раннее утро. По улице бежит испуганная собака. Слышен многоголосый лай. В облаке пыли появляется фургон службы отлова бродячих собак.

Собачник бросает лассо, ловит собаку, затем собирается поймать другую. Кто-то хватается за руку.

Голос Вибориты.— Спокойно, Сан-Роке, остынь немного. Видишь вон того лохматого? Его — не трожь.

Человек с лассо.— Будь этот лохматый хоть самым Фреголи, я его все равно отловлю.

Виборита (*угрожающе*).— А я тебе говорю, нет.

Человек с лассо (*отпуская собаку*).— Это ты молодец, что братишку защищаешь. Чего-чего, а скотины в вашем районе хоть отбавляй.

Появляется Клеменсия, собака бросается к ней.

Виборита (*вслед удаляющемуся собачнику*).— Мы такие только для тех, кто суется к нам без уважения. (*Другим тоном.*) Давай, давай, проваливай отсюда со своей спальной будкой.

Клеменсия.— Спасибо, Виборита. Ты такой храбрый!

Виборита.— Да о чем разговор! С этим собачником справился бы и покойный Постемилья.

Клеменсия.— Бедный Постемилья. Он меня всегда так смешил!

Виборита.— Верно сказала, Клеменсия. Этот парень был, как говорится, настоящим клоуном. Он даже и умер по-дурачки. Ребята как раз убедили нашего дурачка в том, что это именно он геройски разукрасил незнакомца.

Клеменсия (*восхищенно*).— Ого! Я же своими глазами видела, что без тебя там не обошлось.

Виборита (*с притворной скромностью*).— Ну, было дело... Жаль только, этот дурачок так поверил в свои подвиги, что когда увидел легавых, то испугался до смерти, рванулся бежать от них куда глаза глядят, да вот, видно, под ноги и не посмотрел.

Оба смеются. Появляется Моралес.

Моралес.— Хорошо, что хоть где-то люди еще веселятся.

Клеменсия (*торопливо*).— Выборита рассказывал мне, как погиб Постемилья.

Выборита (*воодушевленно продолжая рассказ*).— Он так рванул от легавых, словно за ним черти гнались. Взлетел по винтовой лестнице и на всех парах помчался по крыше, даже не глядя на веревки с бельем. Сделал такой лихой кульбит, потерял равновесие — и готово!

Клеменсия.— Вот дурачок!

Выборита.— Упал он рядом с колодцем. Хорошо еще, что внутрь не угодил. Там я его и нашел: лежал, словно раздавленная жаба.

Клеменсия.— Нет, ну и дурак!

Клеменсия и Выборита смеются.

Моралес.— Вам смешно... Смерть этого парня — беда, она запачкала всех нас.

Клеменсия.— Позволю напомнить вам, Хулио Моралес, что я в ваших играх участия не принимала.

Моралес.— Не надо сердиться. А то, что произошло, — это проявление нашей низости и трусости. Хороши же у нас шуточки, если от них люди гибнут. А еще раньше? Попадается нам на глаза незнакомый человек — и мы набрасываемся на него, беззащитного, как собачья свора.

Выборита.— Ну, если, по-твоему, все так скверно, почему бы тебе не пойти и не повеситься где-нибудь за углом?

Моралес (*спокойно*).— Может быть, так было бы и лучше. Я уже думал об этом.

Клеменсия.— Не говори так, Хулио.

Вибрига. — А я его понимаю: ведь теперь, когда Постемилья умер, не осталось на свете людей под стать ему по силе и храбрости.

Моралеса. — Разыскать мужественного, достойного человека — а они ведь есть, я уверен, — бросить ему вызов и проверить себя, вот что, единственное, могло бы разрешить мои сомнения.

Смена плана.

Камера показывает отдельные фрагменты пути Моралеса из родных ему Северных предместий до кварталов рядом с вокзалом Онсе. Пейзаж, поначалу почти сельский, становится все более городским. В кадре появляется все больше людей. Звучит музыка, ускоряющаяся по ходу эпизода.

Видны проезжающие повозки, телеги, водовозки, конки, наемные открытые пролетки, иногда частные закрытые кареты. По улицам ходят люди — характерные типажи: какая-нибудь прачка, дородная негритянка с узлом белья на голове, молочники с коровами, продавцы выпечки, зонтиков, свечей, кнутов для лошадей, точильщики ножей... (Следует разместить эти характерные типажи в толпе менее живописных прохожих, чтобы фильм не превратился в выставку этнографических экспонатов.)

Голос Моралеса. — Не доходя до Онсе, на углу улицы Пьедад, была устроена арена для петушиных боев. Когда я проходил мимо, меня окликнул один парень — его звали Пачола, он потом погиб во время революции девятьсот пятого года. В тот день он собирался выставить для боев своего петуха...

Параллельно следует немая сцена: Пачола — приличный молодой человек, в лице которого есть

что-то от персонажа со старинной фотографии,— зовет Моралеса. Поболтав немного у дверей, они заходят в здание.

Проходят через комнату, заставленную большими глиняными кувшинами, затем через другую, с несколькими столами, затем попадают в столовую. В этой комнате у стены стоит большое потемневшее и потрескавшееся старинное зеркало. Его рама с гирляндами и ангелочками сделана из какого-то черного дерева. Отсюда наши герои спускаются в подвал, где устроена арена. Она представляет собой круглую загородку, окруженную чем-то вроде амфитеатра — сколоченных из досок трех рядов скамеек для зрителей. В помещении много народу. Все посетители — мужчины, за исключением одной женщины с младенцем, которого она тут же кормит грудью. Посетители собрались отовсюду: есть местные, городские жители, есть люди с побережья, есть те, кто приехал из деревень. Есть взрослые с детьми. В роли судьбы выступает седой мужчина, похожий на протестантского пастора. Толстый мальчишка — одна нога босая, другая в сапоге с длинной шпорой,— продает печенье и пирожные. В углу стоят весы и клетки.

Голос.— Ставлю пятьдесят к десяти.

Другой голос.— Отлично. Белый за себя постоял.

Человек, похожий на беглого каторжника (обращаясь к дородному господину в цилиндре и забирая у него газету).— Давайте-ка сюда, доктор, вашу «Насьон Архентина». Сейчас мы ее определим так, чтобы вас кровью не забрызгало. (Услужливо укутывает газетой ноги господина в цилиндре.)

Господин внимательно смотрит, как его ноги укрывают газетой.

Тем временем Пачола выносит петуха на площадку; судья дает последние указания, и бой начинается.

Кто-то из зрителей.— Двадцать песо на рыжего.

Пачола.— Пятьдесят к тридцати на моего.

Другой голос.— Принято.

Дородный господин (*обращаясь к соседу, который внимательно его выслушивает*).— При всех плюсах и минусах, нехватка воздуха остается самым слабым местом всех наших плохо проветриваемых, душных помещений.

Сторож (*Моралесу*).— Сеньор абсолютно прав. На месте полиции я бы не позволял проводить подобные подпольные игрища.

Под возбужденные крики зрителей петух Пачолы одерживает верх в поединке.

Люна (*скотник-метис в шароварах и альпартгах*).— А твой-то, молодчага, отличился.

Смущенный, но довольный Пачола берет выигранные деньги.

Пачола.— Мне всегда так не везет, что если уж удача все-таки улыбается, то даже страшно становится. Знаете, ребята, мне эти деньги, хоть я их только-только получил, уже покоя не дают. Предлагаю выпить по такому случаю. Угощаю.

Компания проходит в столовую и рассаживается за столом. Моралес оказывается напротив Люны. Когда камера приближается к ним, они ведут какой-то уже начатый перед этим разговор.

К их столу подходит женщина с ребенком.

Женщина.— Что господа будут заказывать?

Моралес.— Мне, пожалуйста, каньи.

Кто-то из приятелей.— Мне тоже.

Другой.— А мне джина. (*Насмешливо, но без злобы обращаясь к Люне.*) Тебе, деревенщина, тоже не помешало бы промочить горло. Кувшинчик домашнего пойла?

Люна.— Сам ты деревенщина! Я-то, слава Богу, живу в Сан-Кристовале, что на Юге. И мне, пожалуйста, тоже джинну.

Пачола.— А мне, сеньора, для начала — пивка.

Моралес.— Из Сан-Кристовалья, говорите? Хорошие там места, позволю себе заметить. Я как раз туда сейчас и направляюсь.

Пачола (*из вежливости, чтобы поддержать разговор*).— И чего ты там забыл?

Моралес.— Ничего. Просто ищу кое-кого. А именно — дона Элисео Рохаса.

Люна, собиравшийся выпить, ставит свою рюмку на стол и переводит взгляд на Моралеса. (Эта сцена должна быть короткой.) Женщина обходит вокруг стола, подавая заказанные напитки. Она то приближается, то отходит в глубь кадра; ее движения — на фоне стены уложенных друг на друга бочонков, с которых свешиваются ноги толстого мальчика: одна нога босиком, другая — в сапоге со шпорой. Один из входящих заставляет женщину посторониться; она задевает головой свешивающуюся пятку. Вслед за взглядом женщины камера тоже поворачивается к потолку, где, под самыми балками, на верхнем ряду бочонков, скорчившись, лежит толстый мальчик, уплетающий пирожные из своей корзинки.

Женщина.— Опять ты за свое, спиногрыз! Сколько можно жить за мой счет? А ну, быстро спускайся и иди обслуживать посетителей!

Толстый мальчик.— Душенька моя, я тут силенок набираюсь.

Слезает со стеллажа из бочонков и смешивается с толпой посетителей, выкрикивая:

Для малых ребят —
Мармелад-шоколад!
Для тех, кто усат,—
Карбонат-сервелат!

Камера возвращается к столу, за которым сидят Пачола и его друзья. Люна курит. На столе рядом с полными рюмками видны пустые — знак того, что прошло какое-то время.

Второй приятель (*продолжая начатый рассказ*).— Там этот, который в пончо, свои законы установил. А дон Элисео Рохас взял да сунул перо под ребро хозяину лавки. Видать, тот слишком нагло заявлял, что не потерпит возражений в своем доме. А дон Элисео, тот с кнутом как зашел туда, так только плеть и защелкала. Ну, а этот, что в пончо, он со своим ножом и со всем прочим как рванул из квартала, так потом нигде в округе о нем и слыхом не слыхали.

Моралес.— Значит, пробил его час. Так со всеми бывает рано или поздно.

Второй приятель.— Так-то оно так, но вот почему-то когда в дело вмешивается дон Элисео, то час пробивает не его, а того, кто осмелится ему себя противопоставить.

Моралес.— Мои ему поздравления. Он, по всей видимости, в хорошей форме. Ладно, посмот-

рим: сегодня я как раз собираюсь кое за что с ним поквитаться.

На протяжении этого эпизода толстый мальчик пристаёт ко всем, предлагая пирожные. Люна, пытаясь выглядеть безразличным, вместе с тем внимательно наблюдает за Моралесом.

Люна (неожиданно кричит на толстого мальчика).— Отстанешь ты от нас или нет? Ну, погоди, я тебе покажу, как людей доводить! (Хватает мальчика за ухо и выволакивает его во двор; камера следует за ними.)

Немая сцена: Люна что-то втолковывает толстому мальчику. Достает из-за широкого пояса несколько монет и отдает ему. За поясом сверкает нож — клинок среднего размера с замысловатой рукояткой. Во дворе стоит привязанная к столбу соловая лошадка — раскормленная, под седлом. Люна возвращается к столу.

Первый приятель (Моралесу).— Да там не заблудишься. За мостом его дом все знают. Он на пригорке, там еще галереи пристроены.

Второй приятель.— Он там уже сто лет живет, все его знают... Странно: быть знакомым с таким человеком — и не знать, где его дом.

Моралес.— А я и не говорил, что мы с ним знакомы. (Дружески и заговорщически подмигивает Пачоле.)

Пачола (серьезно).— Слушай, Хулио: у тебя могут быть свои причины лезть в эту петлю, но я-то не хочу искать на свою шею неприятностей.

Люна.— Вы о Рохасе говорите? Его сегодня вечером дома не будет. Он уезжает на праздник, что на Альмагро.

Первый приятель.— А, это там, где живет Кастро Баррос?

Люна (Моралесу).— Как человек уже почтенного возраста, я позволю себе дать вам один совет. На вашем месте я бы не стал соваться на Альмагро. К чему торопить вам свою же гибель? Как говорится, рано или поздно все там будем...

Моралес.— Как говорится, дареному коню... Но я не нуждаюсь в ваших советах.

Пачола.— Ну, нельзя же все так воспринимать. Я прошу вас...

Моралес.— Я никого не хотел ни оскорбить, ни обидеть.

Первый приятель.— А теперь будем пить за мой счет.

Смена плана.

В следующем кадре — улица, по которой, поигрывая кнутом, едет толстый мальчик на толстой лошадке.

Прихожая в каком-то доме. Боковая дверь. На стене висит вычурный романтический пейзаж (вулкан, озеро, руины древнегреческого храма, лев, ребенок, играющий на флейте, и так далее в том же духе). Спиной к камере в плетеном кресле спит полный мужчина. Это дон Доминго Аумада, кум Понсиано Сильвейры.

Голос Сорiano.— Эй! Есть кто-нибудь?..

Человек в кресле по-прежнему неподвижен. Сорiano входит в помещение, появляется перед камерой. Хлопает в ладоши.

Сорiano.— Сеньор!

Внушительных размеров физиономия спавшего поворачивается к Сорiano.

Аумада (*несколько удивленно*).— Неужели тебе даже в голову не пришло, что, устраивая весь этот шум и гам, ты можешь в конце концов разбудить меня?

Сорриано.— А вам не приходит в голову, что я именно этого и добиваюсь? Хотелось бы посмотреть на вас, на бодрствующего. А то я уже трижды приходил сюда — и лишь затем, чтобы увидеть вас дрыхнувшим все в том же кресле.

Аумада.— Ну вот, я проснулся. И что вы с этого поимели? Что дальше?

Сорриано.— Я пришел не для того, чтобы обсуждать, кто что с чего поимел. Мне нужно узнать, дома ли дон Понсиано Сильвейра.

Аумада.— Прелестный вопрос. Постарайтесь придумать что-нибудь столь же изящное, когда увидите будить меня завтра. (*Вновь собирается заснуть.*)

Сорриано.— Откройте глаза, если не хотите схлопотать хорошую оплеуху. (*Пристально глядит в глаза Аумаде.*)

Аумада (*меняя тон. Говорит не торопясь, очень рассудительно*).— Ну хорошо. Давайте по порядку. Некто изо дня в день осчастлиливает меня визитами, неизменно осведомляясь, дома ли господин NN. Согласитесь, что вплоть до этого момента все идет гладко, без особых проблем. Вопросы... вопросы... (*Обмахиваясь опахалом из перьев.*) Спрашивать можно о чем угодно. (*Чуть повышая голос.*) Отвечать приходится за то, что отвечаешь... (*С деланной непринужденностью.*) Я изъясняюсь понятно?

Сорриано (*насмешливо*).— Сдается мне, вас еще в детстве с этого кресла уронили.

Аумада.— Вот и прекрасно. Значит, вы понимаете: если я отвечу, что господина NN дома нет,— это я так, для примера,— то вы можете уйти с ощущением того, что в прошлый раз он, вполне возможно, тут был. Если я скажу вам, что не знаю, кто такой этот дон NN, то как я буду смотреть вам в глаза завтра, когда признаюсь, что знаком с ним? С другой стороны, если я буду увиливать и отделяться намеками и недомолвками, то вы вполне резонно можете предположить, что я замышляю нечто недоброе.

Открывается боковая дверь, и появляется дон Понсиано Сильвейра. Это высокий, крепкий, властный, несколько мрачноватый человек с пышной шевелюрой и длинными черными усами. Одет в рубашку с длинными рукавами с манжетами на резинке и в черные брюки; на ногах высокие сапоги.

Сильвейра.— Фермин, ты? Что тебя сюда привело?

Сориано.— Я все по тому же делу, дон Понсиано.

Сильвейра.— Есть новости?

Сориано.— Сейчас расскажу...

Входит толстый мальчик со шпорой.

Мальчик (без предисловий).— Тому из вас, кого зовут дон Сильвейра... (словно отвечая вызубренный урок) ...меня прислал господин Люна, чтобы я сказал только ему и никому другому, что молодой человек по имени Моралес собирается сегодня вечером быть на Альмагро.

Аумада.— Прелестная новость.

Сильвейра (мальчику).— И это все?

Мальчик.— Почти. Еще он сказал, что нельзя допустить, чтобы он раньше времени добрался до

дома дона Элисео. А потом он добавил еще что-то важное, что я почему-то забыл.

Мальчик достает печенье и начинает его грызть.

Сильвейра.— Гонец одурачил адресата. Что Люна еще сказал тебе?

Мальчик.— Что он будет ждать вас на улице Пьедад, там, где устраиваются петушинные бои. (Словно осененный.) Да, если не ошибаюсь, что-то говорил про пять песо, которые вы мне дадите.

Сильвейра.— Это тебе, парень, просто послышалось. (Указывает ему на дверь.)

Толстый мальчик пожимает плечами, достает еще одну печенину и, жуя, уходит.

Сильвейра (обращаясь к Сориано).— Ты в курсе, что все это может значить?

Сориано.— Да откуда?

Сильвейра.— Пойдем в комнату. Пусть кум (показывает на Аумаду) пока вздремнет.

Они входят в полупустую, явно нежилую комнату с полом из керамических плиток, с камином; в комнате стоит железная кровать и обитый кожей сундук. Сориано запирает за собой дверь, оборачивается к Сильвейре.

Сориано.— Решено: сегодня вечером.

Смена плана.

Сумерки, пустырь, видны задние стены нескольких домов. Сильвейра седлает коня темной масти. Сориано подает ему части сбруи.

Сильвейра (в сюртуке и пончо из шкуры викуни на плечах).— Где твой серый? Оставил на постоялом дворе?

Сориано.— Нет, он здесь, у коновязи.

Сильвейра.— Остается только молиться, чтобы этот Моралес не спутал нам все карты. Хорошо

еще, если все это — не очередная ловушка Ларраменди.

Сориано. — Вы всегда думаете о самом плохом.

Сильвейра. — Уже месяц Ларраменди испытывает мое терпение. Обычно мне не приходится прибегать к стольким хитростям и уловкам.

Сориано (*примирительно*). — Тише едешь — дальше будешь. Дон Ларраменди человек очень осмотрительный и проницательный, из тех, о ком говорят, что они и сквозь стены видят.

Сильвейра. — Осмотрительный? Это уже не осмотрительность и не проницательность. Он себе на уме... Я уже вообще жалею, что втянул его в это дело. В конце концов, оно касалось только меня и того, другого...

Сориано. — Меня оно тоже касается. Жаль, что в него оказалось замешано столько всяких недоумков.

Сильвейра оборачивается и внимательно смотрит на него.

Сориано (*быстро*). — Или вы думаете, что мне незачем сводить счеты с доном Элисео?

Смена плана.

Терраса у кафе-кондитерской. Круглые металлические столики. За одним из них сидит важный господин с пышными усами; его спутница — молодая женщина — безразлична ко всему, она дремлет. Господин о чем-то спорит с официантом. Какой-то субъект услужливого вида и небольшого роста встает из-за соседнего столика, вмешивается в разговор с явным намерением разобраться в деле и помирить спорщиков. Он выслушивает обе точки зрения, кивает, дружелюбно и одобри-

тельно похлопывает говорящих по плечу, заглядывает им в глаза. На улице итальянец-шарманщик (он с попугаем) исполняет хабанеру. Двое жителей предместья в темных костюмах церемонно танцуют. (Камера направлена на спорящих за столиком; за ними видна танцующая пара, на которую никто из присутствующих не обращает внимания.) Появляется Моралес. Он смотрит на танцующих; затем его внимание неожиданно привлекает услужливый тип.

Важный господин (обращаясь к услужливому субъекту).— Я вам объясняю, молодой человек. Моя супруга захотела ванильного мороженого, ну, из тех, что в форме просвирки. Я же, зная, что у нее несколько пошаливает печень, вмешался и заказал для нее чайку с лимоном, не слишком крепкого. Что же касается меня лично, то я решил посодействовать пищеварению при помощи двойной порции ямайского рома.

Услужливый тип.— Пока все понятно. Продолжайте, пожалуйста.

Важный господин (отряхивая рукав в том месте, где к нему прикасался услужливый тип).— Официант же, работающий без должного усердия, по своему неразумению впадает в серьезнейшую ошибку.

Услужливый тип.— И в чем же дело?

Важный господин.— Вы не поверите своим ушам! Он подает ром моей супруге, а мне приносит какой-то немислимый травяной настой. В результате жена оказывается занемогшей, я же остаюсь жаждущим и неудовлетворенным. (С возмущением цокает языком.) А теперь этот анархист еще хочет, чтобы я оплатил счет!

Услужливый тип.— Это же форменный скандал! Сеньор, я рекомендую вам обратиться с гневным письмом в газету. (*Вновь хлопает собеседника по плечу; затем оборачивается к официанту.*) Тем не менее я все же предлагаю выслушать аргументы, которые сможет выдвинуть со своей стороны ваш оппонент.

Официант.— Я признаю свою вину. Уже двадцать лет работаю официантом, а сегодня впервые ошибся с заказом. Но счет есть счет, и его необходимо оплатить. Всего тридцать пять сентаво.

Услужливый тип.— Ну да, счет — это счет, и его следует оплатить. (*Похлопывает официанта по плечу.*)

Важный господин (*после раздумия*).— Оставаясь внутренне несогласным, тем не менее — заплатить по счету готов.

Услужливый тип (*неожиданно заторопившись*).— Ну, а теперь, когда моя миссия выполнена, я позволю себе удалиться.

Сеньор расстегивает плащ, затем сюртук, начинает со все более заметной тревогой хлопать себя по карманам. Моралес, наблюдавший за только что закончившейся сценой, ловит за воротник услужливого типа. В это время фонарщики на улице с помощью длинных шестов зажигают фонари.

Моралес (*обращаясь к важному господину*).— Не стоит более утруждать себя поисками. (*Официанту.*) И вы тоже посмотрите повнимательнее: наверняка и у вас чего-нибудь пропало.

Пораженный официант убеждается в том, что у него пропал кошелек с дневной выручкой.

Моралес извлекает из карманов услужливого типа оба бумажника и возвращает их владельцам.

Моралес (*не отпуская пойманного*).— А про тебя, приятель, пожалуй, не скажешь, что ты путешествуешь налегке. (*Достает еще множество разных предметов, которые важный господин и официант признают своими.*)

Важный господин.— Мой театральный бинокль! Дедушка подарил мне его на день рождения!

Официант.— Мой карандаш!

И так далее.

Моралес достает из куртки вора нож. Ни важный господин, ни официант не высказывают претензий на обладание этой вещью.

Моралес (*сурово*).— Разве вам не известно, что ношение оружия запрещено законом? Впрочем, Бог с вами, проваливайте отсюда. Я вам не судья.

Услужливый тип (*отчасти взяв себя в руки*).— Очень любезно с вашей стороны, очень любезно. Тем не менее прошу все же учесть, что этот ножик — моя собственность.

Моралес.— Согласен, но так уж получилось, что именно сегодня он мне пригодится для одного важного дела.

Оставляет себе нож, кивает всем и уходит. Все смотрят ему вслед с изумлением. Воришка вновь тянется к карману важного господина.

Смена плана.

Улица в пригороде. Сильвейра и Сориано едут верхом.

Сориано.— Недавно один мой приятель, помощник аукциониста из провинции, прислал мне собаку. Бедное животное! Заслышав трамвайный звонок, оно тотчас же забивалось под кровать, дрожа со страху. (*Смеется, выжидательно глядя на Сильвейру.*) С людьми, надеюсь, так не бывает?

Сильвейра. — Занятная басня. А я вот, давай, расскажу тебе правдивую историю.

Сориано. — Ну что же, послушаем.

Сильвейра. — Так вот. Лет двадцать—тридцать тому назад в одном из фортов какой-то солдат не подчинился приказу сержанта и нагрубил ему. Так как в форте ожидали нападения индейцев, сержант сделал вид, что ничего не произошло. Индейцы действительно напали на форт — целой ордой.

Долгая пауза.

Сориано. — И чем все кончилось?

Сильвейра. — Ну, порубали солдатики этих индейцев.

Сориано. — Я имею в виду этих — солдата с сержантом.

Сильвейра. — А об этом ты узнаешь сегодня вечером, после того, как мы разделаемся с доном Элисео.

Смена плана.

Сильвейра и Сориано проходят через комнату с бочками и кувшинами, обходят лестницу, ведущую в подвал с петушиной ареной, и входят в столовую. Посетители разошлись. Помещение кажется пустым и просторным. Люна рассеянно очищает перочинным ножом сапоги от грязи. Женищина, сидя за стойкой, что-то вяжет.

Люна. — Добрый вечер.

Вошедшие хлопают его по плечу в знак приветствия.

Люна. — Может быть, для начала по рюмочке?

Сориано. — Вот это по-мужски.

Садится за стол.

Люна.— Что будете, дон Понсиано?

Сильвейра.— Благодарю, но сегодня я хотел бы остаться трезвым. Я столько лет ждал этого дня.

Садится.

Сориано.— Наоборот, если человек выпьет, он действует смелее. Заказали бы себе пшеничной водки — взбодриться.

Люна (*не понимая намека Сориано*).— От души не советую, дон Понсиано. (*Понизив голос*.) Здесь она совершенно отвратительная.

Сориано (*женщине*).— Две каньи.

Сильвейра (*серьезно*).— Давайте к делу. Итак, что это за молодой человек по имени Моралес, который вознамерился вломиться к дону Элисео?

Люна.— Я его здесь, на петушиных на боях, встретил. Говорит, что у него личные счета с дон-ом Элисео и что он собирается сегодня вечером вызвать его на поединок. (*Пока он говорит, женщина приносит рюмки*.) Чтобы выиграть время, я сказал, что дона Элисео сегодня можно будет найти на празднике на Альмагро.

Сильвейра (*одобрительно*).— Хорошо придумано.

Сориано (*Люне*).— Дону Исмаэлю сообщил?

Люна.— Мне как-то в голову не пришло.

Сильвейра (*задумчиво*).— Этот Моралес, надо признаться, изрядно усложняет нашу задачу.

Сориано.— Нужно, чтобы кто-то задержал его там, на празднике.

Сильвейра.— Согласен. Пусть Ларраменди и побеседует с ним, о чем ему в голову придет.

Сориано.— Сам он, кстати, часов с девяти будет дома.

Сильвейра.— Ладно, давайте пока забудем об этом молокосохе и поговорим о том, что делать нам самим.

Сориано.— Говорить да слушать — устал я от этого, сил нет!

Сильвейра (*не обращая внимания на его слова*).— План действий вам известен. Как только мы заходим за ворота, вы прячетесь по обеим сторонам дорожки. Я иду к дому один и беру дону Элисео на себя.

Сориано.— Ничего подобного! Мне тоже есть за что расквитаться с этим тираном. В дом мы пойдем вместе.

Сильвейра (*холодно*).— Хорошо, молодой человек. Порезвись в свое удовольствие. Мы с Люной останемся у ворот и посмотрим, как ты сунешься в логово льва.

Сориано.— Значит, договорились. (*Отпивает из рюмки.*) Скорей бы уж.

Сильвейра (*тем же тоном, словно его и не перебивали*).— Оставишь серого возле ивы. Подойдешь к двери, постучишь и окликнешь дону Элисео. Не стреляй, пока он не подойдет к тебе вплотную.

Сориано.— Правильно. Действовать нужно осторожно и наверняка. (*Делает еще один глоток.*)

Сильвейра.— Будешь так нервничать — того и гляди промахнешься. Если тебя шлепнут, за дело возьмемся мы с Люной.

Люна (*рассмеявшись*).— Ну, уж тогда-то мы с ним и за тебя поквитаемся.

Сориано.— Может быть, меня и убьют, но я хочу, чтобы вы знали: я не боюсь. Я не боюсь!

Сильвейра.— По-моему, уже пора. Что скажете?

Сориа но.— Согласен, но сначала выпью-ка я еще рюмочку. (*Замолкает, после паузы продолжает, заметно нервничая.*) Ладно, встречаемся в девять у Ларраменди. Лучше нам всем вместе не выходить. Я чуть задержусь.

Сильвейра (*сухо*).— Как скажешь. В девять — так в девять.

Выходят.

Смена плана.

В каком-то кабаке, сидя под зарешеченным окном, Хулио Моралес доедает обед. В окно виднеется дерево омбу, то, что на площади Онсе, на углу улиц Эквадор и Бартоломе Митре. Дощатый пол комнаты находится несколько ниже уровня мостовой. В глубине зала за другим столом сидит невысокий, но богатырского сложения человек с седой бородой; он о чем-то говорит сам с собой и бурно жестикулирует; перед ним — пустой стакан.

Человек (очень хриплым и низким голосом).— Хозяин, еще водки! И побыстрее, пока они не пришли.

Официант незамедлительно приносит водку. Человек выпивает рюмку залпом, утирается рукавом, встает, оставляет на столе несколько монет и направляется в сторону Моралеса, словно лунатик. Не заметив Моралеса и едва не задев, проходит мимо и выходит на улицу.

Официант (подмигивая Моралесу).— Сейчас точно явятся.

Моралес.— Кто?

Официант.— Негры. Взяли моду являться после его второй рюмки водки. Вон, смотрите. (Показывает в окно.) Опять налетели на бедного дона Лукаса.

Моралес смотрит в окно. Возле омбу человек, вышедший на улицу, сражается — один, как бы сам с собой. Левую руку он держит поднятой на уровне груди, прикрываясь перекинутым через нее пончо, как щитом; в правой руке сжимает воображаемый кинжал. На краю тротуара сидит грузчик, который даже не смотрит в сторону безумца.

Официант. — В конце концов обычно он их всех побеждает.

Моралес. — Наверное, вспоминает что-либо из прошлого.

Официант. — Раньше на площади была стоянка экипажей. Люди собирались отовсюду. Годы в семидесятых повадились сюда несколько негров из Морона, они напивались в заведении за овощным базаром, а потом выкатывались на площадь и приставали к прохожим — даже среди бела дня...

Моралес. — И так шло до тех пор, пока дон Лукас не призвал их к порядку?

Официант. — Именно так. Он-то в ту пору был совсем другим. Мирно работал себе, грузил что-то, но эти негры так ему надоели, что как-то раз он подкараулил их здесь, на площади, и налетел на них у всех на виду. Жаль только, что со временем все так скверно обернулось: стоит дону Лукасу выпить пару рюмок, как на тебе — давай воевать с неграми.

Моралес. — Жаль, говорите? Это как посмотреть: хоть он и тронулся, но зато никогда не забудет того дня, когда доказал всем, что он — настоящий мужчина.

Расплачивается и уходит. Подходит к дону Лукасу, стоящему возле омбу.

Моралес.— В добрый час, дон Лукас, удачи вам.

Дон Лукас (показывая на землю).— Видите? У этого кровь уже идет горлом.

Смена плана.

Снова зал для петушиных боев. Сориано раскуривает сигару, подходит к стойке, наливает себе еще одну рюмку. С рюмкой в руке задумчиво направляется в сторону лестницы, ведущей к арене. Щелчком отбрасывает сигару — она летит прямо на арену; Сориано провожает ее взглядом. Поворачивается. Теперь его взгляд упирается в зеркало. Он залпом выпивает водку. Снова глядит на себя в зеркало. Мы видим стену, деревянную резную раму, отражение Сориано. В зеркале постепенно появляется отражение иной сцены: слышен какой-то почти истерический смех, рядом с лицом Сориано появляется еще одно — его же, но значительно моложе (оба лица очень похожи и отличаются лишь прическами). Первое отражение исчезает. На втором лице — заинтересованность, возбуждение, радость. За спиной Сориано — белая стена с черным цоколем. Наружная деревянная лестница ведет к мансарде. Столбы-опоры и перила отбрасывают тень на белизну стены. Рядом — кривая акация, также отбрасывающая тень. Нижняя часть кадра погружена в полумрак. Сориано стоит нагнувшись, он занят каким-то делом. Каким именно — нам не видно, руки его не освещены. Слышны пронзительные, но уже слабые крики, в темноте что-то шевелится.

Камера движется вверх: у входа на галерею стоит Елена, в лучах солнца. Слышна мазурка

Шопена — та же, что звучала в эпизоде смерти Постемиллы.

Елена (в ужасе).— Фермин!

Сориано (не поднимая головы).— Смотри, как его корчит! (Смеется.)

Елена (с безнадежной усталостью в голове).— Как можно быть таким жестоким? Оставь животное в покое!

Сориано (помолчав).— Да он уже того, сдох. (Неожиданно отвлекается от того, чем был занят.) Слышишь? Это Эрсилия — мазурку учит.

В кадре вновь появляется стена, резная рама, зеркало. На мгновение возникает отражение Сориано. Постепенно изображение становится более отчетливым: появляются листья, ветви, улица с деревьями среди камней, мраморная статуя Дианы. Издалека, но все слышнее и слышнее, доносится вальс Раменти. Дон Исмаэль Ларраменди — тучный, одетый в черное, вяло-неспешный и величественный,— Сориано, Елена и Эрсилия прогуливаются по площади в предместье. Еще не стемнело, но фонари уже горят.

На площади много народу. В центре, на эстраде,— оркестр. Сориано, Елена, Эрсилия и Ларраменди подходят ближе.

Ларраменди.— Встретили меня радушно, накормили просто до отвала, честное слово. Любезное общение, красивые речи, стол, уставленный лучшими винами. Когда я встал произнести благодарственный тост, чувства просто переполняли меня...

Сориано.— Да, переполненный чувствами, он все же собрался с силами и сказал такие проникновенные слова!.. Ах, Эрселита, как жаль, что тебя там не было.

Ларраменди (с некоторой долей горечи).— К сожалению, дома я говорю куда менее убедительно, чем в кругу друзей или просто уважающих меня людей. (Просветлев.) Кого я вижу! Мой уважаемый Понс! Прошу прощения, мне обязательно нужно обсудить с ним некоторые... финансовые вопросы. (Эрсилли.) Дочка, не забудь: в семь часов за тобой заедут, когда ты еще будешь в доме дона Элисео. До свиданья, детки.

Он торжественно направляется к группе собравшихся на площади людей, ни один из которых не отвечает на его приветствие. Все проходят мимо. Елена, Эрсиллиа и Сориано оказываются невольными свидетелями данной сцены.

Смена плана.

Столовая в доме Элисео Рохаса. Большая комната: побеленные стены, высокий гладкий потолок с одной балкой. Длинный стол, стулья, буфет. Со спинки одного из стульев свешивается кнут с серебряной ручкой.

Елена — перед зеркалом — повязывает себе передник. Затем начинает молча накрывать на стол. Ей помогает Эрсиллиа. Опершись о дверной косяк, Сориано угрюмо курит и смотрит на девушек.

Сориано (просто для того, чтобы что-то спросить).— Дон Элисео уже вернулся?

Елена.— Да. Разве не видишь? Кнут здесь.

Пауза.

Эрсиллиа (неожиданно).— Сколько можно притворяться и делать вид, что мы ничего не видели и ничего не поняли, как все те люди отнеслись к моему отцу?!

Елена.— Эрсилита, успокойся. (Мягко улыбаясь.) В конце концов, господин Понс — еще не

судья в последней инстанции. (*Серьезно.*) Главное — это то, что ты любишь отца, а он — тебя; остальное неважно.

Эр с и л и я.— Елена, ты такая добрая, но тебе никогда меня не понять. Ты живешь в доме, считающемся воплощением достоинств и добродетелей. Откуда тебе знать, что чувствую я? Знать, что у отца нет ни стыда, ни совести!.. Каждый день сталкиваться с его ложью, с его низостью!.. Твоего отца, его-то все уважают...

Е л е н а (*примирительно*).— Просто они такие разные.

Эр с и л и я.— Уж я-то это знаю. Дон Элисео — самый честный из всех людей, что мне встречались в жизни, и самый уважаемый.

Слышен лай собак. Сориано подходит к окну и выглядывает на улицу.

Эр с и л и я.— До чего же тебе повезло с отцом. Какая ты счастливая!

Е л е н а (*со странным оттенком в голосе*).— Да, я такая счастливая!

С о р и а н о (*поворачиваясь*).— Эрсилия, за тобой приехали.

Эр с и л и я.— Уже так поздно?!

Прощаются. Сориано выходит проводить Эрсилию; вернувшись, он застаёт Елену безутешно рыдающей.

Смена плана.

На камеру надвигается табун лошадей. Камера поднимается, лошади проносятся под нею, в кадре появляются конюшни и манеж в старинном поместье дона Исмаэля Ларраменди. Основное здание — двухэтажное, с галереей вокруг верхнего

этажа. На галерее и внизу у забора манежа толпятся покупатели. Исмаэль Ларраменди с помоста расхваливает очередного выставленного на продажу скакуна. У ворот, через которые были впущены лошади, ждут несколько всадников с лассо и заготовленной упряжью. Один из всадников — Люна. На заднем плане видны корралы, участки для выгула и пастбища.

Ларраменди. — Уважаемые господа, позволю себе привлечь ваше внимание к этому жеребцу темных мастей с клеймом поместья Ла-Энкарнасьон сеньора Сальдуэндо. Я взываю, господа, к вашему чутью, которое не сможет не помочь вам оценить это живое воплощение будущего совершенства, и надеюсь, что вы не позволите этому жребцу, этой гордости дона Сальдуэндо, пропасть за неразумно малую цену. Родословная всего этого табуна вне обсуждения. По материнской линии — лучшие кобылы поместья Ла-Энкарнасьон. Отец — чистокровный орловский рысак, который, как говорится, был на «ты» со всеми, кто работал на конезаводе Реколета.

Мы тем временем видим Сориано, выдающего бумаги коневодам, уже купившим лошадей.

Сориано. — А вот документики и на вашего бегового, комиссар Негротто.

Комиссар. — Но если он не будет побеждать на скачках, я твою собственную гриву состригу наголо, клянусь своей матерью.

Сориано направляется к следующему покупателю.

Сориано. — Господин Гоменсоро, вот ваши бумаги.

Теперь Сориано пробирается сквозь толпу.

Г о л о с Л а р р а м е н д и. — Не теряйте надежды, сеньор Доблас! Он уже у вас в руках. Сколько? Тридцать пять? Тридцать пять! Сеньор Отейса, я жду вашего ответного шага. Вы не из тех, кто позволит себя обойти столь легко. Сорок песо! Сорок песо! Сорок пять — цена сеньора Добласа! Сорок пять — продано!

Люди начинают расходиться. Сориано подходит к очередному покупателю.

С о р и а н о. — Господин Доблас, ваш чек. (Другому.) А это ваш, дон Никанор. Поздравляю с удачной покупкой.

К т о - т о из группы покупателей (дону Никанору). — Чего стоит один тот жеребец! Какая статья! Мой совет — поскорее забальзамировать его на память, пока не рассыпался на куски.

Уходят. Пеоны уводят лошадей с манежа. Сориано направляется к лестнице, ведущей к трибуне аукциониста. Дон Ларраменди собирается спускаться, но, увидев Сориано, мгновенно возвращается на место и делает вид, что сосредоточенно изучает записи в своих блокнотах. Сориано поднимается на помост и подходит к нему. Ларраменди вздыхает и вытирает платком пот со лба. Потом похлопывает по плечу мрачно глядящего на него Сориано.

С о р и а н о. — Сегодня вам грех жаловаться, дон Исмаэль. Деньжат-то получили преизрядно.

Л а р р а м е н д и. — Точный расчет, мой юный друг! Да, точный расчет, достойный товар, удачное предложение и, без ложной скромности, мастерство ведущего, умеющего правильно составить и подать товар, — вот слагаемые успеха. И поверь, сегодняш-

ний день надолго останется и в твоей памяти как урок мастерства.

Сориано.— В это я охотно верю, но еще больше мне запомнится тот день, когда вы наконец мне заплатите то, что должны.

Ларраменди.— Не говори мне о деньгах! Ты сам прекрасно знаешь, что все они — в твоём полном распоряжении. Я не забыл, что ты их выиграл, а мне дал их в рост.

Сориано.— Я уже почти готов отказаться от процентов. Верните мне то, что должны,— и будем считать, что мы квиты. Меня начинают утомлять ваши распрекрасные речи.

Ларраменди (*с напускным апломбом*).— Плохое освещение и не тот фокус, как говорят современные фотографы, да? Предприятие, которое я возглавляю, которое я не брошу ни за что, пока не увенчаю его окончательной победой... Наши деньги, они... меняются... приспособляются к обстоятельствам... ищут источник роста...

Сориано.— А я-то что с этого имею? (*Закипает.*) Если вы мне не заплатите... если не заплатите... я...

Ларраменди (*глядя на него исподлобья*).— Можешь убить меня, пожалуйста, но тогда — плакали твои денежки. У тебя нет расписки.

Сориано (*спокойнее*).— Мне нужны мои деньги.

Ларраменди.— Да получишь ты их, получишь!

Сориано.— Когда, дон Исмаэль?

Ларраменди (*понимая, что он хозяин положения*).— Еще одна твоя ошибка! Нам нельзя связывать себя какой-либо конкретной датой.

Сорiano (*почти жалобно*).— Но мне нужны деньги!

Ларраменди (*словно делая уступку*).— Ты уж меня извини, но ситуация такова, что дело наше может принять неожиданный оборот. Вот тут-то, без сомнения, потребуется твоя помощь. Тогда и все деньги получишь сполна.

Сорiano.— Если честно, дон Исмаэль, я вас не понимаю.

Ларраменди.— Все очень просто. Дон Элисео, он ведь вообще не хотел участвовать в этом деле. Он всегда был моим компаньоном, но без особого желания и рвения. Так вот, я вкалывал до седьмого пота... но... В общем, пришло время содрать с паршивой овцы последний клочок шерсти — подпалить заведение и получить страховку.

Сорiano.— А что, дела идут настолько плохо?

Ларраменди (*положив руку на плечо Сорiano*).— Очень, очень плохо. И хуже всего то, что я не решаюсь посвятить дону Элисео в свой план, не могу доверить ему эту тайну.

Сорiano (*твердо*).— Не говорите ему ничего. Сегодня вечером я сам подожгу здесь все. (*Смотрит по сторонам.*) Эти сухие деревяшки вспыхнут так, что туши не туши, толку не будет.

Ларраменди (*скептически*).— Опять ты то-ропишься. Я бы подождал до понедельника. После вечерней службы здесь не будет ни души: ты сможешь действовать, не опасаясь, что тебя увидят. Наконец, оставь себе время, чтобы как следует проработать план действий.

Сорiano.— Не усложняйте дело. В шесть часов я буду здесь совершенно один, и у меня за глаза хватит времени на то, чтобы поджечь дом и все это хозяйство.

Ларраменди.— Поспешай медленно. В легкости исполнения может скрываться опасность. Если страховая компания нас в чем-то заподозрит — мы пропали.

Сориано.— И что же вы посоветуете?

Камера наведена на ворота манежа сверху. На земле видна тень всадника. Затем в кадре появляется он сам. Всадник медленно въезжает на территорию торговой площадки. Сверху видны широкая шляпа, пончо, спина лошади темной масти.

Ларраменди (*задумчиво*).— Следовало бы подыскать на это дело человека, которому мы доверяем целиком и полностью. И при этом, чтобы он не был бы замечен в знакомстве ни со мной, ни с доном Элисео.

В кадре вновь тот же всадник. Он спешивается и привязывает лошадь. Мы по-прежнему не видим его лица.

Сориано.— Значит, Люна?

Ларраменди.— Попал в самую точку. И его есть чем зацепить. Было дело, повздорил он по поводу чего-то с доном Элисео, и тот выставил его за дверь, скажем так, без особых церемоний.

Сориано.— Люна как напьется, так божится, что рано или поздно поквитается с доном Элисео.

За спинами заговорщиков вырастает внушительный силуэт неизвестного всадника.

Это Понсиано Сильвейра.

Сильвейра (*обращается к обеспокоенно глядящему на него Ларраменди*).— Как гласит надпись на воротах этого дома, если, конечно, верить написанному, он принадлежит дону Элисео Рохасу.

Ларраменди (*оправившись от удивления*).— А также Исмаэлю Ларраменди, к вашим услугам.

Сильвейра.— В таком случае, любезный, вы, как никто другой, оказались здесь кстати и скажете, где я могу видеть Рохаса.

Ларраменди.— Он здесь бывает по вечерам, но не каждый день. А что за дело привело к нему уважаемого сеньора?

Сильвейра.— Что за дело? Да так, ерунда, сущие пустяки. Вопрос чисто личный, уверяю вас.

Ларраменди.— Прекрасно вас понимаю и ни на чем не настаиваю. Не хочет ли сеньор передать через меня господину Рохасу, кто его хочет видеть?

Сильвейра.— Разумеется. Передайте ему, что его желает видеть Понсиано Сильвейра.

Ларраменди молча смотрит на него. Затем, по всей видимости, принимает какое-то решение.

Ларраменди.— Я передам. (*Задумчиво.*) Знал я одного Сильвейру, но давно это было, да и сам он был не из наших краев.

Сильвейра.— Я тоже не из местных. (*Пристально глядя на Ларраменди.*) Я из Хунина.

Сориано (*нетерпеливо*).— Да уж и так видно, что вы, сеньор, не из столицы.

Остальные делают вид, что не слышат его.

Ларраменди.— Ах, как мне нравилось в Бельтране.

Сильвейра.— Мой брат приехал в Буэнос-Айрес еще совсем мальчишкой, и его здесь подло убили. Передайте Рохасу, что кое-кто не забыл этой давней истории.

Смена плана.

В кадре — небо, облака, затем появляются ветви деревьев. Среди ветвей — забравшаяся на дерево Эрсилля.

Эрсилля.— Вот, держи еще.

Кидает несколько сорванных яблок в подставленный Еленой передник. В нескольких шагах от девушек на земле сидит, пожевывая травинку, Фермин Сориано.

Сориано (*обращаясь к Елене*).— Слушай, а страховой полис... он у твоего отца, или тот его передал дону Исмаэлю?

Елена (*недоверчиво*).— Я не понимаю, что ты хочешь у меня выведать. Странно все это как-то.

Сориано.— А что же здесь странного?

Елена.— Все: твое нетерпение, твое любопытство разузнать про страховку...

Тем временем Эрсилля спускается с яблони.

Эрсилля.— Не будь злоюкой к бедному Фермину.

Елена (*глядя на нее со снисходительной нежностью*).— Извини. Я и не знала, что он у нас — совершенство.

Эрсилля (*с настойчивостью*).— А почему мне не говорят, что я должна делать? Ехать мне к тетушкам или нет?

Сориано (*с безразличием*).— Если договорились ехать...

Эрсилля.— Да, я обещала, но мне так не хочется возвращаться вечером одной.

Сориано.— Жаль, что у меня сегодня жуть какой хлопотный день. Столько дел... Вот сейчас понесу чинить часы дона Элисео... (*Достает часы и показывает их: часы большие, тяжелые, с крышкой.*) А на вечер я уже договорился с парнями.

Эрсилля (*покорно соглашаясь*).— Ну что ж, как-нибудь в другой раз.

Елена.— Сдается мне, что ты, Фермин, привираешь. Брось ты эти свои отговорки и проводи Эрсилиту к тетушкам.

Эр с и л и я (*задумчиво*).— Нет, лучше не надо меня провожать. Сами знаете, какие они, эти тетки. Вечно им мерещатся всякие гадости.

С о р и а н о (*отбрасывает изжеванную травинку и быстро подходит к Эрсилии вплотную*).— Слушай, а ведь твоих теток вообще ни к чему посвящать в наши дела. Ты, кстати, в котором часу от них уходишь?

Эр с и л и я (*с трудом скрывая радость*).— Ну, часов в семь, может, без четверти. (*Тут же раскаяваясь в своих словах.*) Нет, нет, ты лучше не приходи.

С о р и а н о.— Я тебя жду в семь, у моста.

Эрсилия *срывает цветок, на прощание машет рукой и уходит.*

Смена плана.

Мы видим Елену, закрывающую калитку в проволочной изгороди. Освещение изменилось. Близится вечер. Елена проходит несколько шагов; в кадре крупным планом ее лицо, на котором неожиданно появляется удивление.

Е л е н а.— Фермин! Ты не опоздаешь?

С о р и а н о.— Опоздаю? Куда?

Е л е н а (*недоуменно*).— Как куда? На встречу с Эрсилией, куда же еще?!

С о р и а н о.— Если и не встречу, невелика потеря.

Е л е н а.— Но она же будет тебя ждать.

С о р и а н о.— Слушай, ты же прекрасно понимаешь: я сказал ей, что встречу ее, только для того, чтобы она ушла и оставила нас с тобой одних.

Е л е н а (*серьезно, глядя ему в глаза*).— Фермин Сорiano, ты сошел с ума, это точно.

Сориано.— Да, я сошел с ума. Я теряю разум — так я хочу обнять тебя.

Пытается обнять Елену. Она уворачивается. В ходе борьбы на землю падает ее гребень. Крупный план: лежащий на земле гребень. На него наползает чья-то тень. Эту тень отбрасывает человек, ведущий в поводу коня.

Несколько секунд — крупный план: Сориано, прикрывающий глаза рукой. Затем он опускает руку, и мы видим Сориано задумчиво глядящим в зеркало в помещении, где устраивают петушиные бои. Сориано, возбужденный серьезностью задуманного дела и в какой-то мере алкоголем, смотрит в глаза своему отражению.

Сориано.— Нет, я не хочу больше вспоминать. Я поклялся себе, что не буду больше вспоминать об этом. Элисео Рохас унизил меня, оскорбил. Он потребовал, чтобы я встал на колени и попросил у Елены прощения. А потом на ее глазах вlepил мне пощечину. Но я поклялся, поклялся не вспоминать об этом. Потом, все воспоминания будут потом, после... Сегодня, сегодня же ночью.

Смена плана.

Через окно, прикрытое тюлевой занавеской, в обрамлении раздвинутой шелковой портьерой, видна тихая, безлюдная улица одноэтажной застройки, но есть дома и в несколько этажей. По улице едет верхом Фермин Сориано.

Камера отъезжает назад. Мы оказываемся в гостиной дома Исмаэля Ларраменди (мебель красного дерева, рояль, какая-то petite bronze¹ на мрам-

¹ Бронзовая статуэтка (франц.).

морной консоли, несколько букетов цветов, картина, написанная маслом, — арабы на фоне пирамид). За столом беседуют Ларраменди, Сильвейра и Люна.

Люна (заканчивая фразу).— ...и самое странное, что этот Моралес, похоже, действительно не знает дона Элисео. Вот что я заметил, запомнил и попытался вам растолковать.

Ларраменди (в задумчивости).— Но ведь ты мне сам сказал, что этот парень ищет его, чтобы за что-то поквитаться.

Сильвейра.— Не вижу в этом ничего странного. (Уверенно.) Я тоже не знаком с доном Элисео, но тем не менее разыскиваю его.

Входит Сориано.

Ларраменди (хочет что-то выкрикнуть, но сдерживается и берет себя в руки).— Несомненно, для меня большая честь принимать вас, господа, в моем доме. Тем не менее следует признать, что это собрание, оно... не свидетельствует ли оно о нашей беспечности и неосторожности?

Сильвейра (спокойно и уравновешенно).— Вы абсолютно правы. Вас оно может скомпрометировать, и уже по одной этой причине его стоит провести именно у вас.

Ларраменди (уязвленный).— Ладно-ладно. Молчу. Считайте, что я ничего и не говорил.

Сориано (агрессивно).— Еще бы! Мы-то собой как скомпрометируем еще до рассвета.

Люна (обращаясь к Ларраменди).— Когда речь идет о других, вы что-то не проявляете осторожности. Взять меня: сначала предлагаете мне поджечь дом, а затем еще и...

Ларраменди (вновь напуская на себя самоуверенный вид).— Тебя никто не заставляет участвовать в нашем деле.

Люна.— А я и не говорил, что не хочу участвовать. Когда дон Элисео выставил меня, я поклялся отправить его на тот свет. Но не могу не признать: я желал чистой мести, а вы впутали меня в какую-то грязную уголовщину.

Камера отъезжает к коридору и, вплоть до того, как оказывается в дверном проеме, крупным планом показывает Люну. Затем камера быстро поворачивается. Крупный план: лестница, ведущая на второй этаж, где видна открытая дверь спальни Эрсилли. Елена, сидя за ночным столиком, причесывается. Эрсиллиа, присев на край кровати, примеряет новые бальные туфельки. Кровать застелена белым покрывалом, сама она железная, со множеством украшений в виде листочков и розеток. В комнате — стол с лампой, шкаф с зеркалом, умывальник с кувшином и фаянсовым тазом, вешалка-манекен и распятие со свечой. В изголовье кровати лежат четки. На столике под лампой — портреты Ларраменди в молодости и какой-то дамы (несомненно, это мать Эрсилли). Эрсиллиа встает и зажигает газовый рожок.

Елена (рассеянно).— Твой отец будет сегодня рано?

Эрсиллиа.— Уже с четверть часа, как он вернулся. Я хотела бы увидеться с ним. Что-то я волнуясь.

Елена.— Я видела его днем. Он был бодр и весел.

Эрсиллиа.— Это он просто делает вид. Я-то знаю, что дела у него очень плохи.

Пауза.

Елена.— Я завтра уеду к себе. Не хочу быть для вас обузой.

Эр с и л и я.— Да ты что, глупая! Как ты могла подумать, что я могла на такое даже намекнуть?! Ты же мне как сестра!

Эрсилия подходит к Елене, встает у нее за спиной и кладет ей руки на плечи. Улыбаясь, обе смотрят в зеркало.

Е л е н а (*ласково и грустно*).— Ты права, Эрсилия. Извини меня. Мне здесь у вас так хорошо, я просто счастлива, но... (*нервно смеется*) прямо стыд какой-то...

Елена улыбается, но в ее глазах стоят слезы. В тишине повисает безмолвный вопрос Эрсилии.

Е л е н а.— Позавчера, когда я ушла из дома, я чувствовала себя такой храброй. После того, что произошло, я поклялась себе, что никогда туда больше не вернусь. А сейчас я прекрасно понимаю, что не смогу жить без отца. (*Наклоняется и закрывает лицо руками.*)

Эр с и л и я (*по-матерински заботливо*).— Ну все, завтра вернешься домой. Все будет хорошо. Ты только не плачь. На празднике нужно быть красивой и веселой.

Е л е н а.— Если бы ты знала, как мне не хочется идти на этот бал...

Эр с и л и я.— Нельзя разочаровывать папу. Получится, что мы его обманули. А он так обрадовался, что повезет нас обеих.

Е л е н а.— Ты права. (*С принужденным оживлением.*) Слушай, а тебе очень пошел бы хорошенький веночек. Пойду в сад, сплету тебе что-нибудь подходящее.

Елена спускается по лестнице, проходит мимо открытой двери в гостиную, ненадолго останавливается, подозрительно смотрит на заговорщиков и идет дальше.

Камера возвращается в гостиную.

Ларраменди (объясняя).— Надеюсь, мы пришли к общему мнению, господа? Все меня поняли правильно? Наша цель — страховой полис, не более. Найти его, достать и принести сюда. Все! (Умоляюще.) И никакого насилия, очень прошу вас, никакого...

Сильвейра (перебивая его).— Ну, кого вы хотите обмануть своими заклинаниями? Вы втянули нас в это свое дело, и теперь все зависит только от того, как будут складываться обстоятельства.

Ларраменди.— Сдаюсь, сдаюсь. С молодежью спорить — гиблое дело. (Задумчиво.) Я хотел преподать вам урок осторожности, сидел весь день дома, а вы даже не желаете меня выслушать.

Люна.— Нет, он просто очарователен. Говорить об осторожности с рабами Божьими, которым предстоит встретиться с красавчиком Рохасом!

Сориано (гневно).— Да, мы с ним встретимся! И все, хватит об этом! Не желаю больше слышать имя этого человека. (Достает из кармана часы и с отвращением смотрит на них.) Мне даже часы его носить противно. Выбросить их, что ли?

Люна (размышляя).— Если ты впадаешь в истерику от одной мысли о Рохасе, то что же будет, когда ты столкнешься с ним нос к носу?

Сильвейра (перебивая).— Эти часы навели меня на интересную мысль. (Обращается к Сориано.) Если ты не против, одолжи их мне.

Сориано.— Вот уж только рад буду от них отделаться. Держи!

Камера поворачивается, и в кадре оказывается Сориано: он отстегивает часы от цепочки и передает их Сильвейре. На заднем плане видна Елена: возвращаясь из сада с цветами, она

задерживается у дверей и с изумлением наблюдает за происходящим в гостиной.

Смена плана.

Уже стемнело. В кадре — фасад большого дома с балконами, выходящими на улицу, и боковыми патио. Все ярко освещено. Много народу. Слышно, как играет оркестр. При входе кто-то собирает приглашения у прибывших. Моралес невозмутимо курит, наблюдая за происходящим. Подъезжает карета.

Моралес (обращаясь к кучеру).— Скажите, любезный, как войти в дом?

Кучер (со своего места, презрительно).— Тут без приглашения даже собственного привратника не пустят.

Камера приближается к дверям. Слышна музыка; виден первый внутренний двор, освещенный керосиновыми лампами. Над ним натянуты гирлянды бумажных цветов и серпантин. Во дворе многие гости танцуют. В стороне Исмаэль Ларраменди беседует с Сориано, затем подзывает от дверей швейцара. Сориано уходит внутрь дома. Воспользовавшись отсутствием швейцара, Моралес проходит в дом. Не успевает он сделать и нескольких шагов, как кто-то берет его под руку.

Ларраменди.— Кого я вижу! Проходите, мой юный друг, проходите.

Моралес, сбитый с толку, удивленно смотрит на него, затем все же следует за Ларраменди. Они пробираются между танцующими парами. Ларраменди оживленно говорит, но на каждом шагу вынужден прерываться, чтобы поздороваться с кем-нибудь из гостей. Уже во втором патио они подхо-

дят наконец к белому железному столику, за которым сидят Елена Рохас и Эрсилия Ларраменди.

Ларраменди (представляет девушек).— Моя племянница Елена, моя дочь Эрсилия и... простите, сеньор?

Подходит какой-то юноша, хочет пригласить Елену на танец. Ларраменди энергично вмешивается, чтобы воспрепятствовать этому.

Ларраменди (вежливо).— Надеюсь, молодой человек извинит мою племянницу. Дело в том, что она не совсем здорова.

Говоря это, он удерживает Елену, довольно грубо сжимая ее руку. Елена удивленно смотрит на него.

Эрсилия (не заметившая случившегося).— Елена, ты такая бледная! Что с тобой?

Ларраменди (живо и любезно).— Вот ведь молодежь пошла, ни о чем не догадываются. Ну, кто наконец сообразит, что дамам нужно принести чего-нибудь освежающего?

Моралес смотрит на него отчасти недовольно, отчасти насмешливо. Наконец он уходит, протискиваясь между танцующими парами.

В буфете он видит нескольких человек. Среди них — Понсиано Сильвейра.

Моралес (опершись на стойку, обращается к официанту).— Эй, маэстро, можно четыре лимонада? Я их сам отнесу к столику.

Сильвейра (официанту, не глядя на Моралеса).— Обслужи его, парень, обслужи немедленно. Можешь смело забыть на время обо мне. А то ведь, если ему не подкрепить сил лимонадом, он того и гляди рухнет тут перед нами в обморок.

Моралес (официанту, не глядя на Сильвейру).— До каких же пор у вас будет позволено

мертвецки пьяным хамам ошиваться среди приличных гостей?

Сильвейра (*все так же — уже изрядно напуганному официанту*).— А вот чего здесь точно никогда не видел никто из гостей, так это молоко-соса, опьяневшего от лимонада.

Моралес (*Сильвейре, сохраняя спокойствие*).— Дайте передохнуть вашему верному стакану и пойдете прогуляемся, если вы, конечно, не боитесь подхватить простуду на свежем воздухе.

Сильвейра (*невозмутимо взглянув на часы дона Элисео*).— Смотри-ка, уже одиннадцатый час. У меня намечено одно важное дело именно на это время, но ровно в одиннадцать я вас буду ждать у ворот виллы Лос-Лаурелес. Знаете, где это? На улице Европы.

Моралес.— В одиннадцать на улице Европы? Сдается мне, мы с вами никогда не встретимся...

Сильвейра.— Не надейтесь так легко отделаться от встречи со мной, юноша. (*Снимает часы с цепочки и отдает их Моралесу.*) Вот, оставляю вам в залог свои часы. (*Поворачивается к Моралесу спиной и уходит.*)

Моралес разглядывает часы. На их крышке гравировка — инициалы «Э. Р.»

Крупный план: тот же столик. Подходит Моралес.

Ларраменди.— Ну, наконец-то! Кто знает, какие красотки его так задержали?

Моралес (*обращаясь ко всем*).— Красотки? Какой-то невыносимо наглый и приставучий пьянчуга!

Елена (*грустно, глядя в глаза Моралесу*).— И вы с ним, конечно, затеяли ссору.

Моралес (*подходя к ней, заинтересованный, но мрачный*).— Вам бы больше понравилось, поведи я себя как трус?

Елена (*простодушно*).— А вы разве трус?

Моралес.— Полагаю, что нет.

Елена.— Тогда что для вас значит мнение какого-то пьяницы?

Ларраменди.— Браво, браво! Женщина до мозга костей! Елена, как всегда, неподражаема!

Елена (*словно не услышав, что ее перебили*).— Для вас, мужчин, существуют только трусость и храбрость. Но в мире есть и многое другое. Жизнь гораздо сложнее и многообразнее.

Моралес.— Согласен. Просто до сего дня у меня почти не было возможности подумать о чем-либо подобном. Вы наверняка правы, и к тому же вы — первый человек, заговоривший со мной об этом.

Слышна мазурка Шопена. Моралес и Елена, не сговариваясь, прерывают разговор и о чем-то задумываются.

Моралес.— Эта мелодия навевает на меня одно воспоминание...

Пауза. Елена молча слушает музыку.

Елена.— На меня, полагаю, тоже.

Моралес (*словно вокруг никого нет*).— Воспоминание из недавнего прошлого.

Елена.— А мой — из давнего. Они где-то далеко, я даже не могу толком уловить их. Помню только, что это было что-то ужасное.

Моралес.— Я слышал эту мелодию вчера ночью. Она звучала над одним парнем, только что погибшим.

Елена молча смотрит на него.

Моралес.— И все-таки, скажите, что вам приходит на память?

Елена.— Точно не могу сказать. Страдания и жестокость.

Короткая пауза.

Моралес (*другим тоном*).— Я знаю, что, доведись мне услышать эту музыку снова, я вспомню, что слушал ее сегодня с вами, с вами вместе.

Ларраменди (*покровительственно обращаясь к Моралесу*).— Вы, как человек, несомненно, со вкусом, уже наверняка успели оценить во всех деталях красоту этого заведения?!

Эрсилия.— Да, здесь ощущаешь себя скорее словно бы в чьем-нибудь частном доме, а не в общественном клубе.

Ларраменди.— Да, такая же атмосфера доброжелательности была здесь и при Альенде. (*Обращается к Моралесу.*) Вы уже видели апельсиновое дерево во дворике?

Кто-то уводит Эрсиллию танцевать.

Ларраменди (*показывает пальцем*).— Да вон, его и отсюда видно.

Елена и Моралес встают из-за стола, проходят по галерее и попадают во второй патио с небольшим водоемом. В глубине, за второй галереей, виден еще один дворик, тот, где растет апельсиновое дерево.

Елена.— Прогуляемся туда?

Моралес берет Елену под руку. Последний дворничем не вымощен. Со всех сторон в него выходят темные низкие двери. На первый взгляд двор кажется пустым, но затем Моралес и Елена замечают старую негритянку, скрючившуюся на одной из скамеек, почти неподвижную, похожую на

неживой предмет. При свете луны старуха что-то вяжет. Моралес и Елена подходят к ней. Она не смотрит на них, не обращает на них никакого внимания.

Елена (зачарованно).— Что вы вяжете?

Женщина (ласково).— Ой, дочка, уже и не вспомню.

Елена.— Вы здесь, наверное, со времен Альенде?

Женщина.— Наверное, так. Через меня прошло уже столько лет, что будто бы не было ни одного года.

Они смотрят на нее — с изумлением и сожалением.

Женщина.— Я уже не знаю, что происходит со мной, но мне ведомо, что будет с другими.

Моралес (снисходительно).— И что же, повашему, сеньора, будет с нами?

Женщина.— Вы оба уже можете говорить о себе «мы», хотя вам придется хлебнуть немало горя, прежде чем вы вновь встретите друг друга.

Елена и Моралес переглядываются с улыбкой.

Женщина.— Девочке предстоит все потерять и все обрести. Юноша же не найдет того, что ищет. Он найдет нечто лучшее. А больше не спрашивайте меня ни о чем. Так далеко мне видеть не дано.

Моралес.— Спасибо вам, сеньора. Вот, возьмите в знак благодарности.

На юбку старухи падает серебряная монета. Моралес и Елена уходят. Старуха не провожает их даже взглядом. Монета скатывается на землю.

Они возвращаются в первый патио. Гости танцуют. Легким поклоном Моралес приглашает

Елену на танец. Танцуя, они проходят череду освещенных и полутемных участков дворика, проскальзывают под аркой и оказываются в эвкалиптовом саду. Музыка доносится сюда чуть глуше и слабее.

Моралес (со спокойным, уверенным воодушевлением).— Хорошо бы провести всю жизнь вот так: заблудившись среди нот и аккордов.

Елена (разделяя его радость).— Забыть о том, что кто-то является кем-то, и не чувствовать ничего-ничего. Только ночь и музыку.

Моралес.— Забыть о своей жизни, о своей судьбе. О том, что было. О том, что будет.

Они подходят к беседке, увитой жасмином. Моралес срывает несколько цветков и отдает их Елене. Затем медленно они возвращаются к остальным гостям.

Елена (вдыхая запах жасмина).— Вот если бы этот аромат остался со мной на всю жизнь!

Моралес.— Если бы этот миг длился всю жизнь!

Камера отъезжает от Елены и Моралеса. Музыка, до сих пор нежная и сентиментальная, взрывается чувственным танго. Гости окружают пару, лихо выделяющую дерзкие пируэты. Среди зрителей — восхищенный Люна.

Люна.— Вот это да!

В одном из более или менее укромных уголков патио пьет спиртное Фермин Сориано. К нему подходит Сильвейра.

Сильвейра.— Вы отравляете себя лишними мыслями и столь же излишним алкоголем. Отдохните, развлекитесь, как в любой иной вечер.

Взрыв аплодисментов говорит об окончании танца. Танцоры кланяются зрителям.

Г о л о с Л ю н ы. — Ну просто коррида! Это надо же так уметь танцевать!

Теперь танцуют все, среди танцующих — Елена и Моралес. Оказавшись неподалеку от входной двери, они видят группу гостей, собирающихся уходить. Одна из девушек здоровается с Еленой. Та жестом просит ее подождать.

Е л е н а (Моралесу). — Мне нужно поговорить с подругой. Подождете меня там, за столиком?

Елена подходит к подруге. Моралес ждет ее за столиком. Оркестр играет вальс.

Смена плана.

Елена и уходящая подруга садятся в коляску друг против друга.

Смена плана.

Моралес, сидя за столиком, смотрит на часы. (Чтобы показать, что прошло какое-то время, можно сменить музыку, исполняемую оркестром, например — снова звучит танго.) Моралес встает, ищет Елену взглядом, направляется к дверям, перекидывается несколькими словами с привратником. Возвращаясь, встречается с Эрсилией. Они начинают говорить, но начала их разговора не слышно.

Э р с и л и я. — Как странно!

М о р а л е с. — Да, она попросила меня подождать ее. Не хотелось бы уходить, не попрощавшись, но у меня уже назначена встреча.

Смена плана.

Моралес подходит к воротам виллы Лос Лаурелес.

Г о л о с М о р а л е с а (неторопливо, задумчиво). — Припомни. В час горя и позора я возложил на себя долг вызвать на поединок дона Элисео Рохаса.

Судьба уступила моим чаяниям, предоставив мне то, что я искал. (*Пауза.*) Я желал думать только о предстоящем поединке, а оказалось, что я могу думать только о Елене.

Пауза.

Смена плана.

Моралес идет по какой-то пригородной улице между домами и заборами.

Голос Моралеса.— Но дон Элисео на праздник не пришел. Я решил навестить его в его же доме.

Моралес идет по широченной дороге, по обеим сторонам которой простираются поля. На заднем плане мерцает огонек. Это свет в окошке крохотной и убогой таверны. Моралес заходит внутрь. На прилавке сидит человек с гитарой. Его почти никто не слушает. Слышны последние строки куплета:

Все же мнение едино:

Нету лучше Сан-Мартина.

Моралес (*обращаясь к хозяину лавки, раставляющему на полках бутылки*).— Хозяин, рюмку абрикосовой.

Гитарист.— Обошел я край родной,

Все предместья, все селенья

Повидал я, без сомненья,

Хвалят все наперебой

И Асуль, и Чивилькой,

Барадеро, Пергамино,

Каньюэлас, и Морон,

Похвалы со всех сторон.

Все же мнение едино:

Нету лучше Сан-Мартина.

Признаюсь я, ей же ей,
Что прекрасны, несомненно,
Сан-Висента и Морено,
Лобос, Кильмес, Темперлей,
Добрых слов не пожалей
Для Ла-Платы и Хунина,
Для Мерседес и Лас-Флорес,
Чакабуко и Долорес.
Все же мнение едино:
Нету лучше Сан-Мартина.

Наслаждение для глаз:
Адроге, Сан-Николас,
Сьюдадела, Часкомус,
И Сан-Педро, и Ла-Крус,
Уверять готов сто раз:
Есть для радости причина,
Если видел ты Кекен,
Сарате и Тапалькен.
Все же мнение едино:
Нету лучше Сан-Мартина.

Пока звучит песня, хозяин успевает расставить бутылки и подать Моралесу рюмку. Тот пьет не торопясь, медленными глотками.

Моралес (хозяину).— Не могли бы вы, уважаемый, подсказать, проживает ли здесь где-либо недалеко дон Элисео Рохас?

Хозяин.— Ну да. В шести куадрах отсюда, на вершине холма. Как раз там его усадьба.

Моралес.— Благодарю. (*Словно невзначай.*) Дон Элисео, он такой высокий, с пышными черными усами?

Хозяин.— Высокий, это я согласен. Но вот усов у него нет. Он весь из себя солидный, со шрамом на лбу.

Гитарист.— Восхваляю неустанно
Сан-Исидро и Бельграно,
Трес-Арройос и Тандиль...¹

Моралес выходит. Идет по дороге. Слышится лягушачий хор. Моралес идет по дощатому мосту, перекинутому через ручей. Не торопясь поднимается в горку. Вокруг — кроны деревьев. Моралес открывает калитку в проволочном заборе и идет через вытоптаный сад. Рядом с дорожкой Моралес вдруг видит красивую — мертвую — лошадь. Смотрит в сторону дома. Его взгляд натывается на верхушку мельницы. Слышен скрип жерновов. Подойдя к дому, он поднимается по деревянным ступеням на галерею. Сквозь щели в двери пробивается свет. Моралес стучит; так как никто ему не отвечает, открывает дверь. В свете керосиновой лампы, висящей над столом, он видит дону Элисео; тот мертв.

Голос Моралеса.— На полу лежал человек, которого я искал, с которым хотел сойтись в смертельной схватке. Он был мертв. Я понял, что такое никчемность и ничтожность жизни. А еще мне стало немного грустно.

Моралес, оглядываясь по сторонам, идет по дому. Доски пола поскрипывают под ним. В кадр попадают предметы, находящиеся в этой несколько запущенной комнате, — свидетельства повседневной жизни покойного: чайник для мате, колода карт...

Откуда-то из глубины дома доносятся женские крики. Моралес идет на эти крики. Проходит небольшую комнатку с ванной, выходит во двор, где растет смоковница, приближается к боль-

¹ Перевод В. Андреева.

шому длинному сараю с побеленными стенами, черным каменным фундаментом и двускатной крышей. Внутри он входит через одну из боковых дверей. Справа в торце строения — въезд для телег. Центральная часть помещения освещена луной, ее свет попадает внутрь через застекленный кусок крыши. Также справа находится стойло с кормушкой. В стойле конь. Кормушка с деревянной решеткой и с большим ящиком для сена. Слева у стены стоит плуг, рядом — молотилка. На передней стене, рядом со стойлом, развешаны сбруя и упряжь. В глубине сарая виднеются фургон, открытая телега, пролетка. У двери сцепились в схватке двое: Елена и Фермин Сориано. Моралес освобождает девушку из рук Фермина и набрасывается на него, тот пытается убежать.

Елена (с неизбывной усталостью и тоской).— Отпустите его, пусть убирается. Мне отвратительно даже видеть его.

Сориано уходит.

Елена (опираясь на руку Моралеса).— Проводите меня, пожалуйста. Мой отец там, в доме. Его убили.

Они выходят из сарая.

Елена (начиная рыдать).— Он лежит на полу... весь в крови...

Входят в дом, проходят в комнату, где лежит дон Элисео. Елена закрывает глаза руками. Моралес, спиной к камере, подходит к покойному, наклоняется, поднимает его и несет на руках в спальню, которая видна через полуоткрытую дверь.

Смена плана.

Сориано открывает калитку и, не поднимая головы, направляется к деревьям на правой стороне

переулка. Там привязаны две лошади. Одна из них — серой масти. Сориано отвязывает ее, вытирает пот со лба и садится в седло. Лошадь шагом везет его в сторону города. На дощатом мосту Сориано останавливает лошадь, поднимает руку и вынимает из-за пазухи нож Люны. Посмотрев на клинок, выбрасывает нож в воду; затем пускает лошадь галопом.

Смена плана.

В столовой Моралес наливает воду из кувшина в стакан; протягивает стакан Елене. Девушка выглядит очень усталой и печальной.

Моралес.— Значит, вы именно в тот вечер решили уйти из дома?

Елена (делая несколько глотков).— Да. Это было ужасно — ужасно глупо.

Смена плана.

Крупный план: лежащий на земле гребень. На него наползает чья-то тень. Эту тень отбрасывает человек, ведущий в поводу коня.

Фермин Сориано, пытающийся обнять Елену против ее воли, видит подошедшего дона Элисео Рохаса.

На заднем плане — речка Риачуэло с перекинутым через нее узким мостом.

Дон Элисео (он в куртке, шароварах и сапогах. Поднимает гребень и протягивает его Елене).— Дочка, к тебе пристают?

Сориано отпускает Елену. Дон Элисео подходит к нему вплотную.

Дон Элисео.— Да кто ты такой, мерзавец, чтобы так обращаться с моей дочерью?!

Сориано.— Уважения к ней мне не занимать, и я вовсе никакой не мерзавец.

Дон Элисео.— Тогда веди себя как подобает мужчине: защищайся!

Сориано.— Не требуйте от меня, чтобы я дрался с вами, дон Элисео. Вы же отец Елены!

Дон Элисео.— Так легко ты не отвертишься. Проси у Елены прощения, сейчас же! Проси на коленях, как в церкви, когда каешься в грехах.

Сориано в упор смотрит на Елену, затем тяжело опускается на колени.

Сориано.— Елена, я прошу у тебя прощения.

Елена (*испуганно*).— Да... да, конечно, я прощаю тебя... Вставай.

Дон Элисео (*обращается к Елене, мягким, ласковым голосом*).— Каждый отвечает за себя, дочка. (*Поворачивается к Сориано.*) Так решила она, а теперь — моя очередь. А мне вот так-то нравится больше. (*Дает ему пощечину.*)

Сориано не отступает, не пытается защититься.

Дон Элисео (*смеется, обращаясь к Елене*).— Ты довольна? Видела, как я унизил его? (*Обращается к Фермину.*) Теперь я вспомнил, кто ты такой. Возьми-ка моего гнедого и подстриги ему гриву, да постарательнее.

Елена (*с ненавистью и презрением*).— Как же вы мне оба противны! Все, не хочу больше вас видеть!

Смена плана.

В кадре снова Елена и Моралес. Чтобы показать, что прошло какое-то время, оба должны показаться сидящими на других местах, в иных позах.

Елена.— Я решила уйти жить к Эрсилии. Она мне как сестра. Но я очень волновалась за отца. Волновалась, потому что боялась Фермина и его

друзжков. Они способны на все. И вот я увидела нечто, сразу насторожившее меня. Я увидела, как Фермин отдает папины часы какому-то незнакомому человеку. И я просто нутром почувствовала, что они замышляют что-то против отца.

Моралес (понимающе кивает). — Поэтому-то вы и ушли с бала и приехали сюда...

Елена (мягко, даже заставляя себя улыбнуться). — Да, я бросила вас одного. Простите. Я увидела кое-кого из знакомых и воспользовалась возможностью уехать. Когда я приехала сюда, было уже очень поздно, но свет в доме все еще горел. *(Кадр затуманивается, и вот мы уже видим Елену, поднимающуюся по ступенькам галереи. Нам по-прежнему слышен ее голос.)* Я постучала в дверь.

Мы видим, как она подходит к двери и стучит. Дверь открывает дон Элисео.

Елена. — Папа! Уже так поздно, а ты еще не спишь?

Дон Элисео. — Я ждал тебя, дочка. Я знал, что ты вернешься домой.

Елена. — Как хорошо, что я снова здесь. С тех пор как я ушла, я думала только о тебе.

Дон Элисео. — Я тоже все время думал о тебе, и только во вторую очередь — о себе. Знаешь, я ведь всегда был уверен, что в жизни нужно только одно: быть мужчиной. Но вот когда ты ушла из дома, оставив меня одного, я вдруг осознал — это в мои-то годы! — что жизнь не такая уж и простая штука.

Елена. — Папа, я люблю тебя таким, какой ты есть.

Дон Элисео.— Я бы и рад измениться, но что-то внутри меня говорит, что в мои годы поздно уже пытаться стать другим.

Елена.— Человек не выбирает себе судьбу, отец. Тебе пришлось жить, сражаясь, борясь за свое место в этом отнюдь не лучшим из миров.

Пауза. За окнами слышен лай собак.

Дон Элисео.— Сегодня был едва ли не самый горький день в моей жизни: ведь я чуть было не потерял любовь дочери.

Собаки лают все громче.

Дон Элисео (*неспешно подходя к двери*).— Ах, Елена, умешь ты утешить, словно Святая Рита...

Дон Элисео открывает дверь комнаты, останавливается на пороге, затем направляется по коридору-галерее к лестнице. Мы видим его: высокий, с тонкими чертами лица — он уходит все дальше и дальше.

Голос Сильвейры (*с улицы*).— Тебе письмо, и знаешь от кого? От Бельтрана Сильвейры!

Слышны два выстрела, дон Элисео падает на ступеньки лестницы. В круге света появляются Понсиано Сильвейра, скотник Люна и Фермин Сориано.

Сильвейра.— Фермин и ты, Люна, ну-ка быстро заносите труп в дом.

Сориано и Люна исполняют приказание. Сильвейра входит в дом с револьвером в руке. Увидев Елену, оборачивается к Люне и делает ему знак.

Мы видим Люну как бы глазами Елены. Он двигается на нее, заносит кнут, который сжимает в кулаке у самого основания ручки, и наносит удар. Кадр темнеет, ничего не видно.

После паузы вновь начинают постепенно вырисовываться контуры окружающих предметов; все предстает в пелене какой-то дымки, словно снятое через мутную воду. Наконец прорисовываются ужасные в своей близости отдельные предметы (нога одного из убийц, рука дона Элисео, которого занесли в дом, ящик, вынутый из письменного стола,— все перерыто, перевернуто вверх дном; чей-то окурок на полу). Постепенно становятся слышны голоса: сначала глухие, затем они проясняются, речь уже слышится разборчиво.

Сильвейра.— Ясное дело, страхового полиса здесь нет.

Люна.— А что скажет нам Ларраменди, когда придет?

Сориано.— Что скажет, что скажет?! Скажет, что мы спрятали страховку, чтобы продать.

Сильвейра (*ехидно*).— Когда он придет, говоришь?

Елена лежит на полу и смотрит на происходящее из-под полуприкрытых век. Сориано и Сильвейра снова копаются в бумагах, вынутых из письменного стола.

Сориано.— Ну нет здесь страховки, и все тут! Слушайте, а этот Ларраменди не мог нас обмануть?

Сильвейра.— Вполне возможно, что он уже заходил сюда на днях да и выкрал бумажку у Рохаса. (*Пауза.*) И сдастся мне почему-то, что зря мы будем дожидаться его здесь.

Люна.— Ладно, скоро все узнаем. А хотите, я его прямо сейчас приволоку сюда?

Сильвейра.— Ни в коем случае. Вы оба остаетесь здесь. Я сам еду к нему. Если же его вдруг каким-то чудом занесет сюда — держите здесь, пока я не вернусь.

Сориано. — Один поедешь?

Сильвейра (почти серьезно). — Если мне понадобится собачка, я тебе свистну. (Дружески улыбается.)

Сориано нервно смеется и провожает Сильвейру до двери. Виден конь дона Элисео, привязанный к столбу. Сильвейра открывает калитку, проходит несколько шагов и скрывается в темноте между домами. Фермин провожает его взглядом, пока тот не исчезает из виду — вскочив на лошадь и уехав верхом. Затем Сориано спускается по лестнице, достает револьвер и подходит к коню Рохаса. Животное опасно пятится. Сориано треплет ему гриву, гладит морду.

Сориано. — Ах ты, старый коняга, кто ж тебя теперь защитит? (Ласково треплет коня за ухо.) Знаешь, как мне тебя жалко?

Приставляет револьвер к голове коня между ушами и стреляет. Конь падает замертво.

Люна смотрит на происходящее с порога. Елена — бледная, с растрепанными волосами, словно одержимая — каким-то чудом встает и угрожающе наступает на Люну. Сориано, подошедший к дверям, смотрит на нее с изумлением и ужасом.

Елена. — Своими руками задушу! Вот этими самыми руками!

Спотыкается и падает. Сориано поднимает ее и сажает, не сопротивляющуюся, в кресло.

Люна (обращается к Фермину). — Девчонка слишком много знает. Дай-ка мне револьвер.

Сориано. — Елену я трогать не позволю.

Люна. — Кто ты такой, чтобы позволять или не позволять мне?

Сориано (говорит в камеру — медленно и спокойно). — Я, да простит меня Бог, — Фермин

Сориано; тот, кто в отчаянии, с обиды сговорился с какими-то уголовниками, чтобы ограбить и предать смерти человека, всегда защищавшего меня. Я — трус, который всегда прикидывался храбрецом, завистливый и лживый трус, последняя карта в колоде, — да, все это правда. Но я все же недостаточно низко пал, чтобы позволить тебе или твоим дружкам убить Елену.

Люна (презрительно).— Замечательная тирада. Тогда убери револьвер, и давай поговорим.

Сориано.— Слушай, Люна. Можешь думать обо мне все, что хочешь, но я не буду рисковать жизнью Елены только ради того, чтобы ты не посчитал меня трусом. *(Вынимает револьвер.)* Я сейчас же увезу ее из этого дома.

Сориано помогает Елене подняться, она идет, ничего не понимая, опираясь на его руку. Вдвоем они пересекают двор с финиковой пальмой. Люна идет за ними по пятам.

Сориано (обращается к Елене).— Сейчас, сейчас я запрягу пролетку и увезу тебя.

Они входят в сарай, где стоят различные экипажи. Фермин зажигает лампу, висящую на стене слева от входа, и начинает запрягать пролетку. Елена помогает ему. Пока они ищут детали упряжи, у главного входа появляется Люна и направляется к лампе.

Сориано.— Стоять! Еще один шаг, и я стреляю.

Люна со спокойной, неторопливой решительностью подходит к фонарю, снимает его с крюка и швыряет об пол. Оба крыла сарая погружаются в темноту. Только в центре сквозь отверстие в крыше — столб лунного света. В одном конце

помещения оказываются Сориано с Еленой, в другом — Люна.

Люна (из темноты). — Хочешь — стреляй. Но советую целиться получше. У тебя только три патрона. Если промахнешься, я вас обоих на куски изрежу и перемешаю, чтобы вам вовек не расставаться.

Сориано стреляет на звук голоса. Злорадная усмешка Люны свидетельствует о том, что он промахнулся. Повисает долгая пауза. Тишина. Луна скрывается за облаком, и сарай погружается в полную темноту.

Голос Люны. — Долго ждать?

Крупный план: Сориано, явно проявляющий беспокойство, делает еще один выстрел. Смех Люны раздаётся уже ближе. Лицо Сориано искажает судорога, он почти конвульсивно нажимает на курок. Гремит третий выстрел. Люна смеется во весь голос. В кадре — землистого цвета лицо Сориано, затем камера отъезжает в сторону.

Слышны шаги. Что-то падает. Наступает долгая тишина, нарушаемая лишь криком петуха где-то вдалеке. Снова чьи-то шаги. В течение всей сцены слышны звуки, доносящиеся из стойла: лошадь то испуганно топчется на месте и всхрапывает, то спокойно жует сено.

Голос Елены (из темноты). — Он мертв.

Луна снова освещает середину сарая. Елена стоит на коленях около главного входа, склонившись над лежащим на полу человеческим телом. Сориано, словно устав бояться, выходит из тени. Подходит к мертвому Люне, некоторое время стоит неподвижно, рассматривая его, затем пинает труп ногой в лицо.

Сориано (*как-то судорожно, чудовищно счастливый*).— Никто не может противостоять мне! Все сдались. Дон Элисео мертв. Ты тоже мертв, Люна. Думали, удастся сломать меня? И что теперь? Ты покойник, Люна, понимаешь: покойник! Я плюю на тебя и пинаю тебя в лицо, видишь?

Пинает труп и плюет на него. Елена бежит к боковой двери. Сориано бросается вслед и догоняет ее.

Сориано (*просительно, даже умоляюще*).— Елена, я же это сделал для тебя. Для нас. Ты ведь видела, как я сражался, защищая тебя. Елена, в этом деле и мне полагается моя доля. Ведь эти деньги я заработал. Я люблю тебя. Мы еще сможем начать все сначала и быть счастливыми.

Елена пытается вырваться. Сориано удерживает ее. Елена кричит. Появляется Моралес.

Смена плана.

В кадре — Моралес и Елена. Они сидят в столовой. Елена ставит на стол стакан с водой.

Моралес.— Сколько же вы пережили! Как измучились!

Елена.— Да. Какая ужасная ночь! Я видела, как убили отца.

Моралес.— Я своих родителей даже не знал.

Елена.— Вам, наверное, всегда было очень одиноко.

Моралес.— Да. Очень одиноко. (*Задумчиво.*) Но и в основе рассказанной вами истории — тоже одиночество.

Елена.— Вы поняли то, что не понял еще ни один человек.

Моралес.— Может быть, мы просто в чем-то похожи друг на друга. (*Неожиданно меняется*

в лице и обрывает себя.) Нет, я не имею права говорить так! (Замолкает, после паузы говорит уже другим тоном.) Да и кто знает, что еще нам предстоит увидеть и пережить сегодня ночью?!

Елена (уверенно-спокойно).— Тот, кто убил отца, обязательно вернется. (Устало.) Но после всего пережитого мне уже не интересно то, что еще может случиться.

Моралес (просто и искренне).— Я тоже не знаю, что может случиться. (Смотрит на нее.) Но зато я точно знаю, что мне хорошо, нет — что я счастлив быть рядом с вами.

Смена плана.

В коляске возвращаются с бала Эрсилля и Ларраменди. Эрсилля озабоченно смотрит вперед. Ларраменди сидит, повернувшись к ней, выражение его лица можно назвать вопросительно-не-терпеливым.

Эрсилля.— Я не понимаю, почему мы должны были уехать так рано?!

Ларраменди.— Да и что ты можешь понять?! Что ты вообще знаешь о том, какими адски трудными были для меня последние дни?

Эрсилля (спокойно).— Ничего, папа, абсолютно ничего. (Пауза. Ларраменди изумленно смотрит на дочь.) Ты мне вообще никогда ничего не рассказываешь. Наверное, не доверяешь.

Ларраменди.— Ладно. Может, ты и права: будет лучше, если я расскажу тебе все. И одному Богу известно, как плохо ты обо мне будешь думать после услышанного. Нет, потом-то ты все поймешь, простишь меня, но сначала... Ты узнаешь, как одно грязное дело влечет за собой другое, как неприглядные поступки соединяются в бесконечную

цепь. *(Меняет тон.)* Так вот: дела в нашем заведении по продаже лошадей шли из рук вон плохо, и тут я совершил первую ошибку. Я поджег здание и загоны, чтобы получить страховку. Несмотря на все мои предосторожности, Элисео заподозрил, что пожар не был случайностью. Тем не менее по страховке можно было получить деньги. И вот я совершил вторую, уже непоправимую ошибку: я связался с несколькими подонками, готовыми на все. Сегодня они должны сделать свое грязное дело.

Эрсилия (напуганная, в смятении).— Папа, какие ужасные вещи ты говоришь!

Ларраменди.— Мне это тоже кажется ужасным. Более того, я боюсь, что, несмотря на все мои бесчисленные предупреждения и требования не прибегать к насилию, эти люди не смогут вести себя так, как мы договорились. Да, мне стало совсем не по себе. Я решил все-таки предупредить Элисео. Сегодня днем я заехал к нему, но он не дал мне и рта раскрыть. О поджоге он уже все знал и просто молча отдал мне страховой полис. Он хотел унижить меня, показав свое моральное превосходство, и тем самым подписал себе приговор. Понимаешь, он потребовал, чтобы я сам вернул полис агентам страховой компании и признался им во всем. Полис остался у меня, вот он здесь — при мне. Мы сможем продать его — в Уругвае или где получится.

Коляска останавливается у дома Ларраменди. Эрсилия медленно выходит из экипажа; вдруг она закрывает лицо руками и начинает рыдать. Ларраменди протягивает к ней руки, чтобы успокоить дочь, но она мчится от него прочь — бегом пересекает сад и вбегает в дом. Ларраменди видит, что

в саду кто-то ждет его: это Понсиано Сильвейра. Он сидит на скамейке и молча курит сигару.

Пауза.

Ларраменди (с опаской).— Вы оттуда?

Сильвейра.— Да. Я отомстил за брата.

Ларраменди.— Отомстили? Но я же умолял вас не применять насилия! (*Меняет тон.*) Вы сделали из меня убийцу.

Сильвейра.— А вы из меня — вора.

Ларраменди (с меланхолической откровенностью).— Вот и получается, что мы — как два демона, каждый из которых несет проклятие другому.

Пауза.

Сильвейра.— Дон Исмаэль, я пришел за полисом.

Ларраменди.— У меня его нет.

Сильвейра.— Не лгите.

Ларраменди.— Не забывайте, что мне про вас достаточно много известно...

Сильвейра.— Вам известно, что я только что убил человека, и ничто не помешает мне убить еще одного.

Сильвейра тяжело встает, выбрасывает недокуренную сигару и, глядя в глаза Ларраменди, протягивает к нему руку. Ларраменди отдает полис. Сильвейра молча убирает его в карман и, не попрощавшись с Ларраменди, уходит. Он проходит через сад, заворачивает за угол, отвязывает от коновязи лошадь.

Смена плана.

Слышен цокот копыт, затем мы видим в кадре широкую пустынную улицу. Светает. Издалека к камере приближаются двое всадников. Это Сильвейра и Сорiano. Они разговаривают прямо на скаку.

Сориа^но.— Этот Моралес остался у них в доме. Хуже всего то, что Елена уже наверняка рассказала ему обо всем, что случилось.

Сильвейра.— Ничего не понимаю. А что с Люной?

Сориа^но.— Я как раз собирался рассказать... *(Мнется в нерешительности, затем все же берет себя в руки и говорит твердо.)* Он напал на меня, и мне пришлось его застрелить.

Сильвейра смотрит на Сориа^но. Пауза.

Сориа^но *(любезным, полушутливым тоном)*.— Опять мы остались вдвоем, чтобы разобрататься с Моралесом.

Сильвейра *(медленно)*.— Двое здесь не нужны. Одного вполне хватит. *(Молчит.)* Люна — парень надежный, верный, а ты — парень упрямый, своенравный и себялюбивый, такой, какого нельзя брать ни на одно дело.

Прямо на скаку Понсиано Сильвейра выхватывает нож и боковым движением втыкает его в грудь Фермина. Кони вносят седоков в тень тополиной аллеи. На выходе мы видим, как из аллеи появляется Понсиано Сильвейра — верхом, в поводу он ведет лошадь без всадника. (Все это снимается с подножия холма; кони находятся выше на склоне.)

Крупный план: придорожная канава, в ней лежит труп Фермина Сориа^но.

Смена плана.

Елена и Моралес стоят у окна. Елена приоткрывает портьеру и выглядывает в окно, затем оборачивается.

Елена.— Мне то и дело кажется, что все это — дурной сон.

Моралес.— Сон с предательствами и преступлениями, сон, в котором мы оба — участники.

Елена.— Я смотрю на этот дом, в котором родилась, смотрю на вещи, которые окружали меня всю жизнь, смотрю — и не узнаю их. Они вдруг так изменились... или это я сама изменилась?

Моралес (неожиданно резко, словно проснувшись).— Но ведь вы и меня почти не знаете. Я не тот, за кого вы меня принимаете. Елена, я же пришел к вам в дом, чтобы вызвать на поединок вашего отца!

Елена молча смотрит на Моралеса, опускает глаза, хочет что-то сказать.

Моралес.— Я не был с ним знаком. Я не знал ни вас, ни его. Не было мне известно и то, что он ваш отец. Я знал только то, что он — мужественный, храбрый человек. И я хотел сойтись с ним в смертельной схватке, чтобы проверить свою смелость.

Елена (грустно).— Значит, вы такой же, как все. *(Пауза.)* Я не прощу вам обмана.

Моралес.— Я вовсе не хотел, не собирался обманывать вас. Елена, я же сам рассказал вам всю свою правду.

Они смотрят друг на друга. Где-то совсем рядом слышатся шаги. В дверном проеме появляется Понсиано Сильвейра. Елена с ужасом смотрит на него.

Сильвейра (спокойно, обращаясь к Моралесу).— Богу было угодно, чтобы мы встретились снова. Что вы здесь делаете, молодой человек?

Моралес.— Я пришел сюда, чтобы сразиться с доном Элисео Рохасом. Теперь я хочу отомстить за него.

Сильвейра.— Хорошо. Пойдемте на улицу. (Словно размышляя вслух.) Вот уж верно сказано: жизнь все время идет по кругу. Я, ненавидевший и презиравший Рохаса за то, что он убил зеленого юнца, мальчишку, сейчас сделаю то же самое.

Сильвейра *распахивает дверь. На улице уже совсем светло. Вместе с Моралесом они медленно выходят из дома. Вдали, на заднем плане,— Риачуэло и мост. В кадре — Елена: она стоит в дверях, чуть живая от волнения и страха.*

Сильвейра.— Теперь нужно лишь подыскать подходящее место.

Камера скользит по склонам оврага и задерживается, когда в кадр попадает мост. Мужчины, не сговариваясь, направляются в сторону моста, на ходу перебрасываясь репликами.

Моралес (показывая на мост).— Вот то, что нам нужно.

Сильвейра (словно продолжая фразу).— И пусть вода унесет одного из нас.

Моралес.— Сначала вода, а затем забвение.

Они подходят к мосту. Занимают позиции по разные стороны. Сильвейра наматывает пончо на правую руку. Оба выхватывают ножи. (На заднем плане виден второй мост через Риачуэло.)

Моралес (глядя на пончо).— Это вы правильно прикрылись. От меня ведь, когда до дела дойдет, пощады не будет.

Сильвейра.— Я знаю, что делаю, и никогда не вступаю в схватку, чтобы проиграть ее.

Моралес (делая первый выпад).— А вот сейчас мы и узнаем, кто из нас пришел сюда на свою погибель.

Они дерутся — решительно, сурово, с расстановкой, словно выполняя какую-то тяжелую рабо-

ту. Моралес действует ножом более ловко, и бой идет с явным его преимуществом. Он заставляет Сильвейру отступить, прижимает его к перилам моста, и лишь ценой невероятных усилий Сильвейре удается отвоевать себе хоть какое-то пространство для маневра. Несколько раз клинок Моралеса ранит его.

Вдалеке слышен цокот копыт. Поединок прерывается. Через второй мост едут несколько всадников.

Моралес.— Полицейский патруль. Вероятно, они направляются в усадьбу Рохаса.

Сильвейра (*уже достаточно серьезно раненный*).— Ну что ж, теперь вы запросто можете сдать меня властям.

Моралес.— Нет, сдавать я вас не собираюсь. Это дело касается только нас двоих. (*Говорит быстро.*) Сейчас я помогу вам скрыться от них, затем подождем, пока вы не подлечитесь, и уж тогда я снова вызову вас на поединок и убью в честном бою — лицом к лицу.

Сильвейра.— Неужели вы именно так и поступите?

Моралес.— Именно так. Я не желаю, чтобы за Елену отомстил кто-то другой.

Сильвейра.— Не верю своим ушам! Не верю!

Моралес.— Но может быть, так будет убедительнее? (*Бросает нож в воду.*) Теперь верите?

Сильвейра.— А вот это вы зря сделали. Я вовсе не собираюсь дать себя убить ради того, чтобы вы потешили свою благородную натуру.

Выпрямившись, Сильвейра неожиданно бросается на Моралеса. Тот встречает его сильным ударом в переносицу. Сильвейра снова бросается на него,

и снова кулак Моралеса впечатывается ему в лицо. Затем следует еще один сильный удар в грудь, и Сильвейра, потеряв равновесие, падает в реку.

Моралес смотрит с моста, как тело его противника постепенно скрывается под водой.

Погруженный в свои мысли, он идет к дому Рохаса. По дороге срывает травинку и начинает ее жевать. Открывает дверь. Елена бросается ему в объятия.

Е л е н а.— Наконец-то! От страха я не могла ни смотреть, ни даже пошевелиться. Сколько я пережила за эти минуты!

М о р а л е с.— Я отомстил за твоего отца.

Е л е н а (словно не понимая).— Что значит, отомстил? (Разгоряченно.) Неужели ты веришь в отмщение, неужели думаешь, что одно убийство, одно преступление может перечеркнуть другое?

М о р а л е с (откровенно).— Не знаю. Но разве то, что я сделал, для тебя совсем ничего не значит?

Е л е н а.— Конечно, значит. Главное, что ты здесь, со мной, живой и невредимый. (Взволнованно.) Но я люблю тебя не за то, что ты сделал; я люблю тебя несмотря на то, что ты сделал.

М о р а л е с (глядя ей в глаза и наклоняясь, чтобы поцеловать ее).— Странно. Я только что убил человека — а рядом с тобой чувствую себя беззащитным, словно ребенок.

К О Н Е Ц

Рай Господень

Убийцу видно только со спины; на экране — место схватки, нападавшие неизвестны; дом — огромный и пустой; наконец, убийца входит в одну из комнат из помещения, где видна разбросанная китайская плетеная мебель; он ранен; шатаясь, подходит к возвышению, напоминающему алтарь, который стоит на ступенях в дальней комнате. Берет лакированную шкатулку; открывает ее; внутри — еще одна, такая же, но поменьше; в ней — еще, еще и еще... Открывает последнюю и отшатывается: шкатулка пуста. Экран светлеет, на нем появляется надпись: «КОНЕЦ». Камера отъезжает. На фоне экрана видно, как люди встают и медленно уходят из зрительного зала. Среди них Рауль Ансельми и Ирене Крус. Внешность их не имеет значения; подойдет любой актер и любая молодая актриса. Одеты прилично, но скромно.

Ирене (сниходительно, глядя на Рауля с грустной улыбкой).— И как тебе только нравятся бо-евики?

Ансельми (излишне возбужденно, но тактично).— Да что тут может понравиться... Сплошная пошлость и вранье.

Смешиваются с толпой, уходят молча.

Ансельми (будто что-то вспомнив).— Да, я знаю: сплошная пошлость и вранье, но мне нра-

вится. Может, оттого, что в детстве отец рассказывал мне истории о капитане Моргане. Об атамане разбойников. Помнишь? А для меня он был кем-то вроде человека из легенды. Говорят, он умер на Корсике.

Смена плана.

Ирене и Ансельми входят на перрон станции Темперлей. Встречают Рамиреса, открытого, доброжелательного парня.

Рамирес.— Добрый вечер, Ирене. Как дела. Ансельми?

Ансельми.— Ездили в город, смотреть «В поисках Тай Аня». Стрельба, куча приключений, а в конце — пустая шкатулка.

Рамирес (Ирене, шутливо).— Вы всегда смотрите одно и то же по два раза? *(Тут же, серьезно.)* Ладно. Покидаю вас, молодым надо остаться наедине!

Кивает головой Ирене и энергично пожимает руку Ансельми.

Ансельми.— Пока, Рамирес.

Смена плана.

Ирене и Ансельми бродят вдоль живых изгородей, садовых решеток; в конце концов забредают на какой-то пустырь. Стемнело.

Ирене.— Чувствуешь клевер? Это — запах поля.

Ансельми.— Как будто мы где-то далеко-далеко.

Ирене.— Всякий раз, когда до меня долетает запах клевера, мне становится так хорошо и радостно!

После этой короткой реплики повисает тишина. Подходят к дому Ирене. Невысокий, старин-

ный, с боковой дверью и двумя балконами по фасаду. Ансельми прощается.

Ансельми. — Пока, милая. До завтра.

Ирене (будто не слыша). — Я сегодня так несчастна. Рауль, что с тобой?

Ансельми. — Ничего. Не обращай внимания. (Потупившись.) Почему ты не сказала мне, что ходила в кино с доктором Рамиресом?

Ирене (напрягшись). — Это долгая и неприятная история, просто я не хотела, чтобы ты знал о ней. Речь идет о поместье. Ты ведь знаешь, что оно значит для меня и для Лауры. Это же все наше детство. Его хотят выставить на торги. Рамирес — адвокат кредиторов. И даже если он проявляет интерес ко мне, я должна набраться терпения.

Ансельми. — Ты не должна от меня ничего скрывать. Сколько тебе нужно?

Ирене. — Целую кучу денег. Одних только годовых пять тысяч четыреста песо.

Ансельми. — Когда надо заплатить?

Ирене. — В течение двадцати дней.

Ансельми. — Я добуду для тебя эти деньги.

Смена плана.

Утро. Ансельми идет по улице Темперлея. Через проржавевшие ворота с кирпичными столбами, похожими на шахматных коней, входит в заброшенный, окруженный железной решеткой сад вокруг старой виллы. Сквозь деревья виднеется дом в итальянском стиле с высоким прямоугольным бельведером.

Крупный план: длинный ряд фургонов для перевозки мебели въезжает на виллу. Доносятся звуки шарманки, наигрывающей цирковой марш.

Ансельми подходит к шарманщику. Это дородный, плотный человек с лицом багрово-красного цвета; он в приподнятом настроении; на нем котелок со слегка заломленными полями, куртка с петлицами, темные шаровары и альпарты. Здоровается с Ансельми, приподнимая котелок указательным пальцем, выписывая ногами восьмерки, все движения — в такт музыке.

Шарманщик. — Вот, уважаемый, не было бы счастья, да несчастье помогло. Утром только позвонили раз, и вилла Олиден наконец-то сдана. Говорят, будто все бумаги подписали еще до полуночи. И вот новые хозяева, и вся эта кутерьма с переездом! И не спрашивайте, кто они. Важные незнакомцы. Объявились, приценились, арендовали и, черт подери, устроились. Вот он — прогресс!

Ансельми. — Сколько себя помню, вилла была необитаема.

Грузчики открывают фургоны и разгружают их. Там — китайская мебель, немного похожая на ту, что зрители видели в первой сцене. Вытаскивают ширму с зеркалами и черную статуэтку с канделябром. Ансельми бросает монетку в коробочку из-под леденцов, которая стоит на шарманке. Человек снова приподнимает шляпу и продолжает играть.

Смена плана.

Ансельми в приемной какой-то конторы. За окном — одна из улиц в центре Буэнос-Айреса. В приемной люди, ожидающие своей очереди.

Секретарша. — Сеньор Ансельми, инженер Ланди готов вас принять.

Ансельми со шляпой в руках проходит в роскошный, обставленный по-современному пошло

кабинет. Инженер Ланди — жилистый, сутулый, тощий, хилый, лысый — вскрывает толстый конверт, кладет его на стол, встает, чтобы пожать руку Ансельми.

Ланди.— Привет, племянничек. Каким ветром занесло?

Ансельми.— Никаким... Помнишь: в прошлом году по заданию фирмы я делал опись лесов квебрахо в Формосе? Дело в том, что мне до сих пор не заплатили, а у меня сейчас нужда в деньгах.

Ланди как будто не слышит этого. Берет конверт и медленно достает оттуда негативы. Разглядывает их на просвет, подставляя ладонь на подобие экрана. Затем обращается к Ансельми.

Ланди.— Но... Надо было сказать мне об этом раньше, в феврале. Сейчас у меня все изменилось. Я — член совета директоров. И поскольку мы с тобой родственники, я не смогу тебе ничем помочь в твоих делах.

Снова разглядывает негативы. Крупный план: на фотографиях сам инженер Ланди в разных позах и одежаниях.

Ансельми.— Распорядиться, чтобы мне заплатили за работу,— в этом нет ничего постыдного либо незаконного.

Ланди неторопливо выбирает один негатив, откладывает в сторону. Потом с деланным спокойствием оборачивается к Ансельми.

Ланди.— Я так и знал, что ты не поймешь. Когда-то я сказал твоей бедной матушке, что все Ансельми одинаковы.

Ансельми (*поднимаясь*).— Мне всегда казалось, что ты недолюбливал отца.

Ланди.— Да что ты вообще о нем знаешь? Тебе не было и трех лет, когда он умер в Равенне. Свой талант адвоката он растратил на защиту всякого сброда. В конце концов его самого схватила полиция, говорят, что без всяких оснований. Его убили при попытке к бегству. Бестолковая жизнь, она стоила столько слез твоей матери. Я готов помогать тебе только ради нее.

Смена плана.

Ансельми, в лифте, нервно поглядывает на часы.

Дверь лифта открывается. Ансельми выходит и торопливо идет по коридору. Толкает дверь адвокатского бюро; там какое-то торжество. Человек девять-десять; среди них две молодые женщины. Пожилой мужчина — шеф; все пожимают руку какому-то юноше и поздравляют его. Чокаются и пьют. На столе бутылки вина, бокалы, картонные тарелочки с пирожными и бутербродами. Скромная обстановка. На стенах дипломы, фотографии приемов и банкетов. В углу — стеллаж с юридическими справочниками.

Приход Ансельми остается почти незамеченным. Одна из молодых женщин наполняет бокал и протягивает его Ансельми.

Ансельми.— Спасибо, Ракель. Бежал, боялся опоздать. Я ведь совсем забыл, что вечеринка — сегодня.

Ракель (*мечтательно*).— Сын шефа — такой милый!

Юноша — совсем молодой, с растрепанными волосами, веснушчатый, близорукий, неряшливого вида — подходит к Ансельми и Ракель. Она кладет бутерброд на стол; веснушчатый берет его,

присоединяет к нему булочку и отправляет все это в рот.

Веснушчатый.— Тебе вредно есть много, Ракель-обжора, не то превратишься в baby-beef¹ и на тебя не будет обращать внимание Палоло.

Веснушчатый подмигивает, показывает на сына шефа и с серьезной миной поворачивается к Ансельми.

Веснушчатый.— А вы, дружище Ансельми, пользуйтесь удобным случаем, чтобы обожраться и страдать потом несварением желудка. Да, правы те, кто говорят, что в душе я шпион. В папке патрона я высмотрел некий документик, для вас весьма интересный.

Ансельми.— И что за документик?

Веснушчатый.— Речь идет о заложенном имуществе. Первое: все знают, что сынок патрона поступил на службу в контору. Второе: такое пополнение, мой дорогой сеньор, означает, что вы вылетаете отсюда пулей. «Принимая во внимание ваши заслуги и надеясь, что решение, которое мы вынуждены принять, не нанесет вам ущерба, и так далее... в общем, остаемся искренне ваши».

Лицо веснушчатого во весь экран. Он поднимает бокал, выпивает и закуривает.

Вечер. Ирене стоит на перроне станции Темперлей. Прибывает поезд. Выходит Ансельми. Камера следит за ними издали: поднимаются по лестнице и идут через мост. Удаляются по улице, затененной деревьями.

На проспекте подходят к кафе. Оно разделено на две части: в одной — зал с каменным полом

¹ Теленка (англ.).

и квадратными железными столиками; в другой — служебные помещения. Из радиоприемника, что на стойке бара, доносится мелодия танго «Ночь развлечений». За столиком шумная компания куманьков, горланят и пьют. За другими столиками — несколько людей благопристойного вида, они явно чувствуют себя неловко; Ирене и Ансельми присаживаются. (Примечание, в качестве справки для читателя: эти куманьки одеты несколько несовременно; для того чтобы это не сбивало с толку, желательно, чтобы одежда всех остальных посетителей тоже выглядела несколько старомодной. Это незначительное добавление антуража начала века сделает заключительную часть сцены более патетической.)

Первый куманек. — Внимание, сейчас Мулат Саливасо прочтет стихотворение, которое он сам сочинил.

Второй куманек. —

Говорят, что я задира,
но посудите сами:
как же соблюдать приличья
с пьяными скотами?

Прочитав, он медленно обводит взглядом присутствующих, вызывая на состязание. Куманьки аплодируют. Посетителям неловко. Третий куманек принимает вызов.

Третий куманек. — Я уже придумал. Вот что получилось:

Говорят, что я задира,
да я — птенец невинный.
Но какие же приличья
с пьяною скотиной?

Вновь радостные возгласы куманьков.

Четвертый куманек.—

Говорят, что я задира,
драчун, мол, окаянный.
Но какие же приличья
со скотиной с пьяной?¹

Произнеся свое четверостишие, четвертый куманек глядит в упор на почтенного толстого сеньора в превосходно сшитом костюме и соломенной шляпе.

Официант подходит к Ирене и Ансельми.

Ансельми.— Два чая, пожалуйста.

Четвертый куманек (*официанту, когда тот проходит мимо их столика*).— Пошевеливайся, одна нога здесь, другая — там!

По дороге вереницей движутся большие автомобили. Из них выходят молодчики: коренастые, скорые на расправу, но видно, что не они здесь главные. Непреклонные и безликие, как автоматы, они начинают выставлять всех посетителей, в том числе и четырех куманьков. Кто-то выключает радио. Когда они доходят до столика Ирене и Ансельми, из машины выходит высокий и грузный инвалид в плаще (М о р г а н), опираясь на трость и на своих подручных. Молодчики, очистившие кафе, в почтении замирают. Э л и с е о К у б и н, бородастый и низкорослый, отчаянно жестикулирующий, выглядящий карикатурно в своей извозчичьей шапке и длинном поношенном пальто, услужливо сопровождает инвалида. Тот усаживается; один из молодчиков скрывается за стойкой, откуда

¹ Перевод В. Андреева.

немного погодя возвращается со стаканом молока. Инвалид медленно выпивает его, осматривается, останавливает свой взгляд на Ансельми.

Морган (будто размышляя вслух).— Узнаю эти глаза, этот лоб.

Пауза.

Морган.— Я видел их в Равенне, в тысяча девятьсот двадцать третьем году.

Ансельми.— Меня тогда еще не было на свете.

Морган.— Я их видел у Доменико Ансельми. Умный и честный человек, но его предали.

Ансельми.— Это был мой отец.

Смена плана.

Публичная библиотека. Камера с высоты выхватывает фигуру Ансельми (он виден отчетливо и кажется маленьким), который располагается за высоким пюпитром, изучая толстые книги; он находится в конусе света, который отбрасывает лампа сверху; по обе стороны от него, в полумраке, высокие стеллажи с книгами. Камера спускается к Ансельми. Книги, которые он перелистывает, — это подшивки старых газет. Ансельми разглядывает старинную фотографию какого-то человека: на ней, правда значительно моложе, тот самый инвалид из кафе. Он машет кому-то приветственно рукой из окна старого «мерседес-бенца». Подпись под фотографией: «Morgan, das heitliche kaiser der Unterwelt»¹. Открывает другую подшивку, перелистывает страницы и обнаруживает фотографию того же самого персонажа, бредущего по дороге, с поникшей головой, между двух кон-

¹ Морган, тайный властелин преступного мира (нем.).

воиров-англичан. Подпись гласит: «Morgan convicted»¹. Другая, в другой подшивке: «Morgan cleared»². Следующая фотография, во французской газете, на ней — Морган в светлом костюме, надпись: «M. Morgan en villégiature à la Rivière»³. И, наконец, последняя — овальная — из «Карас и каретас». На ней — портрет человека, весьма похожий на Рауля Ансельми, но выражение лица более одухотворенное. Подпись: «Доктор Доменико Ансельми, защитник Моргана».

Смена плана.

Дом с высокой насыпью для защиты от наводнений; редкие деревья, мельница, проволочная изгородь. Этот кадр остается неизменным в течение нескольких секунд; он должен напоминать некую декорацию, которую желают выдать за действительность. Камера отъезжает, и мы видим, что это — фотография: она висит на стене в галерее патио; рядом — барометр. Из высокого фарфорового кувшина торчит какое-то растение с широкими листьями. Здесь же — ножная швейная машинка, прямо на ней лежит женская сумка. В пол оборота, со спины, мы видим девушку (Ла у ру Кру с), сидящую в венском кресле-качалке. Светлые волнистые волосы падают на плечи и окружают голову как будто золотым нимбом; на самой макушке — маленький бант. Камера медленно поворачивается, мы видим ее лицо. Она очень молода и хороша собой; лицо очень серьезное, словно она чем-то слегка раздосадована. Одежда

¹ Морган осужден (англ.).

² Морган освобожден (англ.).

³ Морган отдыхает на Ривьере (франц.).

простая, в светлых тонах. Рядом, в патио, Ирене поливает цветы. День солнечный, тени ложатся отчетливо.

Лаура.— Завтра утром я уезжаю в поместье.

Ирене (останавливается, смотрит на фотографию).— Завтра утром мы будем еще здесь.

Лаура.— Здесь! И опять слушать это голубиное воркование! (*Тотчас, порывисто.*) Ирене, может быть, поедем сегодня?

Ирене (твердо).— Я же тебе говорила, Лаура: сегодня никак нельзя. Из-за этих дождей по дорогам не проехать. Отправимся завтра, дорогая.

Доносится колокольный звон. Ирене ставит лейку, целует в лоб свою сестру, забирает сумочку, которая лежит на швейной машинке, и уходит. Лаура с серьезным видом опять принимается разглядывать фотографию.

Камера следует за Ирене. Та выходит из столовой, обставленной мебелью красного дерева. Мебель великолепна, хотя один стул — колченогий. Ирене проходит в переднюю, отпирает дверь и выходит на улицу. Здесь ее поджидает Ансельми. Он берет Ирене под руку, и они вместе идут по дорожке, которую зрители уже видели.

Ансельми.— Какие новости из поместья?

Ирене (немного помедлив).— Сегодня получила письмо от Лауры. Она счастлива. Ей очень нравится за городом.

Идут по грунтовой дороге. По обеим сторонам — деревья; на заднем плане видны поля, идущих нагоняет повозка булочника, которую тащит серая в яблоках лошадь, повозка поднимает тучи пыли. Ирене берет Ансельми под руку и увлекает его на другую дорожку, лишь бы сойти с грунтовки.

И р е н е.— Было бы ужасно жаль его потерять. Я должна добыть деньги.

Смена плана.

Утро. Ансельми через ворота входит на виллу Моргана, проходит по саду и звонит в дверь. Спустя мгновение дверь открывает один из людей Моргана.

Ансельми.— Я хотел бы поговорить с сеньором Морганом.

Слуга (*грубо*).— Он не принимает.

Ансельми.— Меня примет. Я — Рауль Ансельми.

Человек пытается закрыть дверь. Ансельми подставляет ногу и мешает ему. Входит в просторный вестибюль без мебели, здесь множество дверей и начинается мраморная лестница. Слуга и Ансельми смотрят друг на друга враждебно.

Ансельми.— Я подожду здесь.

Слуга после недолгого замешательства принимает все, что случилось, как должное и отступает. Ансельми, ожидая, медленно прохаживается по вестибюлю. Когда Ансельми отходит от одной из дверей, она слегка приоткрывается, и можно понять, что за ним кто-то следит. Затем появляется пекинес: мордой открывает дверь и входит в вестибюль. Прежде чем заметить пекинеса, Ансельми слышит женский голос, слабый и сонный.

Г о л о с.— Конфуций... Конфуций...

Короткое замешательство. Ансельми видит пекинеса, берет его на руки и входит в комнату, из которой появился песик. Камера следует за ним. Комната — полная противоположность пустому вестибюлю: это зал с большим окном, которое является в кадре постепенно, изыскано обстав-

ленный (мебель эпохи Второй империи; японское боевое оружие). На диване возлежит Ирма Эспиноса. Блондинка, молодая, прекрасно сложенная (почти превосходно). Одета в черный роскошный наряд, слегка расстегнутый на груди, на корсаже угадываются кружева. Рядом, на табурете, открытая коробка конфет (больших, завернутых в золотистую фольгу) и засахаренные фрукты.

Ансельми.— Сеньора, Конфуций вернулся.

Ирма принимает собачку, целует ее, играет с ней.

Ирма (с неподдельным любопытством).— Могу я полюбопытствовать: с кем имею честь?

Ансельми.— Меня зовут Ансельми, Рауль Ансельми.

Ирма отпускает собачку, выбирает конфету, разворачивает обертку, съедает конфету, облизывает пальцы, сминая фантик, далеко бросает его.

Ирма.— Ансельми? Молодой человек — тоже мафиози?

Ансельми (усмехнувшись).— Пока еще нет.

Ирма (хитро).— Что, к Черной Руке?

Ансельми (с деланным смиренным).— Не заслуживаю такой чести.

Ирма (неожиданно подозрительно).— Вы не из полиции?

Ансельми.— Нет. Я всего лишь студент юридического факультета, пришел на встречу с сеньором Морганом.

Ирма мгновенно теряет к нему всякий интерес. Надкусывает конфету с ликером, которая пачкает ей пальцы, вытирает их о занавеску. Пауза.

Ирма (высокомерно).— Сеньор Морган и я — все равно что один человек: он не принимает кого

попало. Он очень важная персона, он — шеф. Я и папа — тоже очень важные люди; поэтому нас всегда принимают.

Ансельми (*с едва заметным ехидством*).— У меня к нему дело.

Ирма (*поучительно*).— Папу принимают, потому что он — Даниэль Эспиноса, его закадычный друг. А почему, спросите, меня? Но кто же откажется от общества такой блондинки?

Чопорный слуга, быть может один из тех, кто был в кафе, вкатывает сервировочный столик на колесиках с бутербродами и виски. Ирма накладывает еду себе на тарелку. Слуга удаляется. Появляется человек, открывавший дверь Ансельми; видно, что он разыскивал Ансельми по всему дому.

Человек.— Шеф просит вас немного подождать. (*Подчеркнуто высокопарно.*) Вас примут через несколько минут.

Удаляется.

Ирма (*сердечно предлагая ему конфеты*).— Почему вы не сказали, что вы тоже важная персона? Зачем все эти глупости с Ансельми? Теперь мы — друзья, так давайте выпьем виски. Из одного стакана, чтобы вы могли узнать все мои тайны.

Ансельми облизывает губы.

Ирма.— Однажды я была на балу, и у меня были такие красивые плечи, что все вокруг сразу захотели жениться на мне.

Ирма идет к Ансельми; вот она уже рядом с ним. Присаживается к нему на диван.

Ирма.— Раз мы теперь друзья, обещайте мне, что скажете сеньору Моргану, что папа — важная персона и что он никогда его не предавал.

Входит слуга.

Слуга (Ансельми).— Шеф ждет вас.

Слуга открывает Ансельми дверь.

Ансельми (Ирме, вежливо отстраняясь).—

Всего хорошего, сеньорита.

Ирма (почти обвиняя его, настойчиво и конфиденциально).— Так не забудьте... скажите о папе... Да-ни-эль Эс-пи-но-са.

Ансельми вежливо возобновляет усилия, дабы избавиться от нее.

Ирма (чуть слышным голосом).— И ни слова, что это я вас подговорила сказать о папе.

Слуга берет Ирму за руку, освобождая Ансельми. Тот встает.

Ирма (заговорщически).— Так не забудьте о моей просьбе.

Слуга (Ирме).— Вы же знаете: шефу не нравится, когда ему докучают просьбами.

Ансельми уходит. Слуга, который не выпускал руки Ирмы, наконец отпускает ее. Ирма падает на колени и рыдает.

Смена плана.

Человек, который первым встретил Ансельми, стоит в вестибюле. Вдвоем они поднимаются по ступенькам — человек впереди Ансельми, — проходят через многочисленные комнаты. В одной из них — мебель: зеркальная ширма, черная статуэтка с канделябром — все то, что выгружали из фургонов. В глубине длинного коридора — охранник; он расположился у стены, шляпа надвинута на глаза, смотрит исподлобья, руки скрещены на груди. Ансельми и слуга проходят мимо него, охранник молча идет вслед за ними. (Ансельми оказывается между двух охранников). Подходят к вин-

товой лестнице. Первый пропускает вперед Ансельми, и тот поднимается один. Входит в комнату с двумя дверьми (одна напротив другой; одна ведет к винтовой лестнице, другая — на террасу); стены уставлены книгами, пол покрыт белой и черной плиткой в шахматном порядке. В окнах — цветные ромбовидные стекла. Комната освещена электрическим светом. В конце комнаты за столом, в кресле, сидит человек, позади на стене от него — огромная тень. Оборачивается, устало улыбается. Это — Морган. Подле него — один из тех, кто был в кафе. Ансельми огибает стол и замирает, стоя перед Морганом. Тот протягивает ему руку.

Ансельми.— Мы виделись в кафе, сеньор Морган. Вы еще вспомнили, что я — сын Доменико Ансельми.

Морган.— У меня долг чести по отношению к вашему отцу. Я знаю, что не смогу оплатить его сполна сыну. Я никому не приношу счастья. Жизнь была ко мне жестока.

Ансельми (взволнованно, опираясь на стол и глядя на Моргана).— Обстоятельства таковы, сеньор Морган, что я готов на все, что угодно.

Слышится чей-то разгневанный голос, хлопают двери. Телохранитель вырастает в проеме дверей, ведущих на террасу.

Морган (Ансельми, тихим, поникшим голосом).— Разыщите Абдулмалика в городке Оливос.

Телохранитель возвращается на прежнее место. В комнату врывается Педро Ларрен. Это высокий, полный мужчина с квадратным багровым лицом, на вид — упрямый; одет в костюм из дорогой ткани, спортивного стиля. Производит впечатление человека, уверенного в себе. Его сопровождает, подобострастно и раболепно, Элисео Кубин.

Ларрен (*Моргану, ни на кого не обращая внимания*).— Скажите на милость, прилично ли это: вы сбиваетесь с ног, вызывая меня, чтобы потом этот усач заставлял меня ждать?

Кубин (*Ансельми, доверительно*).— Сеньор Ларрен говорит правду... Он очень важная персона. А его заставили ждать.

Морган (*Ларрену, наклоняясь к нему*).— Приношу вам извинения за моего кассира. (*Другим тоном*.) На закате жизни нам остаются лишь мечты.

Морган берет со стола книгу.

Морган.— Здесь я обретаю покой и убежище. Вот они — великие мечтания людей: «Книга тысячи и одной ночи».

Морган показывает картинку Ларрену.

Морган (*воскликая*).— Пир пожирателей человеческой плоти.

Ларрен с тревогой смотрит на него.

Ларрен.— Как мне кажется, это не по моей части.

Морган показывает Кубину следующую картинку.

Морган.— Синдбад освобождается от Старца Морей.

Кубин отпрянул назад, с плохо скрываемым раздражением. Морган показывает Ансельми третью картинку: пейзаж без человеческих фигур, никак не связанный с текстом на противоположной странице. Ансельми смотрит на него озадаченно.

Морган.— Это — сын друга, который когда-то обнаружит, что шеф — уже в Раю Господнем.

Кубин (*едва сдерживая раздражение и рыдания*).— Но, шеф, сеньор Ларрен не за этим пришел. Он хотел решить совершенно определенные вопросы.

Морган смотрит на Кубина с насмешливым смирением. Затем обращается к Ансельми.

Морган (Ансельми).— Сами видите: я пытаюсь убежать в область мечтаний, но всякий раз реальность настигает меня. Поговорим как-нибудь в другой раз.

Морган протягивает руку Ансельми и смотрит ему в глаза. Тот прощается и уходит. Ларрен и Кубин подходят к креслу у стола, за которым восседает Морган, и начинают разговор.

Смена плана.

Ансельми спускается по лестнице. Один из двух сопровождающих дожидается его и следует за ним через весь дом. Из окна напротив патио слышатся крики. Внизу Ансельми видит в высоком окне старика, по виду скромного ремесленника (Даниэля Эспиносу), который что-то пытается доказать группе людей, мягко и сдержанно его останавливающих. Эти люди вводят его в глубину дома.

Человек, сопровождающий Ансельми.— Так, один придурок, все время хочет покончить с собой.

Смена плана.

Ансельми приходит в гостиницу. Она полупуста. Бармен читает газету. Какая-то женщина говорит по телефону.

Ансельми (бармену).— Дайте, пожалуйста, телефонную книгу.

Не отрываясь от чтения, бармен достает справочник из-под прилавка и протягивает его Ансельми. В разделе «Пригороды» тот отыскивает имя — «Абдулмалик». (Видна страница со строчкой: Абдулмалик, Малавер 3753-741-9774.) Ансельми поглядывает в сторону женщины у телефона.

Женщина. — Представь себе, я просто застыла на месте и сказала: «Ах!» У них не было бу-мазеи!

Входит человек в черных очках и садится за столик рядом с телефоном. Ансельми задумчиво разглядывает его, затем поворачивается к женщине.

Человек в черных очках (бармену). — Рюмку каньи.

Бармен ставит рюмку перед ним.

Женщина (по телефону). — Это несерьезно. (После паузы.) Скажешь тоже, нет ничего лучше, чем компрессы и горчичники. Когда я подхватила коклюш в Фермине...

Ансельми, помявшись, уходит. Когда проходит через дверь, то замечает, как человек в черных очках встает и оставляет деньги на столике.

Ансельми метрах в пятидесяти от гостиницы (она виднеется на заднем плане). Подъезжает автомобиль, останавливается возле Ансельми. За рулем — Педро Ларрен. Пока происходит короткий диалог между Лорреном и Ансельми, из дверей гостиницы появляется человек в черных очках и направляется к ним.

Ларрен (высовываясь). — Могу подкинуть. Не желаете?

Ансельми. — Нет, спасибо. Подожду автобус.

Ларрен. — Автобус, до Буэнос-Айреса? Я доведу вас!

Ансельми колеблется, видит человека в черных очках и принимает предложение Ларрена. Обходит машину с другой стороны и садится в нее.

Смена плана.

По пути между Темперлеем и Буэнос-Айресом; Ансельми и Ларрен в машине.

Ларрен (*сердечно*).— Морган чувствует себя превосходно. (*Торопливо*.) У вас не найдется минутки обсудить это?

Ансельми (*безразлично*).— Нет, абсолютно.

Ларрен.— Понимаю, понимаю. Он меня знает, и я его знаю. Я никого не критикую. У каждого свои странности. Но когда храбрый юноша протягивает мне руку, я не могу не пожать ее. Скажете, что я идеалист?

Ансельми разглядывает пейзаж.

Ларрен (*беззаботно*).— Там, где мы встретились, я начинал в одиночку. Теперь в моих руках — весь Север. Не для красного словца, но у меня есть кое-что интересное для вас.

Молчание.

Ларрен (*усмехаясь*).— Ну, если не хотите говорить о делах, я не настаиваю. Правда, в такой день мне хотелось бы отвезти вас в мои пенаты и показать лошадей и датских догов. Безо всяких обязательств с вашей стороны, просто так, понимаете?!

Ансельми (*холодно*).— С превеликим удовольствием.

Ларрен.— Что скажете, если я доведу вас до Ривадавии?

Смена плана.

Ансельми говорит по телефону из табачной лавки. За его спиной мужчина увлеченно играет в настольный футбол.

Ансельми.— Оливос, девять-семь-семь-четыре? Сеньор Абдулмалик? Могли бы мы увидеться там через час? Нет, это очень личное... Нет, вы меня не знаете. Я — от Моргана.

Кладет трубку и уходит. Мужчина бросает игру. Следит за Ансельми и собирается выходить.

Смена плана.

Ансельми выходит из поезда на станции Оливос. В безлюдном тихом переулке его едва не сбивает машина. В последнее мгновение он успевает увернуться. Ранит руку о проволочную решетку. Рукав испачкан кровью. Ансельми вытирает кровь носовым платком.

Ансельми приходит на фабрику. На дверях табличка: «Абдулмалик и Компания». Дверь открыта. Ансельми кричит, никто не отвечает. Это фабрика игрушек. Проходит между штабелями кукол. В глубине — стеклянная перегородка, за ней — письменный стол. В крутящемся кресле сидит мужчина в плаще и шляпе. Узкий лоб, лицо с заострившимися чертами, серые усы. Он мертв. Ему перерезали горло.

Звонит телефон. Ансельми тянется, чтобы снять трубку. Смотрит на свою порезанную руку и пиджак, испачканный кровью; отдергивает руку.

Уходит с фабрики. Поникший, бредет по дороге. Смеркается. Неожиданно Ансельми освещают автомобильные фары. Он садится в микроавтобус. Среди пассажиров — Рамирес.

Рамирес. — Привет, Ансельми. Здесь есть место.

Безропотно садится рядом с Рамиресом.

Рамирес. — Кто же это тебя так? Не иначе — дама, а? Угадал?

Ансельми. — Дама? Если бы, не каждому же так везет.

Рамирес (разглядывая рану, назидательно присвистнув). — Вероятно, дама отбивалась, царапалась и кусалась. Кровь на рукаве! Какне заголовки в разделе полицейской хроники!

Пассажиры оглядываются на Ансельми.

Смена плана.

Утро. У ворот виллы Моргана Ансельми разговаривает с человеком, который открыл ему дверь в первый раз.

Человек. — Проходите. Шеф вас сейчас примет.

Ансельми входит в переднюю. Тут же, спускаясь по лестнице, появляется Кубин.

Кубин. — Я — Элисео Кубин. Шеф сожалеет, но принять не сможет. Он приказал передать вам вот это, за выполненное поручение.

Кубин протягивает конверт Ансельми.

Ансельми (разглядывает содержимое конверта). — Должно быть, это ошибка. Я не смог выполнить поручение.

Кубин. — Шеф считает по-другому. *(Пауза.)* Сеньор Морган — щедрый человек. Я, скромный кассир, частенько сожалею об этом. Мне ведь приходится сводить счета! *(Немного помолчав, добавляет вполголоса.)* Добрый вам совет. Пару дней не высывайтесь, и самое главное: не появляйтесь здесь.

Ансельми растерянно смотрит на него. Уходит.

Кубин быстро подходит к спрятанному в нише телефону, поднимает трубку, называет номер.

Кубин. — Это «Телеграфо Меркантиль»?

Крупный план: страница «Телеграфо Меркантиль» с заголовком: «Убийство в Оливос. Подозревается молодой человек (далее следуют приметы Ансельми), который угрожал убитому по телефону».

Ансельми в своей комнате; швыряет газету в сторону. Комната — большая, скромно обстав-

ленная, с камином; узкая железная кровать, постель не прибрана; платяной шкаф; стул; кресло-качалка; стеллаж с книгами; проигрыватель; умывальник; зеркало. Стеклянная входная дверь; окно. Отбросив газету, Ансельми подходит к умывальнику, принимается за бритье. Намыливается, в это время входит пожилая женщина и обращается к нему.

Женщина.— С вами хочет поговорить сеньор Росалес.

Росалес — толстый, смуглый, спокойный мужчина, взгляд с искорокой жадного любопытства. Женщина отходит в сторону, пропуская его, затем уходит. Он кивает ей и усаживается в кресло-качалку.

Росалес.— Я Порфирио Росалес, из отдела расследований.

Покачиваясь в кресле, рассеянно оглядывает комнату.

Ансельми.— Удобно разместились? Чем обязан?

Росалес (*усмехнувшись*).— Хотелось поговорить с вами. Между нами: разговор без протокола.

Ансельми продолжает бриться.

Ансельми.— И что?

Росалес.— Поверьте, я пришел как друг. Будьте со мной откровенны. Поговорим как мужчина с женщиной.

Ансельми (*безразлично*).— О чем?

Росалес.— Об убийстве в Оливос. Что вы можете сказать об убитом?

Ансельми.— Кроме того, что написано в газете, ничего.

Росалес.— Вы не угрожали ему по телефону?

Ансельми моет лицо и, вытираясь, отвечает раздраженно.

Ансельми.— Повторяю: об этом деле я ничего не знаю. Что касается откровенности, то зачем мне это нужно? Вы говорите, что пришли как друг, но эта дружба — очередная уловка следователя. (*Усмехаясь.*) К тому же, для чего вам дружить с человеком, которого вы подозреваете?

Росалес встает.

Росалес (*довольно серьезным тоном*).— Вы правы. Я должен докопаться до истины, и я предложил вам дружбу не без задней мысли. Все же полагаю, что вы бы ничего не потеряли, откровенно поговорив со мной. (*Направляется к двери.*) Подумайте о том, что я сказал.

Смена плана.

Ансельми подходит к дому Ирене. Сталкивается с шарманщиком. Тот приветствует его, как и в прошлый раз.

Шарманщик.— Какое бодрящее сегодня утро! Надежды на будущее, прилив сил, отличная погода. Уголок что надо, как говорит один мой знакомый аукционист, местечко — просто рай. Чего не скажешь о других районах. Как вам этот промышленник, нагло зарезанный в собственном кресле? Но не будем слишком удручаться. Осведомленные круги утверждают, что следствие силь но продвинулось вперед. Утром сообщалось даже о каком-то типе, который по телефону угрожал жертве!

Ансельми машет шарманщику на прощание рукой и идет дальше.

Смена плана.

Прихожая дома Ирене.

Ирене (*нежно*).— Зашел за мной, чтобы пройти вместе?

Ансельми.— Послушай, я очень устал. Может, останемся здесь?

Ирене (*поколебавшись*).— Как хочешь.

Дверь в глубине открыта. Ирене закрывает ее. Провожает Ансельми в столовую. Возле окна встают друг напротив друга. Ирене смотрит в глаза Ансельми и гладит его по голове.

Ирене (*по-матерински*).— Так и есть. Выглядишь усталым. Что случилось?

Ансельми (*с легким беспокойством*).— Все просто замечательно.

Садится на диван.

Ансельми.— Я достал немного денег.

Ирене (*восхищенно*).— Это поистине чудо.

Ансельми (*с неподдельной горечью*).— Нет, всего лишь одна пятая чуда. Смог добыть только девятьсот песо.

Ансельми протягивает конверт Ирене.

Ирене.— Я безумно рада. (*Молчание.*) Но что с тобой? Ты не рад?

Смена плана.

Почти стемнело. Ансельми идет пешком по улице предместья. Проходя мимо грузовика, сталкивается с группой молодчиков. Слышит гогот и крики.

Ансельми оборачивается и видит, как одного из парней — уродливого, скрюченного, обезьяноподобного — подначивают и дразнят остальные. (Все одеты бедно; у одних — шейные платки, у других — вороты расстегнуты.)

Первый парень (*жертве*).— Панчо-обезьяна! Знаешь, кто ты? Панчо-обезьяна!

Первый парень дает оплеуху жертве.

Второй парень.— Если его поставить перед клеткой с обезьянами, он подумает, что смотрит в зеркало!

Третий парень. (словно сообщая новость).— Это — Панчо-обезьяна.

Бьют его.

Ансельми.— Отстаньте от парня.

Ансельми подходит к ним. Один из парней сзади бьет его по уху. Ансельми дает сдачи. Тогда все набрасываются на него, в том числе и обезьяноподобный. Запихивают в грузовик, связывают руки и бросают на пол. Грузовик уезжает. Крупный план: ноги молодчиков по колено. Распевают какой-то дурацкий, похабный марш.

Выбрасывают Ансельми во дворе фермы. Ларрен сидит, поглядывая на огромного датского дога, который набрасывается на человека, одетого в грубую мешковину. Рядом с Ларреном — красивая девушка, безучастная, холеная (волнистые волосы, раскосые глаза и т. д.); Ларрен небрежно поглаживает ее волосы. Главарь похитителей пытается обратить на себя внимание Ларрена. Тот едва заметным знаком приказывает ему подождать. Все внимательно следят за собакой. Наконец главарь оказывается рядом с Ларреном и начинает что-то нашептывать ему.

Главарь (Ларрену).— Шеф, как только мы вышли на улицу, столкнулись с ним, ну и прихватили с собой.

Ларрен (гневно).— Сколько вы еще будете глупостей делать? Вас надо держать в ежовых рукавицах!

Молодчики безмолвно следят за Ларреном.

Ларрен.— Здесь, на Севере, этот сеньор — мой гость.

Ансельми.— Гость, да не по своей воле.

Ларрен (*младчикам*).— Сеньор не может остаться на ужин. (*Меняет тон.*) Теперь бережно, словно младенца, доставьте его обратно в Темперлей.

Ансельми и младчики Ларрена молча залезают в грузовик.

Девушка (*Ларрену*).— Зачем же ты приказал притащить его сюда? Ты что, боишься Моргана?

Ларрен.— Боюсь? Нет. Просто я все уже обдумал. (*Уверенным голосом.*) После того что случилось, люди Моргана носа не сунут на Север.

Смена плана.

Ансельми, в грузовике, стоит между парней. Грузовик подъехал к тому месту, где произошло похищение.

Один из парней (*Ансельми*).— Нам сказали, что на Севере вы — наш гость. Но сейчас-то мы на Юге и теперь не прочь поразвлечься.

Парень отвешивает Ансельми оплеуху.

Крупный план: младчики стоят неподвижно и враждебно смотрят на Ансельми. Лица серьезные. Вдруг одно из них — того самого, обезьяноподобного, — искривляется усмешкой. Не отрывая взглядов от Ансельми, парни залезают в грузовик. Уезжают. Ансельми остается один.

Смена плана.

Прихожая дома Ирене, вечер. Ирене и Росалес. Ирене в кофте с карманами; Росалес, будто только что вошел, стоит в дверях и держит в руках шляпу. Оба стоят неподвижно.

Росалес (*продолжая разговор*).— Не хотелось бы забегать вперед. Вполне вероятно, что молодой человек докажет свою невиновность. Если бы вы помогли нам...

Ирене (*холодно*).— Мне нечего вам сказать. Это невероятно. Рауль не преступник.

Росалес.— Может быть, так оно и есть. Но нужно кое-что уточнить. Зачем он звонил жертве? Что делал в Оливос тем вечером и почему был в крови? Почему якшается со всякими подозрительными типами?

Ирене.— Нет смысла продолжать разговор.

Ирене отпирает входную дверь. Росалес, задумчивый, с опущенной головой, собирается уходить. В дверях задерживается.

Росалес (*продолжая что-то обдумывать*).— Вероятно, стоит поискать деньги.

Ирене (*повторяя*).— Деньги.

Росалес.— У жертвы похитили девятьсот песо.

Ирене медленно закрывает дверь. Идет в свою комнату. Надевает плащ. Бродит по дому как во сне. Выходит в патио. Патио освещается ближайшим к двери фонарем. В той же одежде и в той же позе, что и в первой сцене, в кресле-качалке сидит Лаура. В руке — букетик фиалок.

Лаура (*Ирене*).— Я собрала эти фиалки для тебя.

Ирене подходит к Лауре. Опирается руками о кресло. Лаура булавкой прищипливает букетик к плащу.

Лаура.— Завтра поеду в поместье.

Ирене.— Завтра. Если дороги подсохнут.

Уходит, запирает дверь на ключ.

Смена плана.

*Вилла Моргана. Ансельми, спиной к камере, звонит. Дверь приоткрывается. Появляется человек, что-то говорит, слов не слышно, показывает рукой куда-то вдаль и закрывает дверь. Ансельми с по-
никшей головой уходит.*

Смена плана.

Ансельми, спиной к камере, перед застекленной дверью своей комнаты. Занавеска на двери чуть сдвинута, Ансельми видит Росалеса, расположившегося в ожидании у горящего камина. Уходит.

Смена плана.

Ансельми звонит в дверь дома Ирене. Никто не отвечает.

Смена плана.

Ансельми в баре пьет у стойки.

Смена плана.

Ансельми бродит по полю. Идет дождь.

Через железнодорожный переезд проходит поезд. Надвигается. Ансельми, внезапно решившись, на ходу запрыгивает в вагон.

Смена плана.

Ирене, не снимая плаща, в доме Ансельми. (Плащ расстегнут.) Говорит с женщиной из первой сцены с Росалесом.

Ж е н щ и н а. — Сеньора Ансельми нет. Один сеньор ждал его и ушел, не дождавшись.

И р е н е. — Я дождусь.

Ж е н щ и н а. — Тогда, деточка, окажите мне услугу. Тут принесли письмо для сеньора Ансельми и попросили отдать ему лично. Мне надо уходить. Вы не могли бы передать его?

Женщина протягивает конверт Ирине; та прячет его в карман кофты. Женщина отпирает дверь комнаты. Ирине входит. Она нервничает. Ставит пластинку, вторую симфонию Брамса. Вслушивается в музыку. Вдруг оборачивается и видит, что в комнату вошел какой-то человек. Это Даниэль Эспиноса: взгляд опущен, говорит бессвязно и плачет. На нем — плащ и шляпа. На лице — многодневная щетина.

Ирине (испуганно).— Кто вы? Почему вы здесь?

Эспиноса.— Меня зовут Даниэль Эспиноса. Хочу поговорить с сеньором Ансельми. Как думаете, он скоро придет?

Ирине.— Не знаю. Зачем он вам?

Эспиноса.— Попросить у него помощи. И сказать ему кое-что. Сказать, чтобы не связывался с бандитами. (Пауза.) Но я ведь тоже бандит. Я совершил ужасное злодеяние. Ни прощения, ни жалости я не заслуживаю. И вам, деточка, не следует разговаривать со мной.

Ирине.— Все заслуживают и прощения, и жалости.

Эспиноса.— Но я же убийца, предатель. Вот уже два дня не нахожу себе места.

Ирине.— Я тоже не находила себе места. А сейчас, прошу прощения, забрезжила надежда.

Ирине закрывает руками лицо.

Эспиноса.— Не знаю. Не понимаю. (Пауза.) В любой момент сюда могут прийти. Я ухожу.

Идет к двери. Ирине — за ним. Выходят. На улице дождь. Эспиноса идет немного впереди. Эспиноса и Ирине идут, почти прижимаясь к стенам. Камера следит за ними издалека. Дождь

усиливается. У перекрестка прячутся под навес. В нескольких метрах от них вырастает силуэт человека, который движется крадучись (быть может, настороженно). Все три фигуры выхватывает из темноты свет автомобильных фар. Потом луч скользит выше, освещая вывеску: на ней — лев готовится к прыжку и надпись: «Лев Армении». Автомобиль подъезжает к Ирине и Эспиносе, открывается дверь.

Голос (из автомобиля).— Садитесь.

Эспиноса (Ирине, в страхе).— Делайте, что приказывают.

Ее заставляют сесть в автомобиль. Фиалки с плаща Ирине падают на мостовую, к краю тротуара. Нечетко видна фигура человека, который подходит к автомобилю и нагибается, чтобы поднять цветы. Автомобиль срывается с места, круто разворачиваясь; фары на мгновение освещают человека, в котором угадывается уже хорошо известный шарманщик. Камера вновь останавливается на вывеске со львом.

В автомобиле — трое мужчин из банды Моргана. Один — за рулем, другой — на откидном сиденье (крепкого телосложения, курит сигарету), третий расположился сзади, Ирине — рядом с ним; Эспиноса — между водителем и человеком с сигаретой. Едут молча. Идет дождь.

Эспиноса (оборачиваясь).— Не надо было девчонку вмешивать в это дело.

Никто не отвечает. Тот, кто курил, вынимает зажженную сигарету изо рта и тушит ее о лицо Эспиносы, с силой прижимая окурок, как печать. Тот закрывает лицо руками и всхлипывает. Никто не произносит ни слова. Ирине в ужасе.

Смена плана.

*Ворота виллы Моргана открыты; машина от-
танавливается перед домом.*

В вестибюле приехавших встречает еще один человек Моргана, поодаль на ступеньке сидит Педро: грубый, неотесанный и одновременно услужливый гигант; жадно смотрит на Ирене.

Человек, который их встретил (бандитам).— Волоките Эспиносу сами знаете куда. (Ирене.) Пока шеф не разрешит, из дома не выходить.

Ирене остается одна. Слышен мужской искаженный от боли голос (голос Бриссака), доносящийся из соседней комнаты.

Мужской голос.— Пустите, вы мне сломаете руку... (Пауза.) Пустите, вы мне сломаете руку... (Более продолжительная пауза.) Говорю же, вы мне сломаете руку.

Ирене подходит к дверям, прислушивается. Заглядывает в комнату Ирмы, там никого нет. Незаметно проскальзывает туда.

Женский голос (голос Ирмы).— Пустите, вы мне сломаете руку... (Пауза.) Пустите, вы мне сломаете руку... (Более продолжительная пауза.) Говорю же, вы мне сломаете руку.

Ирене доходит до того места, откуда зрители видят эркер и двух человек: это Тонио де Бриссак и Ирма Эспиноса. Они стоят, образуя симметричную группу по обеим сторонам эркера. Стоят, почти упав на колени, каждый из них держится правой рукой за левое запястье. Бриссак глядит на Ирму; умоляющий взгляд Ирмы устремлен к небу. На ней — трико балерины; на нем — рубашка с короткими рукавами и шорты. Бриссак — маленький, нервный человек, склонный

к ерничеству, импульсивный, подвижный и гибкий. Челка, монокль и усики дополняют его внешность.

Бриссак (*не видя Ирене*).— Нет. Безусловно, нет. Вы чрезмерно экспрессивны. А экспрессия должна означать: ваш враг — я.

Ирма замечает Ирене; смотрит на нее удивленно.

Бриссак (*Ирме*).— Отвлекаетесь, снова отвлекаетесь. Пока результативность репетиций практически равна нулю.

Бриссак видит Ирене. Ирма указывает Ирене, что вода с ее плаща капает на ковер.

Ирма.— Долго вы еще намерены портить ковер из Смирны?

Ирене.— Ой! Простите.

Бриссак (*помогает Ирене снять плащ. Ирене смотрит на него в смущении*).— Сменим тему разговора. (*Облачается в рыцарские латы; подходит к Ирене*.) Вы, дорогая богиня из машины, будете судьей. Я ставлю комедию в двух актах для нашего камерного театра. Другая богиня, Ирма, сегодня выказывает безразличие. Неужели моя комедия заслуживает подобного пренебрежения? Первый акт: возвышенные страсти, дворец в Риме, Эпиктет — раб и философ, два сенатора, которые влюблены и страдают. Второй акт: те же действующие лица, что и в первом, но действие перенесено в двадцатый век и происходит в загородном пансионе. К тому же известно, что первая часть написана персонажем второй, он ищет в создании этого романтического произведения компенсацию за свои неудачи. Юнг, Пиранделло и так далее. Никак не разрешить проблему: герой и героиня сломалены обыденностью наших дней или все-таки становятся счастливы? Рассудите, богиня.

Ирене пытается что-то сказать.

Ирма.— Бриссак, я сама скажу: нечего здесь разводить турусы на колесах. Роль героини для меня ясна как белый день. Скажи на милость, зачем ей кто-либо нужен, если она ни на мгновение не забывает о рассудке, эlegantности, благовоспитанности и внешнем виде?

Ирене.— Прошу прощения, я приехала сюда с одним сеньором...

Ирма.— С кем?

Ирене.— С пожилым сеньором... Кажется, его зовут Эспиноса.

Ирма.— Как это: приехали?

Ирене.— Нас привезли сюда люди... в автомобиле.

Ирма порывисто встает и уходит из комнаты. С Бриссака мгновенно слетает вся заносчивость: он с тревогой смотрит вслед Ирме.

Камера следует за Ирмой. Та входит в просторную и пустую комнату. Комната в полумраке. Виден открытый люк с лестницей в подвал. Подвал освещен, оттуда через открытый проем льется яркий свет. Из люка на уровне пола появляется огромная мужская голова — из подвала вылезает Педро. Следит за Ирмой. Зрителю кажется, что он вот-вот набросится на Ирму. Но Педро ластится к ней как щенок, прижимается, целует руку и пытается дотронуться до ножки. Спокойно, не глядя на него, Ирма освобождается. Педро сидит на полу, покорно позволяет ей уйти, но не отрывает от нее глаз.

Ирма входит в узкую высокую комнату с кафельным полом и решетчатым стоком в центре; окон в комнате нет. На полу, навзничь, с окро-

вавленным лицом, лежит Эспиноса, он бредит. Глаза открыты, но Ирму он не видит.

Эспиноса.— Не бейте меня... Я ничего никому не говорил. Хватит. Пожалуйста, хватит.

Ирма склоняется над ним, трясет его отчаянно и сильно.

Ирма.— Это я, Ирма, твоя дочь.

Эспиноса (обращаясь к отсутствующим).— Ну хорошо, не делайте больно. Да, я сказал, что это я убил его.

Ирма в ужасе отшатывается. Потом снова иступленно трясет отца.

Ирма.— Кому ты это сказал?

Эспиноса.— Но она никому не расскажет.

Ирма.— Ты ей все сказал?

Эспиноса.— Отстаньте от меня, отстаньте.

Смена плана.

Комната Ирмы. Бриссак и Ирене в дальнем конце комнаты у окна.

Бриссак (серьезно).— Говорю вам: опасность ходит за вами по пятам. Настоящая опасность.

Ирене.— Я уже ничего не понимаю — где реальность, где вымысел. Кошмар какой-то.

Бриссак.— Идемте.

Открывает окно, затем приказывает ей уйти из комнаты. В комнате стоят рыцарские латы, поверх них накинут плащ Ирене.

Смена плана.

В полумраке просторной пустой комнаты Ирма гладит Педро по голове, целует его, потом кивает на дверь, ведущую из комнаты. Педро покорно отправляется туда, куда ему приказывают. Выходит и сразу же возвращается.

Педро.— Ушли.

Ирма бежит в свою комнату, на ходу оглядывается, нет ли кого, указывает на открытое окно и кричит Педро.

Ирма.— Они еще не дошли до ворот.

Педро выпрыгивает из окна в сад; идет сильный дождь, Педро, крадучись, медленно скрывается в темноте сада. Ирма — в окне, готовится прыгнуть. Услышав шум дождя, колеблется.

Камера следует за Педро. Он идет по одной из двух дорожек, которые то сходятся, то расходятся. От последнего пересечения начинается аллея. Педро видит удаляющуюся женскую фигуру. Он узнает плащ Ирене.

Педро бросается за ней, догоняет, сбивает с ног и душит. По улице проезжает автомобиль, его фары освещают лицо убитой женщины: это Ирма.

Бриссак и Ирене подходят к воротам. Они закрыты. Слышатся чьи-то шаги.

Бриссак.— Попытаемся уйти задворками. Надо обогнуть дом.

Смена плана.

В ту же самую ночь. Ансельми в Буэнос-Айресе идет по бульвару Колумба — в северные кварталы.

Спустя какое-то время мы видим его в баре на улице Леандро Алама. Сидит, облокотившись о мраморный стол, перед ним рюмка.

Ансельми идет по причалу. Он изнурен, устал, и ему хочется спать. Потом видим его безвольно растянувшимся на дощатом настиле.

Открывает глаза, приподнимается и смотрит по сторонам блуждающим взглядом. Видит крытую галерею, темные фасады домов и один ярко

освещенный. Подходит к нему. Собирается перейти дорогу; в этот момент в полосе света останавливается автомобиль. Из него выходят Ларрен и женщина, похожая на Ирене. Входят в дом со стеклянной дверью, на которой то зажигается, то гаснет слово: «Стикс». Вход караулит охранник, подтянутый, с военной выправкой, в нем есть нечто от казака. (Этот охранник, вполне вероятно, — один из телохранителей Моргана.)

Ансельми переходит на другую сторону улицы, рядом с дверью зажигается прямоугольник света: огромная освещенная витрина. Ансельми искоса смотрит на охранника. Подходит к окну и осторожно заглядывает в него — так, чтобы охранника не заметил. Внутри танцуют пары, все в карнавальных костюмах; смутно угадываются треуголки, звериные головы, митры, арлекинские ромбы. Слышится музыка «Till Tom Special».

Охранник (сердечно). — Можете войти. Дом открыт для всех.

Ансельми входит и оказывается в зале маленького театра, роскошного, отделанного по-старинному, в стиле Второй империи. Зал узкий, но высокий, с несколькими ярусами лож. Там, где должны располагаться ряды кресел, в партере, танцуют. Вдоль стен — столики, на каждом — лампа с абажуром. Ансельми пытается пройти дальше, но людей так много, что поначалу он не может и шагу шагнуть. Никто не обращает на него внимания. Пробирается вдоль стен к одному из столиков. Присаживается и устало, в изнеможении роняет голову на грудь. Вновь поднимает голову и видит в стороне от танцующих Ирене, сидящую за столиком с Лорреном и Кубином. С тревогой смот-

рит на нее. В какой-то миг их взгляды встречаются. Он машет ей рукой; она не видит его. Ирене встает и направляется к нему; когда подходит совсем близко, неожиданно разворачивается и, по-прежнему не замечая его, скрывается в дверях, ведущих на лестницу. Ансельми пытается идти за ней, но танцующих так много, что он вынужден вернуться к столику. Немного спустя в самой верхней ложе, почти под самым потолком, видит Ирене.

Ансельми (официанту, показывая на ложе).— Какая это ложа?

Официант.— Ложа верхнего яруса, номер девятнадцать.

Ансельми поднимается по безлюдной лестнице, на площадках между маршами — пепельницы и скульптуры (одна из них — черная статуэтка с виллы Моргана). Поднимается на последний этаж; читает табличку: «Верхний ярус». Стучится в дверь 19-й ложи. Входит. Прежде чем Ансельми успевает заговорить, Морган указывает ему ложу этажом выше, там — Ирене.

Морган.— Ирене в смертельной опасности. Но если вы ее отыщете, то, может быть, еще сможете спасти и ее и себя.

Ансельми смотрит на Моргана; тот кажется изможденным, бледным, постаревшим и очень больным.

Ансельми (вежливо).— Я вам не нужен? Тогда я вынужден оставить вас одного.

Морган.— Я привык оставаться один. Я всегда и всюду — в одиночестве.

Ансельми уходит. Поднимается еще на два этажа выше. (Ремарка: поначалу надо было подняться

в ложу номер 19 на последнем этаже; теперь необходимо пройти еще выше.) Входит; дверь открыта. Внутри ужинают Ирене и Ларрен. Ансельми безуспешно пытается привлечь внимание Ирене. Слышит шаги; видит, как по широкой винтовой лестнице спускается Порфирио Росалес. Ансельми в замешательстве, бежит по второй винтовой лестнице, параллельной первой. Порфирио преследует его. Ансельми на одном из поворотов замечает, что между Ирене и Ларреном вспыхивает ссора. Продолжает подниматься; на следующем повороте видит, что Ларрен выхватывает револьвер и стреляет в грудь Ирене. Одним прыжком одолевает остаток подъема и вбегает в ложу. Ларрена там нет. Ирене лежит на полу мертвая. Ансельми склоняется над ней, достает из кармана обручальное кольцо и надевает ей на палец. Поднимается; видит возле лестницы Ларрена. Гонится за ним вниз по лестнице. Театр пуст. Темно, поэтому в некоторых местах лестницы кажутся бесконечными. На одном из поворотов Ансельми замечает: Ларрен, уже довольно далеко внизу, открывает лаз в полу и скрывается там. Ансельми сбегает по лестнице и тоже спускается в люк. Он оказывается снаружи театра; место открытое, вокруг — деревья (улица на окраине Темперлея, где однажды ему повстречалась повозка булочника). Ларрен исчез. На земле, в том же положении как и в ложе, лежит Ирене. Ансельми берет ее на руки; она приоткрывает глаза.

Ансельми. — Наконец-то я с тобой!

Ирене (нежно проводя рукой по его волосам). — Не знаю, со мной ли ты, Рауль. Я стала другой, и это — твоя вина.

Множество причудливых теней падают ей на лицо. Ансельми оборачивается и обнаруживает, что его окружили со всех сторон какие-то люди в огромных карнавальных шляпах. Это Ларрен, Кубин и бандиты Моргана. Надвигаются на Ансельми, стреляют в него из револьверов. Ирене исчезла; Ансельми падает замертво. Кубин и другие, в огромных митрах и масках, склоняются над Ансельми.

Кубин.— Спит. Скоро проснется.

Ансельми спит на полу опустевшего склада. Его окружают Кубин и люди Моргана, они уже не в карнавальных костюмах. С ними некий господин (Ромуальдо Роверано), по виду местный житель, чьи черты лица если не чудовищны, то, без сомнения, безобразны. На нем пенсне, шляпа, плащ, в руке — зонт. Все заботливо смотрят на Ансельми. (Ремарка: пока Ансельми спал, звучала мелодия «Till Tom Special»; теперь же слышен шум города.)

Ансельми (слабо пытаясь шутить).— В каком положении вы меня застали!

Кубин.— Наше ненамного лучше.

Ансельми недоверчиво смотрит на него.

Кубин (не скрывая раздражения).— Не верите? (Пауза.) Какой суммой, по вашему мнению, исчисляется капитал нашей организации?

Ансельми с трудом садится.

Ансельми.— Понятия не имею. Вы что, хотите попросить взаймы?

Роверано (негодующе).— Без шуток. Имейте уважение к месту, где мы встретились. (Обводя жестом склад.)

Кубин (не обращая внимания на слова Роверано; непреклонно).— Две тысячи семьсот сорок

песо. Ни копейки больше! Знали бы вы, сколько пожирает в месяц эта орава!

Ансельми смотрит на него с удивлением.

Кубин (*повторяет фразу, сказанную ранее, с той же интонацией*).— Не верите?

Кубин достает пачку денег. Размахивает ими перед носом Ансельми.

Кубин.— Хотите? Пересчитайте! Забирайте! Для нас они не имеют никакого значения.

Показывает на огромное здание. По виду — многоэтажная башня.

Кубин.— Эта башня — Банк. В воскресенье, еще до захода солнца, все золото в его сейфах будет нашим, или мы ничего не получим и ничего не сможем пересчитать, потому как уже станем покойниками.

Роверано (*задумчиво*).— Предпочитаю первый вариант.

Кубин.— Это менее всего вероятно. Дело трудное, почти невозможное. Именно поэтому мы за него и беремся. Организация Моргана не может влачить жалкое существование. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. (*Часы на башне Ретиро пробили полночь. Кубин продолжает уже другим тоном.*) Ладно, Ансельми, берите деньги и прощайтесь с нами. (*Пауза.*) Мы уходим.

Ансельми (*вставая*).— Уберите деньги. Я иду с вами. (*Пауза.*) Быть может, это судьба. (*Говорит сам с собой.*) Надеюсь, что меня убьют.

Все уходят. Подходят к припаркованному грузовику. Кубин о чем-то договаривается с водителем. Рядом с башней, на которую готовят налет, — стройка. Идущие скользят как тени между строительных лесов, проникают за ограду и оказыва-

ются в маленьком внутреннем дворике. В высокой стене — почти не заметная дверца. Реверано отпирает ее. Входят в просторный зал, тихий и освещенный. Там — большие запертые двери, по виду неприступные. Длинные коридоры, которые скрываются вдали. Кубин отдает приказания. Налетчики разбиваются на группы и удаляются по коридорам. Ансельми идет с двумя: один из них — белокурый юноша. Остальные открывают ворота, чтобы впустить грузовик. Остаются только Кубин, Роверано и двое невозмутимых телохранителей.

Роверано (Кубину).— Нужно все сделать так, чтобы остался незабываемым принцип моей личной безопасности. Даже и тень подозрения не должна пасть на доброе имя жены Цезаря!

Произнеся последнюю фразу, Роверано ударяет себя кулаком в грудь.

Кубин.— Не беспокойтесь. Парень, который неожиданно-негаданно свалился на нас, как раз для этого и послужит.

Роверано.— Парень этот должен умереть. Его обезображенный труп, выряженный в эту одежду (выразительно трясет полами своей одежды), станет неопровержимым свидетельством того, что я, Ромуальдо Роверано, образцовый служащий, пал на своем посту, защищая банк.

Кубин (глядя на часы, одному из телохранителей).— Сходите посмотреть, что там у Форкеля, в комнате контроля за сигнализацией.

Роверано (с энтузиазмом).— О, как заманчиво! Парнишка погибает. Я исчезаю, а потом вновь легко воскресаю где-нибудь в Карраско, на Копакабане, в Монте-Карло или даже в самой Барселоне. До сегодняшнего дня моя жизнь была

неприметной. Получив львиную долю, я открою неограниченный кредит своим порокам. Кафешантаны, карнавалы, конфетти, красотки. «Турбийон», танго, токай, топазы, тапиока. Короче, нужен труп.

Кубин (серьезно).— Успокойтесь. Уверяю вас, труп обязательно будет.

Ансельми и двое сопровождающих поднимаются по очень высокой лестнице. Добираются до самого верха; один из сопровождающих оказывается за спиной Ансельми.

Проходят в галерею, которая, начинаясь от центрального холла, обвивает здание башни целиком, сверху донизу. Полы покрыты наборным паркетом с орнаментами и картинами. Арка балюстрады, которая ограждает галерею от холла, в одном месте выломана и приставлена к стене напротив. Ансельми входит в дверь, что находится в глубине аркады; обходит пролом, плотно прижавшись к стене; сопровождающие следуют за ним, прижавшись к стенам еще плотнее. Один из них набрасывается на Ансельми, тот уворачивается и ускользает от удара; нападающий падает в пролом; разбивается; видим его сверху — он лежит со скрещенными руками. Второй выхватывает револьвер. Ансельми бросается на него. Завязывается борьба. С дальнего конца здания доносится выстрел. Ансельми выхватывает револьвер у соперника. Оба спускаются вниз; Ансельми следует немного позади, приставив револьвер к спине нападавшего. Направляются по коридору, который аркадой соединяется с лестницей. В конце коридора показываются Кубин и его люди. Воспользовавшись минутным замешательством Ансельми, белокурый юноша бросается навстречу

своим товарищам. Убегает с улыбкой облегчения. Кубин и телохранители открывают огонь. Почти добежав до них, юноша падает, смертельно раненный в грудь. Умирает в недоумении. Выше, в коридорах, появляются охранники, вспыхивает перестрелка между охранниками и бандой Кубина. (Ансельми в перестрелке не участвует.) Звуки выстрелов сопровождаются завыванием сигнала тревоги. Один из охранников падает. Налетчики убегают. Некоторые из них тащат ящики и переправляют их в грузовик. Роверано отпирает дверь и пропускает Кубина и остальных. Грузовик выезжает из широких ворот. Ансельми входит в коридор, по которому бандиты проникли в банк.

Камера возвращается к Кубину и Роверано. Те стоят в маленьком проходном дворике, где находится небольшой ручной насос и счетчик газа. Место весьма уединенное и тихое.

Роверано (возбужденно).— Ограбление состоялось. Вы мне должны отдать мою часть. Надо ли напоминать, что она принадлежит мне по праву. Если не все получилось как надо, то в этом виноваты только вы сами. Вы и пальцем не пошевелили, чтобы хоть как-то защитить меня, даже не пристрелили этого парня!

Кубин (не скрывая усмешки).— Сеньор изволит сердиться? Да, вместо того, чтобы убить его ipso facto, я уступил своей артистической натуре и немного запутался в этом спектакле о бедности и опасности. Хотелось воспользоваться им прежде, чем убить. А сейчас — птичка выпорхнула из клетки. (Свистит, разводя руками.) И улетела!

Роверано (непреклонно и возбужденно).— Вы сказали: «Улетела». Из-за вашей глупости, из-за

вашей непростительной глупости. (*Показывает пальцем на Кубина.*) Наш великолепно разработанный план почти что провалился. Нет даже трупа, который мне так нужен!

Кубин (*спокойно*).— Не беспокойтесь. По этой части план будет выполнен полностью. Труп обнаружат. На нем будет ваша одежда. И даже не потребуется обезобразивать лицо.

Кубин выхватывает револьвер и убивает Ровэрано.

Смена плана.

Ансельми — уже на улице, видит Кубина и его людей, садящихся в грузовик; банда уезжает. Из дверей банка выходят какие-то люди. Ансельми неторопливо идет на вокзал.

Ансельми глядит через окно поезда; занимается утро. Видит повозки, запряженные тройкой лошадей. Поезд проходит сначала Барракас, потом Риачуэло.

Комната Ансельми. Его будит свет, проникающий сквозь ставни. Ансельми со страхом озирается по сторонам. Он спал не раздеваясь. Встает, наскоро моет лицо и волосы, выходит на улицу растрепанный, с развязанным галстуком. Еще очень рано. Улицы пустынные, ставни закрыты. На мостовой у тротуара стоит тележка молочника.

Ансельми подходит к дому Ирене. Стучит в дверь. Стучит несколько раз. Никто не открывает. Ансельми в нерешительности. По улице, прихрамывая, идет шарманщик.

Ансельми.— Как странно. Никто не открывает. (*Пауза.*) Хотя еще очень рано.

Шарманщик.— И вправду, все очень странно. Иду это я тут неподалеку сегодня ночью и ста-

новлюсь свидетелем — хотя лучше сказать, жертвой — происшествия с участием каких-то подозрительных личностей. Я был не более чем в ста метрах от вашего дома, рядом со «Львом из Армении». Вдруг, откуда ни возьмись, появился автомобиль, который вчера днем я видел на вилле Олиден. Ваша невеста, сеньор, с каким-то солидным мужчиной села в машину. Она выронила букетик фиалок. Невзирая на дождь — кстати, такой нужный для будущего урожая, — я бросился поднимать его. Испугался, что машина уедет. Подхватил букетик, обернулся, и в этот момент автомобиль чуть не сбил меня. Если бы я не отпрыгнул, то погиб бы. Вот какое дело! Будто они хотели не оставить в живых никого из свидетелей.

Ансельми смотрит на него и быстро уходит.

Ансельми идет на виллу Моргана. По дороге встречает грузовик с парнями, которые привозили его к Ларрену.

Передняя дома Моргана. Ансельми ходит из угла в угол. За круглым столиком какие-то люди Моргана играют в карты. Среди них — старик, по виду креол, в шароварах и альпаргатах. Играют в труко, степенно и неторопливо. Время от времени слышатся голоса (почти все — с иностранным акцентом).

Г о л о с а. — Взятка. Карту, меняю. *(Пауза.)* Понт. Пас. Взятка.

Настойчиво и громко стучат в дверь. Один из игроков открывает. Входит Ларрен, отодвигает охранника в сторону.

Ларрен (неожиданно раздраженно). — Скажите Моргану, что пришел Педро Ларрен. *(Повышая голос.)* Пусть примет меня немедленно.

Игроки отодвигают карты, за исключением креола, который явно не понимает, что происходит.

Креол (*Ларрену, миролюбиво укоряя*).— Сеньор, без вас было все так тихо и спокойно. Я учу играть в карты этих иностранцев, а вы мне помешали своим приходом.

Пока креол говорит, на верхней ступеньке лестницы появляется человек.

Ларрен.— Заткнись, пьянь!

Креол (невысокого роста) встает, неторопливо вытаскивает из-за пояса нож и идет вразвалочку к Ларрену, стоящему у лестницы. Тот выхватывает револьвер и наводит его на креола. Креол идет не останавливаясь. Ларрен выстрелом в лицо убивает его. Затем опрокидывает игровой столик (стол, карты, бутылки и стаканы падают в сторону зрителя) и с чувством превосходства оглядывает присутствующих.

Ларрен.— Я пришел сюда задать жару всем людям Моргана.

Молчание. Неожиданно подает голос Ансельми.

Ансельми.— Я не понял, что вы тут говорили, я не человек Моргана. Но сдаётся мне, что ваш поступок говорит об отвратительной трусости.

Вмешательство Ансельми сильно обескураживает Ларрена. Ансельми разворачивается и бьет его кулаком, выхватывая револьвер.

Ларрен (*усмехаясь*).— Решили руку размять, да? Но вы-то, такой разборчивый, тонкая натура, что вы делаете среди этого отребья? Может быть, я и убийца, но ваш патрон — предатель и лгун. Знайте же, что Морган приказал мне дозвониться и вызвать Абдулмалика, своего лучшего друга. А даль-

ше что? Кто-то из его людей, неважно кто (*многочисленно смотрит на Ансельми*), убивает Абдулмалика. И со мной то же: как ни в чем не бывало, решил кинуть меня с банком. Но я им покажу, кто такой Ларрен.

Люди Моргана медленно обступают Ларрена со всех сторон. Человек, который был виден на лестнице, снова появляется на верхней площадке и знаком приказывает им отойти. Ларрен и Ансельми остаются стоять на месте.

Ансельми.— Мне это все безразлично. Вы только что убили человека; я тоже мог бы убить человека. Но я этого делать не буду, потому что вы — уже покойник. Ваша судьба — помереть так же, как вы жили, в предательстве и преступлении. Пусть вас убьют вам подобные, когда придет время. (*Другим тоном.*) Я понял одно: это дело не мое, я не убийца и не палач.

Человек, стоявший на лестнице, исчезает из кадра.

Ларрен внимательно слушает Ансельми. Затем спокойно и размеренно отвечает.

Ларрен.— Быть может, вы правы, но моя жизнь — сама жестокость. Если мне удастся выйти отсюда живым, я убью всех, кто тут есть, в том числе и вас, того, кто мне так заехал по лицу. Поэтому взведите курок и убейте меня, пока я не убил вас.

Сверху спускается человек, который с площадки лестницы наблюдал за всем происходящим.

Ансельми.— Что правда, то правда: я должен был бы вас убить; но, быть может, всему виной моя слабыхарактерность... Дело в том, что я не могу убить человека, даже вас.

Ансельми протягивает Ларрену оружие. Затем, задумавшись, с усмешкой отдергивает руку.

А н с е л ь м и.— Пожалуй, не стоит возвращать его вам. Наша схватка еще не закончена, а вы сразу же меня убьете. Но мне оружие не нужно: ни это, ни любое другое.

Ансельми выбрасывает пистолет в окно и поднимается по лестнице. Прежде чем люди Моргана успевают сообразить, что к чему, Ларрен распахивает дверь и убегает.

Человек, стоявший на лестнице (Ансельми).— Идите к шефу.

Полностью повторяется маршрут, по которому Ансельми следовал в первый свой визит к Моргану. Провожатый идет за ним до винтовой лестницы. По лестнице Ансельми поднимается один. Входит в кабинет Моргана. Спиной к вошедшему, в кресле, за столом восседает шеф, как и в первый раз, отбрасывая на стену огромную тень. Он оборачивается, усмехается, с издевкой приветствует Ансельми: это Элисео Кубин (на нем — плащ Моргана).

На столе — чернильный прибор, колокольчик, лежит гусиное перо. На полу — ящики, добытые в банке.

К у б и н.— Какая неудача! Какая неудача! (Возбужденно.) Только представить себе, сколько всего вам пришлось испытать, чтобы добраться до Моргана,— а попасть ко мне! С недавних пор Морган — всего-навсего заключенный и находится полностью в моей власти. Я устранил его. И теперь Морган — это я!

Произнося последнюю фразу, Кубин бьет себя кулаком в грудь.

Ансельми (*твердо*).— Мне это безразлично.
Где Ирене Крус?

Кубин (*бьет себя по лбу*).— Надо подумать!
Вас интересуеет эта женщина...

Кубин звонит в колокольчик, который стоит тут же, на письменном столе. Незамедлительно появляются два телохранителя; входят через дверь с террасы, за спиной у Ансельми.

Кубин (*телохранителям*).— Приведите женщину, ту, что приехала ночью.

Ансельми, поколебавшись, садится напротив Кубина. Телохранители удаляются.

Кубин (*заговорщицки*).— Дело в том, что именно я всегда и был Морганом. (*Разводя руками в стороны.*) Умысел, сокрытый маской всесиллия! Морган там, Морган здесь, повсюду — великий Морган. И никто не замечал Элисео Кубина, его доверенное лицо. Я ползал по земле, отбивал поклоны. Но в глубине души я ненавидел его!

Кубин вскакивает, расхаживая по комнате, жестикулирует.

Ансельми (*презрительно*).— Понимаю: раньше была ложь, теперь — предательство и убийство.

Кубин (*пожав плечами*).— Не будем зря тратить слов. Не стоит жалеть Моргана: у него не было никакой жалости, когда он убил вашего отца.

Ансельми глядит ошарашенно. Кубин торжествует.

Кубин.— Люди такие недалекие. Все верили в Моргана. (*Скромно, в добром расположении духа.*) Ну, это понятно: кто же по-настоящему разглядит его во мне. (*Продолжает говорить.*) Даже сам Ларрен и тот верил в Моргана. Стоило мне лишь

потрясти этим чучелом, и Ларрен тут же поверил и согласился. Я более велик, чем Морган!

Ансельми встает.

Ансельми (*презрительно*).— Только подумайте: какую замечательную историю вы мне поведали. Но я не могу больше терять время. Пойду сам искать Ирене.

Кубин размеренно звонит в колокольчик. Входят телохранители и по сигналу Кубина хватают Ансельми.

Кубин.— Ваша поспешность восхитительна, но неумна. Выслушайте меня до конца, и вы измените свое решение. Попробуем договориться! Абдулмалик был старинным другом Моргана. Тот в шифрованном послании передал через вас, что мы собираемся его убить. Я догадался об этом тут же и решил убрать Абдулмалика. Я сделал так, что все подозрения пали на вас. Я был уверен, что вы первый поймете, что значит действовать спокойно, без эмоций: поступать разумно, в со-от-вет-ствии с об-стоя-тель-ствами.

Ансельми.— И вправду, вы — лучший образец людей вашего типа.

Кубин (*не обращая внимания на сарказм*).— Ансельми, я предлагаю вам следующее! Мы с вами станем во главе организации. Ваше поразительное обаяние, ваше врожденное благородство станут нашими лучшими верительными грамотами. И дабы избавить вас от ложной скромности, скажу: за вашей спиной всегда, подсказывая нужные слова, направляя даже самые ничтожные поступки, будет стоять старый друг и наставник. Разум, разум, разум!

Произнося «старый друг и наставник», Кубин неистово колотит себя кулаком в грудь.

Ансельми, не в силах выразить словами свое отвращение, смотрит на Кубина с ненавистью.

Кубин (уязвленно).— Не желаете? (Звонит в колокольчик.) Тогда смотрите, как я поступаю с непокорными.

Появляется телохранитель, Кубин что-то шепчет ему на ухо. Телохранитель удаляется. Кубин подходит к окну и ждет нетерпеливо, с любопытством. (В его движениях проскальзывает нечто обезьянье.)

Появляется Даниэль Эспиноса, с обеих сторон его поддерживают телохранители Кубина. Лицо Эспиносы — со следами побоев, глаза заплыли. Кубин пододвигает ему кресло. Телохранители его усаживают. Эспиноса — с поникшей головой, безвольно висящими руками — неподвижен и обессилен.

Кубин (кричит, будто Эспиноса далеко).— Эспиноса! Эспиноса!

Телохранитель отвешивает оплеуху Эспиносе. Голова, будто подвешенная на веревке, от удара безвольно болтается из стороны в сторону.

Телохранитель (Эспиносе).— С тобой разговаривает шеф.

Кубин делает нетерпеливый жест, показывая охраннику, что недоволен. Затем склоняется почти к самому уху Эспиносы.

Кубин.— Расскажите, как умер Морган. Говорите, не бойтесь, ничего страшного уже не случится.

В этом месте появляются выразительные и яркие кадры: все взрывается и распадается на куски, остается лишь один какой-нибудь элемент: разрушенная наводнением дамба; крутой склон горы, развороченной динамитом, с кучами земли и пучками растений; скалы после схода снежной лавины; обрушившаяся от пожара стена.

В последних кадрах на фоне разрушений просвечивается лицо сидящего Эспиносы.

Эспиноса.— Я расскажу, как умер Морган. Не могу говорить о чем-то другом. Не могу думать о чем-то другом. До конца света. *(Пауза.)* Я хотел спасти Моргана. Но меня раскусили.

Появляются далекие, расплывчатые, будто из старинного немого кино, кадры,— как комментарий к словам Эспиносы.

Комната с высоким потолком, Эспиноса пытается вылезти из окна. Его хватают. Мы видим эту сцену из глубины комнаты; за окном внизу, с другой стороны дворика, видим Ансельми и телохранителя, которые смотрят в камеру.

Эспиноса.— Я пытался покончить жизнь самоубийством. *(Пауза.)* Потом мне угрожали смертью моей бедной доченьки. Потом наступил финал. Я помог ему одеться. Я должен был протянуть ему костыли. Я не сделал этого.

На переднем плане: Морган стоит ожившей покачивающейся статуей на полу, расчерченном, как шахматная доска. Эспиноса отправляется за костылями, прислоненными к стене. Кто-то — неясный силуэт — появляется в дверях. Эспиноса, взявший костыли, роняет их. До этого момента сцена была немой; теперь ясно слышен стук падающих костылей. Камера наезжает, крупный план: падающие костыли — запоминающийся живой кадр. Далее следуют сцены в режиме стоп-кадра. Морган пытается добраться до костылей; падает; в это мгновение мы видим его лицо. Видны ноги человека, который приближается к Моргану. Слышится выстрел. Морган умирает. Камера поднимается выше; мы видим руку с ре-

вольвером; затем лицо убийцы — это Даниэль Эспиноса.

Эспиноса (с паузами).— Я говорил о своем намерении убить Моргана. Поэтому меня выбрали палачом. Именно меня, чтобы никто и никогда не смог их заподозрить.

Стоп-кадр: лицо Эспиносы. Голова упала на грудь, лицо осунулось, глаза закрыты, он неподвижен. Пока рассказывается история гибели Моргана, крупным планом показывают лицо Эспиносы, снова впавшего в забытие. Камера отъезжает. Видим Эспиносу, сидящего в кресле, Кубина, его людей и Рауля Ансельми.

Кубин (после паузы, нетерпеливо).— Говори! Что дальше?!

Эспиноса не отвечает. Кубин встает из кресла, вглядывается в него, покачивая головой из стороны в сторону.

Кубин (закончив осмотр).— Увы, больше он ничего не скажет. Мертв.

Кубин снова усаживается в кресло.

Кубин.— Ладно. Я сам закончу рассказ. Оставалось только избавиться от тела. Этим тоже занялся тот, кто его убил! В ту же ночь Эспиноса, схваченный моими людьми, оттащил труп к железной дороге. (Вскинув руки в притворном ребячливом ужасе.) Поезд перемолол его на кусочки!

Снаружи слышится перестрелка. Кубин подходит к окну.

Кубин.— Этого еще не хватало! Люди Ларрена напали на нас. (Телохраниителям.) Все живо по местам!

Слышны выстрелы. Из стенного шкафа Кубин выхватывает винчестер.

Кубин.— Ансельми, запомните этот миг: Кубин вступает в бой.

Едва сдерживая гнев, Кубин распахивает одно за другим окна, целится и стреляет. Один из нападающих карабкается по решетке ограды; выстрел Кубина сбивает его оттуда. Пуля настигает Кубина, он роняет винчестер и падает. Пули разбивают витражи. Ансельми выскакивает в дверь, которая ведет на крышу.

Смена плана.

Открывается дверь, появляется Ирене; видно, что в комнате никого нет; Ирене пробегает через нее. Собирается войти в следующую и вдруг обнаруживает Педро (гиганта), облокотившегося о подоконник. Ирене замирает. Педро падает навзничь. Он мертв. Перестрелка не прекращается.

Ирене входит в широкий зал с колоннами; наверху, по центру,— широкий прямоугольный проем, от которого начинается галерея верхнего этажа. Навстречу Ирене от дальней двери идет Ансельми. Окна выходят в сад; люди Кубина отстреливаются; Ирене и Ансельми сжимают друг друга в объятиях. За окном кто-то падает замертво. Звуки выстрелов удаляются. Ирене и Ансельми пригибают головы.

Смена плана.

Ларрен выстрелом в замочную скважину открывает дверь в вестибюль. В комнате — перевернутый стол, карты, разбитая бутылка, стаканы и человек, убитый Ларреном.

В комнате — Ирене и Ансельми. Перестрелка не прекращается. Ирене и Ансельми лежат ничком на полу; переговариваются, забыв об опасности, будто в экстазе.

Ир е н е.— Кажется, прошла целая вечность! Хотя все случилось только прошлой ночью: как во сне — меня похищают, а до этого я говорю с сеньором Эспиной, а еще раньше *(с улыбкой достает из матерчатой сумочки и протягивает Ансельми)* мне передали письмо для тебя.

А н с е л ь м и *(с усмешкой)*.— Посмотрим, что еще приготовила нам жизнь.

Ансельми вскрывает конверт, принимается читать письмо.

А н с е л ь м и.— Ирония судьбы. Инженер Ланди сообщает мне, что я могу получить шесть с половиной тысяч песо. За сделанную мной опись, о которой мы с ним говорили. Ирене, поместье спасено.

Ир е н е.— Поместье? Нет, только дом. Мы потеряли поместье уже несколько лет назад. Пока у меня есть дом, я могу жить в нем со своей сестрой, мне не придется отправлять ее в лечебницу. Моя бедная сестра — сумасшедшая.

Входит Ларрен, направляется к Ансельми и Ирене с пистолетом в руках; незаметно подкрадывается к ним. С галереи на Ларрена бросается Бриссак; падая, сбивает его с ног; завязывается борьба; оба вскакивают на ноги. Пуля, влетевшая через открытое окно, убивает Ларрена.

Бриссак делает знак Ирене и Ансельми, они идут за ним. Все трое проходят через внутренние дворы и убегают через сад. Перестрелка смолкла. Наблюдают, как полиция врывается в дом. Затем втроем подходят к железной дверке, скрытой за огромной бамбуковой циновкой.

Б р и с с а к.— Войны обретут рай. Но не так уж плохо вернуться на землю, к мирной жизни. *(Машет рукой в сторону улицы.)*

Ансельми (*задумчиво*).— Повторите, что вы сказали насчет рая.

Бриссак.— Запомнилась одна фраза, которую я услышал от Моргана. Мусульмане говорят, что рай находится под сенью мечей. Морган мне рассказывал: в притонах Александрии, когда кто-то погибал, обычно говорили, что тот обретается в Раю Господнем.

Ансельми.— Я только сейчас наконец-то понял послание, которое должен был доставить Абдулмалику.

Раздается выстрел.

Бриссак (*указав на дверцу*).— Скорее уходим.

Ансельми.— Я остаюсь. Мне надо еще кое-что выяснить.

Бриссак (*открывая дверцу*).— Моя единственная ученица погибла. Мне надо найти другую. (*Выходит; с улицы — Ирене*). Не желаете стать ею?

Ирене.— Боюсь, что нет. Я остаюсь здесь, с Раулем.

Бриссак отвечает низкий поклон и уходит. Затем возвращается и, разведя руки, как на сцене, говорит, обращаясь к зрителям.

Бриссак.— Я дожил до финала своей пьесы. Герой и героиня будут счастливы!

КОНЕЦ

Ринкон Вьехо, 20 февраля 1950 года

Приложение

**ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ А. БИОЙ КАСАРЕСА
«ИЗОБРЕТЕНИЕ МОРЕЛЯ»**

Кажется, в 1882 году Стивенсон заметил, что английские читатели с пренебрежением относятся к приключенческим произведениям и считают, что было бы куда лучше писать романы без сюжета или с сюжетом донельзя ослабленным, атрофированным. В «Дегуманизации искусства» (1925) Хосе Ортега-и-Гассет занят обоснованием отмеченного Стивенсоном пренебрежения и на странице 96 указывает, что «сегодня чрезвычайно трудно придумать такую приключенческую историю, какая была бы способна затронуть лучшие струны нашей души», а на странице 97 добавляет, что подобное «практически невозможно». На других страницах, почти на всех страницах, он высказывается в пользу «психологического» романа и объявляет наслаждение от приключенческих книг несуществующим либо детским. Таким, несомненно, было общее мнение в 1882 и в 1925 годах, таким оно остается и в 1940-м. Но некоторые писатели (и среди них я с удовольствием называю Адольфо Биой Касареса) совершенно справедливо не согласны с подобным утверждением. Коротко изложу здесь причины такого несогласия.

Прежде всего (парадоксальность своего суждения я не намерен ни подчеркивать, ни приуменьшать), приключенческому роману свойственно неукоснительное соблюдение законов жанра. Роман

характерный, «психологический» склонен стать бесформенным. Русские писатели и их приверженцы показали — до тошнотворности, — что все позволено: самоубийства от счастья, убийства от благодати; появились персонажи, любящие друг друга до того, что готовы навсегда разлучиться, доносчики из гордыни либо смирения. Сия полная свобода грозит закончиться полным крахом. С другой стороны, «психологический» роман желает быть также и романом «реалистическим»: он хотел бы, чтобы мы забыли его искусственную словесную природу, и со всей тщетной определенностью (или со всей немощной неточностью) пытается создать новое правдоподобие. У Марселя Пруста есть страницы, есть главы, неприемлемые для изобретателя вымыслов: мы, сами не сознавая этого, смиряемся с ними как с ежедневной банальностью и ленью. А у приключенческого романа нет ни малейшего намерения стать описанием реальности: он искусственен и ни в коей мере не страдает от этого. Опасение повторить повествовательное своеобразие «Золотого осла», семи путешествий Синдбада или «Дон Кихота» заставляет его неукоснительно следовать законам жанра.

Я изложил причину интеллектуального порядка; есть и другие, эмпирического характера. Все мы сетуем, что наш век не способен соткать нить увлекательной интриги; никто не осмелился доказать, что если у нашего века и есть какие-либо преимущества по сравнению с предшествующими, то именно в создании интриг. Стивенсон — более страстный, более разнообразный, более светозарный и, пожалуй, более достойный нашего дружеского участия, чем Честертон, но сюжеты, которые он избирает, — из наихудших. Де Куинси, в ночи не-

скончаемых кошмаров, погружался в сердце лабиринтов, но unutterable and self-repeating infinities¹ не сумел отчеканить в золоте притч, способных сравниться с притчами Кафки. Ортега-и-Гассет справедливо замечает, что «психология» Бальзака нас удовлетворить не может, но то же самое можно сказать и о его сюжетах. Шекспира, Сервантеса воодушевляла странная идея: девушка, не скрывая своей красоты, добивается того, что все принимают ее за мужчину; нам сейчас такое развитие действия не представляется возможным. Я далек от суеверного преклонения перед современностью, от какой-либо иллюзии относительно того, что вчера внутренне отличается от сегодня или сегодня будет отличаться от завтра, но полагаю, что ни в какую другую эпоху не появлялись произведения с такими великолепными сюжетами, как романы «Поворот винта», «Процесс», «Путешественник по земле», как этот, что создан в Буэнос-Айресе Адольфо Биой Касаресом.

Полицейский роман — новый жанр, типичный для века, каковой не способен придумывать сюжеты, — повествует о загадочных явлениях, которые затем оказываются логически оправданными и объясненными; Адольфо Биой Касарес на страницах своего романа, с легкостью разрешает, может быть, самую трудную проблему литературы. Он развертывает перед нами истинную одиссею чудес, которые могут показаться нам галлюцинацией либо символом и которые автор полностью объясняет посредством фантастического, но не сверхъестественного постулата. Опасение преждевременно либо частично раскрыть фабулу романа не позволя-

¹ Невыразимые и самоповторяющиеся бесконечности (англ.).

ет мне касаться сюжета или продуманной изящности его исполнения. Достаточно сказать, что Биой литературно возрождает идею, которую Святой Августин и Ориген опровергли, которую Луи Огюст Бланки логически обосновал и о которой Данте Габриэль Россетти сказал памятной мелодией стиха:

I have been here before,
But when or how I cannot tell:
I know the grass beyond the door,
The sweet keen smell,
The sighing sound, the lights around the shore...¹

Произведения, созданные воображением ума, на испанском языке появляются не часто, даже до чрезвычайности редко. Классики использовали аллегорию, сатирическое преувеличение и подчас просто словесную невнятицу; из произведений недавнего времени можно вспомнить, пожалуй, только какой-либо рассказ из книги «Чуждые силы» и какой-либо рассказ несправедливо забытого Сантьяго Дабове. «Изобретение Мореля» (в самом названии — сыновняя дань другому островному изобретателю: Моро) приносит на нашу землю и в нашу литературу новый жанр.

Я подробно обсуждал с автором сюжет романа; я перечитал произведение и не думаю, что не прав или преувеличиваю, утверждая: оно — совершенно.

¹ Я здесь бывал ли наяву
Хоть раз? Когда?.. Но узнаю
Обвившую порог траву,
В саду скамью,
Огни на берегу и моря синеву (англ.).

— Когда вы начали работать с Биой Касаресом?

— С Касаресом произошла очень странная вещь. Он начал публиковать весьма экстравагантные книги... между тем он не любил экстравагантности. Он постоянно ругал модернистов, язвил по их поводу.

Он опубликовал несколько книг. Теперь, когда к нему приходят гости и он не знает, чем их занять, он достает одну из них и читает ее вслух, чтобы люди посмеялись.

Так продолжалось некоторое время. Каждая публикация Биоя несколько печалила его друзей, потому что мы не знали, что ему сказать. А потом вдруг он начал писать великолепные вещи, сам не замечая этой разницы. Поначалу это были весьма путанные книги, написанные в стиле... в них вообще не было стиля... и это было очень трудно, поскольку он ненавидел подобного рода литературу, написанную другими, но ничего поделать не мог.

Я горжусь тем, что написал предисловие к его первой значительной книге — «Изобретение Мореля».

В книге есть одна довольно примечательная черта. Биой всегда восхищался и восхищается

Уэллсом. И в этой истории рассказывается об острове и некоем изобретателе, которого он назвал Морелем, потому что хотел, чтобы это напоминало об острове доктора Моро. Он сделал это нарочно, как будто посылая привет Уэллсу сквозь время. Некоторым даже хватило глупости сказать, что это подражание Уэллсу.

— Но вы ведь писали с Касаресом в соавторстве?

— Позднее мы вместе с Касаресом писали книги под именами Бустос Домек и Суарес Линч. Прежде всего надо пояснить, откуда эти имена. Они составлены из имен предков моих и Биоя. То есть в Бустосе Домеке Бустос — это мой прадед, а Домек — прадед Биоя. Суарес — мой дед, а Линч — представитель ирландской ветви семьи Биоя. Вы знаете, что Эрнандес, создатель «Мартина Фьерро», — из той же семьи Линчей? Фамилия Домек — с юга Франции.

Вначале я думал, что не смогу писать в соавторстве. Я не представлял себе, как могут сотрудничать два писателя.

Однажды — по-моему, шел дождь — Биой сказал мне: «А почему бы нам не попробовать? Если не получится, больше не будем».

И вот оказалось, что для нас это просто. За один-два дня мы придумали сюжет, а потом стали сочинять фразы. Теперь, если вы спросите меня, кому принадлежит та или иная выдумка — мне или Касаресу, — я не смогу вам ответить, а он и подавно.

Забавно то, что Бустос Домек и Суарес Линч очень мало на нас похожи, то есть когда мы пишем,

мы редко пишем в подобном духе, только когда это делается нарочно.

Как-то в один из своих рассказов я вставил несколько штрихов в стиле Бустоса Домека или Суареса Линча. Так, словно речь шла о каком-то третьем персонаже.

К тому же мы, конечно, писали немножко друг для друга, и, поскольку это происходило в несерьезной обстановке, сюжеты стали настолько запутанными и причудливыми, что разобраться в них было довольно трудно. Сначала это были просто наши выдумки, потом, наконец, выдумки про выдумки, и это напоминало алгебраические производные: выдумка в квадрате, выдумка в кубе... Тогда мы перестали писать, потому что поняли, что нам уже трудно и даже невозможно писать как-то иначе, но этот способ был довольно неудобоварим, по крайней мере для читателя.

В какой-то мере несправедливо, что публика, узнав, что Бустоса Домека не существует, решила, будто все рассказы — всего лишь выдумки, даже не стоящие внимания, и что мы просто дурачили читателей. Но это не так. Не знаю, почему идея с псевдонимом так разгневала некоторых. Они говорили: «Этих писателей не существует. Есть имена, но нет писателей...» И тогда все стали нас презирать, но это несправедливо. <...>

— Хотелось бы узнать, что вы написали для кино.

— Существуют два сценария, которые лично я считаю великолепными, и могу сказать, что так оно и есть, потому что они написаны мной только

наполовину. Я написал их вместе с Бией Касаресом. Один называется «Обитатели предместий», а другой — «Рай Господень»... Его идея в том, что рай находится в тени мечей.

Эти два киносценария мы написали вместе с Бием. Один из них был категорически отвергнут, а что касается второго, то нам предлагали внести в него столько поправок, что мы поняли: его не хотят снимать.

Вы приносите сценарий некоему господину, и этот господин говорит вам: «Да, но почему бы нам не добавить еще троих персонажей, а действие перенести в другую страну и... начало хорошо бы изменить... да и концовку...» Все именно так и происходит.

Эти фильмы не были новаторскими. Мы хотели сделать их просто забавными и в прологе написали, что поскольку сами мало что смыслим в кино, то не желали начинать в новаторской манере, а постарались сделать такой фильм, чтобы он нас позабавил, а не вызывал толки.

Первый — это эпический фильм о буэнос-айресских предместьях. Сюжет напоминает «Мужчину из Розового кафе», но я считаю, что фильм лучше, чем рассказ.

Другой — это полудетективная, полукафкианская история. Молодой человек ввязывается в авантюру. Он совершает довольно рискованные и смелые поступки, а затем в конце узнает, что человек, ради которого он все это проделал, был убит еще в начале фильма. Все, что он совершил, не имело никакого смысла, а работал он на бандитов. Наконец, он хочет встретиться лицом к лицу с человеком, на которого он работал. Это тоже бандит, но

бандит высокого полета. Когда он его встречает, то на его месте оказывается совершенно другой человек, вполне ничтожный. Все, что он делал,— бессмысленно, он работал впустую.

История эта происходит у нас в Буэнос-Айресе, но она могла бы произойти где угодно, в любом уголке света. Да и гангстеры там по манере скорее североамериканские, нежели аргентинские.

Виктория Окампо
ДИАЛОГ С БОРХЕСОМ

В. О. Когда вы с Бием стали друзьями?

Х. Л. Б. Вы задаете мне трудный вопрос, потому что я не помню никаких дат. Знаю, что Адольфито и я стали друзьями в тот вечер, когда он привел меня к себе домой из этого самого дома в Сан-Исидро, где мы сейчас с вами беседуем. Думаю, что мы повлияли друг на друга. Обычно считается, что старший оказывает большее влияние на младшего, но думаю, если я и обучил Адольфито чему-нибудь, то он дал мне намного больше... Не напрямую — то, чему учат прямо, обычно не приносит пользы, — а косвенно. Адольфито помог мне прийти к большей простоте и оставить вычурность: в общем, молодой Адольфо Бией Касарес стал учителем, можно сказать, образцовым, для уже составившегося Хорхе Луиса Борхеса.

В. О. Как же вам пришел в голову тот самый Бустос Домек?

Х. Л. Б. Я не собирался ничего сочинять вместе с Бием, мне это казалось невозможным, но однажды он предложил попробовать. Я пошел к нему позавтракать, у нас было два свободных часа и уже имелся сюжет. Мы начали писать, и спустя некоторое время, тем же утром, произошло чудо. Мы

стали писать так, как не сочиняли ни Биой, ни Борхес. Между нами двумя как бы возник третий автор, Бустос Домек (Домек было имя его прадедушки, Бустос — моего, из Кордовы), и его произведения не походили ни на то, что создавал сам Биой, ни на то, что сочинял я. Этот автор каким-то образом существует. Но существует он только тогда, когда мы общаемся друг с другом.

— Почему вы использовали псевдоним *О. Бустос Домек* в книге «Шесть задач для дона Исидро Пароди»?

— Это очень просто. Я написал эту книгу в соавторстве с Адольфо Биой Касаресом. Мы знали, что обычно книги, написанные таким образом, становятся головоломками для тех, кто пытается угадать, что написано одним, а что — другим. Когда книга уже была закончена, мы, немного в шутку, решили создать третьего, особого («О») человека, потому что незнакомец может быть в некоторой степени непредсказуемым; «Бустос» — фамилия моего дедушки; «Домек» — в честь одного из предков Биоя. Забавно, что этот третий персонаж существует сам по себе: ведь то, что мы пишем, не похоже ни на Биоя, ни на меня. У него другой стиль, свои странности, чуть ли не свой собственный синтаксис. Но чтобы появился третий, мы должны были забыть, что нас двое. Когда мы пишем, то превращаемся в Бустоса Домека. Если меня спрашивают, Биоя это сюжет или мой, кому принадлежит та или иная метафора или с какой стороны стола прозвучала вот эта шутка, я не могу ответить. В первый же раз, начав писать, мы немедленно забыли о том, что мы вдвоем, и иногда один

произносил то, что у другого уже было на языке. Теперь мы делаем это совершенно свободно, как делал бы один человек, размышляя. Когда мы пишем, то изрядно развлекаемся. Вместе работать очень трудно, я пробовал писать вместе с другими моими друзьями, но ничего не вышло. При сотрудничестве появляется желание принять все то, что сделал второй, либо второму вежливость не позволяет отвегнуть все то, что сказал я. Одна из радостей, которые ждут меня по возвращении в Аргентину,— это продолжение сотрудничества с Бией Касаресом.

— *Это будет по-прежнему Бустос Домек?*

· — У нас есть другое имя, Суарес Линч: «Суарес» — по моему прадедушке — и «Линч» по прадедушке Бия, потому что Бустос Домек уже чересчур известен. Под этим именем мы опубликовали в прошлом году «Хроники Бустоса Домека». Это серия хроник о художниках, скульпторах, писателях, архитекторах, поварах,— все персонажи вымышленные. Разновидность сатиры. Под именем Суареса Линча у нас есть в запасе название для будущей публикации.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА «НЕДЕЛЕ АВТОРА»

(Мадрид, 12—15 ноября 1990 г.)

— *О ваших отношениях с Борхесом говорилось много. Говорилось много и о том, что в детстве у вас были особые отношения с вашими близкими и это помогло вам писать так, как вы пишете сейчас. Каким же образом все это повлияло на характер вашего творчества?*

— Единственное, что я могу вам ответить, это то, что Борхес и я считали себя и были действительно сторонниками свободы творчества. Это значит — писать именно то, что ты желаешь, а не то, что диктуют подсознание или случайные обстоятельства. В самом начале всей этой истории с Бустосом Домеком мы хотели написать очень простые и почти традиционные рассказы. Детективные рассказы, в которых есть загадка и ясное, прозрачное ее решение. У нас получилось нечто совершенно другое, и я вижу в этом урок смирения, преподанный нам реальностью, потому что получился сплошной треп. Соединение дружбы с писательским ремеслом представляется, в общем-то, естественным, так как и Борхеса, и меня интересовали разные происшествия, сюжеты, истории, с самого начала нашей дружбы мы рассказывали друг другу об увиденных нами фильмах, о сюжете прочитанного детективного рассказа или рассказа, ко-

торый кто-то из нас собирался написать. Кроме того, когда мы составляли брошюру о йогурте, то это было настоящей каторгой, мы оба невероятно скучали и мечтали заняться другими вещами,— и тут Борхесу пришло в голову, что мы могли бы вместе писать рассказы. Спустя четыре или пять лет, а может, три года — не помню точно — мы написали рассказы Бустоса Домека, и делали мы это с большой радостью, заливаясь смехом, моя жена и ее друзья просто возненавидели нас за это, мы казались им идиотами, которые вдвоем все время хохочут. Но это было, несомненно, очень счастливое время, тем более что впоследствии рассказы не нравились нам так, как они нравятся кое-кому из читателей. Мы чувствовали, что они несколько неуклюжи и что в некотором смысле они повлияли на стиль наших вещей, написанных по отдельности. Вскоре мы стали — и один и другой — писать отчасти в духе Бустоса Домека. Борхес, кроме того, был человеком, который постоянно влюблялся до безумия, он всегда отдавал себя целиком, он весь был любовь. Однажды он поблагодарил меня за мое предложение написать рассказ, чтобы он забыл про свои влюбленности. В действительности все было не так романтично: я предложил это, потому что просто-напросто сама идея показалась мне стоящей. Это была первая история из «Хроник Бустоса Домека». Однажды утром я вышел погулять со своей дочерью и сыном кухарки, и пока я прогревал мотор автомобиля, они болтали, и каждый держал в руке куклу, и вместо того, чтобы просто играть с ними, они описывали своих кукол друг другу; так они разговаривали, а я подумал, что можно написать историю, как некто охвачен

зудом описания: он рассказывает про свой письменный стол, про карандаш, которым он пишет, про свою резинку, чтобы стирать написанное. Борхесу идея понравилась, и мы начали писать «Хроники Бустоса Домека», а потом произошел этот случай, и стали говорить, что Борхес благодарил меня за спасение с помощью этих рассказов от невероятной любви к такой-то женщине.

— *А почему именно Бустос Домек?*

— Бустос — прадедушка Борхеса. Домек — моя бабушка, она была француженкой. То есть я хочу сказать, что Домеки из Испании каждым летом отправлялись в Беарн, в Нижние Пиренеи, на курорт, и вот из этой семьи в Аргентину уехала моя бабушка с несколькими своими братьями. У них были земли, у них были дети, но они приехали сюда, и моя бабушка вышла замуж за моего дедушку, и родились Биои, шесть мальчиков и две девочки. Моя бабушка верила, что заселит Биоями всю Аргентинскую республику, но трое из них покончили с собой, другие умерли, а последний Биой Аргентины сейчас говорит с вами.

**О. БУСТОС ДОМЕК
ГЛАЗАМИ ЕГО СОЗДАТЕЛЕЙ**

**Интервью Рене Сальяс
с Х. Л. Борхесом и А. Биой Касаресом**

— *Что вам больше всего нравится в Бустос Домеке?*

— Его чисто аргентинское происхождение. Скажем так: он — великолепный образчик истинного портеньо. Ему присущи все предрассудки и все качества портеньо: хитрость, неумение держать слово, скромный умственный багаж, а также сердечность.

— *Однако Бустос Домек — вовсе не портеньо...*

— Да. Он из провинции Санта-Фе. Его родной город — Пухато. Но всю свою жизнь он прожил в Буэнос-Айресе.

— *Где?*

— В западной части города. Точнее говоря, в квартале Консепсьон.

— *А что вам меньше всего в нем нравится?*

— С течением времени мы обнаруживаем в нем все новые недостатки. Самый крупный, на наш взгляд, — то, что он слишком легко меняется внутренне. То есть он способен, если обстоятельства того требуют, изменить свой характер.

— *А другие недостатки, не такие крупные?*

— Он ловкач, эгоист, лжец, хвастун, охотник до женщин, и на него нельзя положиться. Когда друг попадает в беду — он забыт. Когда с другом все в порядке — он по-прежнему друг. Бустос Домек расчетлив. Он плохого мнения о людях. Так что, как видите, он не может считаться образцом верности и преданности.

— *Зачем же вы придумали его именно таким?*

— Потому что хотели выразить недовольство кое-чем аргентинским. Недовольство предубеждениями и недостатками аргентинцев.

— *Как выглядит Бустос Домек внешне? Он привлекателен?*

— Ему шестьдесят лет. Он склонен к полноте, отрастил брюшко. Рост 1 метр 75 сантиметров. Вес 82 килограмма.

— *Одевается хорошо?*

— Всегда одет в темно-серое. Если вы увидите его одетым в коричневое, знайте, что ему по ошибке продали — или подарили — неправильный костюм. Всегда носит жилет, потрепанный жилет.

— *Как насчет колец?*

— Да, одно кольцо он носит на мизинце.

— *Он где-то работает?*

— Служащим в государственной конторе.

— *В какой именно?*

— Сейчас, кажется, в Главном управлении налоговых сборов.

— *Есть ли у него четко выраженные политические взгляды?*

— В этом отношении он мыслит очень традиционно. Он из тех, кто по старинке верит, будто аргентинские политики делятся на радикалов и консерваторов. И, по-видимому, голосует всегда за радикалов.

— *Что Бустос Домек читает?*

— Он читает очень мало. Но всегда, желая не ударить лицом в грязь, говорит, что сейчас читает ту или иную книгу. По его собственным словам, «чтобы прочувствовать аргентинскую действительность». Нередко вставляет при этом, что его настольная книга — «Голова Голиафа» Мартинеса Эстрады.

— *Бустос Домек женат?*

— Он никогда не говорит об этом. Но мы вас можем заверить, что он женат на тучной женщине, причем совершенно изумительной: она считает его выдающимся интеллектуалом и признается, что не может уследить за полетом его мысли.

— *Есть ли у него дети?*

— Нет. По правде сказать, он не слишком-то привязан к домашнему очагу.

— *О чем вы разговариваете с ним при встрече?*

— О нашем времени. О том, что жизнь дорожает. Он любит жаловаться на инфляцию. И постоянно рассказывает нам об очередном летнем отдыхе в Мар-дель-Плата.

— *Где вы с ним встречаетесь?*

— Обычно в кафе на улице Корриентес, между улицами Сан-Мартин и Реконкиста. Мы предлагали ему много раз пойти в «Ла-Фрагата», но он неизменно отказывается. Он недолюбливает кондитерские; кафе ему нравятся больше.

— *Как по-вашему, он пользуется успехом у женщин?*

— Да, в некотором роде. Он всегда делает им подарки, но уверен в собственной неотразимости и потому очень обижается, если кто-нибудь подумает, что таким образом он хочет купить этих женщин.

— *Ходит ли он в кино?*

— Иногда. Предпочитает американские фильмы о войне.

— *А любовные истории?*

— В нем есть зачаточный романтизм. В кино он много плачет. Любовные истории смотрит с удовольствием, лишь бы они не были чересчур сентиментальны.

— *Кто его любимая актриса — сейчас или, может быть, в прошлом?*

— Он всегда был до потери сознания влюблен в Глорию Гусман. В этом смысле он тоже поступает вполне благоразумно и традиционно. Но тем не менее, как правило, поджидает актрис варьете после окончания представления.

— *Долго ли еще проживет Онорио Бустос Домек?*

Х. Л. Б.: Для меня — нет. Для меня с ним уже покончено.

А. Б. К.: Мне бы хотелось, чтобы он прожил долго.

— *А как он сам полагает?*

— Мы с ним ни разу не говорили на эту тему... Он вообще не думает о смерти.

Эмир Родригес Монегаль
ДВА АРГЕНТИНСКИХ ПИСАТЕЛЯ

Предыстория: «Шесть задач»

В 1942 году аргентийский журнал «Сур» опубликовал два детективных рассказа О. Бустоса Домека (№ 88 — «Двенадцать знаков зодиака», № 90 — «Ночи Голядкина»). В конце того же года издательство «Сур» собрало эти и другие, неопубликованные, рассказы в книге «Шесть задач для дона Исидро Пароди». То, что было ранее создано Бустосом Домеком, в Монтевидео осталось неизвестным. Сеньорита Адельма Бадольо, школьная учительница, в коротенькой заметке услужливо набросала силуэт автора¹.

В предисловии Гервасио Монтенегро сделал почти невозможными все будущие библиографические описания. После конфиденциальных слов Монтенегро приветствует Бустоса Домека как первого аргентинского детективного писателя. В следующих строках он характеризует метод автора: задерживать внимание на основных элементах детективной истории (таинственное начало, проясняющая все развязка); затем комментирует некоторые рассказы и с неожиданной у такого много словного критика трезвостью предпочитает — справедливо располагая по нисходящей — три из них: «Жертва Тадео Лимардо» (где сама жертва созна-

¹ См. стр. 23—24 наст. изд.

тельно подготавливает свою смерть, вещь с психологическими проблемами в духе Достоевского и с чисто буэнос-айресской атмосферой), «Долгие поиски Тай Аня» (Монтенегро упоминает некоторых предшественников, также описывавших утомительный поиск спрятанного предмета: Эдгар По, Линн Брок, Картер Диксон), «Замысел Санджакомо» (хитроумная вариация на тему мести). Автор предисловия указывает общий карикатурный прием, с помощью которого О. Б. Д. конструирует своих персонажей, настоящих марионеток, за одним исключением (как считает Монтенегро): это пожилой Исидро Пароди, «самый выразительный из старых креолов». (На самом деле это персонаж такой же условный, такой же несуществующий, как злоязычный Савастано или цельный Санджакомо.) Монтенегро также замечает вскользь: «утомительное изобилие красочных подробностей», стиль слишком перегружен.

Факт появления Монтенегро как действующего лица в тех же рассказах О. Б. Д., иллюзорность (до некоторой степени) его существования не обесценивает высказанных им суждений. Можно упрекнуть его лишь в том, что он забыл или не посчитал нужным упомянуть две основные особенности книги: тщательную стилистическую обработку и пародийную юмористичность.

Появление Суареса Линча

Четыре года спустя, в 1946-м, две новых книги вновь заставили говорить об О. Бустосе Домеке. Первая — «Образцовое убийство» — представила публике нового аргентинского писателя, Б. Суареса

Линча, ученика нашего уроженца провинции Санта-Фе. Как и в других подобных работах, О. Б. Д. после обширного вступления рисует нам облик Суареса Линча. Менее внимательный, чем сеньорита Бадольо, более лаконичный, чем Монтенегро, О. Б. Д. сообщает, что его протеже принадлежит к литературному поколению родившихся около 1919 года, последовательно испытывавшему влияние (кое-кто злонамеренно говорит о плагиате) следующих великих писателей: Тони Агиты, Рамона С. Кастильо, Альфреда Дуау. Переворот полковников (4 июня) изменил путь Суареса Линча: он превратился в ученика О. Б. Д. Вдохновленный «Шестью задачами», юноша с разрешения учителя написал детективную историю с доном Исидро Пароди в центре повествования.

Суарес Линч вышел за пределы короткого рассказа, и, хотя он, блистая остроумием, тщательно имитирует стиль учителя, его произведение страдает излишней растянутостью. (Карлос Мастронарди, в № 146 журнала «Сур», говорит с дружеской симпатией: «Очаровательная, изящная сюжетная линия, — *ее повороты, однако, несовместимы с поверхностным чтением,* — теряется и снова обнаруживается между пространных диалогов и замечательных второстепенных эпизодов».) Вместо того чтобы сконцентрировать действие (и читательский интерес) на двух-трех эпизодах, следуя совету О. Б. Д., автор становится многословным и разжижает рассказ. Веря к тому же, что читатель помнит краткие характеристики персонажей, данные четыре года назад в «Шести задачах», он полностью обходится без каких-либо замечаний на этот счет (если речь не идет о новых героях) и тем

порождает неразбериху. Последний упрек: исчезла атмосфера детективной истории. Главная идея — уже встречавшаяся у Честертона — хороша, и сам преступник уверяет детектива в своей исповеди: «Надеюсь, вы не станете отрицать, что это „мокрое дело“ получилось несколько выпадающим из общего ряда? Согласитесь, не так часто удается организовать все таким образом, чтобы и подготовка к преступлению, и обеспечение алиби, и само убийство — в общем, все — было произведено за счет самой жертвы». Но запутанное и нечеткое построение повести, с очевидными лакунами, сковывает развязку, придает ей необязательный, случайный характер. На самом-то деле кто угодно мог убить Ле Фаню.

Промахи Суареса Линча сглаживаются тем, что он сохраняет и усиливает барочную стилистику О. Б. Д., накал его неистощимого юмора. Можно сверх того прибавить, что в произведении Суареса слишком сильно проявляется известная склонность его учителя к безвкусным намекам, вследствие чего персонажам позволено изрекать пошлости — вплоть до непристойностей, как это происходит во второй главе. Кроме того — знамение времени, — о политическом развитии Аргентины постоянно говорится в нигилистическом и желчном тоне, уже предвосхищенном двумя фразами (взятыми из Юма и Гюго), которые служат эпиграфами¹. Возможно даже, что политическая обстановка и послужила причиной того избытка вульгарности, которым грешит книга.

¹ Эпиграф из Юма: «На этих насекомых водятся другие, еще более мелкие, которые терзают их». — «Диалоги о естественной религии», X.

Это не должно нас удивлять, если мы вспомним, что в предисловии О. Б. Д. указывал на связи Суареса Линча с правительством, а в своей книге, датированной тем же годом, позволял себе грубости и бесстыдные выходки, которые намного превосходят вышедшие из-под пера его ученика¹.

Превращения О. Б. Д.

Судя по другой книге, о которой следует сказать, — она называется «Две памятные фантазии» и подписана О. Б. Д., — персонаж детектива дон Исидро, кажется, был окончательно передан Суаресу Линчу. В этих «фантазиях» О. Б. Д. пускается в скрупулезное описание двух трансцендентных опытов. Следуя методу Джозефа Конрада — воспроизвести рассказ персонажа, который сообщает о случившемся с ним второму персонажу, а тот, в свою очередь, рассказывает собственную версию опыта или передает рассказы свидетелей, — О. Б. Д. предлагает читателю эти две «фантазии»: на улице Бельграно, 1300, жалкий уроженец Центральной Америки благодаря умершей от страха девочке созерца-

¹ В некоторых опубликованных в журнале «Латитуд» (февраль 1945 года) заявлениях Х. Л. Борхес объявлял о скором выходе из печати «детективной повести, написанной в соавторстве с А. Бией Касаресом, где героями будут Исидро Пароди, ГERVасио Монтенегро и неизвестный доселе Марсело Н. Фрогман (дальнейшее развитие персонажа Савастано), но названия у повести пока нет». Пересказ сюжета частично совпадает с «Образцовым убийством» Суареса Линча. Единственное разумное объяснение: Бустос Домек предоставил Х. Л. Б. и А. Б. К. сюжет для детектива, но еще раньше предоставил его Суаресу Линчу, который их опередил. (*Примечание автора*).

ет Святую Троицу («Свидетель»); в Бурсако старый служащий благодаря бывшему осужденному тоже наблюдает видение: к небу величественно поднимается процессия из аппетитных блюд, наполняющая счастьем простую душу героя повествования, которого разбудил голод («Знамение»).

Такой различный характер обоих опытов составляет эстетический контраст. Первый из них вводит читателя в грязный мирок: деревня, путешествия по торговым делам, неумеренное использование лунфардо. Здесь толстый Сампайо и повествует о своем чудесном видении. Постепенно читатель, входя в буйную и грубую плоть повествования, приближается к кульминационному моменту, который оправдывает и очищает непривлекательную картину. Этот переход принципиально важен. Во втором рассказе О. Б. Д. не достигает той же сюжетной простоты, как в первом случае. Ничем не примечательная обстановка провинциального города взрывается жутким видением. Юмористические черточки — бесконечная процессия блюд пробуждает в свидетеле аппетит, а не рвоту — не смягчают отвращения, вызываемого этой «фантазией».

*Некоторые наблюдения
стилистического порядка*

Я уже указывал, что изобретательность и склонность к стилистической пародии у обоих писателей превосходят их повествовательные способности (выстраивание связной фабулы, создание персонажей, «подогревание» интереса в читателе). Оба — великолепные мастера карикатурной словесной

бессмыслицы, и оба вкладывают свое дарование (по преимуществу) в речь персонажей, тем более что из-за разницы в своем общественном положении они различаются и по речи.

Каждый из героев отражает некий литературный мир или создает свой собственный — поскольку все они вышли не из жизни, а из книг. Так, Саватано (в «Жертве Тадео Лимардо») не говорит как подлинный «куманек»: его речь вобрала в себя — в преувеличенном виде — речь всех «куманьков», уже встречавшихся в литературе (упрек этот можно переадресовать и «Мартину Фьерро»). А в Гервасио Монтенегро воплотились сразу все черты (общие места и галлицизмы в речи, резонерство) интеллектуального паразита. В любой из трех книг существует *текст поверх текста*, так что можно проследить все наложения и неизбежные поправки. Преднамеренная нагрузка каждой фразы, каждого слова тяготит читателя, требуя от него внимания, способности предугадывать или запоминать, которая не всегда вознаграждается. Кроме того, нацеленность рассказчиков на пародию искажает их произведения, осложняет их, уводит читателя в сторону. Я не имею в виду Ратона Перутца де Ачала, который встречается в «Образцовом убийстве», или фразу из Сервантеса («Дон Кихот», часть II, глава 74), которая воспроизводится без всяких ссылок в «Свидетеле». Я имею в виду коварное включение одного вздорного пассажа из Гуиральдеса («Дон Сегундо Сомбра», глава IX) в «Ночах Голядкина» (Гервасио Монтенегро, забыв о кавычках, говорит: «Телята словно разоделись к празднику»). Или скандальная и повторяющаяся имитация повествовательных приемов Хорхе Луиса Борхеса. Не-

сколько примеров: в «Двенадцати знаках зодиака» призрачный Абенхалдун говорит: «Тридцать лет назад в горах Ливана я успешно прошел подобное испытание, но перед этим мастера подвергли меня и другим, более легким: я отыскал монету на дне моря, сотканный из воздуха лес, чашу в земной тверди, заколдованный ятаган в глубинах ада»; в «Замысле Санджакомо» рассказчик объясняет: «Вечером 23 июня, накануне своей смерти, Пумита три раза наблюдала, как Эмиль Яннингс умирал в „Государственной измене“, „Голубом ангеле“ и „Последнем приказе“»; в «Образцовом убийстве» Монте-негро так начинает фразу: «Возглавляя целую свору собак, число которых вслед за их лаем росло лавинообразно»; в «Свидетеле» толстяк Сампайо признается: «Я замер в оцепенении, и у меня появилось ощущение, что всю мою жизнь, вплоть до этого случая, за меня прожил кто-то другой».

КОММЕНТАРИИ

«Он встряхнул щепотку пепла в горсти, тихо трюизнеся Слово. И возникла роза» (Х. Л. Борхес «Роза Парацельса», перевод Вс. Багно). Комментатору данной книги тоже приходится «встряхивать щепотку пепла в горсти», чтобы Слово аргентинских авторов (двуетидного автора) стало внятнѣм русскому читателю.

Главные трудности здесь таковы.

Эта книга — сборник пародийных текстов, самое существенное в которых — «местный колорит». Биоѣ Касарес и Борхес высмеивают в основном манеру писателей Аргентины первой половины XX века, многие из которых ныне уже забыты у себя на родине (справедливо забыты или нет — другой вопрос). Вдобавок Борхес и Биоѣ Касарес зачастую «слегка» искажают подлинные имена и фамилии (инверсии, анаграммы и т. п.). Постоянно играют словами и со словами. А сама их книга к тому же создана на «местном языке» — на лунфардо (жаргоне жителей Буэнос-Айреса). Помимо прочего, произведения полны намеков, понятных только авторам книги и узкому кругу их единомышленников. Какие-то «условия игры», тем более при переводе, сегодня восстановить уже невозможно.

К тому же нельзя забывать: в произведениях «серьезного» Борхеса была разработана целая система литературных приемов мимикрии вымысла под реальность. Исследовательница творчества Борхеса Инна Тертерян писала: «Аргентинский прозаик постоянно употребляет прием нарочитого анахронизма и ложных

атрибуций. То и дело Борхес подкрепляет свои вымыслы цитациями и библиографическими справками, где только при помощи специальных разысканий можно отделить подлинные имена и названия книг от вымышленных» (Борхес Х. Л. Проза разных лет. М., 1989. С. 17).

Подхватывая и развивая эти слова, Борис Дубин, переводчик и комментатор Борхеса, подчеркивает: «Даже в тех случаях, когда за упоминанием в тексте удастся различить то или иное исторически существующее лицо или текст, они у Борхеса фигурируют на правах „героев“ его „вымыслов“. Поэтому к реалиям истории и культуры в прозе Борхеса следует относиться скорее как к прототипам, чьи черты претерпели существенные изменения на пути к авторскому тексту» (Борхес Х. Л. Проза разных лет. С. 282).

Все это, разумеется, не облегчает работу человека, делающего реальный комментарий к реальности переведенного произведения — реальности уже неведомо какого порядка.

И все-таки хочется сделать в комментариях то, что сделали в текстах Борхес и Биой Касарес — соединить «серьёз» и «треп»...

Но и сама книга, и комментарии к ней рассчитаны на «массового читателя». Поэтому наряду с комментариями дан Аннотированный указатель имен.

И еще одно замечание. В книге Борхеса — Биой Касареса постоянно упоминаются улицы, районы, пригороды Буэнос-Айреса, названные в честь политических деятелей Аргентины XIX века, участников Войны за независимость, деятелей культуры и т. п. Это создает дополнительный исторический фон практически всем произведениям книги. И это важно для авторов, испытывавших тоску «по эпическим временам» Латинской Америки, — хотя история в данном случае и отражена в пародийном, иронически искажающем ее зеркале. Справки об аргентинских военных и политичес-

ких деятелях, чьи имена упоминаются в топонимике Буэнос-Айреса и в книге Борхеса — Биой Касареса, вынесены в Аннотированный указатель.

Таким образом русский читатель может лучше представить себе и историческую панораму Аргентины, и «литературную родословную» Борхеса и Биой Касареса, а также их «ближайшее окружение».

Приношу благодарность за помощь Владимиру Петрову.

Шесть задач для дона Исидро Пароди

О. БУСТОС ДОМЕК

Стр. 23. *Бадольо* — фамилия «взята» у Пьетро Бадольо.

Онорио Бустос Домек. — О «родословной» псевдонимов «Онорио Бустос Домек», «Бенито Суарес Линч» см. в Приложении. Здесь же я только отмечу: Бенито Линч (1885—1952) — аргентинский писатель, автор произведений о гаучо.

Санта-Фе — провинция в восточной части Аргентины.

аргентинское Чикаго — так в Аргентине называют Росарио, второй (после Буэнос-Айреса) по числу жителей город страны. Город Росарио расположен на реке Парана, в провинции Санта-Фе; в Росарио — крупные мясохладобойни.

о его юном возрасте — намек на Рубена Дарио, который стал печататься с 12 лет.

«Бело-лазурная родина». — Лазурь — одно из ключевых слов в поэзии Дарио и латиноамериканских модернистов. «Лазурь» — сборник Дарио, вышедший в 1988 году и знаменовавший начало модернистской поэзии в Латинской Америке. Кроме того, «Лазурь» — одно из наиболее знаменитых сти-

хотворений Малларме, оказавшего на латиноамериканских модернистов большое воздействие. (См. также примеч. к стр. 76.)

«Ноктюрны» — так, в частности, называется широко известный в Аргентине цикл стихотворений Лугонеса.

Стр 24. *Евхаристический конгресс* (Конгресс Святого Причастия). — Первый Евхаристический конгресс был проведен летом 1881 года во французском городе Лилле. Как правило, подобные конгрессы проводятся раз в два года.

Чичо — возможно, ироническое искажение слова «Чачо», таково было прозвище аргентинского генерала Анхела Висенте Пеньялосы (1797—1863). Если предположение верно, то название вымышленной книги «Жизнь и смерть дона Чичо Гранде» — это пародийное искажение названия книги Эрнандеса «Жизнеописание генерала дона Анхела В. Пеньялосы». Добавлю: Чачо — лихой парень, бравый мужчина; Чичо Гранде — Великий Пьянчуга.

Война за независимость. — Речь идет о Войне за независимость испанских колоний в Америке 1810—1826 годов. В этой войне принимал участие прадед Борхеса — Мануэль Исидоро Суарес.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Стр. 25. «*Ну что же!..*» — из поэмы Браунинга «Князь Гогенштиль-Швангау, спаситель общества».

Стр. 26. *Лекок* — герой-детектив из произведений Габрио.

gentleman-cambrioleur — прозвище Арсена Люпена, героя произведений Леблана.

Дартмур — место действия в рассказе Конан Дойля «Серебряный».

Стр. 26. *гигантская светящаяся собака* — отсылка к повести Конан Дойля «Собака Баскервилей».

и мне доводилось бывать в Беотии... — парфраз широко известных слов «И я в Аркадии счастливой жил». Эта фраза восходит к картине Пуссена «Аркадские пастухи», на которой изображено надгробие с надписью «Et ego in Arcadia». На русском языке фраза вошла в обиход благодаря стихотворению Батюшкова «Надпись на гробе пастушки», а точнее — благодаря романсу Полины из «Пиковой дамы» Чайковского, где использован текст стихотворения Батюшкова.

Музей Гревен — музей восковых фигур в Париже, созданный в 1882 году художником Альфредом Гревеном.

Первая империя — период царствования во Франции императора Наполеона.

Стр. 27. *росарийский «кот»*. — Росарийский — от названия города Росарио. «Кот» — здесь: сутенер.

Исидро — простак, простофиля (*исп.*).

Флорида (букв.: цветущая; если речь идет о стиле произведения, то переводится как «изящный») — улица в центральной части Буэнос-Айреса. «Флорида» — это также литературная группа, в которую входили Борхес, Мальэа, Маречаль, Виктория Окампо и др.

Стр. 29. *Линн Брок* — вероятно, вымышленный автор.

Картер Диксон — невольная либо сознательная контаминация двух фамилий — Ника Картера и Джона Диксона Карра.

у Полишинеля неизменно был... — аллюзия на детективный рассказ Честертона «Летучие звезды».

Стр. 30. *солеными креольскими словцами*. — В Аргентине креолами чаще всего называют потомков иммигрантов, родившихся уже на новой родине.

гаучо — пастухи и скотоводы в Аргентине и Уругвае; особая этническая группа Южной Америки. О самих гаучо, и о произведениях, посвященных им, Борхес писал неоднократно.

куманек — здесь: рубаха-парень, задира, поножовщик (особый тип жителей буэнос-айресских предместий). В 1945 году Борхес вместе с писательницей Сильвиной Бульрич (р. 1915) составил книгу о куманьках.

Стр. 31. *аттический цензор* — иронический «ляпсус» авторов. Аттика — область в Древней Греции. Цензор — римское «изобретение».

«Мартин Фьерро» — поэма Эрдандеса о гаучо.

Огюст Дюпен — герой-детектив ряда новелл Эдгара По.

Сен-Жерменское предместье — южное предместье Парижа.

Князь Залевский — герой детективных романов Маккензи.

Стр. 32. *Макс Каррадос* — герой ряда произведений Браммы.

voyageurs autour de la chambre. — Обыгрывается название книги Ксавье де Местра «Путешествие вокруг моей комнаты».

Монтенегро (букв.: черная гора). — В образе Гервасио Монтенегро выведен писатель Энрике Ларрета. В книге «Шесть задач...» авторами спародированы, помимо прочего, некоторые черты стилистики Ларреты. Фамилия «Монтенегро» встречается в ряде произведений Валье-Инклана (это также часть фамилии самого Валье-Инклана, происходившего из древнего галисийского рода).

ДВЕНАДЦАТЬ ЗНАКОВ МИРОЗДАНИЯ

Стр. 33. *Молинару* — фамилия «взята» у поэта Рикардо Молинару.

«*Крапленая карта*» — так назвал Борхес сборник своих рассказов, который он намеревался издать в 1918 году (книга при жизни автора опубликована не была).

Стр. 34. «*Палермо*» — старинный пивоваренный завод в буэнос-айресском районе Палермо. В этом районе находится также большой живописный парк.

Бельграно — район аргентинской столицы. Назван в честь Мануэля Бельграно.

коколиче — итало-испанский жаргон, распространенный, в частности, в Буэнос-Айресе; человек, говорящий на этом языке.

Юг — так жители Буэнос-Айреса называют старые южные районы и предместья аргентинской столицы, населенные в основном бедным людом. (Противопоставляется Северу, то есть северным, фешенебельным районам Буэнос-Айреса.)

Стр. 35. *мате* (парагвайский чай) — тонизирующий напиток, популярный в юго-восточных странах Латинской Америки. Приготавливается из высушенных и измельченных листьев и стеблей йербы-мате (дерева семейства падубовых).

друзы — приверженцы мусульманской религиозной секты, созданной на территории нынешних Сирии и Ливана в XI веке.

Стр. 37. *Вилья Мадзини* — район в западной части Буэнос-Айреса.

акилы — в религии друзов: умные, знающие, посвященные — в отличие от основной массы «невежественных». Свои собрания акилы проводят по четвергам.

- Стр. 38. *«Очистные сооружения»* — реально существующая фирма аргентинской столицы, занимающаяся водоснабжением и очисткой канализационных вод.
Рети́ро — вокзал в центральной части Буэнос-Айреса, в одноименном районе.
- Стр. 39. *«Миллионариос», «Чакарита Юниорс»* — футбольные команды аргентинской столицы.
- Стр. 40. *Север* — здесь: северный район Буэнос-Айреса, где находится тюрьма, в которой, по воле авторов, сидит Исидро Пароди.
«Дама преступная». — Обыгрывается название книги Ломброзо *«Человек преступный»*.
Меркадо-де-Абасто (Рынок Изобилия) — продуктовый рынок в центральной части Буэнос-Айреса. Открыт в 1889 году, перестроен архитектором Хосе Дельпини в 1934 году.
- Стр. 43. *сказал по-креольски* — здесь в значении: сказал по-испански.
- Стр. 45. *«Изотта»* — итальянская фирма, изготавливающая дизельные двигатели для автомобилей и самолетов. В 30-е годы была, к примеру, широко известна марка самолетов «изотта».
- Стр. 47. *День Двадцатое пятое мая* — национальный праздник Аргентины. В этот день в Буэнос-Айресе в 1810 году, в результате победы Майской революции, было создано Первое временное (революционное) правительство Ла-Платы (Аргентины).
- Стр. 48. *скручиваются в лабиринты*. — Тема лабиринтов — одна из основных в творчестве Борхеса. О лабиринтах неоднократно говорится и в этой книге.

НОЧИ ГОЛЯДКИНА

Стр. 54. *Голядкин* — главный герой повести Достоевского «Двойник».

Стр. 55. «*Сублимес*» — марка одних из самых дешевых аргентинских сигарет.

Стр. 56. *портеньо* (от исп. puerto — порт) — коренной житель Буэнос-Айреса.

Рио-Терсеро (Каркаранья) — река в северо-западной части Аргентины, правый приток реки Парана.

Стр. 58. «*Идиот*». — Слово «идиот» возникает в данном рассказе не случайно. Это несомненная отсылка к еще одному герою Достоевского — князю Мышкину. (Роман «Идиот» начинается со сцены в поезде.)

Бриндизи — старинный город в южной части Италии, на берегу Адриатического моря.

Стр. 59. *Катамарка* — провинция на северо-западе Аргентины.

триолет — восьмистишие с определенной рифмовкой и повторяющимися в определенном порядке строками.

памятник в честь Национального знамени — грандиозный монумент, установленный в 1956 году в городе Росарио (скульптор — Фиорованти).

Стр. 61. *отец Браун (патер Браун)* — герой ряда детективных произведений Честертона.

Стр. 62. «*Мой друг Пьеро*» — французская фольклорная песенка, представляющая собой ночной диалог Пьеро и Арлекина.

грабительской войны за Кубу. — Речь идет об испано-американской войне 1898 года.

Стр. 65. «*Жиль Блас из Сантильяны*» — роман Лесажа, восходящий к испанскому плутовскому роману.

Абрамович — фамилия «взята» у Мориса Абрамовича.

копытами красной кавалерии — отсылка к книге Бабеля «Конармия».

Стр. 66. *Авельянеда* — южный пригород Буэнос-Айреса. Назван в честь Николаса Авельянеды.

Кох-и-Нор (Гора Света) — один из самых знаменитых и крупных алмазов. Найден в Южной Индии в начале XIV века. С этим алмазом связано множество легенд, все они заканчиваются тем, что Кох-и-Нор приосит своим владельцам несчастья. В XIX веке алмаз принадлежал королеве Виктории. Кох-и-Нор был одним из «прототипов» алмаза «Око Света» в цикле повестей Стивенсона.

Стр. 67. *княгини-грезы* — отсылка к пьесе Ростана «Принцесса Греза».

пампа — южноамериканская степь; в более узком значении слова: природная область в центральной и северной части Аргентины.

Телята словно разоделись к празднику — раскавыченная цитата из романа Гуиральдеса «Дон Сегундо Сомбра».

Стр. 68. *сентаво* — мелкая монета: одна сотая песо.

Стр. 70. *Сан-Мартин* — здесь: западный пригород Буэнос-Айреса. Назван в честь Хосе де Сан-Мартина.

Стр. 71. *труко* — карточная игра, популярная в Испании и Латинской Америке.

Дельта — здесь: залив Ла-Плата (Рио-де-ла-Плата). Залив представляет собой расширенный эстуарий рек Парана и Уругвай. Жители ла-платской зоны обычно называют этот залив рекой (Рио-де-ла-Плата — букв.: Серебряная Река).

Стр. 74. *Кекен* — город в южной части провинции Буэнос-Айрес, на побережье Атлантики.

БОГ БЫКОВ

Стр. 75. *Тукуман* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь аргентинского города Тукуман, где 9 июля 1816 года состоялся конгресс, провозгласивший независимость Аргентины (Ла-Платы).

тильбюри — легкий открытый двухколесный экипаж.

Стр. 76. *в миссионерской типографии Дома Боско.* — В данном случае дом — почетный титул, которого удостоивались монахи некоторых религиозных орденов.

палинодия — в античной литературе: стихотворение, в котором поэт отказывается от тех чувств, которые он воспевал прежде.

модернист — здесь: приверженец латиноамериканского модернизма, главой которого был Рубен Дарио. Это литературное течение в конце XIX — в первое десятилетие XX века сыграло большую роль в обновлении поэтического языка Латинской Америки. В 20-е годы оно себя исчерпало практически полностью; в это время в латиноамериканской поэзии появились новые, авангардистские, течения (Борхес, в частности, был создателем ультраизма).

отвергал ношение обуви — иронический намек на Льва Толстого.

Висенте Лопес — северный пригород Буэнос-Айреса. Назван в честь аргентинского историка Висенте Лопеса.

Стр. 79. *Чакабуко* — селение в Чили (к северу от Сантьяго), близ которого 12 февраля 1817 года армия патриотов во главе с Сан-Мартинем одержала победу в сражении с испанскими войсками.

Диомед — один из героев гомеровой «Илиады».

Стр. 80. *Сааведра* — пригород Буэнос-Айреса. Назван в честь Корнелио Сааведры.

- Стр. 81. *Лас-Эрас* — улица аргентинской столицы. Названа в честь Хуана Грегорио Лас-Эраса.
- Байя* — штат на востоке Бразилии, на побережье Атлантики; в штате — табачные плантации.
- Стр. 83. *Пилар* — город в провинции Буэнос-Айрес. В этом городе в 1820 году губернатор провинции Мануэль де Сарратеа подписал соглашение о федеральном правлении Аргентиной.
- Мухика* — фамилия «взята» у прозаика Мануэля Мухики Лайнеса.
- кенотаф* — букв.: ритуальный погребальный памятник.
- Ривадавия* — самая длинная улица Буэнос-Айреса (свыше 20 км). Названа в честь Бернардино Ривадавия.
- Стр. 84. *Сан-Хуан* — улица в северной части Буэнос-Айреса, на которой расположена тюрьма, где отбывает наказание «баронесса Пуффендорф-Дювернуа».
- абиссинский табак*. — Абиссиния — устаревшее название Эфиопии.
- Стр. 85. *сонеты мантуанца* — иронический «ляпсус» авторов. Мантуанцем называют Вергилия, во времена которого сонетная форма еще не была изобретена.
- Стр. 86. *пеоны* — наемные работники, батраки.
- Стр. 87. *Ним* — город на юге Франции. Место действия ряда рассказов Борхеса.
- Стр. 88. *место в Авельянеде*. — Речь идет о публичном доме в Авельянеде, которым владеют супруги Монтенегро.
- Стр. 89. «*Вечер с господином Тэстом*» — книга Поля Валери. Далее авторы дают ироническое искажение ее названия — «Вечеринка с господином

Мозговитым» («Тэст» — в переводе со старофранцузского — «голова»).

Стр. 92. «Под аккомпанемент флейты» — стихотворная книга Жионо, опубликована в 1924 году.

ЗАМЫСЕЛ САНДЖАКОМО

Стр. 99. *Бонфанти* — фамилия одного из персонажей новеллы Эдгара По «Человек, которого изрубили в куски».

Стр. 101. *камедь* — густой сок из коры некоторых деревьев. (Камедь-ассафетида — возможно, выдумка авторов, решивших напомнить читателю об алхимии.)

Салерно — город-порт в южной части Италии. Во время Второй мировой войны — место высадки союзных войск (сентябрь 1943 года).

Кастелламаре — город-порт близ Неаполя; город-порт на острове Сицилия.

Стр. 102. *почтальон... звонит дважды* — отсылка к детективному роману Джеймса Кейна «Почтальон всегда звонит дважды».

ноги аргентинского кентавра. — Кентавром в Аргентине подчас называют гаучо, так как его неразлучный спутник — конь.

Стр. 103. *Джованни Кроче.* — В переводе с итальянского на испанский: Хуан Крус (об этом говорится далее). Помимо этого здесь содержится намек на Бенедетто Кроче и Сан-Хуана де ла Круса. (Итальянское «Кроче» и испанское «Крус» — крест.)

Ла-Риоха — провинция на северо-западе Аргентины. Основное население провинции — пастухи и скотоводы (то есть гаучо).

Стр. 104. «*Песнь о моем Сиде*» — испанский национальный эпос (XII в.), посвященный Реконквисте (отвоеванию испанцами своей территории у мавров).

эфеб — в первонач. значении: свободнорожденный юноша в древней Греции.

Стр. 105. «*Большой Гиньоль*» — театр, существовавший в Париже в конце XIX века. (Само слово «гиньоль» значит «марионетка».)

Стр. 107. *чистый разум* — отсылка к названию работы Канта «Критика чистого разума».

Стр. 108. *детерминисты* — сторонники детерминизма — философского учения об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира.

Стр. 111. *Карраско* — фешенебельный район Монтевидео.

Стр. 115. *Вилья-Девото* — район в западной части Буэнос-Айреса.

Галисиец — житель (уроженец) Галисии, исторической области на северо-западе Испании. В испаноязычных странах галисийцы славятся как мастера рассказывать всяческие байки.

Стр. 117. «*Предоставь мертвым погребать своих мертвецов*» — Мф: 8, 22.

Стр. 119. *сарабанда* — старинный испанский танец.

Стр. 120. *арагонского происхождения*. — Арагон — историческая область на северо-востоке Испании.

Хункаль — улица в Буэнос-Айресе. Названа в память о победе, которую аргентинский адмирал Браун одержал близ острова Хункаль, на реке Парана, во время аргентино-бразильского военного конфликта 1827 года.

Майпу — улица в Буэнос-Айресе. Названа в память о победе, одержанной армией патриотов во главе с Сан-Мартинем в сражении с испанскими

войсками в апреле 1818 года на равнине Майпу (к югу от Сантьяго-де-Чили).

Стр. 121. *Солт-Лейк-Сити* — административный центр штата Юта (западная часть США). Центр деятельности секты мормонов, признававших многоженство.

Стр. 122. «*Ариэль*» — философско-политическое эссе Хосе Энрике Родо. Получило широкую известность во всей Латинской Америке. (Ариэль — дух воздуха в «Буре» Шекспира.)

Стр. 124. *Сьюдадела* — западное предместье аргентинской столицы.

Сан-Фернандо — северный пригород Буэнос-Айреса.

Стр. 126. *После вас, господа англичане* (более точно: «Господа англичане, стреляйте первыми») — слова, по преданию, произнесенные командиром французских гвардейцев графом д'Отрошем перед началом сражения при Фонтенуа (Бельгия) 11 мая 1745 года. Это сражение, одно из главных во время войны за Австрийское наследство (1740—1748), закончилось победой французской армии над англо-голландскими войсками.

Стр. 129. *калабрийцы* — жители (уроженцы) Калабрии, области в южной части Италии.

ЖЕРТВА ТАДЕО ЛИМАРДО

Стр. 136. *Мерло* — город к западу от Буэнос-Айреса.
Берасатеги — пригород аргентинской столицы.

Стр. 137. *Бандерало* — город в провинции Сантьяго-дель-Эстеро (северная часть Аргентины).

Онсе — вокзал в южной части аргентинской столицы, на одноименной площади.

- Стр. 138. *Лакроз* — вокзал в северо-восточной части Буэнос-Айреса. Назван в честь братьев Лакроз.
- Стр. 139. «*Что, инфанты Арагона, стало с вами?*» — цитата из «Строф на смерть отца» Хорхе Манрике (перевод Наталии Ванханен).
- Стр. 140. *Темперлей* — южный пригород Буэнос-Айреса.
- Стр. 141. *Умаука* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь города Умаука (провинция Жужуй, северо-запад Аргентины), который в годы Войны за независимость являлся базой Освободительной армии.
- Стр. 152. *Пуэйрредон* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь Хуана Мартина де Пуэйрредона.
Валентин Гомес — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь мексиканского государственного деятеля Валентина Гомеса.
- Стр. 155. «*Ла Перла*» («*Жемчужина*») — кафе на площади Онсе.
- Стр. 159. *туте* — карточная игра, распространенная в Испании и в Латинской Америке.
- Стр. 160. «*Эксцельсиор*» — кинотеатр в Буэнос-Айресе. «*Эксцельсиор*» — это также название одного из крупнейших алмазов мира (найден в Южной Африке в конце XIX века).
как Наполеон, умею делать много вещей одновременно — иронический «ляпсус» авторов (следовало бы, разумеется, сказать: «как Цезарь»).
- Стр. 161. *викунья* (*вигонь*) — животное рода лам. Викуньи были широко распространены в Андах, ныне почти полностью истреблены.
- Стр. 162. *Не следует без необходимости умножать сущности* — кредо Уильяма Оккама (так называемая «бритва Оккама»).

ДОЛГИЕ ПОИСКИ ТАЙ АНЯ

- Стр. 168. *Леандро Алем* — улица в центральной части Буэнос-Айреса. Названа в честь политического деятеля Леандро Алема.
- Стр. 169. *Юньнань* — провинция в юго-западной части Китая.
- Стр. 171. *Деан Фунес* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь Грегорио Фунеса. И здесь же отмечу: эту фамилию носит главный герой знаменитого борхесовского рассказа «Фунес, чудо памяти» (сборник «Хитросплетения»).
- Стр. 174. *Лицзян* — город и округ в провинции Юньнань.
- Стр. 176. *желтая опасность*. — Данное словосочетание получило широкое хождение в конце XIX века, после того как германский император Вильгельм II в 1895 году написал аллегорическую картину «Желтая опасность». На картине были изображены народы Европы, под предводительством архангела Михаила противостоящие китайскому дракону. Было сделано несколько копий, которые Вильгельм преподнес в подарок главам европейских государств (в том числе и Николаю II; картина хранилась в Ливадийском дворце).
- Стр. 178. *Сун* — династия, правившая в Китае в 960—1279 годах.
- Стр. 180. *Серрито* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в память о победе, которую аргентинский генерал Хосе Рондо одержал над испанцами в 1812 году в сражении при Серрито (предместье Монтевидео).
- Стр. 183. «*Книга Перемен*» — классическое произведение конфуцианства.

День Испанской Расы — 12 октября (день открытия Америки Колумбом).

«*Дао дэ цзин*» — каноническая книга даосизма.

Стр. 185. «*Книга Ритуалов*» — под таким названием выходили книги в различные эпохи древнего Китая.

«*Онсе*» — кинотеатр в квартале, примыкающем к площади Онсе.

Стр. 188. *портеньос* — множ. число от «портеньо» (см. примеч. к стр. 56).

Стр. 189. *Морено* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь Мариано Морено.

Стр. 190. *Мерлин* — волшебник из многочисленных романов «рыцарей Круглого стола» (Артуровского цикла).

Стр. 191. *вспомнив случай из древней истории.* — Речь идет о пожаре в Древнем Риме во времена правления Нерона (по преданию, Нерон сам приказал поджечь Рим).

Стр. 193. *воздвигал сад* — расковыченная цитата из повести Вольтера «Кандид».

Образцовое убийство

Стр. 199. *Несс* — в греческой мифологии: кентавр, убитый Гераклом. Умирая и желая отомстить, Несс сказал Деянире, жене Геракла, чтобы она собрала его кровь, которая поможет ей вернуть любовь мужа. Поверив словам Несса, Деянира послала Гераклу одежду, пропитанную отравленной кровью кентавра. Это и явилось причиной смерти Геракла.

Симон — может быть, библейский Симон Маг (Симон-волхв); но может быть, реальный Педро Симон, испанский хронист.

Стр. 200. *Гонго* — ироническое искажение фамилия «Гонгора».

Стр. 201. *4 июня*. — Речь идет о государственном перевороте 1943 года. Законный президент Кастильо был свергнут, к власти пришла военная хунта во главе с генералом Росоном (несколько дней спустя президентом Аргентины стал генерал Рамирес).

Сан-Исидро — северо-западный пригород Буэнос-Айреса на берегу залива Ла-Плата.

Стр. 204. *Ле Фаню* — фамилия «взята» у писателя Джозефа Шеридана Ле Фаню.

Стр. 206. *фалангисты* — члены фашистской партии в Испании, которая после 1939 года (после победы франкистов в гражданской войне) стала в стране правящей и единственной легальной. (В начале 40-х годов в Аргентину эмигрировало немало испанских республиканцев; в эти же годы Аргентину захлестнула волна шовинизма.)

Стр. 212. *Сеговия* — город в Испании, к северу от Мадрида.

чича — кукурузное вино.

Сантьяго-дель-Эстero — провинция в северной части Аргентины.

Стр. 215. *все мы похожи на каких-либо животных* — отсылка к рассказу Биой Касареса «Лица истины».

Стр. 216. *кюммель* — тминная водка.

Стр. 218. *конга* — народный танец Карибского региона.

Стр. 221. *последний из могикан* — отсылка к названию романа Купера.

Сан-Ремо — курортный город в Италии.

Стр. 224. *Порядок и прогресс* — слова, начертанные на государственном флаге Бразилии.

Стр. 225. *кто родился по ту сторону хребта*. — Аргентину и Чили разделяют Анды.

Стр. 227. *кацик* — в доколумбовой Америке: индейский вождь, старейшина; в современной Латинской Америке: влиятельный богатый человек.

promesso sposo — отсылка к роману Мандзони «Обрученные».

Стр. 228. *Ратон Перутц де Ачала* — ироническое искажение имени и фамилии «Рамон Перес де Айяла». (Ратон — по-испански «мышь, мышонок».)

Стр. 232. *time machine* — отсылка к роману Уэллса «Машина времени».

Стр. 233. *grogard* — так звали солдат старой наполеоновской гвардии.

Стр. 234. «*Феррокарриль Оэсте*» — аргентинская футбольная команда.

на бумаге расцветет роза — отсылка и к ранним стихам Борхеса о розе, и к программному стихотворению Уидобро «Поэтическое искусство»: «О розе столько вдали — просто страх! // А ты заставь ее цвести в стихах».

Стр. 243. «*Вещая собака*» — рассказ Честертона.

Стр. 244. *Солецизм* — неправильный в синтаксическом отношении оборот речи.

Стр. 246. *Качеута* — селение в аргентинской провинции Мендоса (северо-запад Аргентины), где находятся целебные воды.

- Стр. 247. «*Select Buen Orden*» (англ., исп.). — Название кинотеатра можно перевести примерно как «Выбираем Образцовый Порядок». «*Select*» — распространенное название отелей и кинотеатров в Европе и США. «*Buen orden*» — иронический намек на политическую ситуацию в Аргентине той поры, когда создавалась повесть.
- Стр. 250. «*Недоверчивость отца Брауна*» — сборник детективных новелл Честертона, первым изданием вышедший в 1926 году. В этот сборник входит и рассказ «Вещая собака».
- Стр. 253. *метек* — первоначально: иноземный поселенец в Древних Афинах. На парижском арго «метекки» — бранное слово для обозначения иностранцев (особенно латиноамериканцев).
- Стр. 254. *К. Д. Т.* — существовавший в Буэнос-Айресе в 20—30-е годы футбольный клуб.
- Стр. 255. «*Платеро и я*» — сборник лирических миниатюр Хименеса. В книге рассказывается о путешествиях автора на ослике по кличке Платеро. Эта книга Хименеса стала в испаноязычных странах хрестоматийной.
- длиной девяносто три сантиметра, поляя, со шпагой внутри* — здесь (так же, как ранее и далее) пересказывается новелла Честертона «Вещая собака».
- Стр. 258. *милонга* — музыкальный жанр аргентинского городского фольклора (прежде всего буэнос-айресского).
- смейся, Риголетто* — отсылка к опере Леонкавалло «Паяцы» и к опере Верди «Риголетто».
- Стр. 259. *тапиока* — грубая крахмальная крупа из клубней маниоки. Служит для приготовления каши либо похлебки.

Унтер-ден-Линден (Под липами) — центральная улица Берлина.

Стр. 260. «*Альвеар*» — буэнос-айресская больница. Названа в честь Карлоса де Альвеара.

Стр. 261. *дон Ушуая*.— Такое прозвище дону Исидро Пароди, сидящему в тюрьме, дано потому, что в городе Ушуая (Огненная Земля) находятся широко известные в Аргентине тюрьма и колония.

Стр. 264. *Писающий мальчик* — намек на фонтанную статую, являющуюся своеобразным символом Брюсселя. Статуя была установлена в 1619 году; автор — Жером Дюкенуа-старший (1570—1641).

Стр. 267. *Реколета* — центральный некрополь аргентинской столицы, находится в одноименном районе.

Стр. 269. *Фернадес* — фамилия «взята» у писателя Маседонио Фернандеса.

о паремиологическом значении.— Паремиология — учение о поговорках.

Стр. 270. *по-леонски*.— Леон — историческая область в центральной части Испании.

Стр. 272. *Вич* — город в Испании, в котором родился Хайме Бальмес.

лига — мера длины, в Аргентине равная 5,2 км.

Монтесинос — пещера в провинции Альбасете (на юго-востоке Ла-Манчи), описана во второй части сервантесовского «Дон Кихота» (главы 20, 21). В этой пещере Дон Кихоту привиделся сон во сне. И здесь же отмечу: тема сновидений — одна из главных в творчестве и Борхеса, и Биой Касареса.

Стр. 276. *честертоновский почтальон*.— Речь идет о персонаже рассказа Честертон «Вещая собака».

- Стр. 277. *Радамант* (Радаманф) — в греческой мифологии: сын Зевса и Европы, славившийся своей справедливостью. После смерти Радамант стал судьей в загробном мире.
- Стр. 278. *двадцатую главу*.— В главе 20 первой части «Дон Кихота» (в беседе Рыцаря Печального Образа и его оруженосца) говорится, в частности, о запахах.
- Стр. 282. *Хуан Р. Пеес* — персонаж из книги Борхеса — Бией Касареса «Хроники Бустоса Домека».
- Стр. 283. *Зеленое золото Бразилии* — речь идет о бразильском кофе в зернах.
- Стр. 284. *мнемонические навыки*.— Мнемоника — совокупность правил и приемов, облегчающих запоминание нужных сведений при помощи создания искусственных ассоциаций.
- Стр. 285. *morituri te salutant* — часть фразы, с которой гладиаторы перед боем обращались к Цезарю: «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя».

Две памятные фантазии

СВИДЕТЕЛЬ

- Стр. 291. *Исайя, VI, 5*.— И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.
- Стр. 292. *Рафаэла* — город в провинции Санта-Фе (восточная часть Аргентины).
- Стр. 293. *Лобос* — город в западной части провинции Буэнос-Айрес.

Стр. 294. *Сан-Луис* — провинция в центральной части Аргентины.

Стр. 295. *о хлебах и о рыбах* — библейская аллюзия (см., например: Мф: 14, 17—21).

Стр. 296. *чиримойя* — плод ананасного дерева, растущего в Южной Америке.

Стр. 297. *синекдоха* — название части вместо целого, единичного вместо множественного и наоборот — целого вместо части и т. д.

Стр. 298. *Пануко* — река в Мексике.

Стр. 299. *Herrengasse* — улица в Гамбурге.

Путешествие к Центру Земли — отсылка к одноименному роману Жюль Верна.

Стр. 300. *Ла-Плата* — здесь: административный центр провинции Буэнос-Айрес. Город расположен на берегу залива Ла-Плата, к югу от аргентинской столицы.

Стр. 302. *словно в крошечном зеркале*.— Тема зеркал — одна из основных в творчестве и Борхеса, и Биой Касареса.

всю мою жизнь за меня прожил кто-то другой.— Жизнь, прожитая другим — одна из главных тем в творчестве Борхеса.

ЗНАМЕНИЕ

Стр. 304. *Бытие, IX, 13*.— Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею.

Стр. 305. *Каньюэлас* — город в провинции Буэнос-Айрес.

Бурсако — пригород Буэнос-Айреса, известный производством сыров.

Стр. 306. *Матесито* — прозвище происходит от слова «мате». В данном случае можно перевести как «охотничек попить мате».

Стр. 307. *окарина* — духовой (глиняный либо фарфоровый) итальянский музыкальный инструмент, звуком напоминающий флейту.

Боздо — район Буэнос-Айреса. «Боздо» — это также известная в Аргентине литературная группа (Арльт, Барлетта, Гонсалес Туньон, Кагельнуово и др.).

Сан-Висенте — округ в провинции Буэнос-Айрес.

Стр. 310. *астурийцы* — жители (уроженцы) Астурии, исторической области на севере Испании.

Стр. 311. «*Благоухающий сад*», «*Кама-сутра*», «*Ананга-Ранга*» — древнеиндийские трактаты о любви.

Стр. 313. *в камеру двести семьдесят два*. — Наверное, не будет лишним напомнить: в соседней, 273-й, камере сидел Исидро Пароди.

Стр. 314. *Балькарсе* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь Антонио Балькарсе.

Касерос — улица в Буэнос-Айресе. Касерос — это также западное предместье аргентинской столицы, где 3 февраля 1852 года армия Уркисы разбила войска, верные диктатору Росасу.

Триумвират — улица в Буэнос-Айресе. Названа в память о Революционном правительстве Аргентины (первом Триумвирате), находившемся у власти с сентября 1811 по октябрь 1812 года.

Стр. 315. *пучеро* — кушанье из мяса, овощей и турецкого гороха.

ризотто, матамбре, паррильяда — названия различных блюд аргентинской кухни.

Праздник чудовища

Рассказ написан в 1947 году, когда президентом (диктатором) Аргентины был генерал Хуан Доминго Перон (1895—1974) — правил в 1946—1955 годах (свергнут в результате военного переворота). В годы правления Перона в стране были ликвидированы конституционные гарантии, введена цензура, политические противники режима подвергались репрессиям. И Борхес, и Бийо Касарес к перонистской диктатуре относились резко отрицательно. Борхес называл Перона «вторым Росасом».

Стр. 319. *Здесь начало его скорби* — из поэмы Аска-суби «Рефалоса» (в поэме описывается казнь). Рефалоса (ресбалоса) — аргентинский народный танец-песня.

Стр. 321. *Бернардес* — фамилия «взята» у поэта Франсиско Луиса Бернардеса.

Стр. 322. «*Фрай Мочо*» — это также и псевдоним писателя Альвареса.

Стр. 323. *полента* — кукурузная каша.

Стр. 325. *мир за восемьдесят дней* — отсылка к роману Жюль Верна «Вокруг света в восемьдесят дней».

Кильмес — южный пригород Буэнос-Айреса.

Стр. 327. *Фу-Ман-Чу* — доктор-злодей из романов Ромера (романы неоднократно экранизировались).

Стр. 331. *Митре* — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь Бартоломе Митре.

Стр. 332. *Риачуэло* — река, протекающая в южной части Буэнос-Айреса.

Стр. 336. *Площадь Мая* (Майская площадь, Пласа-де-Майо) — центральная площадь аргентинской столицы. Названа в память о Майской революции, свершенной в Буэнос-Айресе в 1810 году и ставшей частью Войны за независимость. На площади — Президентский дворец (Розовый Дом).

Киносценарии

ПРОЛОГ

Стр. 339. *Трагическое начало...* — из послания Данте к Кангранде делла Скала, в котором говорится о «Божественной комедии».

Стр. 341. *Галахад* — герой романов «рыцарей Круглого стола» (Артуровского цикла): рыцарь, отправившийся на поиски Священного Грааля — чаши, в которую была собрана кровь распятого Христа.

К. — герой ряда произведений Кафки (в том числе, и романа «Замок»).

Белый кит — отсылка к роману Меллвилла «Моби Дик, или Белый кит». В этом романе Белый кит — олицетворение зла.

ОБИТАТЕЛИ ПРЕДМЕСТИЙ

Стр. 344. *сангрия* — почти безалкогольный коктейль: лимонад с подслащенным красным вином.

Стр. 360. *во время революции девятьсот пятого года.* — Речь идет о массовых забастовках, охвативших Аргентину в 1905 году.

Стр. 362. *альпаргаты* — крестьянская обувь: сандалии из пеньки.

Стр. 363. *канья* — водка из сахарного тростника.

- Стр. 365. *соловая лошадка*.— Соловый — конь желтоватой масти со светлым хвостом и гривой.
Альмагро — улица в Буэнос-Айресе. Названа в честь Диего де Альмагро.
- Стр. 371. *хабанера* (от названия кубинской столицы) — кубинский танец-песня. Восходит к европейскому конгрдансу. Во второй половине XIX века хабанера была чрезвычайно популярна в Буэнос-Айресе, где сыграла немаловажную роль в создании и формировании танго.
- Стр. 377. *омбу* (умбу) — дерево семейства лаконосных. Растет в Аргентине и других странах ла-платской зоны.
- Стр. 378. *Морон* — западный пригород Буэнос-Айреса, где находится аэропорт.
- Стр. 383. *корраль* — загон для скота.
- Стр. 388. *Хуни* — здесь: город в северо-западной части провинции Буэнос-Айрес. Самый знаменитый Хуни — город в Перу, близ которого 6 августа 1824 года армия Боливара разгромила испанские войска. Решающее значение в победном исходе имела кавалерийская атака во главе с Суаресом, прадедом Борхеса.
Бельтран — селение на западе провинции Буэнос-Айрес. Названо в честь Луиса Бельтрана.
- Стр. 404. *Обошел я край родной*.— В песне перечисляются города провинции Буэнос-Айрес и предместья аргентинской столицы. Песня состоит из десим (десятистиший). Такая строфическая форма была создана испанским поэтом Висенте Эспинелем (1550—1624).
- Стр. 405. *куадра* — мера длины: в Аргентине равна 130 м.

РАЙ ГОСПОДЕНЬ

Стр. 426. «*В поисках Тай Аня*» — название фильма отсылает к рассказу «Долгие поиски Тай Аня», но, судя по пересказу финала картины, которую смотрят герои киносценария, ее содержание вряд ли как-либо связано с самим рассказом.

Стр. 429. *квебрахо* (кебрачо) — южноамериканские деревья различных видов семейства анакардиевых и семейства кутровых. Растут в основном в Аргентине, Парагвае и Уругвае. Древесина квебрахо идет на изготовление шпал и других изделий, требующих особой прочности.

Формоса — провинция в северо-восточной части Аргентины.

Стр. 430. *Равенна* — город в Италии. (В Равенне похоронен Данте.)

Стр. 435. «*Карас и каретас*» («Лики и личины») — буэнос-айресский литературный журнал, основанный в 1898 году Хосе Альваресом.

Стр. 438. *Вторая империя* — период царствования во Франции императора Наполеона III.

Стр. 456. *Армения* — здесь: город в Колумбии.

Стр. 458. *Смирна* (Измир) — город в Турции.

Стр. 466. *Ни копейки больше.* — В оригинале стоит именно слово «копейка».

Стр. 467. *Даже и тень подозрения не должна пасть* — ироническая отсылка к словам Юлия Цезаря, сказавшего: «Жена Цезаря выше подозрений».

Копакабана — фешенебельный район Рио-да-Жанейро.

Стр. 474. *Морган — это я* — ироническая отсылка к словам Флобера, сказавшего о главной героине романа «Мадам Бовари»: «Эмма — это я».

Приложение

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ А. БИОЙ КАСАРЕСА

Данное предисловие написано Борхесом для первого издания романа Биой Касареса «Изобретение Мореля» в 1940 году. (Роман посвящен Борхесу.)

Стр. 486. *«Золотой осел»* — роман Апулея.

Стр. 487. *«Поворот винта»* — роман Генри Джеймса.
«Процесс» — роман Кафки.
«Путешественник по земле» — книга Жюльена Грина.

Стр. 488. *«Чуждые силы»* — сборник фантастических рассказов Лугонеса.

дань другому островному изобретателю — отсылка к научно-фантастическому роману Уэллса «Остров доктора Моро».

ИНТЕРВЬЮ С Х. Л. БОРХЕСОМ

Отрывок из интервью взят из книги: Jorge Luis Borges. (Témoignages, essais, textes de Jorge Luis Borges). Paris, 1989.

Стр. 492. *«Мужчина из Розового кафе»* — рассказ Борхеса из книги «Всеобщая история бесславья», первым изданием вышедшей в 1935 году.

ДИАЛОГ С БОРХЕСОМ

Фрагмент из книги Виктории Окампо «Диалог с Борхесом» (Буэнос-Айрес, 1969).

Стр. 495. *Кордова* — город (и одноименная провинция) в центральной части Аргентины.

РАЗГОВОР С БОРХЕСОМ

Отрывок из интервью взят из книги: Хорхе Луис Борхес. (Писатель и критика.) Мадрид, 1976.

Стр. 497. *опубликовали в прошлом году.* — Первым изданием «Хроники Бустоса Домека» вышли в 1967 году.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА «НЕДЕЛЕ АВТОРА»

В настоящем издании публикуется фрагмент из выступления Биой Касареса в Испании в 1990 году, в связи с присуждением ему премии «Сервантес».

Стр. 499. *составляли брошюру.* — Изданная в 1937 году брошюра о йогурте — первая книга, над которой Биой Касарес и Борхес работали вместе.

Стр. 500. *Беарн* — историческая провинция в юго-западной части Франции.

О. БУСТОС ДОМЕК ГЛАЗАМИ ЕГО СОЗДАТЕЛЕЙ

Интервью взято из буэнос-айресской газеты «Хенге» (11 августа 1977 года).

Стр. 503. *Мар-дель-Плата* — курортный город на юге провинции Буэнос-Айрес, на побережье Атлантики

ДВА АРГЕНТИНСКИХ ПИСАТЕЛЯ

Данное эссе Эмира Родригеса Монегалья опубликовано в журнале «Клинамен» (Монтевидео, 1947, № 3).

Стр. 506. *как первого аргентинского детективного писателя.* — Первый аргентинский детективный роман вышел в 1932 году. Он назывался «Тайна улицы Акрос», автор укрылся за псевдонимом «Саули

Лосталь*. Вопрос об авторстве остался открытым; некоторыми аргентинскими литературоведами роман приписывается Борхесу.

Стр. 508. *Переворот полковников* — речь идет о государственном перевороте в Аргентине 4 июня 1943 года, в результате которого к власти пришел генерал Рамирес.

Стр. 511. *Лунфардо* — жаргон жителей Буэнос-Айреса.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- АБРАМОВИЧ** Морис (1901—1982) — друг Борхеса в годы юности. *65*
- АВГУСТИН** (Святой Августин; 354—430) — христианский богослов, один из Отцов Церкви. *488*
- АВЕЛЬЯНЕДА** Николас (1837—1885) — аргентинский политический деятель, юрист, писатель; президент Аргентины в 1874—1880 годах. *66, 81, 204, 331*
- АЛЕМ** Леандро (1842—1896) — аргентинский политический деятель, юрист. *168, 461*
- АЛЬВАРЕС** Хосе Сиксто (псевд. Фрай Мочо; 1858—1903) — аргентинский прозаик, журналист (писал, в частности, статьи о лунфардо — языке жителей Буэнос-Айреса). В 1898 году основал литературный журнал «Карас и каретас» («Лики и личины»). *33, 322, 435*
- АЛЬВЕАР** Карлос де (1789—1853) — аргентинский военный и политический деятель, участник Войны за независимость, соратник Сан-Мартина. В аргентинской столице Альвеару в 1925 году установлен памятник работы французского скульптора Эмиля Антуана Бурделя (1861—1929). *260*
- АЛЬЕНДЕ** Сантьяго (?—1810) — аргентинский военный деятель. Отличился при защите Буэнос-Айреса от англичан в 1806 году. После Майской революции отказался признать законность Патриотической хун-

- ты (революционного правительства) Аргентины и был расстрелян. 400, 401
- АЛЬКОРТА** Амансио (1805—1862) — аргентинский экономист, педагог. 308, 309
- АЛЬМАГРО** Диего де (1475—1538) — испанский конкистадор. 365
- АПУЛЕЙ** (II в.) — древнеримский писатель. 486
- АРЕНАЛЬ** Консепсьон (1820—1893) — испанский юрист, социолог, писатель. 97
- АРИСТАРХ** (II в. до Р. Х.) — филолог Александрийской школы. Имя Аристарха стало нарицательным, как символ подлинной учености и благожелательной критики (антипод Зоила). 270
- АРЛЫТ** Роберто (1900—1942) — аргентинский писатель. 538
- АСКАСУБИ** Иларио (1807—1875) — аргентинский поэт, автор многочисленных произведений о гаучо. 319
- АСОРИН** (наст. имя — Хосе Мартинес Руис; 1873—1967) — испанский писатель. 24, 77, 122
- БАБЕЛЬ** Исаак Эммануилович (1894—1940) — русский писатель. В 30-е годы Борхес написал небольшое эссе, посвященное Бабелю, где дал высокую оценку его новеллистике. 66
- БАДОЛЬО** Пьетро (1871—1956) — итальянский военный и государственный деятель, маршал. Принимал участие в свержении Муссолини. Премьер-министр Италии в 1943—1944 годах. 23, 506
- БАЙРОН** Джордж Гордон (1788—1824) — английский поэт. 75
- БАЛЬЗАК** Оноре де (1799—1850) — французский писатель. 487

- БАЛЬКАРСЕ** Антонио Гонсалес (1774—1819) — аргентинский военный и политический деятель, участник Войны за независимость. 314
- БАЛЬМЕС** Хайме (1810—1848) — испанский богослов, философ, писатель. 269, 272
- БАРЛЕТТА** Леонидас (1902—1975) — аргентинский прозаик. 534
- БАРСИА** Роке (1823—1885) — испанский писатель, языковед, общественный деятель. 308
- БАТЛЕР** Сэмюэл (1835—1902) — английский писатель (моралист и сатирик). В романоязычных странах его книга «Все мы сделаны из плоти» получила широкую известность во французском переводе Валери Ларбо. 106
- БЕЛЬГРАНО** Мануэль (1770—1820) — аргентинский политический и военный деятель, участник Войны за независимость, соратник Сан-Мартина. 34, 207, 298, 332, 406, 510
- БЕЛЬГРАН** Луис (1785—1827) — аргентинский военный деятель, соратник Сан-Мартина. 388
- БЕРНАРДЕС** Франсиско Луис (1900—1978) — аргентинский поэт. Был дружен с Борхесом и его сестрой Норой, известной в Аргентине художницей. 321
- БЛАНКИ** Луи Огюст (1805—1881) — французский революционер, социалист-утопист. 488
- БЛОЗИЙ** (Франсуа Луи де Блуа; 1506—1566) — французский богослов, писатель-мистик. 108
- БОНТЕМПЕЛЛИ** Максимо (1878—1960) — итальянский писатель. В 1933 году побывал в Буэнос-Айресе. 24
- БОСКО** Джованни (1815—1888) — итальянский богослов, основатель ордена салестианцев. 76, 328

- БОЧЧОНИ** Умберто (1882—1916) — итальянский скульптор и живописец. 126
- БРАМА** Эрнест (наст. фамилия — Смит; 1868—1942) — английский писатель, автор детективных романов, а также произведений китайской тематики. 32, 167
- БРАМС** Иоганн (1833—1897) — немецкий композитор. 455
- БРАУН** Гильермо (1777—1857) — аргентинский (родом из Ирландии) флотоводец, адмирал, участник Войны за независимость. 527
- БРАУНИНГ** Роберт (1812—1889) — английский поэт. 25
- ВАЛЕРА** Хуан (1824—1905) — испанский писатель. 122, 124
- ВАЛЕРИ** Поль (1871—1945) — французский поэт, прозаик, эссеист. 89, 92, 93
- ВАЛЬЕ-ИНКЛАН** Рамон Мариа дель (1869—1936) — испанский писатель. В 1910 году побывал в Аргентине. На основе латиноамериканской действительности Валье-Инкланом написаны повесть «Летняя соната» и роман «Тиран Бандерас». 32, 122
- ВЕГА КАРПИО** Лопе Феликс де (1562—1635) — испанский драматург. 247
- ВЕРГИЛИЙ** (Публий Вергилий Марон; 70—19 до Р. Х.) — древнеримский поэт. 85, 197
- ВЕРДИ** Джузеппе (1813—1901) — итальянский композитор. 258
- ВЕРН** Жюль (1828—1905) — французский писатель-фантаст. 299, 325
- ВИКТОРИЯ** (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 года. 323

- ВИЛЬЕ де ЛИЛЬ-АДАН** Филипп Огюст Матиас (1838—1889) — французский писатель. 110
- ВОЛЬТЕР** (наст. имя — Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) — французский писатель, философ. 193
- ГАБРИО** Эмиль (1832—1873) — французский писатель, автор детективных произведений. 26
- ГАЛЬОСТРА-и-ФРАУ** Хосе (1833—1888) — испанский политический деятель, адвокат. 279
- ГАНДИА** Энрике де (1906—?) — аргентинский историк. 103
- ГАРДЕЛЬ** Карлос (1890—1935) — аргентинский композитор и исполнитель танго, киноактер, певец. В Аргентине его называют «Королем танго». 333
- ГАРИБАЛЬДИ** Джузеппе (1807—1882) — итальянский революционер, генерал. В 1835—1848 годах был в эмиграции — в Латинской Америке, где проявил себя как выдающийся военачальник (в частности, сражался против Росаса). В 1904 году в аргентинской столице Гарибальди был установлен памятник. 258
- ГАРСИА ЛОРКА** Федерико (1898—1936) — испанский поэт. В Аргентине жил в 1933—1934 годах. Аргентинской столице посвящено стихотворение Гарсиа Лорки «Песня о мальчишке-уборщике в лавке» («Ветром полон Буэнос-Айрес...»). 71
- ГОЙЕНА** Педро (1843—1892) — аргентинский писатель, юрист, оратор. 309
- ГОМЕР** (IX в. до Р. Х.) — древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». 26, 79
- ГОМЕС** Валентин (1781—1858) — мексиканский политический деятель. 152

- ГОНГОРА Луис де (1561—1627) — испанский поэт, один из крупнейших представителей литературы барокко. Оказал существенное воздействие на испаноязычную поэзию (включая XX в.). 104, 119, 200
- ГОНСАЛЕС БЛАНКО Хулио (1900—1955) — аргентинский историк, писатель. 122
- ГОНСАЛЕС ТУНЬОН Рауль (1905—1974) — аргентинский поэт. 538
- ГРЕВЕН Альфред (1827—1892) — французский художник. В 1882 году основал в Париже музей восковых фигур. 26
- ГРИН Жюльен (1900—1998) — французский писатель. 487
- ГРОССО Альфредо Бартоломе (1867—?) — аргентинский историк. 103
- ГРУССАК Поль (1848—1929) — аргентинский писатель. В 1885—1929 годах — директор Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе (позже директором был Борхес). 127
- ГУИРАЛЬДЕС Рикардо (1886—1927) — аргентинский писатель, автор романа о гаучо «Дон Сегундо Сомбра». Друг борхесовской юности. В 1924—1926 годах Гуиральдес и Борхес издавали авангардистский журнал «Форштевень». 67, 512
- ГУСМАН Глория (1902—?) — аргентинская киноактриса. 504
- ГЮГО Виктор (1802—1885) — французский писатель. 203, 509
- ДАБОВЕ Сантьяго (1889—1960) — аргентинский писатель. 488
- ДАНТАШ Жулиу (1876—1962) — португальский прозаик. 61

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (1265—1321) — итальянский поэт.
109, 339

ДАРИО Рубен (наст. имя — Феликс Рубен Гарсиа Сар-
мьенто; 1867—1916) — никарагуанский поэт, глава
испаноамериканского романтизма. В конце XIX века
несколько лет жил в Аргентине. В 1910 году на-
писал поэму (цикл стихотворений) «Песнь Арген-
тине». *23, 516*

ДЕАН ФУНЕС — см. Фунес

ДЕ КУИНСИ Томас (1785—1859) — английский про-
заик, эссеист. Борхес писал о нем неоднократно.
486, 487

ДЖЕЙМС Генри (1843—1916) — американский писа-
тель. *487*

ДИКСОН КАРП Джон (1906—1977) — английский пи-
сатель, автор детективных произведений. *29, 507*

ДИСНЕЙ Уолт (1901—1966) — американский киноре-
жиссер-мультипликатор. *93, 321*

ДОЙЛ — см. Конан Дойл.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821—1881) —
русский писатель. *28, 54, 58, 507, 512, 522*

ДУАУ Альфредо (1863—1936) — аргентинский писа-
тель. *199, 508*

ДЮМА Александр (1802—1870) — французский рома-
нист. *218*

ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (1879—1953) — рус-
ский драматург, режиссер, теоретик и историк теат-
ра. Одна из его основных пьес — «Самое главное»,
героem которой является Фреголи. *77*

ЖИОНО Жан (1895—1970) — французский писатель.
92, 93

- ЗОИЛ** (400—330 до Р. Х.) — древнегреческий философ, критик, автор «Порицания Гомеру» и «Против творений Гомера». Его имя стало нарицательным для обозначения злобного, мелочно-придирчивого критика. 270
- ИВАН ГРОЗНЫЙ** (Иван IV; 1530—1584) — русский царь с 1547 года. 107
- ИРИГОЙЕН** Иполито (1852—1933) — аргентинский государственный деятель. Президент Аргентины в 1916—1922 и 1928—1930 годах (свергнут в результате переворота, возглавленного генералом Урибуру). 97
- ИРУРТИА** Рохелио (1879—1950) — аргентинский скульптор. 220
- КАЛЬФУКУРА** Хуан (1835—1873) — индейский вождь (качик), участник гражданских войн в Аргентине. 205
- КАМПО** Эстанислао дель (1834—1880) — аргентинский поэт, автор поэмы о гаучо «Фауст». 31
- КАНГРАНДЕ** делла **СКАЛА** (1291—1329) — итальянский государственный деятель, правитель Вероны, покровитель Данте. 339
- КАНТ** Иммануил (1724—1804) — немецкий философ. 107
- КАНТУ** Чезаре (1804—1895) — итальянский писатель, историк. 40
- КАРРЕРА** **АНДРАДЕ** Хорхе (1903—1978) — эквадорский поэт. 268
- КАРТЕР** Ник — псевдоним сначала Джона Кориэла (1848—1924), а затем Фредерика Ван Ренселера Дея (1865—1922) — американских писателей, авторов детективных произведений. 29, 72, 507

- КАСТЕЛЬНУОВО** Элиас (1893—?) — аргентинский писатель. 538
- КАСТИЛЬО** Рамон (1873—1944) — аргентинский политический деятель, юрист. Президент Аргентины в 1940—1943 годах (свергнут военной хунтой во главе с генералами Росоном и Рамиресом). 32, 198, 508, 532
- КАТОН СТАРШИЙ** Марк Порций (234—149 до Р. Х.) — римский государственный деятель, писатель, историк. Отличался суровостью нрава. 127, 297
- КАТРИЭЛЬ** Сиприано (?—1874) — индейский вождь (качик), участник гражданских войн в Аргентине. Упоминается в стихотворении Борхеса «Милонга чужестранца» и рассказе «Юг». 205
- КАФКА** Франц (1883—1924) — австрийский писатель. 135, 341, 487, 492
- КЕЙН** Джеймс (1892—1977) — американский писатель, автор детективных произведений. 102
- КОЛИКЕО**, отец и сын: Игнасио (?—1871) и Хусто (?—1876) — индейские вожди (качики), участники гражданских войн в Аргентине. 205
- КОЛУМБ** Христофор (1451—1506) — испанский мореплаватель (родом из Генуи), первооткрыватель Америки. 461, 531
- КОНАН ДОЙЛЬ** Артур (1859—1930) — английский писатель. 24, 26, 64
- КОНРАД** Джозеф (наст. имя — Юзеф Теодор Конрад Коженевский; 1857—1924) — английский писатель. 510
- КОРРЕАС** Эдмундо (1901—?) — аргентинский историк. 105
- КРОЧЕ** Бенедетто (1866—1952) — итальянский филолог, литературовед. 103
- КРУС** Сан-Хуан де ла — см. Сан-Хуан де ла Крус.

- КСИРГУ Маргарита (1888—1969)** — испанская актриса. Прославилась исполнением ролей в пьесах Гарсиа Лорки. С 1939 года — в эмиграции (жила в основном в Аргентине). 55
- КУПЕР Джеймс Фенимор (1789—1851)** — американский писатель. 221
- КЪРКЕГОР Серен (1813—1855)** — датский философ, богослов, писатель. 260
- ЛАКРОЗ**, братья: **Федерико (1838—1899)** и **Хулио (1841—1890)** — аргентинские инженеры (родом из Франции). В 1868 году проложили в Буэнос-Айресе первую трамвайную линию. 138, 304
- ЛАРБО Валери (1881—1957)** — французский поэт, прозаик, критик, переводчик. С английского переводил произведения Батлера, Честертона, с испанского — Гуиральдеса. 106
- ЛАРРЕТА Энрике** (наст. фамилия — Родригес Маса; 1875—1961) — аргентинский писатель, дипломат. Автор исторического романа «Слава дона Рамиро», романа о гаучо «Зогойби» и др. 32, 519
- ЛАС-ЭРАС** — см. Эрас.
- ЛЕБЛАН Морис (1864—1941)** — французский писатель, автор детективных произведений. 26
- ЛЕВЕНЕ Рикардо (1885—1959)** — аргентинский историк. 103
- ЛЕГИСАМО Иринео (1903—?)** — аргентинский жокей. 218
- ЛЕ КОРБЮЗЬЕ** (наст. имя — Эдуар Жаннере-Гри; 1887—1965) — французский архитектор. Среди его проектов — план реконструкции Буэнос-Айреса (осуществлен не был). 174
- ЛЕОНКАВАЛЛО Руджеро (1857—1919)** — итальянский композитор. 258

- ЛЕСАЖ** Ален Рене (1668—1747) — французский писатель. 65
- ЛЕ ФАНЮ** Джозеф Шеридан (1814—1873) — ирландский писатель. В своем творчестве продолжал традиции готического романа; автор ряда детективных произведений. 204, 509
- ЛОМБРОЗО** Чезаре (1835—1909) — итальянский судебный психиатр. 40
- ЛОМУТО** Хуан (1893—1950) — аргентинский композитор и исполнитель танго. 102
- ЛОПЕ** де ВЕГА — см. Вега Карпио.
- ЛОПЕС** Висенте (1815—1903) — аргентинский историк, писатель. 76
- ЛОУРЕНС** Дэвид Герберт (1885—1930) — английский писатель. 76
- ЛУГОНЕС** Леопольдо (1874—1938) — аргентинский поэт, прозаик, эссеист. Один из крупнейших писателей Аргентины XX века (в первый период своего творчества — модернист). Борхес писал о нем неоднократно. 23, 488
- ЛЮБИЧ** Эрнст (1892—1949) — американский (родом из Австрии) кинорежиссер. В США перехал в 20-е годы, работал в Голливуде. 339
- МАДЗИНИ** Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер, публицист, критик. 37
- МАНДЗОНИ** Алессандро (1785—1873) — итальянский писатель, автор романа «Обрученные». 227
- МАКИАВЕЛЛИ** Николо (1469—1527) — итальянский политик, мыслитель, писатель, историк. Автор сочинения «Государь». 156
- МАККЕНЗИ** Дональд (1908—?) — английский писатель, автор детективных произведений. 31

- МАЛЛАРМЕ** Стефан (1842—1898) — французский поэт. 517
- МАЛЬЭА** Эдуардо (1903—1982) — аргентинский писатель. 518
- МАНРИКЕ** Хорхе (1440—1479) — испанский поэт. Его «Строфы на смерть отца» — одна из вершин испанской литературы Золотого века. 23, 139
- МАРЕЧАЛЬ** Леопольдо (1900—1970) — аргентинский поэт и прозаик, автор романа «Адам Буэносайрес». 518
- МАРИНЕТТИ** Филиппо Томмазо (1876—1944) — итальянский писатель, создатель и теоретик футуризма. 75, 88
- МАРТИ** Хосе (1853—1895) — кубинский писатель, журналист, революционер. 59, 60
- МАРТИНЕС СЬЕРРА** Грегорио (1881—1947) — испанский писатель. 119
- МАРТИНЕС ЭСТРАДА** Эсэкиэль (1895—1964) — аргентинский писатель, литературовед. 503
- МАСТРОНАРДИ** Карлос (1901—?) — аргентинский поэт. 508
- МАТУРАНА** Хосе де (1884—1917) — аргентинский поэт и драматург. 309
- МЕЛВИЛЛ** Герман (1819—1891) — американский писатель. 341
- МЕСТР** Ксавье де (1763—1852) — французский писатель, ученый, художник. Автор «Путешествия вокруг моей комнаты». 32
- МИРО** Габриэль (1879—1930) — испанский писатель. 24
- МИСЬЕУС** (наст. имя — Томас Мисьерес; XVIII в.) — испанский музыкант. 212

- МИТРЕ Бартоломе** (1821—1906) — аргентинский военный и политический деятель, историк, публицист. В 1862—1868 годах президент Аргентины. *130, 331, 377*
- МОЛИНАРИ Рикардо** (1898—1982) — аргентинский поэт. *33*
- МОННЕР САНС Рикардо** (1853—1927) — испанский писатель, языковед. Многие годы прожил в Аргентине. Занимался проблемами языковых «ляпов». *212*
- МОРЕНО Мариано** (1778—1811) — аргентинский политический деятель, юрист, активный участник Майской революции 1810 года. *189*
- МУХИКА ЛАЙНЕС Мануэль** (1910—1984) — аргентинский прозаик. *83*
- МЭН-ЦЗЫ** (372—289 до Р. Х.) — китайский философ (внук Конфуция), автор «Морального трактата». *168, 169*
- НАПОЛЕОН I БОНАПАРТ** (1769—1821) — император Франции в 1804—1814 годах и в марте—июне 1815 года. *26, 40, 150, 153, 160, 233*
- НАПОЛЕОН III** (1808—1873) — французский император в 1852—1870 годах. *438, 462*
- НЕГР ФАЛУЧО** (наст. имя — Антонио Руис; ?—1824) — аргентинец негритянского происхождения, солдат Освободительной армии. Был убит во время одного из антиреспубликанских восстаний. В аргентинской столице Негру Фалучо установлен памятник. *200, 248*
- НЕРОН Клавдий Цезарь** (37—68) — римский император с 54 года. *191, 458*

- НИЦШЕ** Фридрих (1844—1900) — немецкий философ. 76, 77
- НУРМИ** Пааво (1897—1975) — финский спортсмен, бегун. Трехкратный олимпийский чемпион, установил 24 мировых рекорда. 284
- ОКАМПО** Виктория (1891—1979) — аргентинская писательница, друг Борхеса, сестра Сильвины Окампо — жены Биой Касареса. 494, 518
- ОККАМ** Уильям (1285—1349) — английский философ, логик. 162
- ОНИС** Федерико де (1885—1966) — испанский критик, эссеист, автор работ об испанской и латиноамериканской поэзии. 268
- ОРИГЕН** (185—253) — христианский богослов. 488
- ОРТЕГА-и-ГАССЕТ** Хосе (1883—1955) — испанский философ, эссеист. В 1939—1945 годах жил в Аргентине. 214, 485, 487
- ОРЧИ** Эмма (1865—1947) — английская писательница (родом из Венгрии), автор историко-приключенческих романов. 28
- ОТТОЛЕНГИ** Маурисио (1902—?) — аргентинский юрист, писатель. 24
- ПАЙРО** Роберто (1867—1928) — аргентинский прозаик и драматург. 63
- ПАЛОМЕКЕ** Рафаэль Альберто (1878—?) — аргентинский писатель. 292
- ПАНОРМИТАНО** Антонио (наст. фамилия — Беккаделли; 1394—1471) — итальянский поэт, автор сборника эпиграмм «Гермафродит». 311

- ПАРДО БАСАН Эмилия (1852—1921) — испанская писательница. 122
- ПЕЛЬЕГРИНИ Карлос (1846—1906) — аргентинский политический деятель, юрист. Президент Аргентины в 1890—1892 годах. 215
- ПЕМАН Хосе Мариа (1898—?) — испанский поэт, драматург, оратор. 117, 127
- ПЕРЕДА Хосе Мариа де (1833—1906) — испанский писатель. 122
- ПЕРЕС ГАЛЬДОС Бенито (1843—1920) — испанский романист. 122
- ПЕРЕС де АЙЯЛА Рамон (1880—1962) — испанский писатель. В 1946 году был испанским атташе по культуре в Аргентине. 228, 512
- ПЕСТАЛОЦЦИ Иоганн Генрих (1746—1827) — швейцарский педагог. 265
- ПИКАССО Пабло (1881—1973) — французский художник (по происхождению испанец). 79, 104
- ПИНСЕН (XIX в.) — индейский вождь (качик), участник гражданских войн в Аргентине. 205
- ПИРАНДЕЛЛО Луиджи (1867—1936) — итальянский драматург, прозаик, поэт; лауреат Нобелевской премии (1934). 458
- ПО Эдгар Аллан (1809—1849) — американский писатель-романтик. Оказал существенное воздействие на аргентинскую литературу XX века (Лугонес, Борхес, Бной Касарес, Кортасар). 28, 29, 31, 99, 507
- ПОУП (Поп) Александр (1688—1744) — английский поэт. 75
- ПРУСТ Марсель (1871—1922) — французский писатель, автор романа-эпопеи «В поисках утраченного времени». 486

- ПУССЕН Никола (1594—1665) — французский художник. *26, 517*
- ПУЭЙРРЕДОН Хуан Мартин де (1776—1850) — аргентинский военный и политический деятель. Отличился в боях с англичанами, захватившими Буэнос-Айрес в 1806 году. *152*
- РАДАЭЛЬИ Сигфридо (1909—?) — аргентинский писатель, историк. *103*
- РАМИРЕС Педро Пабло (1884—1962) — аргентинский военный и государственный деятель, генерал. Президент Аргентины в 1943—1944 годах (пришел к власти в результате военного переворота). *199, 532, 545*
- РЕЙСБРОК Иоханнес (Рейсброк Великолепный; 1293—1381) — нидерландский богослов, писатель-мистик. *108*
- РЕНАН Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель, историк христианства. *59*
- РЕПЕТТО Николас (1871—?) — аргентинский общественный деятель, историк. *39*
- РИВАДАВИЯ Бернардино (1780—1845) — аргентинский государственный и военный деятель. Президент Аргентины в 1826—1827 годах. *83, 177, 314, 445*
- РИВЕРА Хосе (1814—1844) — аргентинский писатель. *310*
- РИЛЬКЕ Райнер Мариа (1875—1926) — австрийский поэт. *200*
- РОДО Хосе Энрике (1871—1917) — уругвайский философ, литературовед, эссеист. Его основная работа — философско-политическое эссе «Ариэль». *122, 268*
- РОЛЬДАН Белисарио (1873—1922) — аргентинский поэт, драматург, общественный деятель, оратор. *113*

- РОМЕР Сакс** (1883—1959) — английский писатель, автор романов о докторе-злодее Фу-Ман-Чу. 327
- РОНДО Хосе** (1773—1845) — аргентинский военный и государственный деятель, участник Войны за независимость. 530
- РОСАС Хуан Мануэль де** (1793—1877) — аргентинский государственный и военный деятель, генерал. В 1835—1852 годах — президент (диктатор) Аргентины. В феврале 1852 года потерпел поражение в бою с войсками генерала Уркисы и был свергнут. 538
- РОСОН Артуро** (1885—1952) — аргентинский военный деятель, генерал. В 1943 году вместе с генералом Рамиресом совершил государственный переворот. Несколько дней был президентом Аргентины, затем передал власть Рамиресу. 532
- РОССЕТТИ Данте Габриэль** (1828—1882) — английский поэт и художник. 39, 488
- РОСТАН Эдмон** (1868—1918) — французский драматург. 67
- РОХАС Рикардо** (1882—1957) — аргентинский литературовед, автор многотомной «Истории аргентинской литературы» (Борхес не преминул заметить, что «История» объемом превышает сам предмет исследования). 147
- СААВЕДРА Корнелио де** (1759—1829) — аргентинский политический деятель, активный участник Майской революции 1810 года. 80, 161
- САМАНЬЕГО Феликс Мариа** (1745—1801) — испанский писатель, автор басен и притч. 269
- САН-МАРТИН Хосе де** (1778—1850) — национальный герой Аргентины, государственный и военный деятель Латинской Америки, один из руководителей

Освободительной армии в годы Войны за независимость. 70, 305, 404, 504, 524, 527

САНТОС ДЮМОН Альберт (Сантуш Думонт Алберту; 1873—1932) — бразильский и французский авиатор. Его полет на самолете 23 октября 1906 года признан первым в Европе. Сантуша Думонта в Бразилии (на родине) называют «Отцом авиации». 275

САН-ХУАН де ла КРУС (1542—1591) — испанский поэт-мистик. 103

САРМЬЕНТО Доминго Фаустино (1811—1888) — аргентинский государственный деятель, писатель, педагог. Президент Аргентины в 1868—1874 годах. Автор книги «Фаундо, или Цивилизация и варварство», оказавшей существенное воздействие на развитие литературы и философии в Латинской Америке. 59

САРРАТЕА Мануэль де (1774—1849) — аргентинский политический деятель, участник Войны за независимость. 525

САСТРЕ Маркос (1809—1887) — уругвайский писатель. 63

СВЯТАЯ МАРГАРИТА (255—275) — христианская великомученица. В испаноязычных странах ее нередко называют Святой Ритой и почитают как заступницу перед Господом. 411

СЕРВАНТЕС Мигель де (1547—1916) — испанский писатель. О нем, о романе «Дон Кихот» и о его героях Борхес писал неоднократно. 197, 214, 272, 278, 297, 486, 487, 512

СЕХАДОР Хулио (1864—1927) — испанский богослов, историк испанского языка и литературы. 120

СИД (Родриго Диас де Бивар; 1040—1099) — испанский дворянин, активный участник Реконксты

(отвоевания испанцами своей территории у мавров).
 Главный герой испанского национального эпоса
 «Песнь о моем Сиде» (XII в.). 104

СИМОН Педро (1574—1630) — испанский хронист,
 автор книги «Исторические сведения о вице-коро-
 левстве Новая Гранада». 199

СКИАПАРЕЛЛИ Джованни (1835—1910) — итальян-
 ский астроном, открывший «каналы» на Марсе. 176

СОКРАТ (470—399 до Р. Х.) — древнегреческий фи-
 лософ. 25

СТИВЕНСОН Роберт Льюис (1850—1894) — англий-
 ский писатель, литературный критик. 341, 485, 486

СТРАДИВАРИУС Антонио (1643—1737) — итальянс-
 кий скрипичный мастер. 55

СУАРЕС Мануэль Исидоро (1799—1846) — прадед
 Борхеса, аргентинский военный деятель, участник
 Войны за независимость. 197, 490, 497, 507, 516, 517

ТЕМПЛ Ширли (р. 1928) — американская актриса. 221

ТЕРЕЗА де Сепеда-и-Аумада (Тереза Авильская, Свя-
 тая Тереза; 1515—1582) — испанская писательни-
 ца-мистик, реформатор Ордена кармелиток. 108

ТИРСО де МОЛИНА (наст. имя — Габриэль Тельес;
 1571—1648) — испанский драматург. 214

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828—1910) — русский
 писатель. 524

ТУЛЕ Поль-Жан (1867—1920) — французский поэт.
 124

УАЙЛЬД Оскар (1854—1900) — английский прозаик,
 поэт, эссеист, критик. 124, 204

УДЭН (Жан Эжен Робер-Удэн; 1805—1871) — фран-
 цузский фокусник. 124

- УИДОБРО** Висенте (1893—1948) — чилийский поэт, создатель креасьонизма — авангардистского течения в испаноязычной поэзии. В 1926 году Уидобро и Борхес выпустили «Указатель новейшей американской поэзии». 234, 533
- УМБЕРТО ПЕРВЫЙ** (1844—1900) — король Италии с 1878 года. 33
- УОЛЛЕС** Эдгар (1875—1932) — английский писатель, автор детективных произведений. 115
- УРИБУРУ** Хосе Феликс (1868—1932) — аргентинский политический деятель. Президент Аргентины в 1930—1932 годах (пришел к власти в результате военного переворота). 97
- УРКИСА** Хусто Хосе де (1801—1970) — аргентинский военный и государственный деятель. В феврале 1852 года разбил войска диктатора Росаса. В 1852—1860 годах — президент Аргентины. 538
- УЭЛЛС** Герберт (1866—1946) — английский писатель-фантаст. 101, 233, 488, 490
- ФАЛУЧО** — см. Негр Фалучо.
- ФЕРНАДЕС** Маседонио (1874—1952) — аргентинский писатель, литературный наставник Борхеса. В 1922—1923 годах они вместе издавали журнал «Форштевень». В 1940 году Борхес включил рассказ Фернадеса «Танталиада» в ставшую знаменитой «Антологию фантастической литературы», составленную совместно с Биой Касаресом и Сильвиной Окампо. 269, 273
- ФИОРАВАНТИ** Хосе (1896—1970) — аргентинский скульптор, автор Памятника знамени в городе Росарио. 59
- ФЛИНН** Эррол (1909—1959) — американский киноактер. 99

ФЛОБЕР Гюстав (1821—1880) — французский романист. 474

ФРАЙ МОЧО — см. Альварес.

ФРАНС Анатолий (наст. имя — Анатолий Франсуа Тибо; 1844—1924) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1921). 61, 124

ФРЕГОЛИ Леопольдо (1867—1936) — итальянский артист варьете, мастер сценических перевоплощений. Его фамилия еще при жизни сделалась нарицательной. Фреголи стал главным героем пьесы Евреинова «Самое главное» (в 20-е годы эта пьеса получила всемирную известность). 77, 358

ФУНЕС (Деан Фунес) Грегорио (1749—1829) — аргентинский священник, писатель, страстный защитник идей независимости. 171

ФЭРБЕНКС Дуглас (1883—1939) — американский киноактер. 99

ХИМЕНЕС Хуан Рамон (1881—1958) — испанский поэт, лауреат Нобелевской премии (1956). С 1936 года — в эмиграции (жил в основном в США). В 1949 году побывал в Аргентине. Его книга лирических миниатюр «Платеро и я» стала в испаноязычных странах хрестоматийной. 226, 255

ЦЕЗАРЬ Гай Юлий (102—44 до Р. Х.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. 285, 467, 529

ЧАПЛИН Чарльз (Чарли; 1889—1977) — англо-американский кинорежиссер, актер, сценарист. 277

ЧЕМБЕРЛЕН Остин (1863—1937) — английский государственный деятель, в 1924—1929 годах министр иностранных дел Великобритании. 124

- ЧЕСТЕРТОН** Гилберт (1874—1936) — английский писатель, автор ряда детективных произведений. 29, 61, 204, 243, 250, 276, 281, 486, 509
- ЧИППЕНДЕЙЛ** Томас (1718—1779) — английский мебельный мастер. 284
- ШЕКСПИР** Уильям (1564—1614) — английский драматург. 109, 122, 487
- ШИЛЬ** Генрих Йозеф (1812—1888) — немецкий писатель. 28
- ШИРЕР** Норма (наст. фамилия — Фишер; 1900—1983) — американская киноактриса. 98
- ШОПЕН** Фридерик (1810—1849) — польский композитор. 355, 380, 399
- ШОУ** Джордж Бернард (1856—1950) — английский драматург, лауреат Нобелевской премии (1925). 341
- ШТЕРНБЕРГ** Джозеф фон (1894—1969) — американский (родом из Австрии) кинорежиссер. В США стал жить с 1914 года, работал в Голливуде. 339
- ЭЛЕФАНТИС** (I в.) — греческий писатель. Считается одним из создателей порнографической литературы. 312
- ЭЛЮАР** Поль (наст. имя — Эжен Эмиль Поль Грендель; 1895—1952) — французский поэт. 276, 277
- ЭПИКТЕТ** (букв.: Прикупленный; 50—138) — греческий философ-стоик. Был рабом одного из фаворитов Нерона. 458
- ЭРАС** (Лас-Эрас) Хуан Грегорио (1780—1866) — аргентинский военный и государственный деятель, участник Войны за независимость. 81
- ЭРНАНДЕС** Хосе (1834—1886) — аргентинский поэт. Его поэма о гаучо «Мартин Фьерро» стала в Аргентине хрестоматийной. 31, 490, 512, 517

ЮМ Дэвид (1711—1776) — английский философ, историк, экономист, публицист. *203, 509*

ЮНГ Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог, исследователь мифологий и религий мира. В произведениях Борхеса о Юнге говорится неоднократно. *458*

ЯННИНГС Эмиль (наст. имя — Теодор Фридрих Эмиль Яренц; 1884—1950) — немецкий киноактер, снимался в фильмах Штернберга. *105, 106, 513*

В. Андреев

Содержание

Владимир Петров.
Бустос Домек и его ближайшее окружение
5

**Шесть задач
для дона Исидро Пароди**

О. Бустос Домек
Перевод В. Андреева
23

Предупреждение
Перевод В. Петрова
25

Двенадцать знаков мироздания
Перевод М. Петрова
33

Ночи Голядкина
Перевод Г. Царева
54

Бог быков
Перевод В. Петрова
75

Замысел Санджакомо
Перевод В. Петрова
97

Жертва Тадео Лимардо

Перевод К. Корконосенко

135

Долгие поиски Тай Аня

Перевод В. Капустиной

167

Образцовое убийство

Перевод В. Правосудова

197

Две памятные фантазии

Свидетель

Перевод С. Корзаковой

291

Знамение

Перевод М. Петровой

304

Праздник чудовища

Перевод М. Давиденко

319

Киносценарии

Пролог

Перевод В. Правосудова

339

Обитатели предместий

Перевод В. Правосудова

343

Рай Господень

Перевод В. Литуса

425

Приложение

Хорхе Луис Борхес.
Предисловие к роману А. Биой Касареса
«Изобретение Мореля»

Перевод В. Андреева

485

Наполеон Мюрат.
Интервью с Х. Л. Борхесом
Перевод с французского О. Акимовой

489

Виктория Окампо.
Диалог с Борхесом
Перевод Н. Дёмкиной

494

Рита Гиберт.
Разговор с Борхесом
Перевод Н. Дёмкиной

496

Адольфо Биой Касарес.
Из выступления на «Неделе автора»
(Мадрид, 12—15 ноября 1990 г.)

Перевод Н. Дёмкиной

498

О. Бустос Домек глазами его создателей.
Интервью Рене Сальяс с Х. Л. Борхесом
и А. Биой Касаресом

Перевод В. Петрова

501

Эмир Родригес Монегаль.
Два аргентинских писателя
Перевод Н. Дёмкиной

506

В. Андреев. Комментарии

514

Аннотированный указатель имен

546

На обложке книги:

Броненосец (Dasypodiadae) — животное класса млекопитающих, отряда неполнозубых. Ареал обитания — Центральная и Южная Америка. По свидетельствам очевидцев — неуклюжее, низкорослое существо, покрытое толстым панцирем роговых щитков, ведет ночной образ жизни, объект охоты, в пищу употребляется мясо. На снимке, с большой долей вероятности, — девятипоясный броненосец (*Dasypus novemcinctus*), встречающийся в окрестностях Буэнос-Айреса. Существует мнение, что броненосец является символом латиноамериканского постмодернизма, однако позиция Х. Л. Борхеса и А. Бийо Касареса в этом вопросе пока не вполне ясна. При фотографировании, подготовке и производстве этой книги ни один девятипоясный броненосец не пострадал.

Хорхе Луис Борхес
Адольфо Бийо Касарес

Б 83 Образцовое убийство. Рассказы. Повесть.
Киносценарии / Пер. с исп. Сост. и предисл.
В. Петрова. Комментарии В. Андреева. СПб.:
«Симпозиум», 2001. — 576 с.

ISBN 5-89091-139-2

Известные по отдельности как вполне «серьезные» писатели, два великих аргентинца в совместном творчестве отдали щедрую дань юмористическому и пародийному началу. В книгу вошли основные произведения, созданные Х. Л. Борхесом и А. Бийо Касаресом в соавторстве: рассказы из сборников «Шесть задач для донна Исидро Пароди» (1942) и «Две памятные фантазии» (1946), повесть «Образцовое убийство» (1946) и два киносценария.

Хорхе Луис Борхес

Адольфо Бийо Касарес

ОБРАЗЦОВОЕ УБИЙСТВО

Ответственный редактор *В. А. Петров*
Редакторы *В. Н. Андреев, В. А. Петров*
Технический редактор *Е. И. Каплунова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Киселева*
Корректор *О. Э. Карпеева*

Издательство «Симпозиум»
190000, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
Тел./факс +7 (812) 314-46-13, 314-84-49
e-mail: symposium@online.ru
ЛР № 066158 от 02.11.98.

Подписано в печать 08.11.00. Формат 76×90/32.
Гарнитура Antiqua. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,8.
Тираж 8000 экз. Заказ № 66.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Печатный двор» Министерства РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «SYMPOSIUM»



СЕРИЯ
omnia

**Хорхе Луис Борхес,
Адольфо Биой Касарес**
ОБРАЗЦОВОЕ УБИЙСТВО

**Хорхе Луис Борхес,
Адольфо Биой Касарес**
СОБРАНИЕ КОРОТКИХ
И НЕОБЫЧАЙНЫХ ИСТОРИЙ

**Хорхе Луис Борхес,
Адольфо Биой Касарес**
КНИГА НЕБЕС И АДА

Саша Соколов
ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ

Дино Буццати
ТАЙНА СТАРОГО ЛЕСА

Борис Виан
ОСЕНЬ В ПЕКИНЕ

**По коммерческим вопросам, а также
по вопросам оптовой торговли обращаться:**

в Санкт-Петербурге: тел. (812) 314-4613, 314-8449

в Москве: тел./факс (095) 207-5362

E-mail: symposium@online.ru

**В розницу книги издательства “Symposium”
реализует**

“САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДОМ КНИГИ”
(Невский пр., 28; тел. 318-6794)

**Книги издательства “Symposium”
в Москве реализуют:**

оптом и в розницу

“Б.С.Г.-ПРЕСС”

ул. Гиляровского, 1; тел. 207-5362;

E-mail: bsgpress@mtu-net.ru

книжный клуб в “Олимпийском”, №№ 128, 173а, 295

в розницу:

ТОРГОВЫЙ ДОМ “БИБЛИО-ГЛОБУС”
(ул. Мясницкая, 6; тел. 928-3567)

“МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ”
(ул. Новый Арбат, 8; тел. 290-4507)

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН “МОСКВА”
(ул. Тверская, 8; тел. 229-6483)

почтовая рассылка по России и странам СНГ:

ОТДЕЛ “КНИГА ПОЧТОЙ”

“САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДОМ КНИГИ”

191186, г. Санкт-Петербург, Невский пр., д. 28.

тел./факс (812) 318-6301

E-mail: lebedeva@hbook.spb.ru

Хорхе Луис

Борхес

Адольфо

Биой Касарес

Образцовое убийство

Я не собирался сочинять вместе с Биоем, это казалось мне делом невозможным, но однажды он предложил попробовать. Я пошел к нему позавтракать, у нас было два свободных часа и уже имелся сюжет. Мы начали писать, и спустя некоторое время, тем же утром, произошло чудо. Мы стали писать так, как не писали ни Биой, ни Борхес. Между нами двумя как бы возник третий автор, Бустос Домек... и его произведения не походили ни на то, что создавал сам Биой, ни на то, что сочинял я. Этот автор каким-то образом существует. Но существует он только тогда, когда мы общаемся друг с другом.

Х. Л. Борхес


SYMPOSIUM

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ISBN 5-89091-139-2



9 785890 911391